

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Электронный сборник материалов
XXI Республиканской научно-практической конференции
студентов, магистрантов и аспирантов

Брест, 3 июня 2020 года

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2020

ISBN 978-985-22-0155-1

Об издании – 1, 2

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2020

1 – сведения об издании

УДК 314.114:346.544.4
ББК 67:65.011

Редакционная коллегия:

Т. А. Горупа, Н. Н. Маслакова, Т. И. Чугунова, Л. О. Шерайзина

Рецензенты:

заведующий кафедрой теории и истории государства и права
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
кандидат юридических наук, доцент **Д. С. Береговцова**

начальник юридического отдела филиала Госэнергогазнадзора
по Брестской области, кандидат юридических наук **О. В. Гурина**

Актуальные проблемы права [Электронный ресурс] : электрон.
сб. материалов XXI Респ. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов
и аспирантов, Брест, 3 июня 2020 г. / Брест. гос. ун-т им.
А. С. Пушкина ; редкол.: Т. А. Горупа [и др.]. – Брест : БрГУ, 2020. –
351 с. – Режим доступа: <http://rep.brsu.by/handle/123456789/6493>.
ISBN 978-985-22-0155-1.

Материалы сборника посвящены актуальным проблемам правового
регулирования общественных отношений в Республике Беларусь.

Издание адресуется магистрантам, аспирантам, научно-педагогическим
работникам, а также практикующим юристам.

Разработано в PDF-формате.

УДК 314.114:346.544.4
ББК 67:65.011

Текстовое научное электронное издание

Системные требования:

тип браузера и версия любые; скорость подключения
к информационно-телекоммуникационным сетям любая;
дополнительные надстройки к браузеру не требуются.

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2020

2 – производственно-технические сведения

- Использованное ПО: Windows 10 Pro, Microsoft Office 2010;
- ответственный за выпуск Ж. М. Селюжицкая, технический редактор А. В. Мужейко, компьютерный набор и верстка А. В. Мужейко;
- дата размещения на сайте: 31.12.2020;
- объем издания: 871 Кб;
- производитель: учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 224016, г. Брест, ул. Мицкевича, 28. Тел.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.brest.by.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Антоненко С. Б. Пацифизм как основополагающий принцип Конституции Японии 1947 г.....	11
Горошко М. В. Защита гражданского населения в период вооруженных конфликтов.....	14
Домась Е. А. Правовые аспекты легализации заемного труда в Республике Беларусь в контексте основных конституционных прав и свобод граждан.....	18
Игнатенко А. С. Международные договоры в системе источников регулирования военного сотрудничества Республики Беларусь.....	23
Котлобай Е. М. Основные этапы развития государственной службы Беларуси.....	26
Котлобай Е. М. Дисциплинарная ответственность государственных служащих.....	29
Котович А. О. Историко-правовые аспекты становления и развития форм недобросовестной конкуренции в Республике Беларусь.....	33
Махлянкова М. В. Отличие представительства и постоянного представительства иностранной организации на территории Республики Беларусь.....	36
Мачульская А. А., Крупская Я. А. Проблемы и перспективы развития малого предпринимательства в Республике Беларусь.....	40
Мелех М. Н. Перспективы развития и повышения эффективности местного управления и самоуправления.....	42
Молчанович А. Н. Привлечение инвестиций в регионы: правовые и организационные проблемы.....	44
Пошвенчук П. В. К пониманию дефиниции «мультимедийный продукт как объект права интеллектуальной собственности».....	47
Сандригайло Ю. П. Краткий обзор содержания деклараций международной организации труда.....	50
Швед В. А. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса.....	54
Швед В. А. Некоторые вопросы заключения, изменения и расторжения договора суррогатного материнства.....	57
Филипенко К. Д. Запрещенные средства ведения военных действий.....	60

СЕКЦИЯ 2
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ

Воробей Е. П. О допустимых ограничениях права на жизнь.....	64
Гуринович А. В. Гражданско-правовой статус несовершеннолетних.....	67
Густыр Е. Н. К вопросу о праве сезонных работников на трудоустройстве.....	70
Денисенко Н. В. Женское обрезание как соматическое право человека.....	72
Дорофеева М. С. Проблемы защиты права на жизнь новорожденных детей в законодательстве США	75
Камыш А. А. Обеспечение конституционного права белорусских граждан на получение медицинской помощи: на примере трансплантации органов и тканей человека	78
Куличик А. К. Видовая классификация международных соглашений в сфере адвокатской деятельности	81
Маркин С. Ю. Актуальные вопросы законодательства о прохождении альтернативной службы	84
Маркин С. Ю. Международно-правовое регулирование альтернативной службы	87
Маслакова Н. Н. К вопросу о правовой связи трудового и учебно-трудоустройственных правоотношений.....	91
Махлянская М. В. Вопросы реализации принципа запрета принудительного труда в Республике Беларусь	96
Рамазанова Н. О. О понятии миграции с позиций юриспруденции.....	99
Савченко Д. Г. Проблемы реализации и защиты конституционных прав	103
Сенько А. В. Налоговое планирование в Республике Беларусь в контексте права на свободное распоряжение имуществом	105
Супрунюк М. Р. Международно-правовое регулирование труда женщин.....	108
Хадаковская Е. В., Козловская В. А. О некоторых вопросах электронного голосования в Республике Беларусь	111
Ходько Е. А. Международно-правовые гарантии права на труд	114

СЕКЦИЯ 3
ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА
В КОНТЕКСТЕ ПРИОРИТЕТОВ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Адамчук В. А. Теоретические подходы к определению правовой природы инвестиционного договора.....	118
Ананьев С. С. К вопросу внедрения искусственного интеллекта в деятельность субъектов малого и среднего бизнеса	121
Андрикевич Е. Г. Мировое соглашение по делам публично-правового характера	124
Быско Е. В. Особенности трудового договора с участием индивидуального предпринимателя	126
Волк Е. А. Понятие, признаки и теории юридического лица как субъекта гражданского оборота	129
Григонис О. А. Проблемы таможенного декларирования отдельных групп товаров в ЕАЭС	133
Гришкевич В. А. Проблемы выделения признаков недвижимых вещей в гражданском обороте Республики Беларусь	135
Дайнеко Д. М., Мантаржева Н. Н. О юридическом понятии недр и классификации их ресурсов	138
Дайнеко Д. М. Доверенность как основание представительства в гражданском обороте: отдельные проблемы действия и передоверия.....	141
Демидова Т. С. О юридическом понятии «лес» по законодательству Республики Беларусь	143
Дорофеева М. С. Импортзамещение в Республике Беларусь и Российской Федерации: сущность и основные проблемы.....	146
Евтодьева А. О. Теоретико-прикладные проблемы взыскания неустойки в гражданском обороте Республики Беларусь	149
Красуцкий Г. В. К вопросу об определении порядка пользования земельными участками, находящимися на общем праве	153
Литвинчук С. В. Цифровые права как новый объект гражданского оборота	156
Майсак В. А. Особенности вещных прав на земельные участки иностранных граждан	158
Махлянкова М. В. Особенности представительства иностранной организации на территории Республики Беларусь	160
Михальчук А. С. Участие несовершеннолетних в процессе семейной медиации	163
Михно А. Е., Нестерук П. В. Гаагская система международной регистрации промышленных образцов	167

Муха А. А. Нормативно-правовое обеспечение развития электронного правительства в Республике Беларусь.....	170
Морозов Г. А., Рак В. В. Правовой статус акционерных обществ в Германии.....	174
Попова Я. Р. Перспективы развития и гармонизации национального законодательства Республики Беларусь в сфере инноваций.....	178
Пронько А. В. Особенности регистрации товарных знаков по Мадридской и Европейской системе.....	181
Процьк В. Н. Особенности порядка представления земельного участка для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства.....	184
Процьк В. Н. Сравнительный анализ правового статуса крестьянского (фермерского) хозяйства в Республике Беларусь и в зарубежных странах.....	188
Романюк К. С. Особенности брачного договора в системе гражданско-правовых соглашений.....	191
Савченко А. А. К вопросу о форме завещания.....	194
Сасова А. А. Сравнительно-правовой анализ свободных экономических зон: Республика Беларусь и Литовская Республика.....	198
Сацура В. О. Сравнительный анализ договора подряда и трудового договора.....	201
Середа В. В. Защита персональных данных юридических лиц: перспективы для Республики Беларусь.....	204
Сивко Е. С. Проблемы определения хозяйственной деятельности в законодательстве Республики Беларусь.....	207
Сивко Е. С. Принцип рационального использования земель сельскохозяйственного назначения и необходимость его законодательного закрепления.....	209
Скаскевич Е. Ч. Животные как источник повышенной опасности.....	212
Ходоковская А. Е. Исковая давность в англосаксонской и романо-германской (континентальной) правовых системах: общее и особенное.....	216
Чорна Н. М. До питання про визначення обов'язкової частки у спадщині.....	219
Шахалевич К. В. К вопросу о несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства.....	222
Шаш В. И. Теоретические подходы к формированию правового института прекращения деятельности субъектов хозяйствования.....	224
Швед В. А. Проблемы и перспективы инкорпорации институтов зарубежного права в национальную правовую систему.....	227

СЕКЦИЯ 4
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
И ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

Астрейко А. А. Психическое насилие как уголовно-правовая категория	230
Баранов Д. А. Основные направления совершенствования института административной ответственности за коррупционные правонарушения	233
Богаревич Е. И. Проблема регламентации деяний, связанных с суицидом.....	236
Волкова Т. И. Проблема понятийного аппарата при исследовании института расследования преступлений против информационной безопасности	240
Галенда И. А. Правовое регулирование сотрудничества Республики Беларусь с иностранными государствами и международными организациями в сфере борьбы с коррупцией	243
Дорофеева М. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации	246
Ерицян Д. К. Понятие «наемник» в международном и белорусском уголовном законодательстве: сравнительно-правовой аспект	250
Зиновик С. В. Использование Интернета в террористических целях: проблемы и методы решения	253
Климашевская В. О. О факультативных признаках субъективной стороны хулиганства	256
Климашевская В. О. Соотношение хулиганского мотива и хулиганского побуждения.....	260
Кулькина Н. И. Объективные признаки преступлений, совершаемых медицинскими работниками.....	263
Лаворенко С. Ю. Современные пути повышения эффективности применения технико-криминалистических средств в ходе обыска.....	266
Мазурцова Д. О. Модельное законодательство СНГ в области борьбы с киберпреступностью и обеспечения информационной безопасности	269
Плоскунов Д. В. Основания принесения прокурором протеста в административном процессе	272
Рольянов Г. Э. Теоретические подходы к проблеме корпоративной уголовной ответственности в Республике Беларусь	276
Слесарева П. А. Криминалистические особенности работы со статическими следами обутых ног человека.....	279

Ткачева Д. В. К вопросу административной ответственности и уголовной ответственности за незаконное пересечение Государственной границы.....	283
Цуприк А. Н. Состав экономического (делового) риска	286
Шерайзина Л. О. Критерии наказуемости за разглашение тайны усыновления (удочерения) В Республике Беларусь	290

СЕКЦИЯ 5 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Борисевич К. Е. К вопросу о судебной медиации в Республике Беларусь и зарубежных странах	292
Иванова Л. В. Проблемы хозяйственного законодательства Республики Беларусь	295
Иванова Л. В. Возможность применения клинического образования как одной из дисциплин изучения права в Республике Беларусь.....	297
Коледич О. А. Способы выявления фиктивных браков, заключенных иностранцами с гражданами Республики Беларусь	299
Кучинская А. Г. Признание и приведение в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений на территории Республики Беларусь.....	302
Литвинчук С. В. Международные стандарты в области оплаты труда.....	305
Лоско Е. П. Претензионный порядок урегулирования споров о защите прав потребителей.....	308
Нестерова Е. М. Проблемные вопросы ложной экономической несостоятельности (банкротства) в Республике Беларусь.....	311
Пасунько Е. С. Совершенствование института экономической несостоятельности (банкротства) в Республике Беларусь.....	313
Ровинский Р. В., Романюк В. А. Патентование полезных моделей в Республике Беларусь и Российской Федерации: сравнительный анализ	315
Серета В. В. основополагающие принципы в сфере труда, сформулированные Международной организацией труда	317
Серета В. В., Литвинчук С. В. общепризнанные принципы международного права как источники экологического права Республики Беларусь	319
Супрунюк М. Р. Способы безвозмездного принудительного изъятия имущества у собственника: проблемы теории и практики.....	321
Чикатовский Д. И. Предпосылки и принципы формирования административной юстиции в Республике Беларусь: теория и практика.....	325

Чугунова Т. И. Взыскание заработной платы в порядке приказного производства.....	329
---	-----

СЕКЦИЯ 6

КУЛЬТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Дорошенко И. А. Ответственность адвоката за нарушение требований профессиональной этики	333
Сац У. Д. Требования к деонтологической компетентности адвоката	337
Тельпук В. И. Требования к психологической и нравственной культуре следователя при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий.....	341
Теодорович Н. Л. Нормы морали и этики в профессиональной деятельности нотариуса.....	345
Шклёда Н. Ю. Логика и риторика судебной речи.....	348

СЕКЦИЯ 1
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

С. Б. АНТОНЕНКО

Минск, Белорусский государственный университет
Научный руководитель – А. Я. Лясков, кандидат юридических наук,
доцент

ПАЦИФИЗМ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП
КОНСТИТУЦИИ ЯПОНИИ 1947 Г.

Принципу отказа от войны посвящена 9 статья Конституции Японии, которая выделена во вторую главу Конституции. В ней всего два абзаца. В первом говорится, что «японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения военной силы как средства разрешения международных споров». Во втором абзаце уточняется, что для этого «никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается». Конституция Японии провозглашает отказ от войны «как суверенное право нации» [4].

Однако данное «суверенное право» было практически сразу нарушено. По специальной директиве Штаба оккупационных войск сразу после начала войны в Корею в августе 1950 г. был создан Полицейский корпус Японии. США планировали на его основе создать Вооруженные силы Японии. Эти планы весьма открыто изложил госсекретарь США Дж. Ф. Даллес на переговорах в январе 1951 г. в Токио с премьер-министром Японии С. Ёсида о подписании мирного договора. Дж. Ф. Даллес потребовал «обеспечить формирование Японией вооруженных сил численностью 350 тысяч человек». В ответ С. Ёсида заявил: «Для выполнения требований США нам необходимо пересмотреть Конституцию. Однако мы не можем рассчитывать на благоприятный исход народного референдума по этому поводу» [2, с. 135].

Мирный договор с Японией был подписан 8 сентября 1951 г. Одновременно с ним был подписан и Японо-американский договор о гарантии безопасности 1951 г. По нему США получили право на создание своих военных баз на территории Японии и размещение на них неограниченного количества вооруженных сил как «для обеспечения безопасности Японии от вооруженного нападения извне», так и «для подавления крупных внутренних бунтов и беспорядков» по просьбе

японского правительства. Оба договора вступили в силу 28 апреля 1952 г. Кроме того, 28 февраля 1952 г. было подписано так называемое административное соглашение, в котором определен статус американских баз на территории Японии, в том числе и их экстерриториальность [6, с.79].

С окончанием оккупационного режима формирование Вооруженных сил Японии на деле продолжалось. Полицейский корпус Японии в октябре 1952 г. был переименован в Корпус национальной безопасности. Но когда 1 июля 1954 г. был принят Закон о Силах самообороны, оппозиционные партии, профсоюзные организации усмотрели в этом нарушение Конституции и обратились с иском в Верховный суд Японии. Суд признал Силы самообороны конституционными при условии, что они «действуют только на территории страны и не участвуют в коллективной обороне». В решении отражена принципиальная разница между вооруженными силами и Силами самообороны, прежде всего в возможностях их использования [5, с. 107–109]. Поэтому в официальных японских доктринальных документах используется термин «Силы самообороны».

Данная позиция в дальнейшем прослеживалась в таких документах, как «Основной курс обороны 1957 г.», «Основные направления национальной обороны 1976, 1996 и 2011 гг.». На базе данных документов регулярно на каждые пять лет составляются Программы развития Сил самообороны, первая такая была на 1958–1961 гг. [3, с.1145]. При этом оппозиционные партии и общественные организации тщательно следили за тем, чтобы поступающие в Силы самообороны новые виды вооружения и боевой техники соответствовали вердикту Верховного суда.

На протяжении всего времени существования сил самообороны велась дискуссия о противоречии Конституции. В июле 2004 г. выдающимися деятелями японской культуры было сформировано объединение «Статья 9», выступающее за недопущение пересмотра девятой статьи и возвращения к милитаризму довоенной Японии. Однако в мае 2007 г. верхняя палата парламента Японии утвердила подготовленный правительством законопроект о референдуме, который открывает путь к пересмотру конституции и отмене пацифистских положений.

В январе 2014 г. правительство Японии объявило о намерении создать подразделение морской пехоты, первоначальная численность подразделения была определена в 3 тыс. военнослужащих [5, с. 112]. 1 июля 2014 г. премьер-министр С. Абэ принял резолюцию, дающую новое толкование статье 9 Конституции Японии. В частности, согласно этой резолюции, Япония имеет право на так называемую «коллективную самооборону» и может использовать Силы самообороны не только в случае вооруженного нападения на Японию, но также в случае нападения

на страны, с которыми Япония поддерживает тесные связи, и в случае серьезной угрозы такого нападения [3, с. 148].

19 сентября 2015 г. парламент Японии разрешил использовать Силы самообороны для участия в военных конфликтах за рубежом. Прежде всего это было связано с обострением отношения между КНДР и Республикой Корея. Однако и до 2015 г. Силы самообороны Японии активно использовали свои вооруженные силы за пределами своей страны. Еще в 1992 г. Япония начала участвовать в миротворческих операциях ООН. С 1992 г. японские военные участвовали в военных действиях в Камбодже, Мозамбике, Заире, Танзании, Восточном Тиморе, Южном Судане. С 1992 по 2020 г. в миротворческих миссиях ООН участвовало 12 тыс. военнослужащих Сил самообороны, 6 из которых погибли [5, с. 106].

В мае 2017 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ в поддержку решения, принятого Парламентом в 2007 г., установил предельный срок для пересмотра статьи 9 Конституции до 2020 г., которая узаконивала бы Силы самообороны Японии.

Сегодня японская военная политика основана на следующих принципах: ненападение, неиспользование ядерного оружия, общественный контроль за деятельностью вооруженных сил, сотрудничество с США [1, с. 29].

До настоящего времени не ясно, что будет с референдумом о пересмотре статьи 9 Конституции. Однако согласно результатам опроса, который провела в апреле 2016 г. общественная вещательная корпорация NHK, доля тех, кто «считает, что изменять Девятую статью нет необходимости», составила 39,2 %, что намного больше, чем тех, кто выступает за изменение данной статьи (22,1 %) [7]. Однако за четыре года общественное мнение могло измениться.

Пересмотр статьи 9, с одной стороны, нарушил основной принцип Конституции Японии, лишил бы ее уникальности, а с другой – такому государству, с учетом небезопасного соседства с самым милитаризованным государством в мире – КНДР, армия просто необходима.

Список использованной литературы

1. Вязников, С. Е. Система связи Вооруженных сил Японии / С. Е. Вязников // Зарубеж. воен. обозрение. – 2017. – № 2. – С. 28–32.
2. Горячева, Е. А. О пересмотре Конституции Японии / Е. А. Горячева // Россия и АТР. – 2018. – № 5. – С. 133–148.
3. Карпов, Е. В. Особенности системы безопасности Японии после окончания Второй мировой войны / Е. В. Карпов // Вестн. Башкир. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 1144–1148.

4. Конституция Японии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.krugosvet.ru/enc/gosudarstvo-i-politika/yaponiya-konstitutsiya>. – Дата доступа: 22.05.2020.

5. Нелидов, В. В. Прошлое и настоящее Сил самообороны Японии: роль в государстве, обществе и на международной арене / В. В. Нелидов // Ежегодник Япония. – 2018. – № 3. – С. 105–131.

6. Панов, А. Н. Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в северо-восточной Азии / А. Н. Панов // Япон. исслед. – 2018. – № 4. – С. 78–91.

7. 9-я статья Конституции Японии [Электронный ресурс] / ТАСС. – М, 2016. – Режим доступа: <https://www.nippon.com/ru/features/h00146/>. – Дата доступа: 23.05.2020.

М. В. ГОРОШКО

Могилев, Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

Научный руководитель – С. Н. Ховратова, старший преподаватель

ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Существование человечества невозможно представить без войн. По некоторым подсчетам, время без военных конфликтов составляет 268 лет. И очень часто жертвами войны выступают не только непосредственные ее участники, но и ни к чему не причастное гражданское население. А в некоторых случаях оно страдает больше всего. Именно поэтому было необходимо осуществление международно-правового регулирования защиты гражданского населения.

В настоящее время примерами международных актов, регулирующих защиту гражданского населения, являются следующие: Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. (далее – Гаагская конвенция), Женевская конвенция 1949 г. «О защите гражданского населения во время войны» (далее – Женевская конвенция), Дополнительные протоколы I и II 1977 г., Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия 1980 г. (далее – Конвенция 1980 г.) и некоторые другие.

Достаточно длительное время Гаагская конвенция была единственным договорным источником международного гуманитарного права (далее – МГП). В ней содержались правила разграничения комбатантов и гражданского населения.

Следует отметить, что во время Второй мировой войны положения конвенции неоднократно и грубо нарушались, в результате чего стало необходимо принятие более новых и усовершенствованных правовых актов. В итоге была принята Женевская конвенция 1949 г., которая непосредственно регулировала защиту гражданского населения во время войны, а также дополнила положения Гаагской конвенции. Фактически ее действие распространялось на тех гражданских лиц, которые каким-либо образом во время вооруженного конфликта оказались во власти вражеского государства.

И все же создание Женевской конвенции не стало надежным гарантом защиты гражданского населения. Пробелы в ее положениях выявились в ходе военных действий в Корее и Вьетнаме, что послужило принятием Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1949 г.

Именно в 48 статье Дополнительного протокола I был отражен один из основных принципов МГП: «Для обеспечения уважения и защиты гражданского населения и гражданских объектов стороны, находящиеся в конфликте, должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также между гражданскими объектами и военными объектами и соответственно направлять свои действия только против военных объектов».

Гражданское население в МГП получает определение от противного, как включающее всех лиц, которые не являются лицами из состава вооруженных сил стороны в конфликте или участниками спонтанного массового выступления [2, с. 103]. Однако, если возникает сомнение относительно того, является ли лицо гражданским лицом, оно должно считаться гражданским.

По нормам МГП гражданскому населению предоставляется как общая, так и специальная защита. Основное отличие заключается в том, что общая защита предоставляется всему гражданскому населению и некоторым гражданским лицам независимо от их возраста, пола, национальности и расовой принадлежности, в то время как предоставление специальной защиты, как писал В. В. Фуркало, «связано либо с повышенной уязвимостью» определенных категорий лиц (женщины, дети и т. д.), «либо объясняется их особой ролью в оказании помощи гражданскому населению и обеспечении его выживания в ходе боевых действий (например, медицинский персонал)» [3, с. 76].

Так, примером применения положений общей защиты может служить Конвенция 1980 г., в соответствии с которой запрещается использование против гражданского населения различного рода мин (мин-ловушек), зажигательного оружия (например, мушкетов, РПГ). Также

запрещается использование видов оружия, наносящего урон осколками, которые нельзя обнаружить рентгеновскими лучами.

Примером специальной защиты может служить положение 77 статьи Дополнительного протокола I, согласно которому устанавливается специальный режим защиты детей. Они должны пользоваться особым уважением, и им должна быть обеспечена защита от любого рода непристойных посягательств. Также следует принимать все возможные меры для того, чтобы дети, которые не достигли 15 лет, не принимали прямого участия в военных действиях. Однако в случае того, если было совершено правонарушение детьми в возрасте до 18 лет, к ним не должен быть применен смертный приговор. Непосредственно воюющая сторона не должна проводить эвакуацию детей, которые не относятся к числу их собственных граждан, однако возможна временная эвакуация, необходимая по состоянию здоровья людей.

Согласно международным актам по защите гражданского населения к нему не должны применяться никакие меры физического или морального воздействия, целью которых является получение каких-либо важных сведений о противоборствующей стороне. По отношению к гражданам запрещается причинение физических страданий, а также принятие мер, ведущих к непосредственной гибели населения. В их число входят убийства, пытки, научные опыты против воли граждан и различные виды насилия со стороны лиц военного состава.

Также, исходя из положений Женевской конвенции, запрещается проведение следующих действий в отношении гражданского населения: коллективные наказания, террор, ограбление, репрессалии, взятие заложников.

Следует отметить, что по отношению к гражданскому населению запрещено использовать любые акты насилия, а также угрозы насилием, так как главной целью данных действий является террор. Помимо этого, запрещаются любые нападения неизбирательного характера. В их число входят следующие: нападения, целью которых не является нападение на конкретные военные объекты; также к ним можно добавить нападения с помощью запрещенных средств и методов ведения военных действий, в результате которых уничтожаются гражданские объекты и погибает гражданское население.

Согласно 51 статье Дополнительного протокола I гражданское население не должно быть использовано в качестве прикрытия определенных пунктов, военных объектов или районных военных действий от нападения.

В Дополнительном протоколе II содержатся нормы, согласно которым защите подлежат:

- объекты, необходимые для выживания гражданского населения;

- установки и сооружения, содержащие опасные силы (например, АЭС);

- культурные ценности и места отправления культа [1, с. 205].

Немаловажным является факт взаимодействия норм МГП и прав человека в аспекте защиты прав человека. Примером может служить Пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Так, согласно ч. 1 ст. 4 пакта, «во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется, участвующие в настоящем Пакте Государства могут принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящему Пакту только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения».

Как видим из примера, некоторые нормы прав человека накладываются на нормы МГП, что подкрепляет его существование.

Таким образом, принятие международных норм в сфере защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов способствует гуманизации ведения непосредственно самой войны, а также регулирует поведение участников военных действий. Несомненно, пока существует человечество, существуют и войны между людьми, однако, какими бы способами ни велась война, будут приниматься ответные меры защиты гражданского населения.

Список использованной литературы

1. Калугин, В. Ю. Курс международного гуманитарного права / В. Ю. Калугин. – Минск : Тесей, 2006. – 496 с.
2. Мельцер, Н. Международное гуманитарное право: Общий курс / Н. Мельцер. – М. : МККК, 2017. – 474 с.
3. Фуркало, В. В. Международно-правовая защита гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. В. Фуркало. – Киев : Наук. думка, 1986. – 159 л.

Е. А. ДОМАСЬ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. М. Барановская, кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЗАЕМНОГО ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

Основные права, свободы и обязанности граждан Республики Беларусь закреплены в Конституции, а обеспечение прав и свобод граждан является высшей целью государства. Данные права и свободы носят основополагающий характер и составляют основы правового статуса личности, поэтому институт прав и свобод является центральным в конституционном праве. Конституционные права и свободы граждан Республики Беларусь подразделяются на три группы. Наиболее важной из этих групп, на наш взгляд, является группа экономических, социальных и культурных прав и свобод граждан, т. к. все более важными в современном обществе становятся стабильность, уверенность личности в охране и защите своих прав и законных интересов государством. Поскольку данная категория прав и свобод относится к позитивным правам, то и их реализация возможна только с помощью государства. Это еще раз подчеркивает актуальность и необходимость ведения четкой и стабильной правовой позиции в данной сфере. Данная группа прав и свобод, помимо прочего, объединяет конституционные гарантии граждан на труд. А Конституция Республики Беларусь гласит, что право на труд является наиболее достойным способом самоутверждения человека, включает в себя право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда; право на справедливую долю вознаграждения в экономических результатах труда в соответствии с его количеством, качеством, общественным значением, но не ниже уровня, обеспечивающего гражданам и их семьям свободное и достойное существование; право трудящихся на отдых.

В начале 1990-х гг. ввиду модификации экономики и социальных стандартов, внедрения новых технологических процессов широкое распространение на территории стран СНГ получил заемный труд как новая форма трудовых отношений. В Республике Беларусь эта форма трудовых отношений является относительно новой и недостаточно изученной, хотя данный вид связей между работниками и нанимателями

уже давно широко используется в европейских странах и показал себя как эффективный, социально и экономически выгодный вид найма сотрудников.

В белорусском законодательстве не дается определение заемного труда, т. к. данная форма трудовых отношений является сравнительно новой и требует углубленного изучения и внесения соответствующих изменений в трудовое законодательство.

Ученые-юристы, изучающие данную тенденцию развития рынка труда, определяют заемный труд следующим образом.

По мнению И. Н. Кривоноса, заемный труд – это труд работников, состоящих в трудовых правоотношениях с агентством занятости, которые периодически направляются для выполнения временной работы в организации-пользователи под руководством и с подчинением внутреннему трудовому распорядку последней [1].

С. В. Фадеев определяет заемный труд как такую трудовую деятельность работника, при которой он выполняет свои трудовые функции в интересах юридического лица (фактического работодателя), состоя при этом в трудовых отношениях не с ним, а с другим юридическим лицом (нанимателем) [4].

Трудовой кодекс Российской Федерации дает следующее определение заемного труда: труд, осуществляемый работником по распоряжению работодателя в интересах, под управлением и контролем физического лица или юридического лица, не являющихся работодателем данного работника.

В. В. Подгруша в своей публикации, посвященной проблемам применения заемного труда, указывает, что под заемным трудом понимают обычно лизинг персонала (leasing), выведение за штат (outstaffing). Нередко этим понятием охватывают и привлечение работников сторонних организаций для выполнения определенных видов непрофильных работ (outsourcing) [2].

Однако следует еще раз подчеркнуть, что законодательство Республики Беларусь не дает официального определения такому понятию, как заемный труд. Из этого можно сделать вывод о недостаточной легитимности данного вида трудовых отношений и недостатке нормативной правовой базы, регламентирующей данную сферу труда.

Из вышеперечисленных определений следует, что сущность данной формы трудовых отношений сводится к следующему: кадровое агентство заключает трудовые договоры с гражданами (работниками) и в дальнейшем предоставляет персонал на возмездной основе компаниям (заказчикам) по договору. Данная схема трудовых отношений получила широкое распространение среди компаний-нанимателей, т. к. позволяет

минимизировать экономические затраты на содержание штата постоянных работников, дает возможность отказаться от предоставления персоналу каких-либо социальных и трудовых льгот и гарантий, сократить издержки на поиск и подбор необходимых сотрудников. В свою очередь всеми этими вопросами должно заниматься кадровое агентство – своеобразный поставщик кадров и нетипичный наниматель.

Заемный труд является, по мнению многих ученых, наиболее сложной в применении формой занятости работников в Республике Беларусь, т. к. особенностью заемного труда является то, что помимо двух сторон трудовых отношений – самого работника и организации, использующей труд работника, – есть еще и третья сторона, еще один субъект отношений – организация, предоставляющая в найм работника (агентство заемного труда). Вследствие этого модель заемного труда, предполагает наличие трех субъектов трудовых отношений: работника; агентства – организации, нанимающей работника на работу; организации, временно использующей труд работника на условиях его аренды у агентства [4]. В связи с этим главной особенностью применения заемного труда выделяется трехсторонний характер трудовых отношений, который и включает в себе сущность данной нетипичной формы труда.

Сегодня в Республике Беларусь широко используются следующие виды заемного труда: аутсорсинг (outsourcing); аутстаффинг (outstaffing); лизинг персонала, или стафф-лизинг (staffleasing); краткосрочное предоставление отдельных работников во временное пользование; предоставление услуг временного и сезонного персонала.

Отношения аутсорсинга, аутстаффинга и лизинга в качестве трудовых отношений законодательством Республики Беларусь не урегулированы. Также следует отметить и то, что Республика Беларусь не ратифицировала Конвенцию МОТ № 181 «О частных агентствах занятости». В большинстве случаев такой вид отношений квалифицируется как гражданско-правовой договор возмездного оказания услуг. При этом нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь также не содержат определения данных видов договоров.

Трудовой кодекс Республики Беларусь сегодня исключает трехсторонние трудовые отношения, т. к. сторонами трудового договора как основанием возникновения трудовых отношений являются наниматель и работник. В связи с этим можно сделать вывод, что отношения, закрепленные на основании договоров аутсорсинга и аутстаффинга, сегодня не могут считаться трудовыми, а заемные работники лишены возможности защиты их нормами законодательства о труде. Определенные варианты использования заемного труда все же используются в трудовых

отношениях. Одним из них является поручение работы у другого нанимателя.

В соответствии со статьей 30 Трудового кодекса Республики Беларусь поручение работнику работы по другой профессиональной специальности, квалификации (за исключением изменения в соответствии с законодательством наименования профессии, должности) по сравнению с обусловленными в трудовом договоре, а также поручение работы у другого нанимателя либо в другой местности (за исключением служебной командировки) признается переводом. При этом если перевод носит временный характер и его срок не превышает одного месяца или обусловлен производственной необходимостью, то такое поручение работы у другого нанимателя не влечет за собой прекращения трудового договора или контракта с работником, однако должно быть оформлено соответствующим приказом [3, с. 31].

Другим вариантом использования заемного труда в рамках трудового кодекса является направление работника в служебную командировку с производственным служебным заданием.

Таким образом, перечисленные модели использования заемного труда показывают, что оформление отношений работника и нанимателя может происходить и регулироваться как гражданским законодательством, так и в рамках трудового законодательства. Отличие состоит лишь в правовых гарантиях, которые получает работник, заключив гражданско-правовой договор либо трудовой договор с нанимателем. По нашему мнению, поскольку в положении гражданина, выполняющего трудовую функцию, больше признаков трудовых отношений (конкретная трудовая функция, требования о соответствии профессиональному стандарту, подчинение внутреннему трудовому распорядку и др.), то следует такие отношения квалифицировать как нетипичные трудовые, а заключаемый договор – нетипичный трудовой договор.

Однако сегодня не имеется достаточной правовой базы регулирования данного вида трудовых отношений, а распространение IT-компаний, прибегающих к использованию заемного труда, говорит о необходимости детального законодательного регулирования заемного труда путем внесения конкретных изменений и дополнений в Трудовой кодекс Республики Беларусь, необходимых для реализации конституционного права граждан на труд.

Считаем, что легализация в Республике Беларусь заемного труда возможна путем внесения дополнений в законодательство о занятости населения в части, касающейся определения статуса фирм-посредников (агентств) в трудоустройстве на работу. В частности, введение понятия «Частное агентство содействия занятости» в статью 1 Закона Республики

Беларусь от 15 июня 2006 г. «О занятости населения Республики Беларусь»: «Агентство, осуществляющее содействие занятости населения, – зарегистрированная в установленном порядке организация, предоставляющая услуги гражданам, индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам в подборе работников для выполнения работ, оказания услуг». Также дополнить Закон Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. «О занятости населения Республики Беларусь» главой, регулирующей деятельность агентств частных форм собственности, осуществляющих содействие занятости населения, тем самым легализовав их деятельность в Республике Беларусь в соответствии с Конвенцией Международной организации труда № 181 от 19 июня 1997 г. В этой главе обязательно закрепить право частных агентств, осуществляющих содействие занятости населения, заключать трудовые договоры с работниками и предоставлять их труд организациям – заказчикам работ.

Список использованной литературы

1. Кривонос, И. Н. К вопросу о легализации заемного труда в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / И. Н. Кривонос. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/34401/1/Кривонос.pdf>. – Дата доступа: 18.05.2020.
2. Подгруша, В. В. Заемный труд: актуальные проблемы теории и практики [Электронный ресурс] / В. В. Подгруша. – Режим доступа: https://otdelkadrov.by/number/2008/1/outer_workers/. – Дата доступа: 10.05.2020.
3. Тарасевич, Н. И. Трудовое право : учеб. пособие / Н. И. Тарасевич. – Минск : Выш. шк., 2014. – 382 с.
4. Фадеев, С. В. Заемный труд. Некоторые аспекты практической реализации [Электронный ресурс] / С. В. Фадеев. – Режим доступа: <http://www.rka.by/blogs/zaemnyy-trud-nekotorye-aspekty-prakticheskoy/>. – Дата доступа: 18.05.2020.

А. С. ИГНАТЕНКО

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. И. Забейворота, доктор юридических наук, профессор

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ В СИСТЕМЕ
ИСТОЧНИКОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЕННОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Конституция Республики Беларусь возлагает на граждан обязанность и долг по защите Отечества. Институт защиты Отечества реализуется различными правовыми средствами, в том числе национальными и международно-правовыми нормами. Проблема взаимодействия государства и граждан по вопросам исполнения воинской службы требует неотложного решения и приобретает особый характер в связи с последними военными событиями в мире, обострением международных отношений. Международные договоры Республики Беларусь являются одним из регуляторов отношений, связанных с воинской службой, наряду с национальными нормативными правовыми актами.

Научными исследованиями в области воинской службы, созданием и развитием современных военно-правовых взглядов в контексте как национального, так и международно-правового регулирования занимались такие известные правоведы и военные специалисты, как А. М. Абрамович, Г. А. Василевич, И. А. Горнак, Ю. В. Жадобин, А. Н. Крамник, Л. С. Мальцев, И. И. Мах, М. В. Мясникович, П. Г. Никитенко, В. В. Пузилов, В. А. Шаршун, другие ученые и практики.

Международные договоры от имени Беларуси, как гласит закон, заключаются на различных уровнях. В зависимости от представителей сторон, заключающих международный договор, выделяют виды актов:

– межгосударственный акт. Это международный договор, заключенный от имени Республики Беларусь с иностранным государством (иностранными государствами) и (или) с международной организацией (международными организациями), что предусмотрено абз. 8 ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О международных договорах». Примером такого вида международного договора в сфере военного сотрудничества является Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о совместной охране внешней границы Союзного государства в воздушном пространстве и создании Единой региональной системы противовоздушной обороны Российской Федерации и Республики Беларусь (от 3 февраля 2009 г.) [1];

– межправительственный акт. Это международный договор, заключенный Правительством Республики Беларусь с правительством иностранного государства (правительствами иностранных государств) и (или) с международной организацией (международными организациями), за исключением международных договоров, заключенных Правительством Республики Беларусь от имени Республики Беларусь (абз. 11 ч. 1 ст. 1 Закона «О международных договорах»). К данной группе международных соглашений следует отнести следующие: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке завершения строительства, использования и содержания Узла Барановичи системы предупреждения о ракетном нападении, расположенного на территории Республики Беларусь от 6 января 1995 г.; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке использования и содержания радиостанции Вилейка, расположенной на территории Республики Беларусь (от 6 января 1995 г.); Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о дополнительных мерах доверия и безопасности от 16.10.2001 г.; мн. др. [1];

– международный договор межведомственного характера. Это международный договор, заключенный государственным органом (государственными органами) Республики Беларусь, департаментом государственного органа по вопросам, входящим в его (их) компетенцию, с соответствующим государственным органом (государственными органами) иностранного государства (иностранных государств) и (или) с международной организацией (международными организациями) (абз. 10 ч. 1 ст. 1 Закона «О международных договорах»). Примером правового акта межведомственного характера может послужить Соглашение между Министерством обороны Республики Беларусь и Министерством национальной обороны Вьетнама о сотрудничестве в области военной науки от 15.11.2018 г. [1].

Классифицировать международные договоры о воинской службе можно также в соответствии с регламентом вступления их в юридическую силу. Общеизвестно, что международные соглашения вступают в силу после их: 1) ратификации, 2) утверждения, 3) присоединения, 4) обмена нотами или письмами, 5) в порядке правопреемства или 6) после подписания (ч. 1 ст. 17 Закона «О международных договорах»).

Законом Республики Беларусь «О международных договорах» четко установлены виды международных договоров, подлежащих ратификации. Ратификация международных договоров, осуществляется Национальным собранием Республики Беларусь в форме закона (ст. 20 Закона «О международных договорах»). Основные международные договоры в сфере

регулирования воинской службы, ратифицированные Республикой Беларусь, следующие: Договор о создании Союзного государства между Республикой Беларусь и Российской Федерацией от 08.12.1999 г.; Договор о коллективной безопасности от 15.05.1992 г.; Венское соглашение «О мерах укрепления доверия и безопасности» от 30.11.2011 г.; др. Однако существуют и нератифицированные Республикой Беларусь международные договоры, которые разрабатывались совместно с другими государствами: Военная доктрина Союзного государства (последняя редакция от 19.12.2020 г.); Договор об обычных вооруженных силах в Европе от 19.11.1990 г. [1].

Вместе с тем, наряду с изложенной ранее классификацией, выделим такие виды международных актов, классификация которых зависит от количества сторон, заключивших соглашение и принявших на себя обязательства по его исполнению. Одним из наиболее ярких примеров двухсторонних международных договоров является, как ранее уже упоминалось, Договор о создании Союзного государства [1]. Само содержание предложенного документа, носящего международный характер, констатирует факт того, что стороны данного договора представлены в количестве двух сторон, а правового механизма присоединения третьей и последующей стороны, согласно правовому акту, не предусмотрено. Многофакторным и многосторонним является договор о коллективной безопасности. Если в первом случае нормами международного договора императивно закреплено количество участников, сторон, то в случае с последним такого ограничения нет. Однако нельзя не обратить внимания, что, хоть и количество участников международного договора не ограничено, есть так называемые страны-участницы, которые непосредственно разрабатывали и подписывали международный договор, а другие, в свою очередь, лишь присоединились к нему. Косвенной отсылкой к ранее изложенному материалу является такой международный правовой акт, как Протокол об условиях, механизме и процедуре присоединения к ДКБ государств, не подписавших этот Договор [1].

Нами проведена видовая классификация по некоторым основаниям международных актов в сфере военного сотрудничества, ратифицированных Республикой Беларусь и включенных в систему национального права. Очевидно, что международный договор наделен другой правовой природой по сравнению с военно-правовыми актами национального законодательства. В соответствии со статьей 27 Венской конвенции о праве международных договоров государств (1969) нельзя ссылаться на внутреннее право в качестве оправдания невыполнения международного договора. Конституция Республики не указывает прямо и однозначно на место международных договоров в иерархии нормативных актов нашей

страны. Классификация позволяет увидеть связь между международными актами и национальным законодательством, определить значение и место в национальной правовой системе в качестве источников регулирования военного сотрудничества, а также позволит определить иерархическое соотношение между этими нормативными актами, так как они классифицированы по определенному однородному основанию.

Список использованной литературы

1. Основы военной политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/. – Дата доступа: 25.05.2020.

Е. М. КОТЛОБАЙ

Гомель, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
Научный руководитель – А. П. Грахоцкий, кандидат юридических наук, доцент

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ БЕЛАРУСИ

История государственной службы Беларуси неразрывно связана с историей белорусской государственности, на многовековых традициях которой базируются тенденции становления государственной службы в Беларуси. Проанализировав основные этапы развития белорусской государственности, мы можем выделить следующие основные этапы развития государственной службы.

Первые известия о существовании государственности на территории Беларуси содержатся в летописях, которые содержат, помимо описаний исторических событий и фактов, также представления о формировании предпосылок для зарождения института государственной службы на белорусских землях [1, с. 14]. На протяжении XIII–XIV вв. на территории белорусских земель происходил процесс слияния отдельных княжеств и земель, который завершился созданием Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). В период XV–XVI вв. формируется общегосударственное законодательство ВКЛ. В XVI в. была осуществлена общая кодификация накопленных законодательных актов и приняты обширные систематизированные своды законов ВКЛ – Статуты 1529, 1566 и 1588 гг. [1, с. 16]. В наибольшей степени государственная служба была урегулирована Статутом 1588 г., вобравшим в себя идеи и положения предыдущих Статутов 1529 и 1566 гг., в которых устанавливались основные правила

ведения государственных дел должностными лицами [2, с. 253]. В последующем положения Статута ВКЛ 1588 г. продолжили свое развитие в законах Речи Посполитой. Огромное значение для государственной службы в период нахождения белорусских земель в составе нового государственного образования стало принятие 3 мая 1791 г. Конституции Речи Посполитой. В положениях Конституции говорилось, что государственная власть должна состоять из законодательной, исполнительной и судебной, тем самым провозглашался принцип разделения властей, а также закреплялся принцип равного получения государственных должностей [2, с. 254].

Дальнейшее становление института государственной службы Беларуси непосредственно связано с нахождением белорусских земель в составе Российской империи, на которые распространило свое действие российское законодательство. В целом можно сказать, что законодательство рассматриваемого периода имело достаточно развитую систему государственной службы. Свод основных законов определял государственную службу как деятельность в делах подчиненного управления на основе вверенной Императорской власти местам и лицам, действующим именем и по повелению Императора. Тем самым государственная служба определялась как институт публичного представительства верховной государственной власти [2, с. 254–255]. Уставом о службе по определению от Правительства устанавливался порядок принятия, прохождения и прекращения государственной службы, порядок производства в чины, регламентировался статус государственного служащего. Однако революция 1917 г. коренным образом повлияла на изменение государственного строя, кардинальным образом перестроив государственный аппарат. Декретом от 25 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» система должностей и чинов, существовавшая в Российской империи, была ликвидирована [3, с. 7]. После революции 1917 г. начался советский период, который оказал существенное влияние на правовое регулирование государственной службы. В советское время реализовывался принцип равенства всех работников (трудящихся), провозглашался конституционный принцип равного доступа ко всем государственным должностям. Вместе с тем замещение должностей, особенно руководящих, осуществлялось с учетом существования партийной номенклатуры [2, с. 256]. Приоритетным являлся не профессионализм государственного служащего, а его партийная принадлежность. Следует отметить, что в СССР так и не было принято специального закона о государственной службе [3, с. 8].

После провозглашения независимости Республики Беларусь 23 июля 1993 г. был принят Закон «Об основах службы в государственном

аппарате». Закон Республики Беларусь «Об основах службы в государственном аппарате» содержал основные понятия, принципы этой службы, права, обязанности и ограничения служащих, порядок поступления и прохождения службы, ее прекращения. Тем не менее дальнейшее применение Закона «Об основах службы в государственном аппарате» и принятых в его развитие актов законодательства выявило целый ряд пробелов и противоречий в правовом регулировании, что привело к необходимости принятия нового Закона о государственной службе. В итоге 14 июня 2003 г. был принят Закон «О государственной службе в Республике Беларусь», который явился основным, но не единственным источником законодательства о государственной службе в Республике Беларусь [2, с. 257]. Данный закон систематизировал и обобщил прежние нормативные акты, регулирующие государственную службу, а также учел изменения, произошедшие в сфере государственного управления за последние годы [4, с. 32]. Появляется относительно новое явление: это уже не служба в аппарате, а прежде всего служба от имени и в интересах государства. В настоящее время государственная служба регламентируется многими нормативными правовыми актами различного уровня, которых насчитывается более 200, исключая ведомственные нормативные правовые акты по конкретным вопросам ее осуществления [5, с. 154].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно условно выделить следующие важнейшие этапы развития государственной службы Беларуси: 1) формирование предпосылок для зарождения института государственной службы на белорусских землях в летописях; 2) государственная служба в период ВКЛ, в котором государственная служба регулировалась Статутами 1529, 1566 и 1588 гг.; 3) государственная служба в период Речи Посполитой. Значительным событием этого периода стало принятие 3 мая 1791 г. Конституции Речи Посполитой, которая закрепила принцип разделения властей, равное получение государственных должностей и др.; 4) государственная служба в период нахождения белорусских земель в составе Российской империи, где на законодательном уровне были довольно подробно регламентированы вопросы государственной службы, однако в ходе исторических событий произошли кардинальные изменения государственного строя; 5) государственная служба в советский период, в котором реализовывался принцип равенства всех работников, равного доступа ко всем государственным должностям. Партийная принадлежность играла решающую роль при назначении на государственную должность; 6) современный период. На данном этапе принят Закон «О государственной службе в Республике

Беларусь», являющийся основным, но не единственным источником законодательства Республики Беларусь о государственной службе.

Список использованной литературы

1. Довнар, Т. И. Особенности исторической эволюции белорусской государственности / Т. И. Довнар // Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь : сб. ст. / Белорус. гос. ун-т. – Минск : Право и экономика, 2011. – С. 14–37.

2. Чуприс, О. И. Эволюция правового регулирования государственной службы на территории Беларуси (от Великого княжества Литовского до наших дней) / О. И. Чуприс // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнееўрапейскім цывілізацыйным кантэксце : зб. навук. пр., прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння І. А. Юхо. / рэдкал.: С. А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бизнесофсет, 2012. – С. 253–260.

3. Службное право : учеб. пособие / Д. А. Абезин [и др.] ; Волгогр. ин-т упр. – Волгоград : Изд-во Волгогр. ин-та упр. – фил. РАНХиГС, 2016. – 131 с.

4. Лугвин, С. Б. Становление новой модели госуправления и госслужбы в Республике Беларусь / С. Б. Лугвин // Власть. – 2007. – № 8. – С. 31–35.

5. Чуприс, О. И. Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь / О. И. Чуприс ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. – Минск : Право и экономика, 2009. – 310 с.

Е. М. КОТЛОБАЙ

Гомель, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
Научный руководитель – А. П. Грахоцкий, кандидат юридических наук, доцент

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Одним из принципов государственной службы Беларуси является принцип подконтрольности и подотчетности государственных служащих, персональной ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение государственными служащими своих служебных обязанностей [1]. Принцип ответственности призван стимулировать добросовестное и правильное выполнение государственными служащими своих служебных обязанностей, невыполнение или ненадлежащее выполнение которых влечет ухудшение функционирования государственной службы, а также

подрыв ее авторитета в глазах населения страны. Применение мер дисциплинарной ответственности способствует формированию правомерного поведения среди государственных служащих, восстановлению справедливости, предотвращению совершения возможных проступков. Поскольку государственные служащие являются представителями государства и наделены для выполнения своих функций государственно-властными полномочиями, совершение ими проступков, в том числе дисциплинарных, является недопустимым.

В Законе Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» указаны в общем основания для всех видов ответственности: дисциплинарной, административной, уголовной и иной в соответствии с законодательством (статья 56) – и перечислены меры дисциплинарных взысканий (статья 57) [2].

Стоит обратить внимание на то, что Законом Республики Беларусь от 18 июля 2019 года № 219–З «Об изменении законов» в пункт 1 статьи 57 Закона «О государственной службе Республики Беларусь» были внесены следующие изменения: в старой редакции указывалось, что «за неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей к государственным служащим могут применяться следующие меры дисциплинарного взыскания», теперь же пункт 1 данной статьи гласит: «за неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей к государственным служащим могут применяться следующие меры дисциплинарного взыскания». Получается, законодатель заменил «служебные» обязанности «трудовыми». Этим же Законом перечень дисциплинарных взысканий, предусмотренный статьей 57 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь», пополнился еще одним основанием, а именно «лишение полностью или частично стимулирующих выплат на срок до двенадцати месяцев». Тем самым нормы статьи 57 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» приведены в соответствие с подпунктом 3.3 пункта 3 Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций».

На отношения, связанные с государственной службой, не урегулированные Законом «О государственной службе в Республике Беларусь» и иными актами законодательства, распространяется действие норм трудового, пенсионного и иного законодательства (часть вторая статьи 1 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь») [1]. В свою очередь Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК Республики Беларусь) применяется к трудовым и связанным с ними отношениям отдельных категорий работников в случаях и пределах, предусмотренных специальными законодательными актами, определяющими их правовой

статус (ст. 5 ТК Республики Беларусь) [3]. Поэтому на государственных служащих распространяется общий порядок наложения, снятия и обжалования дисциплинарных взысканий, установленный трудовым законодательством [4].

Вместе с тем в отдельных отраслях и сферах государственной деятельности действуют уставы и положения о дисциплине отдельных категорий государственных служащих. Поскольку основания и меры дисциплинарной ответственности государственных служащих закреплены в достаточно большом количестве правовых актов в зависимости от вида государственной службы, это в некоторой степени может затруднять применение дисциплинарных взысканий или даже привести к неправильному их применению.

Следует отметить, что в дисциплинарном производстве (в отличие от других видов юридической ответственности) отсутствует перечень нарушений, за которые применяются меры дисциплинарной ответственности. Это объясняется многообразием совершения проступков и условий их совершения.

Наиболее строгой мерой дисциплинарного взыскания, предусмотренного законодательством о государственной службе, является увольнение с занимаемой должности в соответствии с Законом «О государственной службе в Республике Беларусь», законодательством о труде и иными законодательными актами (подпункт 1.6 пункта 1 статьи 57 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь»). Однако Закон «О государственной службе в Республике Беларусь» не уточняет, в каких случаях прекращения государственной службы применяется данная мера дисциплинарного взыскания. В связи с этим могут возникнуть затруднения в правильности применения данной нормы. По мнению К. И. Кеник, данная норма сформулирована не совсем корректно, поскольку непонятно, за какие же из перечисленных в Законе «О государственной службе в Республике Беларусь» оснований прекращения государственной службы применяются дисциплинарные взыскания. Более того, если основание для увольнения за виновное поведение государственного служащего (например, подпункт 1.9 пункта 1 статьи 40 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь») не указано как дисциплинарное взыскание, то возникает вопрос, следует ли соблюдать порядок и сроки его применения как дисциплинарного взыскания [2]. Поэтому имеется необходимость в конкретизации подпункта 1.6 пункта 1 статьи 57 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» путем указания в нем оснований прекращения государственной службы, за которые применяется

данный вид дисциплинарного взыскания, со ссылкой на статью 40 вышеназванного Закона.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что сегодня механизм дисциплинарной ответственности на государственной службе характеризуется многообразием правовых актов в зависимости от видов государственной службы. Наиболее тесная связь правового регулирования дисциплинарной ответственности государственных служащих прослеживается с трудовым законодательством. Закрепление дисциплинарной ответственности в достаточно большом количестве нормативных правовых актов затрудняет применение дисциплинарных санкций, а порой приводит к неправильному их применению. Наиболее строгой мерой дисциплинарных взысканий, предусмотренных законодательством о государственной службе, является увольнение. Тем не менее данный вид дисциплинарного взыскания нуждается в доработке, так как Законом «О государственной службе в Республике Беларусь» не уточняется, в каких случаях прекращения государственной службы увольнение применяется как дисциплинарное взыскание.

Список использованной литературы

1. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – 2020.

2. Кеник, К. И. Применение в отношении государственных служащих законодательства о дисциплинарной ответственности [Электронный ресурс] / К. И. Кеник // Бизнес-инфо. – Минск, 2020.

3. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 18 июля 2019 г., № 219-3 // КонсультантПлюс. Беларусь // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – 2020.

4. Кеник, К. И. Особенности регулирования труда государственных служащих [Электронный ресурс] / К. И. Кеник // Бизнес-инфо. – Минск, 2020.

А. О. КОТОВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. З. Шалаева, кандидат юридических наук,
доцент

**ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ ФОРМ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ
КОНКУРЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Центральным нормативным правовым актом в целях развития конкуренции и защиты ее от посягательств является Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции». Следует отметить, хоть и данный акт не менял своего наименования уже практически 30 лет, однако внутренняя составляющая его существенно была изменена.

За время существования Республики Беларусь были приняты два закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции»: 10 декабря 1992 № 2034–XII (далее – Закон № 2034–XII) и 12 декабря 2013 № 94-3 (далее – Закон № 94-3). Каждый из этих актов имел/имеет несколько редакций, которые вносили изменения в регулирование отношений по защите и развитию конкуренции.

Для сравнения и анализа института недобросовестной конкуренции мы выделили два элемента: понятие «недобросовестная конкуренция» и формы недобросовестной конкуренции. По нашему мнению, исследование этих элементов отражает состояние института недобросовестной конкуренции в тот или иной период времени в Беларуси.

В редакции Закона № 2034–XII от 10 декабря 1992 г., а также в редакции Закона № 2034–XII от 10.01.2000 № 364-3 не было дано понятие «недобросовестная конкуренция», а также не были определены формы недобросовестной конкуренции.

Впервые формы недобросовестной конкуренции были определены в Гражданском кодексе Республики Беларусь в редакции от 07.12.1998 № 218-3, которые сохранились в акте и до настоящего времени без изменений.

Определение форм недобросовестных действий и наложение запрета на их совершение говорят о том, что в Республике начали развиваться рыночные отношения, и перед законодателем стала необходимость урегулирования их.

В редакции Закона № 2034–XII от 02.12.2002 № 154-3 впервые в ст. 1 было дано определение понятию «недобросовестная конкуренция». Под ней понимались любые направленные на приобретение преимуществ

в предпринимательской деятельности действия хозяйствующих субъектов, которые противоречат настоящему Закону, требованиям добросовестности и разумности и могут причинить или причинили убытки другим хозяйствующим субъектам-конкурентам – либо нанести ущерб их деловой репутации.

Впервые были выделены формы недобросовестной конкуренции:

1) действия, способные вызвать смешение в отношении хозяйствующих субъектов, товаров или предпринимательской деятельности конкурентов;

2) действия, способные дискредитировать хозяйствующий субъект, товары или предпринимательскую деятельность конкурента;

3) указания или утверждения при осуществлении предпринимательской деятельности, которые могут ввести в заблуждение относительно характера, свойств, способа и места изготовления, пригодности к применению или количества товаров конкурента;

4) призывы, обращения к другим хозяйствующим субъектам, иные действия или угроза действием со стороны хозяйствующего субъекта непосредственно или через других лиц в целях бойкотирования или препятствования предпринимательской деятельности конкурента, действующего на данном рынке или стремящегося в него вступить;

5) распространение хозяйствующим субъектом в любой форме и любыми способами ложных заявлений и сведений о собственном товаре в целях сокрытия несоответствия его своему назначению или предъявляемым к нему требованиям в отношении качества, потребительских и иных свойств;

б) действия хозяйствующего субъекта непосредственно или через других лиц, направленные на препятствование формированию деловых связей конкурента, на их нарушение или расторжение;

7) действия хозяйствующего субъекта непосредственно или через других лиц, направленные на внутреннюю дезорганизацию предпринимательской деятельности конкурента и (или) его делового партнера.

В следующих редакциях Закона № 2034-ХІІ от 05.01.2008 № 317-З, от 04.01.2010 № 109-З, от 22.12.2011 № 328-З не вносились изменения в сфере недобросовестной конкуренции.

В первой редакции Закона № 94-З от 12 декабря 2013 г. было несущественно изменено понятие «недобросовестная конкуренция»:

1) конкретизирован количественный состав субъектов, «хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов»;

2) теперь недобросовестной конкуренцией признается нарушение не только Закона № 94-З, но и иных актов, которые «противоречат настоящему Закону, иным актам антимонопольного законодательства».

Также были дополнены формы недобросовестной конкуренции. Теперь являются недобросовестной конкуренцией:

1) действия хозяйствующего субъекта, направленные на создание на товарном рынке ситуации, в которой предпринимательская деятельность конкурента, действующего на данном рынке или стремящегося в него вступить, станет убыточной либо будет осуществляться на крайне невыгодных для него условиях;

2) конкуренция, связанная с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров.

В действующей редакции Закона № 94-З от 08.01.2018 г. более конкретизировано понятие «недобросовестная конкуренция»:

1) отныне это действия, которые направлены на приобретение как преимуществ в предпринимательской деятельности, так и выгод;

2) недобросовестными признаются действия, которые противоречат не только Закону № 94-З, иным актам антимонопольного законодательства или требованиям добросовестности и разумности, но и иным законодательным актам;

3) теперь признаются недобросовестной конкуренцией действия, которые нанесли вред деловой репутации конкурентов.

Существенному формальному и юридическому изменению подверглись формы недобросовестной конкуренции. На данный момент они содержатся в главе 4 Закона, а не, как ранее, в ст. 16 Закона.

В новой редакции не являются недобросовестной конкуренцией:

1) действия хозяйствующего субъекта непосредственно или через других лиц, направленные на препятствование формированию деловых связей конкурента, на их нарушение или расторжение;

2) действия хозяйствующего субъекта непосредственно или через других лиц, направленные на внутреннюю дезорганизацию предпринимательской деятельности конкурента;

3) действия хозяйствующего субъекта, направленные на создание на товарном рынке ситуации, в которой предпринимательская деятельность конкурента, действующего на данном рынке или стремящегося в него вступить, станет убыточной либо будет осуществляться на крайне невыгодных для него условиях.

Теперь является недобросовестной конкуренцией незаконное получение, использование, разглашение информации, составляющей коммерческую, служебную, иную охраняемую законом тайну.

Также были уточнены перечни действий, которые рассматриваются в качестве дискредитации, некорректного сравнения, создания смешения,

введения в заблуждение, недобросовестной конкуренции, связанной с приобретением и использованием объектов интеллектуальной собственности.

В редакции Закона № 94-З от 18.12.2019 № 275-З, которая еще не вступила в законную силу, изменения института недобросовестной конкуренции не будет.

Детальное исследование понятия «недобросовестная конкуренция», а также форм ее выражения позволяет не только обобщить юридический опыт, но и сформировать правильное понимание смысла нормативно закреплённого понятия, определить тенденции его развития, пути совершенствования.

В настоящее время защита рынка Евразийского экономического союза от недобросовестной конкуренции является одним из важнейших приоритетов интеграционного сотрудничества государств-членов, в число которых входит и Республика Беларусь. Следовательно, можно предположить, что дальнейшее антимонопольное законодательство в сфере недобросовестной конкуренции будет направлено на гармонизацию с остальными государствами-членами.

М. В. МАХЛЯНКОВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. И. Панин, старший преподаватель

ОТЛИЧИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ПОСТОЯННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНОСТРАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В современных условиях зарубежные субъекты экономической деятельности не только расширяют деятельность за пределами границ своего государства, но и разрабатывают глобальную стратегию своего развития. Эффективное использование представительства как формы коммерческого присутствия иностранных субъектов хозяйствования в Республике Беларусь может быть обеспечено только в случае глубокого понимания правовой природы возникающих в связи с этим отношений, комплексного анализа и последовательного соблюдения требований законодательства Республики Беларусь и международных соглашений об избежании двойного налогообложения, подписанных государствами [1].

В данной работе мы рассмотрим различия между понятиями «представительство» и «постоянное представительство» иностранной организации в Республике Беларусь, но сначала обратимся к определению иностранного представительства в Республике Беларусь.

В соответствии с ч. 1 п. 1 ст. 51-1 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) представительством иностранной организации является ее обособленное подразделение, расположенное на территории Республики Беларусь, осуществляющее защиту и представительство интересов иностранной организации и иные не противоречащие законодательству функции.

Налоговое законодательство Республики Беларусь выделяет два понятия иностранного представительства: «представительство» и «постоянное представительство». Главное отличие заключается в характере деятельности организации на территории Республики Беларусь.

При этом понятие «постоянное представительство» применяется только в налоговых целях – для исчисления и уплаты налогов, включая налог на прибыль в бюджет Республики Беларусь иностранной организацией по ее деятельности на территории Республики Беларусь.

В соответствии с подп. 1.1 п. 1 ст. 180 Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК) постоянным представительством иностранной организации, расположенным на территории Республики Беларусь, признается постоянное место деятельности, через которое иностранная организация полностью или частично осуществляет предпринимательскую и иную деятельность на территории Республики Беларусь. Данная деятельность может быть связана с выполнением предусмотренных договором (договорами) работ и (или) оказанием услуг по строительству, а также по установке, монтажу, сборке, наладке, обслуживанию и эксплуатации оборудования (иного имущества), компьютерных программ, осуществлением иной не запрещенной законодательством деятельности, за исключением предусмотренной абзацами 2–5 части первой п. 5 ст. 180 НК [2].

Иностранная организация не является постоянным представительством на территории Республики Беларусь в случае, если она реализует следующие цели: хранение, демонстрация или поставка товаров, закупка товаров (работ, услуг), осуществление иных видов деятельности, если при этом деятельность в целом носит подготовительный или вспомогательный характер.

Иностранная организация не рассматривается как имеющая постоянное представительство, если при организации и осуществлении деятельности от имени иностранной организации и (или) в ее интересах организация действует в рамках своей обычной деятельности. В соответствии с ч. 3 подп. 1.2 п. 1 ст. 180 НК под обычной деятельностью понимается деятельность, которая осуществляется самостоятельно и не подвергается указаниям или контролю со стороны иностранной организации и при осуществлении которой предпринимательский риск за

ее результаты лежит на организации или физическом лице, а не на иностранной организации, которую они представляют.

При осуществлении деятельности иностранного представительства высока роль международных соглашений об избежании двойного налогообложения (далее – налоговые соглашения). В каждом налоговом соглашении перечислены налоги, в отношении которых оно действует. Данные соглашения помогают устранить двойное налогообложение в отношении доходов и капитала, разрешить конфликт налоговых резидентств, применить освобождения и пониженные ставки налога у источника.

Стоит отметить, что в соответствии со ст. 5 НК Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им налогового законодательства. Если нормами международных договоров Республики Беларусь установлены иные нормы, чем те, которые предусмотрены НК и иными законодательными актами Республики Беларусь, то применяются нормы международного договора, если иное не определено нормами международного права. Налоговые соглашения устанавливают совокупность признаков постоянного представительства, а именно: наличие постоянного места деятельности, ведение предпринимательской деятельности и регулярный характер такой деятельности.

Главное, что необходимо учесть предпринимателям: представительство не может осуществлять предпринимательскую деятельность. В случае если иностранная организация будет осуществлять на территории Республики Беларусь регулярно предпринимательскую деятельность при наличии постоянного места деятельности через представительство, с уголовно-правовой точки зрения данные действия будут квалифицированы как уклонение от уплаты налогов, что повлечет уголовную ответственность.

Давайте обратимся к практике по вопросу определения вида иностранного представительства на территории Республики Беларусь.

Белорусская организация (заказчик) заключает с китайской организацией (исполнитель) контракт на выполнение строительных работ в Беларуси. Срок контракта – 30 месяцев. Строительные работы будут продолжаться 18 месяцев, а гарантийные обязательства – еще 12 месяцев после ввода объекта в эксплуатацию. Какой вид представительства должна открыть китайская компания?

Учитывая норму п. 4 ст. 180 НК, строительная площадка с начала ее существования признается постоянным представительством иностранной организации, если такая площадка существует на территории Республики Беларусь в течение периода, превышающего сто восемьдесят дней. Также в п. 3 ст. 5 Налогового соглашения между Правительством Республики

Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики от 17.01.1995 г. установлено, что термин «постоянное представительство» включает строительную площадку, строительный объект или связанную с ним надзорную деятельность, если она продолжается в течение периода, превышающего 18 месяцев. В п. 1 ст. 35 Закона Республики Беларусь «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» от 5 июля 2004 г. № 300-З (в ред. от 4 мая 2019 г.) определено, что надзор в области строительной деятельности осуществляется при подготовке к строительству, приемке объекта в эксплуатацию, а также в процессе его эксплуатации в период гарантийного срока [3].

На основании изложенных выше положений у китайской организации в Республике Беларусь возникает обязанность регистрации постоянного представительства. Постоянное представительство должно быть в обязательном порядке зарегистрировано в Республике Беларусь на весь период контракта.

Таким образом, иностранная организация может иметь в Республике Беларусь как представительство, так и постоянное представительство. Статус выбирается в зависимости от целей деятельности организации на территории Республики Беларусь. И на основании этого, соответственно, устанавливается уплата налогов в бюджет Республики Беларусь от такой деятельности или осуществляется выполнение представительских функций, не имеющих цели получения дохода в Республике Беларусь.

Список использованной литературы

1. Анищенко, А. И. Промышленно-торговое право: Представительство как форма коммерческого присутствия на зарубежных рынках / А. И. Анищенко // Электрон. б-ка БГУ. – 2010. – № 5. – С 18–23.
2. Майсеня, Л. Э. Представительство или юридическое лицо: что выбрать компании-нерезиденту / Л. Э. Майсеня // ЮРИСТ. – 2019. – № 1.
3. Филатова Т. Н. Постоянное представительство иностранной компании в Беларуси: Основные критерии для возникновения постоянного представительства: практические ситуации [Электронный ресурс] / Т. Н. Филатова. – Режим доступа: <http://bii.by/tx.dll?d=306668&a=1>. – Дата доступа: 12.04.2020.

А. А. МАЧУЛЬСКАЯ, Я. А. КРУПСКАЯ

Минск, Белорусский государственный экономический университет
Научный руководитель – А. Ю. Ломако, кандидат юридических наук,
доцент

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

По данным Министерства по налогам и сборам, на 1 января 2020 г. в Республике Беларусь осуществляли деятельность 363,7 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства: почти 93 тыс. микроорганизаций, более 11 тыс. малых и более 2 тыс. средних организаций, а также 257 тыс. ИП [1].

В связи с недостаточно развитым законодательством в области регулирования предпринимательской деятельности начинающие субъекты малого предпринимательства могут столкнуться с такими проблемами, как:

- трудности при оформлении, регистрации и открытии счета в банке;
- нехватка квалифицированных работников и производственных баз;
- низкая правовая защищенность;
- сложности с налаживанием связей с поставщиками;
- недостаточность кредитов;
- несовершенство нормативно-правовой базы;
- неразвитость инфраструктуры господдержки малого бизнеса;
- недостаток экономически обоснованных программных документов;
- дефицит финансовых ресурсов и инвестиционной составляющей;
- низкий уровень активности фирм в участии в реализации программ;
- в настоящем периоде времени малое предпринимательство в Республике Беларусь находится на весьма низком уровне по причинам обременительной налоговой политики государства и мирового экономического кризиса;
- проблемой правового регулирования малого предпринимательства в современный период является «контролирование» путей развития малого предпринимательства путем наделения льготами и субсидиями отдельных отраслей малого предпринимательства.

Отсутствуют логические и прозрачные правила для взаимодействия предпринимателя и государства. Угнетающе действует на развитие малого предпринимательства постоянное реформирование порой противоречивой системы налогообложения. Необходимы долгосрочная концепция развития малого сектора экономики, глубокий анализ существующих мер по поддержке малого предпринимательства, создание гарантийных фондов

в целях поддержки субъектов малого бизнеса, центров финансового лизинга, разработка мер по совершенствованию налогооблагаемой базы.

Для решения данных проблем нужна более активная работа по формированию инфраструктуры малого предпринимательства, развитию банковской системы, разнообразных фондов по содействию малого предпринимательства. Малые предприятия должны иметь возможность получить консультацию и бесплатную помощь, связанную с вопросами по открытию и функционированию, защите своих интересов.

Для стабильной работы малых и средних предприятий нужно обеспечивать условия для создания оперативно действующей справочно-информационной системы о положении дел в Республике Беларусь. Необходимо создать надежную систему правового и информационного обеспечения деятельности малого предпринимательства, также упростить процедуру регистрации [2].

Начинающие предприниматели часто сталкиваются с такой проблемой, как налогообложение, для их поддержки нужно слегка уменьшить налоговую нагрузку, особенно в строительной и медицинской сферах.

Немаловажно создать общественные объединения по необходимым направлениям с привлечением СМИ. Благодаря этому общество будет более информированным о проблемах малого предпринимательства, тем самым все больше людей будут вступать в общественные объединения или организации, деятельность которых направлена на содействие и поддержку малого предпринимательства в Республике Беларусь.

Исходя из вышеуказанного можно сделать вывод о том, что экономическая ситуация в Республике Беларусь имеет ряд проблем, требующих решения. Рост цен, высокие ставки налогов, дефицит финансовых ресурсов и др. ставят малое предпринимательство под угрозу банкротства.

Список использованной литературы

1. Малое и среднее предпринимательство [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.nalog.gov.by/ru/svedeniypredprinimatelstvo>. – Дата доступа: 10.04.2020.

2. Скорбеж, А. Н. Основные направления государственной поддержки малого предпринимательства / А. Н. Скорбеж // Консультант предпринимателя. – 2015. – № 3. – 14 с.

М. Н. МЕЛЕХ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. И. Забейворота, доктор юридических наук, профессор

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ

Местное самоуправление является важнейшим элементом существования и развития государства, в котором обеспечивается настоящая демократия. Развитие местного управления и самоуправления способствует решению социальных, экономических, политических и культурных проблем местного значения с учетом интересов населения этой административно-территориальной единицы.

Повышение эффективности местного самоуправления представляет собой серьезную задачу. Об эффективной деятельности государства можно судить по уровню соответствия государственной политики потребностям и интересам общества в долгосрочном периоде. Исходя из такой позиции, самыми общими показателями эффективности местного самоуправления можно считать повышение уровня жизни населения и сохранение качества окружающей среды.

В настоящее время в Республике Беларусь создана эффективная система местного самоуправления, но с изменениями, происходящими в обществе и государстве, возникла необходимость провести постепенную реформу путем повышения эффективности существующей системы самоуправления. Таким образом, в настоящее время органы местного самоуправления не наделены достаточными полномочиями и не имеют соответствующей материальной базы.

Хотелось бы предложить следующие изменения в законодательстве, способствующие устранить недостатки в работе органов местного управления и самоуправления и которые, возможно, приживутся в нашем государстве.

1. Упорядочение административно-территориального деления Республики Беларусь, то есть осуществление мероприятий по приближению территориальных единиц к оптимальным размерам, в рамках которых местные органы будут максимально приближены к населению.

С этой целью возможен переход от существующей трехуровневой системы на двухуровневую систему. Это происходит за счет упразднения областной структуры представительных органов власти, сохранив в областях лишь областную администрацию, переподчинив ей соответствующие

аппараты облисполкомов, сократив их численность. При расширении самостоятельности непосредственно на местах произойдет значительное сужение сферы иерархического подчинения вышестоящим органам.

Мировой опыт говорит о целесообразности укрупнения административных единиц на уровне районов и формирования соответствующих им органов власти.

Укрупнение территорий должно сопровождаться совершенствованием системы управления, усилением материальной и финансовой базы.

Двухуровневая система предусматривает создание первого уровня в границах поселков, сельсоветов. Второй уровень – в границах районов и городов областного подчинения и города Минска. Большие города являются самоуправляющимися сообществами.

К реорганизации административно-территориального деления республики нужно подходить очень взвешенно. Процесс этот весьма болезненный и требует достижения определенного уровня экономической и социальной стабильности.

Одна из основных целей административной реформы – создание такого административного деления Беларуси, при котором переход к местному самоуправлению и другие реформы дадут наилучшие результаты.

2. В настоящее время местные бюджеты формируются сверху вниз. Это значительно влияет на эффективность деятельности местных органов власти. Отсутствуют механизмы, стимулирующие инициативу местных органов власти на изыскание дополнительных источников пополнения доходной части бюджета.

Чтобы изменить положение дел в вопросах бюджетного финансирования, следует создать законодательную базу для того, чтобы местные бюджеты формировались снизу вверх.

С целью совершенствования экономической базы местного уровня и ее расширения следует создать предпосылки для развития инвестиционной политики в регионах. Для этого каждый район и город областного подчинения представляют бизнес-план развития региона, определив в нем приоритетные направления экономической деятельности, заслуживающие общегосударственного внимания.

3. Для достаточно быстрого и эффективного решения социально-экономических проблем соответствующей территории предлагаем повысить эффективность работы территориального общественного самоуправления путем:

- организации обмена опытом работы;
- оказания методической помощи со стороны Советов депутатов;
- участия органов территориального общественного самоуправления в местном управлении и самоуправлении;

– разработки комплекса мер материального и другого стимулирования деятельности руководителей и актива коллегиальных органов территориального общественного самоуправления.

Полагаем целесообразным организовать системное обучение определенному минимуму знаний в области государственного устройства, права, управления, необходимых как депутатам местных Советов, так и старостам, председателям коллегиальных органов территориального общественного самоуправления. В свою очередь это решит вопрос кадрового обеспечения деятельности органов местного самоуправления.

4. Не обойтись без радикального изменения действующего законодательства, регулирующего данную сферу общественных отношений. Причем желательно начинать это с внесения соответствующих изменений в Конституцию Республики Беларусь. Местное самоуправление по этой концепции не является самостоятельным элементом функционирования гражданского общества, а включено в систему государственного управления.

В Конституции необходимо было бы предусмотреть положение о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти и не являются ее составной частью. Это повысило бы их самостоятельность в решении вопросов местного значения.

Для выбора эффективной модели местного самоуправления целесообразно проводить эксперименты в отдельных регионах республики, что даст накопление практического опыта в вопросах реформирования местных властей, а также улучшит работу органов местного управления и самоуправления.

А. Н. МОЛЧАНОВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, кандидат юридических наук,
доцент

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕГИОНЫ: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

На современном этапе развития экономических отношений в Республике Беларусь на государственном уровне ставится задача привлечения инвестиций для решения как общих стратегических, так и текущих задач, создания инфраструктурных объектов и их эффективного управления преимущественно за счет средств частных инвесторов.

На значимую роль инвестиций постоянно обращается внимание как внутри страны, так и на международной арене.

Анализ национального законодательства и практики его реализации позволяет нам выделить следующие наиболее чувствительные в инвестиционной сфере на местном уровне проблемные вопросы.

Во-первых, существующая чрезмерная проверочная нагрузка на бизнес, пристальное внимание сотрудников правоохранительных органов к представителям местной власти при работе с инвесторами ведет к снижению инициативы на местах. Так, например, в Брестской области для рассмотрения наиболее крупных инвестиционных предложений создан Совет (комиссия) содействия по привлечению инвестиций под руководством председателя облисполкома, в состав которого входят представители облисполкомов, силовых ведомств, налоговой инспекции, таможни.

Во-вторых, существуют сложности с определением направлений для привлечения инвесторов в регионы, где имеются свободные трудовые ресурсы.

Для решения этой проблемы предлагаем разработать Концепцию стратегии привлечения прямых иностранных инвестиций в Республику Беларусь, которая предусмотрела бы использование и трудовых ресурсов.

В-третьих, необходимо отметить отсутствие должного взаимодействия ГУ «Национального агентства инвестиций и приватизации» (далее – НАИП) на районном и областном уровнях.

В целях улучшения взаимодействия с НАИП, думается, необходимо внедрить в практику проведение ряда мероприятий, в том числе посещение руководством НАИП всех облисполкомов и отдельных районов, проведение республиканского семинара по повышению квалификации сотрудников местных исполнительных и распорядительных органов в сфере работы с инвесторами и сопровождения инвестиционных проектов, оказания содействия облисполномам в заключении нескольких инвестиционных договоров, в том числе на условиях государственно-частного партнерства.

Кроме того, хотелось бы, чтобы НАИП активно привлекался к проведению работы по обучению работе с инвесторами кадров районного уровня.

В-четвертых, приходится констатировать, что для развития бизнеса и инвестиционной сферы имеются излишние требования технических и иных норм, правил и обязательных для соблюдения требований.

Конечно же, требования безопасности и качества товаров (работ, услуг) для потребителей соблюдать необходимо. И все же целесообразным представляется провести пересмотр и упрощение норм в рамках пакета правовых актов.

На данном этапе развития инвестиционной сферы на местном уровне все же приходится признать имеющиеся проблемы в части наличия весьма продолжительных отдельных процедур, несоблюдение государственными органами сроков рассмотрения документации, в том числе проектно-сметной, затягивание принятия решения, длительные сроки выдачи технических условий на подключение к инженерным сетям эксплуатирующими организациями, что увеличивает длительность подготовительного этапа реализации инвестиционного проекта.

Для решения этой проблемы представляется необходимым выработать предложения по сокращению сроков рассмотрения документов и проведения экспертизы при реализации инвестиционных проектов.

Одной из выявленных нами проблем для привлечения инвестиций в регионе является проблема продажи незавершенных строительных объектов при расторжении с инвестором инвестиционного договора (объект не зарегистрирован), наличия ряда льгот, не предоставляющих реальных преимуществ при реализации инвестиционного договора в сравнении с обычным процессом инвестирования, отсутствия преференций по порядку и стоимости виз для иностранных граждан, принимающих участие в реализации инвестиционного проекта.

Мы считаем, что для совершенствования инвестиционного климата необходима корректировка законодательства в сфере инвестиции в Республике Беларусь.

В частности, необходимо привести в соответствие пункт 6 Указа Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков» и пункт 7 Декрета Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 № 10 «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь», конкретизировав и унифицировав правовые последствия нарушения инвесторами сроков строительства объектов.

В соответствии с п. 6 Указа Президента Республики Беларусь № 667 инвесторам и (или) организациям в установленном порядке, в Республике Беларусь этими инвесторами при заключении инвестиционных договоров земельные участки предоставляются без аукциона, без внесения платы за право заключения договоров аренды земельного участка, а в случае нарушения нормативных сроков строительства объектов, возводимых на предоставленных земельных участках, взимается плата за право заключения договора аренды за весь срок, на который предоставлен земельный участок.

В соответствии с п. 7 Декрета Президента Республики Беларусь № 10 в случае прекращения инвестиционного договора по основаниям иным, чем исполнение инвестором своих обязательств по инвестиционному договору, инвестор с учетом степени готовности объекта, предусмотр-

ренного инвестиционным договором, объема вложенных инвестиций и выполнения иных условий инвестиционного договора, могут быть полностью или частично освобождены от возмещения суммы льгот и (или) преференций по решению Совета Министров Республики Беларусь по согласованию с Президентом Республики Беларусь.

Таким образом, привлечению инвестиций в регионы препятствует ряд правовых и организационных проблем, рассмотренных выше и требующих устранения.

П. В. ПОШВЕНЧУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. З. Шалаева, кандидат юридических наук,
доцент

К ПОНИМАНИЮ ДЕФИНИЦИИ «МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ПРОДУКТ КАК ОБЪЕКТ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»

В связи с набирающим обороты развитием коммуникационных технологий, расширением цифровых сетей, а также научно-техническим прогрессом в мире возникают многообразные формы объектов интеллектуальной собственности. Одним из них является новый вид объектов авторского права – мультимедийные продукты. К ним относятся, к примеру, интернет-сайты, мультимедиа-рекламы, видеоигры и т. д. Эти продукты давно и надежно укоренились в жизни людей.

Мультимедийный продукт – это в первую очередь сложный объект, а значит, он включает в себя несколько объектов интеллектуальной собственности. По причине того, что определение «мультимедийный продукт» порождает много споров в науке, следует разобраться в том, что же он означает, поскольку термин «продукт» используется в отношении вещей, а «мультимедийный продукт» скорее означает некий результат интеллектуальной деятельности независимо от его материального носителя.

Профессор В. А. Дозорцев предложил использовать обобщающий термин «интеллектуальный продукт» с дифференциацией всех существующих результатов интеллектуальной деятельности на «художественный продукт», «интеллектуально-промышленный продукт», «авторский продукт» и др. [2, с. 55].

И. Стаматуди, в свою очередь, утверждает, что термин «продукт» по своей сути имеет экономическую нагрузку. Он выделяет значимость

процесса коммерциализации прав на результат интеллектуальной деятельности, рассматривает его серьезную роль в современной экономике. Таким образом, автор утверждает, что термин «мультимедийный продукт» является наиболее удачным для обозначения, исходя из его коммерческого характера [5, с. 6].

На данный момент дать определение мультимедийному объекту крайне сложно. Вероятно, именно поэтому некоторые авторы избегают определения данного результата интеллектуальной деятельности, как, например, И. Вернер, автор одной из первых монографий о мультимедиа, переведенной на русский язык в 1996 г. [1, с. 7].

Однако белорусский ученый Г. Н. Москалевич все же попытался дать определение данному объекту. По его мнению, мультимедийный продукт, рассматриваемый в правовом смысле, – объект интеллектуальной собственности, в котором содержатся несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, выраженных в электронном (цифровом) варианте и который функционирует при помощи компьютерных программ и устройств в процессе взаимодействия с пользователем [4, с. 507].

В законодательстве Республики Беларусь отсутствует определение мультимедийного объекта, и зачастую законодатель относит его к другим объектам интеллектуальной собственности, которые указаны в Законе Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г. № 262–З (это, к примеру, аудиовизуальные произведения или базы данных). При этом законодатель подразумевает под мультимедийным продуктом комплекс различного рода файлов, в том числе текстовых, графических, звуковых, анимационных, игнорируя цифровую среду, в которой он и существует.

Если обращаться к западному опыту, то, к примеру, в странах англо-американской системы авторского права мультимедийные продукты относят к категории аудиовизуального произведения (17. U.S.C. §§ 101 et seq.). В то же время законодательство Франции отвергает такую точку зрения и рассматривает мультимедийный продукт как объект, который не относится к аудиовизуальным произведениям, ведь данный объект не является произведением, которое состоит из последовательности движущихся изображений, в связи с особой ролью пользователя в его функционировании (ст. L112-2 Кодекса об интеллектуальной собственности Франции) [3, с. 37].

Анализируя зарубежную практику, а также учитывая различия в квалификации объектов мультимедийных продуктов (как аудиовизуального произведения, фильма), единый подход к установлению правовой природы исследуемого объекта не выработан. Однако, учитывая, что на национальном уровне определение мультимедийного продукта не выработано

в принципе, представляется разумным учитывать зарубежный опыт. Создаются вполне ожидаемые определенные сложности для охраны прав правообладателя, ведь в его структуре присутствует множество других, более мелких объектов авторского права, которые имеют собственную составляющую. Это представляется препятствием и для развития бизнеса с использованием мультимедийных продуктов в Республике Беларусь. Чтобы устранить данное препятствие, необходимо предоставить заказчику сложного объекта право на использование результатов интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта только при наличии заключенных договоров об уступке прав либо лицензионного договора с правообладателями каждого из результатов интеллектуальной деятельности. Тогда сложный объект может присутствовать в гражданском обороте как единый неделимый объект.

На наш взгляд, мультимедийный продукт является одним из самых перспективных объектов интеллектуальной собственности в сфере бизнеса. Инновационная экономика развитых стран базируется, в первую очередь, на научно-технических достижениях, в основу которых как раз и входят такие объекты. Их собственниками, а зачастую и создателями, выступают компании и транснациональные корпорации, являющиеся ядром наукоемкого бизнеса. С недавних пор Республика Беларусь также взяла курс на интеграцию национальной системы интеллектуальной собственности в социально-экономическую политику страны, в том числе для повышения конкурентоспособности экономики Республики Беларусь.

Что же касается развития бизнеса с использованием объектов интеллектуальной собственности, в том числе мультимедийных продуктов, стоит обратить свое внимание на опыт других стран. Так, Программа «Креативная Европа» (2014–2020 гг.), утвержденная Регламентом (ЕС) № 1295/2013 Европейского парламента и совета от 11 декабря 2013 г., определяет стратегию, направленную на превращение Союза в интеллектуальную, устойчивую и инклюзивную экономику, обеспечивающую высокий уровень занятости и производительности и социальной сплоченности.

Таким образом, для развития инновационного бизнеса в Республике Беларусь представляется необходимым и обоснованным внесение изменений и дополнений в Гражданский кодекс Республики Беларусь в части закрепления понятия сущности сложных объектов интеллектуальной собственности как единого и неделимого объекта, где вклады создателей невозможно отделить от такого произведения. Мультимедийный продукт есть вид сложного объекта. На наш взгляд, использование термина «продукт» в названии специфического объекта интеллектуальной

собственности является подходящим, полностью отражая его коммерческий характер, что является неотъемлемой частью при его использовании.

Список использованной литературы

1. Вернер, И. Все о мультимедиа / И. Вернер. – Киев : ВНУ, 1996. – 352 с.
2. Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сб. ст. / В. А. Дозорцев ; Исслед. центр част. права. – М. : Статут, 2003. – 416 с.
3. Котенко, Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт / Е. С. Котенко. – М. : Моск. гос. юрид. ун-т О. Е. Кутафина, 2015.
4. Москалевич, Г. Н. Понятие и правовая сущность мультимедийных продуктов как охраняемых объектов интеллектуальной собственности / Г. Н. Москалевич // Научные труды Белорусского государственного экономического университета : юбилейн. сб. Вып. 6 / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: В. Н. Шимов (пред.) [и др.]. – Минск : БГЭУ, 2013. – С. 503–509.
5. Stamatoudi, I. A. Copyright and Multimedia Products. A Comparative Analysis / I. A. Stamatoudi. – Cambridge University Press, 2003. – 335 p.

Ю. П. САНДРИГАЙЛО

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Маслакова, старший преподаватель

КРАТКИЙ ОБЗОР СОДЕРЖАНИЯ ДЕКЛАРАЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА

Как известно, в отличие от конвенций Международной организации труда (далее – МОТ), все декларации МОТ не имеют обязательной юридической силы, а представляют собой договоренности на международном уровне, согласованные направления политики в трудовой сфере. Государства-члены должны придерживаться деклараций, строить национальную политику в сфере труда и социальной защиты в соответствии с направлениями, ориентирами, отраженными в декларациях.

В 1944 г. на сессии в Филадельфии (США) Международная конференция труда приняла Декларацию от 10 мая 1944 г. «О целях и задачах Международной организации труда», которая также получила прозвание Филадельфийская декларация.

В Филадельфийской декларации уточняются цели и задачи МОТ, а также были воплощены следующие основные принципы:

- труд не является товаром;
- свобода слова и свобода объединения являются необходимым условием постоянного прогресса;
- нищета в любом месте является угрозой для общего благосостояния;
- все люди, независимо от расы, веры или пола, имеют право на осуществление своего материального состояния и духовного развития в условиях свободы и достоинства, экономической устойчивости и равных возможностей.

Официальной целью МОТ в соответствии с Филадельфийской декларацией является установление прочного мира на основе социальной справедливости и обеспечения экономической и социальной стабильности в мире.

В Уставе МОТ и Филадельфийской декларации сформулированы задачи, направленные на достижение этой цели. Они сводятся к развитию и поощрению как на международном, так и на национальном уровне деятельности, направленной на улучшение условий труда и повышение жизненного уровня трудящихся. Эти задачи осуществляются путем установления международных трудовых норм в форме конвенций и рекомендаций.

Второй декларацией МОТ стала Декларация 1977 г. «О многонациональных предприятиях в международной организации труда». Также эта декларация получила такое наименование, как Трехсторонняя декларация. С принятием данной декларации в МОТ был закреплен подход государств – членов МОТ, работодателей и работников к регулированию деятельности многонациональных предприятий в социальной и трудовой сферах.

Цель данной декларации состоит в том, чтобы «поощрять тот положительный вклад, который многонациональные предприятия могут внести в дело экономического и социального прогресса».

Согласно декларации, многонациональные предприятия должны соблюдать нормы национального и международного права, консультироваться с организациями работников и работодателей о своих планах в отношении рабочей силы, отдавать приоритет занятости граждан принимающих стран, стремиться к обеспечению стабильной занятости своих работников, участвовать в программах профессиональной подготовки работников, предоставлять информацию в области безопасности и здоровья. Также эта декларация устанавливает, что заработная плата и условия труда, предлагаемые многонациональными предприятиями, не могут быть менее благоприятными для работников, чем зарплата и

условия, предлагаемые другими сравнимыми работодателями в соответствующей стране.

В Декларации 1998 г. «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» были сформулированы важнейшие принципы современного международного трудового права, которые должны определять международно-правовое регулирование труда в XXI в. Такими принципами являются:

- 1) свобода объединения и действительное признание права на ведение коллективных переговоров;
- 2) упразднение всех форм принудительного труда;
- 3) действительное запрещение детского труда;
- 4) недопущение дискриминации в области труда и занятий.

Декларация содержит положения об обязанностях государств – членов МОТ соблюдать принципы, являющиеся предметом основополагающих конвенций МОТ независимо от факта их ратификации. Механизм реализации данной декларации определяет порядок представления ежегодных докладов о не ратифицированных ими основополагающих конвенциях. Такие доклады должны содержать не только пояснение обстоятельств, препятствующих ратификации, но и отчет о мерах, предпринятых для реализации положений основополагающих конвенций на внутригосударственном уровне.

Декларация «О социальной справедливости в целях справедливой глобализации» была принята в городе Женеве в 2008 г. вследствие того, что в результате всемирных процессов глобализации не только повышались темпы развития и производства, но и увеличивалось неравенство людей в сфере доходов, значительно поднимался уровень безработицы и бедноты.

Исходя из своего содержания декларация признает, что МОТ взяла на себя обязательство проводить в различных государствах всемирные программы, направленные на достижение целей полной занятости и повышение уровня жизни, обеспечение минимальной заработной платы и проведение мер расширения социального обеспечения в целях предоставления основного дохода всем нуждающимся, а также на решение других задач, поставленных в Филадельфийской декларации. Также в ней закрепляется, что основополагающие ценности свободы, достоинства человека, социальной справедливости, защищенности и безопасности и недопущения дискриминации являются основополагающими элементами устойчивого экономического и социального развития и эффективности. Исходя из содержания этой декларации можно сделать вывод, что она направлена на урегулирование разрыва в социально-экономическом положении граждан.

Последней на данный момент является Декларация 2019 г. «О будущем сферы труда». Данная декларация была принята на 102-й сессии Международной конференции труда, которая проводилась в честь празднования столетия МОТ. Основной рассмотренной инициативой на сессии была инициатива, касающаяся будущего сферы труда.

Так как декларация скорее является «юбилейной», с юридической точки зрения она не является международным договором, соответственно, не является документом, обязывающим государства к выполнению предусмотренных в ней положений. Декларация создавалась как программный документ, направляющий деятельность МОТ в последующие годы.

В отличие от предыдущих деклараций, данная Декларация не предусматривает новых принципов, а упоминает те, которые были оглашены на предшествующих конференциях. В декларации столетия МОТ подчеркивается, что всем работникам должна гарантироваться адекватная защита в соответствии с Программой достойного труда, учитывая такие факторы, как:

- уважение их основополагающих прав;
- адекватный минимум заработной платы, установленный законодательно или в результате переговоров;
- установление максимальных пределов продолжительности рабочего времени;
- безопасность и гигиена труда [1, с. 32].

Таким образом, можно сделать вывод, что все перечисленные декларации МОТ внесли свой вклад в основу международной трудово-правовой политики, закрепили основные принципы труда и определили сущность трудовой деятельности, ориентированной на работника и его права в условиях изменяющегося мира труда и стоящих перед человечеством новых вызовов.

Список использованной литературы

1. На пути к столетней годовщине МОТ: реалии, модернизация и приверженность трехсторонних участников : докл. Генер. директора I (A) : Междунар. конф. труда, 102-я сес. 2013 г. – Женева : МБТ, 2013. – 32 с.

В. А. ШВЕД

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. И. Чугунова, старший преподаватель

**КОНЦЕПЦИЯ ЕДИНОГО ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА**

Концепцией совершенствования законодательства Республики Беларусь в качестве одной из актуальных государственных задач предусмотрена унификация норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК), регулирующих сходные процессуальные отношения.

Кроме того, вопросы об унификации процессуальных норм поднимались на обсуждении Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. Постановлением данного органа от 16 июня 2003 г. № 21-6 были приняты Концепция и Структура модельного кодекса гражданского судопроизводства для государств – участников СНГ.

Вопрос о гармонизации норм процессуальных регламентов приобрел еще большую актуальность в связи с появлением в 2013 г. в сегменте национального законодательства Декрета Президента Республики Беларусь «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь», который обусловил создание единой системы судов общей юрисдикции, возглавляемой Верховным Судом.

В 2016 г. после рассмотрения вопроса о необходимости разработки единого процессуального кодекса Советом по вопросам правовой и судебной деятельности признана необходимость унификации норм гражданского и хозяйственного процессуального законодательства Республики Беларусь путем подготовки единого Гражданского процессуального кодекса (далее – единый ГПК) с выработкой единых подходов к установлению правил судопроизводства.

Данное решение обосновывается существованием в нашем государстве единой системы судов общей юрисдикции, и, конечно, общностью правовой природы гражданских и экономических дел, что предполагает единство подходов к организации системы процессуальных правил деятельности судов, рассматривающих такие дела.

Существует и противоположное мнение относительно объединения ГПК и ХПК. Так, позиция В. П. Скобелева заключается в следующем: «утверждения о необходимости разработки единого процессуального регламента, базирующиеся лишь на той единственной посылке, что

состоялось объединение двух судебных систем, представляются как минимум конъюнктурными, не имеющими под собой достаточных оснований и свидетельствующими о поверхностном понимании проблемы. Ведь с тем же успехом, принимая во внимание одни лишь изменения в области внешнего устройства судов, можно провозглашать необходимость унификации гражданского и уголовного процессов. Вряд ли, однако, столько непродуманные идеи могут привести к какому-нибудь положительному результату» [1].

Еще одним аргументом «против» является то, что суд, рассматривающий экономические дела, – суд специальной компетенции, который призван защищать специальных субъектов гражданского оборота – юридических и физических лиц, участвующих в хозяйственной деятельности (в экономическом обороте). Судьи данного суда являются узкопрофильными специалистами в сфере отправления правосудия. Принятие единого ГПК, возможно, поставит вопрос о целесообразности существования названных судов, что недопустимо.

Принятие единого ГПК закономерно поставит вопрос не только о целесообразности существования системы экономического правосудия, о котором упоминалось выше, но и о целесообразности рассмотрения дел, вытекающих из административных отношений, в рамках гражданского судопроизводства, так как дела, возникающие из публичных правоотношений, по существу имеют те же процессуальные формы рассмотрения, что и частноправовые.

Кроме того, существует проблема в достижении необходимого баланса между разными «идеологиями», существующими на данный момент в процессуальных регламентах. Для хозяйственного процесса характерна состязательность и диспозитивность при осуществлении правосудия в сфере экономической деятельности, целью является разрешение спора. Гражданскому же процессу присущи дела с участием граждан, где серьезное влияние оказывает отраслевой принцип государственного и общественного содействия в защите нарушенных гражданских прав, а целью выступает поиск истины.

Тем не менее разработка единого ГПК представляется целесообразной в силу того, что унификация норм позволит сохранить наиболее удачные и эффективные с точки зрения современной правовой науки положения каждого из процессуальных актов, а также обеспечит повышение эффективности судопроизводства, что в свою очередь поспособствует укреплению авторитета судов. Вместе с тем следует отметить, что чрезвычайно важно сохранить систему специализированных судов во главе с Верховным Судом Республики Беларусь.

Концепция единого ГПК должна разрабатываться в качестве основы будущего нормативного правового акта. Говоря о возможной структуре концепции единого процессуального регламента, представляется целесообразным сохранить традиционную структуру Гражданского процессуального кодекса, включающую его Общую и Особенную части.

Представляется, что в Общей части должны быть сосредоточены межотраслевые процессуальные институты, которые имеют единое регулирование для любого из видов процесса (исковое, особое производство и производство из публичных правоотношений), а также для любой стадии процесса (первая инстанция, апелляция, кассация, производство по вновь открывшимся и новым обстоятельствам, надзорное производство). Здесь же должна быть регламентация тех положений, которые в одинаковой степени приемлемы ко всем видам и стадиям процесса (виды доказательств, определение предмета и обязанности по доказыванию и пр.)

В Особенной части должны присутствовать положения, регулирующие особенности доказывания в видах и стадиях процесса, а также при рассмотрении определенных категорий дел.

Помимо этого, при регламентации процедуры подачи иска важным вопросом должно стать введение электронной подачи документов в суд, конечно, при условии создания соответствующего программного комплекса. Вышеупомянутое соответствует современным тенденциям не только национального, но и зарубежного законодательства.

Важно отметить, что в связи с различными подходами в процессуальном законодательстве существует две модели обмена состязательными и иными документами: в судах общей юрисдикции истец представляет в суд исковое заявление с приложением количества копий по числу лиц, участвующих в деле. В дальнейшем суд рассылает указанные документы участникам процесса. В хозяйственном процессе истец самостоятельно направляет копию иска и приложенные документы лицам, участвующим в деле. При разработке будущего нормативного правового акта предпочтительнее ввести общий порядок.

В ГПК закреплено заочное производство, но оно отсутствует в ХПК. При разработке концепции единого ГПК необходимо сохранить возможность проведения заочного производства с вынесением заочных решений.

Кроме того, реформа процессуального права должна четко определить и судьбу всех других несудебных форм защиты, таких как институт медиации, нотариата, третейских судов.

Таким образом, прежде чем разрабатывать единый процессуальный регламент, требуется разработать его концепцию с учетом особенностей,

указанных выше, а также обсудить ее в научном и практическом сообществах.

Список использованной литературы

1. Забара, А. А. О едином Гражданском процессуальном кодексе / А. А. Забара // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 454–459.

В. А. ШВЕД

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. О. Шерайзина, старший преподаватель

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Суррогатное материнство в большей части признается мировым сообществом и является успешным способом решить проблемы демографического характера, наблюдается прогресс большинства государств в создании правовых стимулирующих условий для распространения и активного использования вспомогательных репродуктивных технологий, а также для дальнейшего развития научных исследований в этой сфере.

С появлением в сегменте национального законодательства в 2012 г. Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон) многие проблемные вопросы, связанные с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, были сняты.

Закон достаточно полно и подробно определил правовые и организационные основы применения в нашей стране экстракорпорального оплодотворения, искусственной инсеминации и суррогатного материнства. Безусловно, прогрессивность этого нормативного правового акта трудно переоценить [2].

Под суррогатным материнством, согласно закону, понимается вид вспомогательных репродуктивных технологий, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки, изъятых из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовав-

шегося в результате этого соединения эмбриона, дальнейшем переносе данного эмбриона в матку суррогатной матери, вынашивании и рождении ею ребенка.

Согласно Закону, основанием для возникновения правоотношений суррогатного материнства служит договор сторон. Лица, которые состоят в законном браке, могут заключить договор суррогатного материнства только с письменного согласия своих супругов. Данный договор заключается между суррогатной матерью с одной стороны и генетической матерью или женщиной, которая воспользовалась донорской яйцеклеткой с другой.

Из вышеуказанного следует, что воспользоваться услугами суррогатной матери может только женщина. Как правило, это мотивируют тем, что желание мужчины воспользоваться методом суррогатного материнства, в первую очередь, обосновано желанием удовлетворить свои репродуктивные права, а не преодолеть бесплодие. Однако что делать желающим иметь детей мужчинам, когда они не могут найти женщину, с которой бы могли построить семью? Такое ограничение субъективного состава данных правоотношений представляется недопустимым и дискриминационным. В этом вопросе представляется возможным перенять опыт зарубежных стран, в частности США, где одинокие мужчины обладают возможностью познать радость отцовства с помощью услуг суррогатной матери. Результатом реформирования данного правового института будет восстановление нарушенных гендерных прав мужчин в данной области.

Договор суррогатного материнства заключается в нотариальной форме и может быть как возмездным, так и безвозмездным. Однако заключение договора на безвозмездной основе возможно только в случаях, когда суррогатная мать является родственницей генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, либо родственницей супруга генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой.

Для заключения договора суррогатного материнства стороны должны соответствовать требованиям, определенным в Законе (возрастной ценз, полная дееспособность, прохождение медицинского осмотра и т. д.), а также показаниям, установленным постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь «О некоторых вопросах применения вспомогательных репродуктивных технологий» от 1 июня 2012 г. № 54.

В законодательстве не предусмотрено специальных положений относительно регулирования вопросов изменения и расторжения договора суррогатного материнства. На данный момент к данному виду договора применяются общие положения, закрепленные в статье 420 Гражданского

кодекса Республики Беларусь № 218-3 от 7 декабря 1998 г. Согласно указанной статье изменение и расторжение договора возможно по соглашению сторон. Также по требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда только при:

1) существенном нарушении договора другой стороной (т. е. нарушение, влекущее для другой стороны такой ущерб, в результате которого она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора);

2) в иных случаях, предусмотренных настоящим Гражданским кодексом и иными актами законодательства или договором.

Отсутствие более полной регламентации вопросов изменения и расторжения договора суррогатного материнства вынуждает в случае возникновения спорных ситуаций прибегать к сложившимся правовым обычаям или к аналогии права, что, в свою очередь, существенно влияет на возможность справедливого разрешения спорных ситуаций [1].

Целесообразным представляется законодательно закрепить специальные положения об изменении и расторжении договора суррогатного материнства, так как данный договор в силу своей особой специфики и семейно-личностного характера не относится к известным видам и типам договоров и может рассматриваться как нетипичный гражданско-правовой договор.

Например, для защиты прав и законных интересов ребенка и суррогатной матери возможно закрепление в законе запрета на расторжение договора суррогатного материнства по инициативе супругов-заказчиков после наступления беременности суррогатной матери как в случае нарушения, так и в случае добросовестного исполнения договора суррогатной матерью. Такое ограничение основывается на статье 23 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах прав и свобод других лиц. Без предлагаемого ограничения супруги окажутся менее обремененной стороной, нежели беременная суррогатная мать. Этот запрет снизит риск легкомысленного отношения к заключению договора суррогатного материнства со стороны супругов-заказчиков.

Таким образом, в Республике Беларусь, наблюдается развитие нормативно-правовой базы в сфере вспомогательных репродуктивных технологий в соответствии с потребностями общества. Однако существует ряд не урегулированных в должной мере вопросов, имеющих существенное значение для заключения, изменения и расторжения договора суррогатного материнства.

Предлагается:

- 1) законодательно закрепить возможность мужчин выступать стороной договора суррогатного материнства;
- 2) дополнить Закон положениями, регулирующими изменение договора суррогатного материнства;
- 3) дополнить Закон положениями, регулирующими расторжение договора суррогатного материнства.

Список использованной литературы

1. Борисова, Т. Е. Ответственность по договору суррогатного материнства / Т. Е. Борисова // Законность. – 2010. – № 11. – С. 47–50.
2. Перепелица, Е. В. Вспомогательные репродуктивные технологии и национальная безопасность Республики Беларусь / Е. В. Перепелица // Право.by. – 2013. – № 5 (25). – С. 61–66.

К. Д. ФИЛИПЕНКО

Могилев, Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

Научный руководитель – С. Н. Ховратова, старший преподаватель

ЗАПРЕЩЕННЫЕ СРЕДСТВА ВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

История человечества – это история войн. В книге Криса Хеджеса «Что каждый должен знать о войне», впервые опубликованной в 2003 г., указано, что за последние 3400 лет люди прожили в мире без войн всего лишь 268 лет [4]. Это значит, что войны всегда присутствовали в жизни человека. Даже если мы не подозреваем о начинающемся, продолжающемся или уже заканчивающемся вооруженном конфликте, это не значит, что его нет.

Военные столкновения, возникающие между двумя или несколькими государствами, образуют международные вооруженные конфликты. Эти столкновения невозможно полностью искоренить, однако можно минимизировать ущерб от них. Именно этим и занимается международное гуманитарное право. Оно регулирует принципы и правила, касающиеся средств и методов ведения военных действий, а также гуманитарной защиты гражданского населения, больных и раненых военнослужащих, а также военнопленных.

Актуальность данной темы заключается в том, что люди будут и дальше использовать оружие, причиняющее непоправимый вред всему

живому, но для того, чтобы этого избежать, требуется принятие определенных документов, а также введение мер ответственности за такие действия. Именно поэтому данная тема требует особого внимания.

В ходе вооруженных действий используются определенные средства ведения войны. Это оружие и иные средства, применяемые вооруженными силами воюющих сторон для нанесения вреда и поражения противника [3, с. 40–41].

Необходимо обратить внимание, что в ст. 35 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям прописаны принципы выбора средств и методов военных действий:

«1. В случае любого вооруженного конфликта право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы или средства ведения войны не является неограниченным.

2. Запрещается применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания.

3. Запрещается применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде».

Выделяют два вида средств ведения войны: правомерные и неправомерные. Основное отличие правомерных средств ведения войны от неправомерных заключается в том, что документы не содержат точного перечня разрешенных методов войны.

Это связано с тем, что любое средство, наносящее ущерб всему живому, относится к запрещенным видам оружия, за использование которого привлекают к уголовной ответственности. Но по причине того, что невозможно полностью запретить военные действия, соответственно, и средства ведения войны, принимаются все возможные меры по уменьшению последующего вреда. Именно поэтому существует исчерпывающий перечень запрещенных видов оружия.

Следует отметить, что первыми документами в области запрещенного оружия были документы, касающиеся использования такого вида оружия, как взрывчатые снаряды, пули, разворачивающиеся и сплюсцивающиеся в человеческом теле. К ним относятся Санкт-Петербургская декларация 1868 г. и Гаагская декларация 1899 г. Пример такого оружия: экспансивные пули, или пули «дум-дум». После попадания в ткани человека эти пули «разворачиваются», что повышает поражающие способности, помимо этого, они наносят чрезмерные страдания.

Так, основной целью этих договоров является уменьшение количества средств, наносящих непоправимый вред человеку, а также идее мира в целом. Это подразумевает поиск таких средств ведения войны,

которые могли бы урегулировать конфликты мирным путем. В Конвенции 1899 г. предлагаются следующие средства мирного урегулирования споров: посредничество, добрые услуги, комиссии.

В 1925 г. был принят Женевский протокол, который запрещал применение на войне удушливых, ядовитых, других подобных газов и бактериологических средств. Этот протокол является основным документом, который юридически запрещает применение химического, токсического и биологического оружия.

На основе протокола 1925 г. были приняты следующие документы, которые раскрывают его нормы более полно: Конвенция о запрещении химического оружия 1993 г. и Конвенция о запрещении биологического оружия 1972 г.

После того как разработали оружие, осколки которого не отображаются на рентгеновском снимке, был принят Протокол I к Конвенции о конкретных видах обычного оружия 1980 г. Примером такого средства может послужить автомат Коробова ТКБ-022.

К Конвенции о конкретных видах обычного оружия 1980 г. был принят Протокол III, а к Конвенции о конкретных видах обычного оружия 1995 г. был принят Протокол IV. Своей целью данные документы ставили защиту гражданского населения и гражданских объектов.

Так, боевой лазер LW-30 может быть использован против небольших лодок и беспилотных летательных аппаратов, что может создать реальную угрозу для населения, если данные объекты будут находиться вблизи городов.

Помимо перечисленных видов оружия выделяют также такие запрещенные средства, как мины, мины-ловушки. Например, мина-ловушка МС-3. Она предназначена для использования в качестве устройства неизвлекаемости для противотанковых и иных мин, не имеющих собственного подобного устройства. Кроме этого, она может использоваться в качестве мины-ловушки разгрузочного действия [2].

Для запрещения такого средства ведения войны был зафиксирован Протокол II с поправками 1996 г. к Конвенции о конкретных видах обычного оружия.

Еще одним видом оружия являются противопехотные мины. Их применение регулируется Оттавской конвенцией о запрещении противопехотных мин 1997 г.

Таким образом, можно провести следующую классификацию запрещенных видов оружия:

- 1) оружие, делающее смерть неизбежной;
- 2) оружие, наносящее чрезмерные повреждения;
- 3) оружие неизбирательного действия.

Это связано с тем, что они являются негуманным методом ведения войны. Однако с развитием технологий люди придумывают все больше новых видов оружия. Это означает, что будут приняты новые международные договоры, запрещающие их использование [1].

Из этого следует, что воюющим в ходе боевых действий следует выбирать такие средства ведения войны, которые не будут противоречить нормам и принципам международного гуманитарного права. Имплементация в национальное законодательство норм международного гуманитарного права в части ограничения применения средств и методов ведения войны означает фактическую реализацию данных обязательств на внутригосударственном уровне. Военным преступлением может считаться несоблюдение указанных норм, за что государство будет нести уголовную ответственность.

Список использованной литературы

1. Международный Комитет Красного Креста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru>. – Дата доступа: 27.05.2020.
2. Сапер (ИНСИС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://saper.isnet.ru/index-mines.html>. – Дата доступа: 27.05.2020.
3. Толочко, О. Н. Международное гуманитарное право : учеб. пособие / О. Н. Толочко. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 87 с.
4. NYTCO [Electronic resource] : The New York Times Company / What Every Person Should Know About War. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2003/07/06/books/chapters/what-every-person-should-know-about-war.html>. – Date of access: 26.05.2020.

СЕКЦИЯ 2 ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ

Е. П. ВОРОБЕЙ

Минск, Белорусский государственный университет

Научный руководитель – О. В. Емельянович, старший преподаватель

О ДОПУСТИМЫХ ОГРАНИЧЕНИЯХ ПРАВА НА ЖИЗНЬ

Несмотря на то что право на жизнь не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах [4, с. 105], в международных соглашениях предусмотрены ограничения права человека на жизнь, в частности статья 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [3]. К таким ограничениям относят, в частности, смертную казнь. Вынесение смертного приговора в современном обществе все еще не является общепризнанным нарушением права человека на жизнь при условии, что такая санкция за противоправное деяние предусмотрена уголовным законом государства, применяется только в исключительных случаях в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, а также при условии, что метод исполнения не является особо жестоким.

Отдельно хотелось бы отметить такой международный акт, как Американская конвенция о правах человека 1969 г. [2]. Прежде всего, она напрямую закрепляет то, что право человека на жизнь принадлежит ему с момента рождения (ст. 4); данный вопрос является спорным в плане применения законодательства о праве человека на жизнь и трактуется по-разному. Более того, в указанном акте упоминается верхний возрастной предел применения наказания в виде смертной казни – 70 лет, а также то, что смертная казнь не может применяться к лицам моложе 18 лет и к беременным женщинам (ст. 4). Помимо этого, устанавливается, что смертная казнь не может быть восстановлена в тех государствах, которые ее отменили (ст. 4).

Таким образом, смертная казнь представляет собой исключительную меру наказания за конкретное преступление после надлежащего судебного разбирательства. Обычно она применяется только в качестве наказания за особо тяжкие виды убийств, но в некоторых странах она также применяется и за такие преступления, как политическая измена, мошенничество, прелюбодеяние и изнасилование. И все же, несмотря на развитие данной области, на современном этапе развития человечества устоялось мнение, что существует настоятельная необходимость отказа

от смертной казни, а государства «должны встать на необратимый путь» к ее полному искоренению.

Гораздо менее определенная ситуация обстоит с иным допустимым ограничением права на жизнь – эвтаназией. На наш взгляд, ключевая проблема эвтаназии заключается в многообразии подходов к ее определению и применению. Фактически, эвтаназия представляет собой определенную практику безболезненного лишения жизни человека, страдающего от неизлечимой болезни, причиняющей ему нестерпимые мучения и страдания. Ее принято подразделять на активную и пассивную; добровольную, так называемую «недобровольную» и принудительную.

Разница между пассивной эвтаназией и ассистируемым самоубийством достаточно тонкая и заключается в следующем: суть эвтаназии в том, что по закону врач может безболезненно «завершить» жизнь человека, если пациент и его семья (в определенных случаях) дали на это свое согласие, в то время как ассистируемый суицид подразумевает помощь врача пациенту в совершении самоубийства по просьбе этого пациента, прекращение поддерживающей терапии.

Практика «недобровольной» эвтаназии в связи с ее еще большей неоднозначностью в сравнении с практикой в целом вызывает дополнительные вопросы. Так, различные возможные ситуации, рассматриваемые как «недобровольная» эвтаназия, заключаются в том, что решение о прекращении жизни пациента:

1) основано на том, что недееспособный человек хотел бы дать согласие на проведение процедуры эвтаназии, однако не может дать такое согласие;

2) основано на том, чего в данной ситуации и при данных обстоятельствах хотело бы лицо, которое принижает решение о процедуре эвтаназии;

3) принимается врачом на основе его или ее собственных критериев и рассуждений.

Активная «недобровольная» эвтаназия является незаконной во всех странах мира, хотя в Нидерландах она практикуется в определенных случаях, в частности в отношении новорожденных [1, с. 326]. Поскольку новорожденный ребенок никогда не может говорить сам за себя и однозначно изъявлять свою волю, эвтаназия новорожденных по определению не является добровольной.

Развитие потенциала современной медицины по вопросу продления и поддержания жизни с помощью различного рода медикаментозных и технических средств вызвало вопрос о том, какие способы действий должны быть легальны, доступны врачам и членам семьи пациента в случае его особых психических и физических страданий, особенно в тех

случаях, когда пациент сам не способен принять необходимое решение. С одной стороны, бездействие врачей по продлению жизни пациента, отмена необходимой для поддержания жизни терапии вызывают то, что в отношении врачей лично или же учреждений здравоохранения, где они осуществляют свою деятельность, неоднократно были выдвинуты обвинения в убийстве. С другой же стороны, в судебной практике различных государств также имеются примеры таких дел, когда члены семьи пациентов, находящихся в коматозном, вегетативном состоянии и страдающих от неизлечимой болезни, которая явно приносит такому пациенту нестерпимые страдания, подавали судебные иски против врачей (учреждений здравоохранения) для того, чтобы признать необходимым прекращение применения средств жизнеобеспечения такого пациента.

На основании вышеизложенного можно говорить о том, что право на жизнь является гораздо более глубоким, подразумевает также и обязанность государств по применению необходимых мер по обеспечению достойной и безопасности жизни людей, общества в целом, а не только каждого конкретного человека. В рамках исключительной необходимости и для обеспечения общественной безопасности государство может и должно применять определенные меры, которые трактуются как допустимые ограничения права человека на жизнь, а в иных ситуациях – санкционировать их применение.

Список использованной литературы

1. Gevers, S. Euthanasia: law and practice in the Netherlands / S. Gevers // *British Medical Bulletin* / ed.: The British Council. – London, 1996. – P. 326–333.
2. Американская Конвенция Организации американских государств о правах человека [Электронный ресурс] : заключена в г. Сан-Хосе 22.11.1969 г. // Библиотека по правам человека университета Миннесоты. – Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instate/Rzoas3con.html>. – Дата доступа: 10.04.2020.
3. Международный пакт Организации Объединенных наций о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принят резолюцией 2200 (XXI) Генер. Ассамблеи 16 дек. 1966 г. / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://un.by/dokumenty/prava-cheloveka/249-mezhdunarodnyj-bill-o-pravakh-cheloveka/2509-mezhdunarodnyj-pakt-o-grazhdans-kikh-i-politicheskikh-pravakh>. – Дата доступа: 10.04.2020.
4. Права человека : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] ; науч. ред.: С. А. Балашенко, Е. А. Дейкало. – Минск : Юнипак, 2015. – 200 с.

А. В. ГУРИНОВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, кандидат юридических наук,
доцент

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

На протяжении долгих лет на территории Республики Беларусь формируется государственная политика в отношении несовершеннолетних детей, которая отражает необходимые современные позиции, такие как оказание им необходимой помощи, поддержки, непосредственно со стороны государства и общества. В настоящее время в связи с происходящими изменениями в законодательстве Республики Беларусь и повышенным интересом государства к данной проблеме исследуются многочисленные научные исследования, которые посвящены защите прав несовершеннолетних и их правовому статусу [1].

При исследовании несовершеннолетнего как специального субъекта гражданского права необходимо отметить, что правовое положение несовершеннолетнего в Республике Беларусь регулируется нормами Гражданского кодекса, Банковского кодекса, законами Республики Беларусь «Об авторском и смежных правах», «О туризме», «О защите прав потребителей» и др.

Кроме того, несовершеннолетний вступает не только в гражданско-правовые отношения, но и процессуальные отношения самостоятельно или через законных представителей. Гражданско-правовой статус несовершеннолетнего зависит от многих факторов, главными из которых является возраст, отсутствие психических заболеваний, наличие либо отсутствие дохода (заработной платы, стипендии, прибыли).

Что касается места жительства детей, присвоения им имени, то это регулируется нормами Кодекса Республики Беларусь о браке и семье. Местом жительства ребенка считается место жительства его родителей. Но в случае отдельного проживания родителей вследствие расторжения брака или по другим причинам место жительства несовершеннолетнего определяется по соглашению родителей. Законодательство наделяет ребенка, достигшего десяти лет, правом выбрать, с кем из родителей он будет проживать. Кроме того, по закону несовершеннолетний может быть собственником жилья.

Законодательство защищает права ребенка во многих аспектах. Так, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет обладают большим объемом дееспособности, чем малолетние. Законодательство Республики

Беларусь определяет, что от имени несовершеннолетних до 14 лет к нотариусу при принятии наследства обращаются законные представители, а лица в возрасте от 14 до 18 лет для принятия наследства обращаются к нотариусам самостоятельно, но для принятия ими наследства предоставляется письменное согласие законных представителей. В случаях эмансипации либо вступления в брак до достижения 18 лет согласие законных представителей на принятие наследства не требуется [2].

Законодательно предусмотрено, что несовершеннолетний имеет право наследования, независимо от содержания завещания, не менее половины доли, что означает, что несовершеннолетний имеет право на обязательную долю в наследстве.

Несовершеннолетний имеет право на совершение сделки самостоятельно относительно распоряжения своим заработком, стипендией и другими доходами, осуществлять права автора произведения науки, литературы, искусства, изобретения и другого охраняемого законодательством результата своей интеллектуальной деятельности, вносить денежные средства в банки или небанковские кредитно-финансовые организации и распоряжаться ими, а также имеет право на совершение мелких бытовых сделок. В остальных случаях необходимо письменное согласие законных представителей. Важно отметить, сделка, которая совершена несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет без согласия законных представителей ребенка, может быть признана судом недействительной. А при разногласии между детьми и их законными представителями орган опеки и попечительства назначает представителя для защиты прав и интересов несовершеннолетнего.

Например, заключать договор аренды несовершеннолетний в возрасте до 14 лет не имеет право, данную сделку от его имени могут совершить законные представители: родители, усыновители, опекуны. Что касается заключения договора об образовании несовершеннолетним, то в Республике Беларусь законодательно определено, что при заключении договора на обучение несовершеннолетний абитуриент (от 14 до 18 лет) обязан его письменно согласовать с родителями или законными представителями.

Возможны случаи, когда по решению суда несовершеннолетний может быть ограничен в дееспособности. Ограничение дееспособности несовершеннолетнего и лишение права самостоятельно получать и распоряжаться своим заработком устанавливаются только до момента его совершеннолетия, а также при достаточных основаниях [3].

Законодательно несовершеннолетнему предоставлено право без согласия своих законных представителей вносить денежные средства в банки или небанковские кредитно-финансовые организации и распоряжаться

ими по достижении четырнадцатилетнего возраста. Но за несовершеннолетнего в возрасте до четырнадцати лет от их имени текущие банковские счета или счета по учету вкладов открывают их законные представители, заключая соответствующие договоры в банке.

Ограничения для несовершеннолетнего существуют в зависимости от его возраста. Данные ограничения затрудняют несовершеннолетнему в своем раннем возрасте иметь собственный заработок. Например, в Республике Беларусь в отношении операции с криптовалютой установлен запрет допуска к торгам некоторых граждан, к данной категории относят несовершеннолетних, в то время как в Великобритании существуют сайты, где лицам моложе 18 лет предоставлено право участвовать в торгах [4].

Необходимо отметить, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет совершают сделки с согласия родителей, усыновителей или попечителей, если иное не предусмотрено законом, правилом, что согласие на совершение сделок, требующих нотариальной формы, считается полученным, если родители (попечители) не заявят о своем отрицательном отношении в течение месяца с того момента, как им стало известно о ее заключении.

Таким образом, гражданско-правовой статус несовершеннолетнего в Республике Беларусь динамично формируется. Сделки с участием несовершеннолетних обладают спецификой ввиду социальной незрелости субъекта сделки. Необходимо отметить, что особое внимание уделяется исследованию сделок с недвижимостью, в сфере жилищных правоотношений. Полагаем, правовой статус ребенка и охрана его прав и интересов должны носить межотраслевой характер.

Список использованной литературы

1. Гладковская, Е. И. Имущественные права ребенка / Е. И. Гладковская // О-во и право. – 2011.
2. Кеник, А. А. Защита прав ребенка и несовершеннолетних в Республике Беларусь / А. А. Кеник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Дикта, 2008. – 316 с.
3. Колбасин, Д. А. Гражданское право. Общая часть : учеб. пособие : в 2 т. / Д. А. Колбасин ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – Т. 1. – 263 с.
4. Лобанова, Т. В. Правовое положение ребенка в России и Великобритании (Англии): теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. В. Лобанова ; Башкир. гос. ун-т. – Волгоград, 2006. – 25 с.

Е. Н. ГУСТЫР

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Маслакова, старший преподаватель

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ СЕЗОННЫХ РАБОТНИКОВ НА ТРУДОВОЙ ОТПУСК

Вопросы трудового правового статуса сезонных работников в Республике Беларусь не теряют своей актуальности. Легализованное определение сезонного работника содержится в ст. 299 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) [2]. Так, сезонными признаются работники, занятые на работах, которые в силу природных и климатических условий выполняются не круглый год, а в течение определенного периода (сезона), не превышающего шести месяцев. Заметим, что приведенная нами дефиниция практически не претерпела изменений и тождественна закрепленной Кодексом законов о труде БССР 1929 г. (далее – КЗоТ) [1]. Так, Приложением 1 (Об условиях труда на сезонных работах) ко КЗоТу определяется, что сезонными признаются работы, которые, находясь в зависимости от природных и климатических условий, не могут выполняться в течение круглого года и производятся в течение определенного периода, не превышающего шести месяцев (сезон).

Кроме дефиниции, фактически не претерпели изменения основания расторжения трудового договора с сезонным работником. Однако отдельные вопросы труда сезонных работников подвергались более детальной регламентации. Заслуживает внимания регулирование вопросов срока действия трудового договора с сезонным работником. Так, договор мог быть заключен на весь сезон, на определенный срок, на время выполнения какой-либо работы, а также на неопределенный срок. В соответствии со ст. 300 действующего ТК трудовой договор при приеме на сезонные работы заключается на срок, не превышающий продолжительности сезона.

Закрепленные ст. 301 ТК основания расторжения трудового договора с сезонным работником имели фактически аналогичную формулировку в п.8 Приложения 1 ко КЗоТу. Дополнительно в указанном пункте содержались основания, которые закрепляются в действующем ТК, однако не являются специальными и могут применяться ко всем работникам. Например, такое основание расторжения трудового договора с сезонным работником «в случае обнаружения непригодности нанявшегося к работе» соответствует современному основанию расторжения трудового договора по инициативе нанимателя, предусмотренного п. 4 ст. 42 «несоответствия работника занимаемой должности служащего (профессии рабочего) или

выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, препятствующей продолжению данной работы».

Следует остановиться на вопросе предоставления трудового отпуска сезонным работникам. Так, ТК установлено, что работники имеют право на отпуск независимо от того, кто является их нанимателем, какова организационно-правовая форма организации и какой вид трудового договора с ними заключен. Совместители, временные, сезонные работники также имеют право на отпуск или получение за него денежной компенсации при увольнении. Иным образом был урегулирован вопрос в КЗоТе. В соответствии с п. 21 Приложения 1 ко КЗоТу, лица, занятые на сезонных работах, правом на отпуск или компенсацию за него не пользуются. Таким образом, подход законодателя поменялся радикально. Однако, на наш взгляд, необоснованным является предоставление трудового (основного) отпуска сезонному работнику установленной продолжительностью 24 календарных дня, в связи с небольшими сроками, на который заключается трудовой договор. Более справедливой является формулировка ст. 295 Трудового кодекса Российской Федерации [3]. Так, работникам, занятым на сезонных работах, предоставляются оплачиваемые отпуска из расчета два рабочих дня за каждый месяц работы.

Полагаем, вполне обоснованным было бы установить меньшую продолжительность трудового (основного) отпуска сезонным работникам. Однако с учетом положений Конвенции № 132 об оплачиваемых отпусках, ратифицированной Республикой Беларусь, такая продолжительность может составлять не менее 21 календарного дня.

Список использованной литературы

1. Кодекс о труде БССР : постановление ЦИК и СНК Белорус. ССР, 27 июля 1929 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. Правительства Белорус. Социалист. Совет. Респ. – 1929. – Отд. 1. – № 33. – Ст. 191.1.

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 24.04.2020 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

Н. В. ДЕНИСЕНКО

Гомель, Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

Научный руководитель – Ю. И. Иванова, старший преподаватель

**ЖЕНСКОЕ ОБРЕЗАНИЕ КАК СОМАТИЧЕСКОЕ ПРАВО
ЧЕЛОВЕКА**

Соматические права – это права по распоряжению человеком своим телом. Они включают в себя комплекс разнообразных прав, таких как право на смену половой принадлежности, право на смерть (эвтаназия), право на клонирование, искусственное репродуктивное, право на аборт, сексуальные права, право на пирсинг, татуировки, пластические операции. К соматическим правам относится также право на обрезание, в том числе женское. Специфика указанных прав делает необходимым установить пределы их осуществления.

В мае 2020 г. в средствах массовой информации Российской Федерации появилась новость о том, что в Ингушетии заведено и передано в суд первое в России уголовное дело по факту проведения девятилетней девочке операции по обрезанию клитора. Процедура была сделана в частной детской клинике без согласия родной матери и самого ребенка [3].

Женским обрезанием называют проводимое без медицинских показаний частичное или полное удаление внешних женских гениталий (головки клитора, больших и малых половых губ). В мировом медицинском и правозащитном сообществах термин «женское обрезание» не используется с 1980-х гг. Обычно эту операцию называют «нанесением увечий женским гениталиям» и «калечащей операцией на женских половых органах». Около 200 миллионов девочек и женщин, живущих сейчас на Земле, подверглись этой процедуре, свидетельствуют данные ООН. Хотя большинство женщин, перенесших эту калечащую операцию, живут в основном в странах Африки и Ближнего Востока, есть данные о случаях женского обрезания в странах Азии и Латинской Америки. Такие операции проводились в Западной Европе, Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии, заявляет ООН. Почти все эти случаи связаны с жизнью закрытых этнических групп и общин иммигрантов из стран Африки [2].

Чаще всего в качестве причины проведения операции называются некие социальные нормы, религиозные убеждения, неправильные представления о гигиене. Это также считается одним из способов сохранить девственность и условием для заключения брака в некоторых культурах. Иногда женское обрезание становится своеобразным обрядом

инициации – вступлением во взрослую жизнь. В ряде стран девушке почти нереально выйти замуж, если ей не сделали эту операцию.

Хотя никакого положительного влияния на здоровье и гигиену такая операция не оказывает, однако в регионах, где практикуется женское обрезание, женщина, не подвергшаяся операции, считается нездоровой, нечистой и неподходящей для брака. Часто женщинам проводят эту операцию против их воли. Подавляющее большинство врачей во всем мире сходятся во мнении, что эта операция по сути является насилием в отношении женщин и нарушением прав женщин [2].

Женское обрезание на международном уровне признается нарушением прав девушек и женщин, проявлением крайней формы половой дискриминации.

Практика женского обрезания также нарушает права человека на здоровье (одно из последствий удаления внешних женских гениталий – сложные роды. Женское обрезание вызывает также кровотечения, боли, инфекции, сепсис, гинекологические заболевания, бесплодие [5]), безопасность, право быть свободным от пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения, а также право на жизнь в случае, когда эти операции приводят к смерти [6].

На наш взгляд, указанная процедура нарушает также право человека на уважение чести, достоинства, право на свободу от вмешательства в его личную и семейную жизнь.

Таким образом, женское обрезание нарушает права, провозглашенные во Всемирной декларации прав человека (статьи 3, 5, 25) [1] и других международных актах по правам человека.

Практически всегда эти операции проводятся среди несовершеннолетних и являются нарушением прав детей.

11 мая 2011 г. была открыта для подписания Конвенция Совета Европы о предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция). В статье 38 «Калечащая операция на женских гениталиях» данного документа говорится о том, что «стороны принимают необходимые законодательные или иные меры для обеспечения того, чтобы в уголовном порядке преследовалось следующее намеренное поведение:

а) удаление, инфибуляция или совершение любой другой мутилиации на всех или части больших половых губах, малых половых губах или клиторе;

б) принуждение или предоставление женщины для того, чтобы она подверглась любому из актов, перечисленных в пункте а);

в) подстрекательство, принуждение или предоставление девушки для того, чтобы она подверглась любому из актов, перечисленных в пункте а.» [4].

Следует отметить, что Российская Федерация данную конвенцию не подписала, но обрезание в этой стране под запретом.

Что касается мужского обрезания, то эксперты Всемирной организации здравоохранения говорят, что сравнивать мужское и женское обрезание ошибочно. Так, Кристина Паллитто из Департамента репродуктивного здоровья и исследований ВОЗ уверена, что «мотивы и цели совершения обрезания мужчинам и женщинам совершенно разные. В случае женщин нет никакой пользы для здоровья. Нет никаких медицинских показаний» [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что женское обрезание является прямым нарушением прав человека, является примером гендерной дискриминации и проявления насилия в отношении женщин. Женское обрезание в отношении детей, кроме того, является нарушением прав ребенка. Мерами по недопущению такой процедуры может являться жесткий контроль со стороны государств прежде всего за перечнем услуг, предоставляемых в медицинских учреждениях, и в первую очередь в тех государствах, в которых большую роль играют традиции и обычаи.

Список использованной литературы

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 25.05.2020.

2. Женское обрезание: 200 млн операций, несмотря на запрет [Электронный ресурс] // Би-би-си. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-47142789>. – Дата доступа: 25.05.2020.

3. Заведено первое в России уголовное дело по факту обрезания клитора девочке [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2020/05/19/magas/>. – Дата доступа: 25.05.2020.

4. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашнем насилии [Электронный ресурс] / Совет Европы. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168046253f>. – Дата доступа: 25.05.2020.

5. ООН: женское обрезание – нарушение прав человека. В 28 штатах Америки приняли законы, криминализирующие эту практику [Электронный ресурс] // Голос Америки. – Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/a/zero-tolerance-to-female-genital-mutilation/477-5851.html>. – Дата доступа: 25.05.2020.

6. Практика нанесения увечий женским гениталиям [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа:

<https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/female-genital-mutilation>. –
Дата доступа: 25.05.2020.

М. С. ДОРОФЕЕВА

Витебск, Витебский государственный университет имени

П. М. Машерова

Научный руководитель – М. А. Козак, старший преподаватель

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ЖИЗНЬ НОВОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ США

Права человека являются высшей ценностью и находятся под особой охраной не только в рамках национального законодательства, но и на международном уровне. Права человека проявляются в различных сферах его жизнедеятельности, что сказывается на охвате большого спектра различных правоотношений.

При такой масштабности стоит не забывать о наиболее уязвимых слоях населения, к которым относятся дети. Дети, в силу своего возраста и способностей, имеют ряд отличительных прав наряду с основными: право жить и воспитываться в семье, выражать свое мнение, право на охрану здоровья, право на образование, право ребенка на индивидуальность. Все эти права закреплены на международном уровне и реализуются в странах-участниках, которые ратифицировали международные акты, отражающие данные права [3].

Актуальность данной темы заключается в том, что основным и главенствующим правом остается право на жизнь. Ребенок, находясь еще в утробе матери, уже обладает данным правом. Однако не все матери берут на себя ответственность реализовать данное право в полной мере. Многие боятся брать на себя ответственность за воспитание ребенка и пытаются различными способами отказаться от него, при этом нарушая основные права ребенка. В силу того что новорожденный ребенок не может самостоятельно позаботиться о себе в первые дни его жизни, государство берет ответственность на себя за его жизнь и здоровье, используя различные правовые формы.

Целью данной статьи является анализ проблем, возникающих в законодательстве США при защите права на жизнь новорожденного ребенка, а также основных путей решения данной проблемы.

В США имеет место запрет на аборт на поздних сроках, что защищает жизнь новорожденного ребенка. Права детей всегда имеют более высокую значимость, нежели права взрослых. Для того чтобы

сохранить жизнь «нежеланному» ребенку, государство обеспечивает различные правовые меры для сохранения ему жизни.

Так, мать может отказаться от ребенка посредством различных форм отказа. Она может написать заявление об отказе от ребенка в учреждении здравоохранения сразу же после родов. Такая процедура считается самой популярной среди женщин. Ей предоставляется бланк для заполнения с основными данными о ней и ребенке, также она пишет заявление о том, что не против усыновления или удочерения. Если известен отец ребенка, то он также пишет отказное заявление. После этого ребенок передается в детский дом, где его смогут забрать «новые родители» [1, с. 104].

В наши дни еще одной из распространенных форм отказа матери от новорожденного ребенка являются бэби-боксы. Первый Safe Heaven Baby Box был открыт Моникой Келси, девушкой, которую в детстве также мать оставила в больнице после рождения, в 2016 году. Бэби-бокс предотвратил большое количество смертности среди детей. В США в системе бэби-боксов существует возрастной предел. Малыша можно оставить там только до 45-дневного возраста.

На данный момент в Америке также действует «Закон Мозеса», или Baby Safe Heaven Law, который предусматривает факт того, что мать может оставить ребенка-отказника в отделении полиции, в пожарной части или в больнице анонимно. Согласно статистике, после ввода такого закона за первый год таким образом было оставлено около 3300 детей.

США можно считать одной из показательных стран по защите прав ребенка. Здесь имеется большое количество законов, отражающих права детей. Так, одной из мер государственной защиты прав детей является служба Child Protective Services (CPS). Данная служба борется с жестоким обращением с детьми в американских семьях. В случае если данный факт обнаружен, ребенка могут забрать в социальный приют, где им какое-то время будут заниматься специалисты. А родителям будет предоставлено время для того, чтобы изменить ситуацию в семье [4].

Министерство здравоохранения США реализует различные программы в отношении детей. Существует программа «Самостоятельная жизнь» для детей из асоциальных семей, где их учат основным навыкам быденной жизни. Также есть программа для детей-инвалидов, а также детей с врожденными и патологическими заболеваниями, от которых отказались родители. Министерство здравоохранения США оказывает таким детям наиболее значимую поддержку, касающуюся их здоровья. Для них предоставляются реабилитационные центры, где с ними занимаются специализированные врачи [2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государство на национальном уровне оказывает как правовую, так и непосредственную

поддержку детей. Права детей – наивысшая ценность для государства. Однако на законодательном уровне в США не разделяют права детей и права новорожденных детей. Также в законодательстве США точно не определен возраст новорожденного ребенка. Только по практике педиатрии можно сделать вывод о том, что новорожденным принято считать ребенка в возрасте до 28 дней. По сей день в США остается главной проблемой жестокое обращение с детьми. При этом под этим понятием имеются в виду не только какие-либо физические действия в отношении ребенка, но даже и оставление ребенка без присмотра. Медицинские, судебные, социальные и законодательные службы борются с этим посредством «наказания законом» родителей. Исходя из анализа сложившейся ситуации можно сделать вывод о том, что, основываясь на многолетнем стремлении к сокращению сиротства, государство пришло к правильным мерам, а именно – превентивным. Они заключаются в выявлении кризисных семей, временном помещении ребенка в замещающую семью до исправления ситуации, а при невозможности данного исправления – до подбора усыновителей. Сегодня государство обеспечивает все формы отказа матери от ребенка должным образом для того, чтобы избежать ошибок, сохранив при этом позитивный потенциал государства в целом.

Список использованной литературы

1. Арчакова, Т. О. Практики анонимного оставления новорожденного ребенка в Европе и США: многообразие подходов / Т. О. Арчакова // Соц. психология и о-во. – 2012. – № 2. – С. 103–115.
2. Бурдо, Е. П. Проблемы имплементации обязательств государств – участников Конвенции ООН по правам ребенка 1989 года / Е. П. Бурдо, И. Г. Гаранина // Инновационные подходы в системе высшего профессионального образования в структуре сетевого обучения : материалы итоговой науч.-практ. конф. преподавателей и аспирантов (с междунар. участием). – Казань : Ун-т упр. «ТИСБИ», 2014. – С. 48–57.
3. Мазуров, А. Об опыте использования бэби-боксов за рубежом [Электронный ресурс] / А. Мазуров. – Режим доступа: <http://rvs.su/statia/ob-opyte-ispolzovaniya-bebiboksov-za-rubezhom>. – Дата доступа: 29.04.2020.
4. Навара, И. Закон об анонимном отказе от новорожденного [Электронный ресурс] / И. Навара. – Режим доступа: <http://www.partner-inform.de/partner/detail/2015/6/212/7458/zakon-ob-anonimnom-otkaze-ot-novorozhdenного.html>. – Дата доступа: 29.04.2020.

А. А. КАМЫШ

Гродно, Гродненский государственный университет
имени Я. Купалы

Научный руководитель – Н. В. Ватыль, кандидат политических наук,
доцент

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА БЕЛОРУССКИХ ГРАЖДАН НА ПОЛУЧЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: НА ПРИМЕРЕ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь человек, его права, свободы и гарантии являются высшими ценностями и целями общества и государства. Государство гарантирует права и свободы граждан Республики Беларусь, которые закреплены в законах. Каждый человек имеет право на жизнь и охрану здоровья [1].

Бурное развитие трансплантологии, наблюдаемое в течение последнего десятилетия во всем мире, позволило эффективно оказывать медицинскую помощь пациентам, которые до этого считались безнадежно больными. Пересадка органов позволяет не только продлевать жизнь данным пациентам, но и значительно улучшать качество их жизни.

Закон Республики Беларусь от 4 марта 1997 г. «О трансплантации органов и тканей человека» регулирует отношения, связанные с развитием трансплантации органов и тканей человека, для обеспечения прав граждан Республики Беларусь на охрану жизни и здоровья. Преамбула Закона предусматривает, что он основан на принципах гуманности и определяет правовые, организационные и социальные основы для трансплантации органов и тканей человека [2].

Однако при проведении трансплантации возникают такие сложности реализации данного права, как нехватка донорских материалов, невозможность перекрестного донорства, отказ от изъятия органов после смерти.

Важную роль в осуществлении права, которое закреплено в ст. 45 Конституции Республики Беларусь, прежде всего, играет государство. Также Конституция предусматривает, что государство обеспечивает условия доступного медицинского обслуживания для всех граждан. Следует отметить, что согласно статье 45 Конституции Республики Беларусь граждане имеют право на бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения.

Сегодня одной из важных проблем в трансплантологии является нехватка донорского материала. Пересадка органов от живого донора

является достаточно опасной. Ведь при этом ради спасения жизни одного человека (реципиента) происходит сознательная травматизация, нанесение ущерба здоровью другого (донора). Происходит отступление в отношении донора от одного из основополагающих принципов медицины – «не навреди». Поэтому законодательно гарантируется бесплатное лечение донора в учреждении здравоохранения в связи с проведенной операцией [4].

Оправданным этот тип трансплантации может быть признан лишь при следующих условиях:

1) когда этот шаг сделан донором добровольно, то есть отсутствует принуждение любого вида;

2) когда это действие является альтруистическим (бескорыстным), то есть исключается коммерческая сделка, акт купли-продажи;

3) когда это действие осознанно, то есть основывается на полноте информации, предоставляемой врачом.

Иными словами, донорство должно быть добровольной, осознанно совершенной и альтруистической (бескорыстной) жертвой.

В этом случае достаточно важным является информирование граждан о правовом регулировании данных отношений. Достаточно трудно представить себе социальную рекламу трансплантации, рассказывающую о проблемах в данной области, показывающую на примерах, что не стоит бояться задумываться о донорстве.

Во всех странах мира сегодня принята практика пересадки органов и тканей от живого донора только лицам, являющимся ему близкими родственниками, что помогает обеспечить принципы добровольности и альтруизма. Но проблемы могут возникать и при близкородственных пересадках. В частности, это опасность семейного давления или даже принуждения в отношении потенциального донора. Решение этой проблемы может быть обеспечено конфиденциальностью, т. е. когда любая информация о потенциальном доноре или реципиенте передается родственникам только с его прямого согласия. В свою очередь происходит сохранение конституционного права на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь [4].

В Республике Беларусь законодательно закреплена презумпция согласия на изъятие органов и тканей у умершего человека, которая трактует, что лицо, его близкие родственники или законный представитель не выражали свою волю либо не имели соответствующих документов для подтверждения той либо иной воли, как наличие положительного волеизъявления для такого изъятия.

Согласно такому правовому регулированию, которое имеет положительное значение для развития трансплантологии в Республике

Беларусь, преследует гуманные цели – сохранение жизни реципиента и восстановление его здоровья, важно поддерживать баланс защищаемых конституционных ценностей, должным образом гарантировать реализацию гражданином либо его близкими родственниками или законным представителем права выразить несогласие на забор органов для трансплантации после смерти [3].

Таким образом, здоровье является социально значимым фактором, по его уровню и состоянию принято судить о степени развития и благополучия государства. Здоровье достигается благодаря постоянным усилиям всех государственных учреждений и общественных структур. Участие граждан в общественных процессах является важной частью национального богатства. Поэтому здоровье каждого гражданина охраняется обществом, а эффективная система здравоохранения является важным стабилизирующим фактором и гарантом обеспечения конституционных прав и успешного развития нашей страны.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.
2. О трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 марта 1997 г., № 28-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
3. Здасюк, Н. И. Содержание конституционного права граждан Республики Беларусь на охрану здоровья / Н. И. Здасюк // Право и демократия : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7 / Белорус. гос. ун-т ; ГрГУ им. Я. Купалы ; Акад. МВД Респ. Беларусь ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Университетское, 1995. – С. 48–55.
4. Сальников, В. П. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования / В. П. Сальников, С. Г. Стеценко. – СПб. : Фонд «Университет», 2000. – 140 с.

А. К. КУЛИЧИК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. З. Шалаева, кандидат юридических наук,
доцент

**ВИДОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ
СОГЛАШЕНИЙ В СФЕРЕ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Вопросам соотношения международного и национального права в научной литературе уделялось достаточно внимания. Это труды таких зарубежных авторов, как И. И. Лукашук [6], С. В. Черниченко [8], А. С. Гавердовский [2], Л. Ф. Браво [1], Б. Конфорти [5], а также белорусских исследователей А. И. Зыбайло [3], В. Ю. Калугина [4], Л. В. Павловой [7].

Правовое регулирование адвокатской деятельности в Республике Беларусь осуществляется как национальным, так и международным законодательством. Республика Беларусь признает приоритет принципов международного права, однако, к сожалению, не все из них закреплены в национальном законодательстве.

Для целей данного исследования международные акты разделены на две большие группы: ратифицированные Республикой Беларусь и нератифицированные. Далее международные акты, ратифицированные Республикой Беларусь, нами классифицируются по различным основаниям.

По содержанию международные соглашения можно разделить на три группы.

К первой группе относятся международные акты, закрепляющие основные права и свободы человека, которые и являются в конечном итоге объектом защиты: Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция о правах ребенка, Конвенция о правах инвалидов.

Во вторую группу международных соглашений можно включить договоры о правовой помощи. Данный вид договоров способствует международному сотрудничеству в таких областях, как осуществление процессуальных действий, предоставление необходимых сведений, оказание помощи своим гражданам на территории другого государства, получение доказательств, исполнение судебных решений на территории другой страны, экстрадиция.

Внутри данной группы договоры о правовой помощи также можно разделить по субъектному составу на двусторонние и многосторонние. К многосторонним договорам относятся Конвенции между государствами –

участниками СНГ: Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (Минская конвенция), Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. (Кишиневская конвенция). К двусторонним договорам относится ряд международных договоров между Республикой Беларусь и Литвой, Латвией, Турцией, Сербией, Болгарией, КНР, Польшей, ОАЭ и другими странами.

Также договоры о правовой помощи можно разделить и еще по одному основанию, а именно по объекту, то есть по тем отраслям права, в которых осуществляется сотрудничество. Так, договоры о правовой помощи могут охватывать только одну отрасль права, например Договор между Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам, а могут охватывать две и более отрасли права, например Договор между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (две отрасли), Договор между Республикой Беларусь и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам (охватывает сразу четыре отрасли).

К третьей группе международных актов, ратифицированных Республикой Беларусь, можно отнести «узкоспециализированные» соглашения, то есть те акты, которые регулируют какую-то определенную сферу деятельности на международной арене и к которым иногда приходится обращаться адвокатам для оказания юридической помощи своим клиентам. К ним относятся, например Конвенция о Договоре международной дорожной перевозки грузов, Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров, Конвенция о сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю.

По юридической силе международные соглашения, ратифицированные Республикой Беларусь, делятся в зависимости от органа, который соглашение заключает. По данному признаку международные договоры подразделяются на межгосударственные, межправительственные и межведомственные. К межгосударственным относятся, в частности, уже упомянутые выше двусторонние договоры о взаимной правовой помощи. К межправительственным относятся, например, Конвенции Гаагской конференции по международному частному праву: Конвенция о международном доступе к правосудию, Конвенция о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи, Конвенция о праве, применимом к дорожно-транспортным происшествиям,

и др. К межведомственным соглашениям относятся Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству между Министерством юстиции Республики Беларусь и Министерством права Республики Сингапур, Меморандум о сотрудничестве между Министерством юстиции Республики Беларусь и Министерством юстиции Турецкой Республики.

Стоит также отметить, что если разделить международные акты в зависимости от сферы регулирования, то оказывается, что практически все ратифицированные Республикой Беларусь акты непосредственно адвокатскую деятельность не регулируют, они задают какие-то базовые принципы оказания юридической помощи, в том числе и на взаимной основе с другими странами. В то время как составляющие вторую группу акты, включающие в себя международно-правовые стандарты, непосредственно регулирующие адвокатскую деятельность, такие как независимость адвокатской профессии, профессиональная этика, конфиденциальность, профессиональное страхование, допуск к адвокатской профессии и адвокатской деятельности, взаимоотношения с судом и др., Республикой Беларусь не ратифицированы.

Таким образом, нами предложена видовая классификация по различным основаниям международных актов, ратифицированных Республикой Беларусь и включенных в систему национального права. Систематизация позволяет увидеть взаимосвязь между актами, объединенными в одну группу, а также значительно упрощает работу с нормативными актами, так как они объединены в группы по определенному признаку. Классификация имеет практический характер и может применяться юристами в своей деятельности.

Список использованной литературы

1. Браво, Л. Ф. Применение международного права в правопорядке европейских стран / Л. Ф. Браво // Российский ежегодник международного права. 1995 / гл. ред. Л. Н. Галенская. – СПб. : СКФ «Россия-Нева», 1996. – С. 131–139.
2. Гавердовский, А. С. Имплементация норм международного права / А. С. Гавердовский. – Киев, 1978. – 319 с.
3. Зыбайло, А. И. Некоторые теоретические и практические аспекты имплементации норм международного права в Республике Беларусь / А. И. Зыбайло // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. Вып. 1. – Минск : БГУ, 2009. – С. 74–82.
4. Калугин, В. Ю. Механизм имплементации международного гуманитарного права / В. Ю. Калугин. – Минск, 2003. – 336 с.

5. Конфорти, Б. Международное право в практике европейских судов / Б. Конфорти // Российский ежегодник международного права. 1995 / гл. ред. Л. Н. Галенская. – СПб. : СКФ «Россия-Нева», 1996. – С. 156–167.

6. Лукашук, И. И. Глобализация, государство, право, XXI век / И. И. Лукашук. – М. : Спарк, 2000. – 279 с.

7. Павлова, Л. В. Особенности законотворчества Республики Беларусь в области заключения международных договоров / Л. В. Павлова // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. Вып. 1. – Минск : БГУ, 2009. – С. 102–111.

8. Черниченко, С. В. Теория международного права : в 2 т. / С. В. Черниченко. – М. : НИМП, 1999. – Т. 1 : Современные теоретические проблемы. – 1999. – 336 с.

С. Ю. МАРКИН

Минск, Управление военных сообщений

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОХОЖДЕНИИ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СЛУЖБЫ

В соответствии со ст. 31 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом. Принцип свободы совести является одним из важнейших принципов права, и любое правовое государство обязано его соблюдать, реализуя на практике. Одной из форм реализации данного принципа является право гражданина на замену воинской службы альтернативной службой. Конституция императивно устанавливает, что защита Республики Беларусь – обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь. Однако в ч. 2 ст. 57 Конституции упоминается термин «альтернативная служба»: «Порядок прохождения воинской службы, основания и условия освобождения от воинской службы либо замена ее альтернативной определяются законом».

В решении Конституционного Суда от 26 мая 2000 г. № Р-983/2015 «О некоторых вопросах реализации статьи 57 Конституции Республики Беларусь» указано на необходимость обеспечения права граждан Республики Беларусь на замену, в частности по религиозным убеждениям, воинской службы альтернативной путем установления действенного

механизма реализации этого права. Несмотря на это, на протяжении 19 лет в Республике Беларусь закон, регулирующий данные правоотношения, отсутствовал, и нормы международного права не были имплементированы.

Закон Республики Беларусь «Об альтернативной службе» (далее – Закон об альтернативной службе) был принят 4 июня 2015 г. и вступил в силу с 1 июля 2016 г.

Альтернативная служба определена как общественно полезная деятельность, осуществление которой возлагается на граждан Республики Беларусь взамен воинской службы. Альтернативная служба не связана со службой в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь.

Одним из условий для направления гражданина на альтернативную службу является его личное заявление о том, что принятие Военной присяги, ношение, применение оружия или непосредственное участие в производстве и обслуживании оружия, боеприпасов и боевой техники противоречат их религиозным убеждениям в той мере, в которой становится невозможным прохождение воинской службы.

Конституционный Суд в своем Решении от 27 мая 2015 г. № Р-983/2015 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “Об альтернативной службе”» отметил, что принятие решения о замене воинской службы на альтернативную зависит от глубины религиозных убеждений гражданина, делающей невозможным прохождение им воинской службы. Следует отметить, что в законодательстве не существует определения такого понятия, как «глубина убеждений», кроме того, не указаны критерии, по которым можно оценить глубину религиозных убеждений. По нашему мнению, конкретизация данных понятий необходима.

Организация, в которую гражданин направлен для прохождения альтернативной службы, в течение пяти рабочих дней издает приказ (распоряжение) по согласованию с органом по труду, занятости и социальной защите по месту своего нахождения о закреплении обязанностей гражданина, проходящего альтернативную службу, режима времени исполнения обязанностей альтернативной службы гражданина, а также о назначении из числа работников организации лиц, ответственных за работу с гражданином, проходящим альтернативную службу.

Данный подход предопределяет сущность института альтернативной службы в Республике Беларусь и правовую природу отношений при прохождении альтернативной службы. Оформление правоотношений гражданина, проходящего альтернативную службу, и организации не трудовым договором, а путем издания организацией приказа (распоряжения) по согласованию с органом по труду, занятости и

социальной защите означает, что законодатель определил административную природу возникающих отношений. По своей сути данные отношения становятся не только служебными, но и лишенными волеизъявления гражданина.

По нашему мнению, лицо, проходящее альтернативную службу в организации, фактически выполняет трудовую функцию, так как применяет свою способность к труду, а отношения, связанные с прохождением альтернативной службы, должны иметь сложный юридический состав и регулироваться не только административным, но и трудовым правом.

По нашему мнению, обоснованным, в том числе с учетом норм международного права, является регулирование отношений между гражданином, проходящим альтернативную службу, и организацией нормами трудового права с учетом законодательства об альтернативной службе.

Для выработки предложений совершенствования законодательства необходимо определить порядок соотношения отраслей права. Актуален вопрос о соотношении трудового и административного права. Рассмотрим вариант субсидиарного применения норм трудового права к отношениям альтернативной службы. Согласимся с Л. А. Чикановой, по мнению которой возможность субсидиарного применения норм одной отрасли права к другой допускается только при наличии следующих условий: 1) соответствующие отрасли права являются смежными, то есть регулируемые ими отношения сходны по своей природе; 2) законодатель отказывается от дублирования идентичных правовых норм в различных отраслях права в целях разумного и экономного расположения нормативного материала [2, с. 15]. По мнению А. И. Абрамовой, при субсидиарном применении мы имеем дело не со сходными, а качественно однородными по содержанию общественными отношениями разных отраслей законодательства, единым видом явлений, в которых тождественны друг другу не только существенные, но и малозначительные признаки [1, с. 48].

По нашему мнению, субсидиарное применение норм трудового права при регулировании вопросов прохождения альтернативной службы не может иметь место. Это обусловлено следующими обстоятельствами: во-первых, административное право и трудовое право не являются смежными отраслями права; во-вторых, отношения по прохождению альтернативной службы должны являться трудовыми; в-третьих, альтернативная служба, по нашему мнению, по своей сущности является именно трудовой деятельностью.

Необходимо предусмотреть заключение между гражданином, направленным на альтернативную службу, и организацией договора, который содержал бы как императивно предусмотренные законодательством об альтернативной службе условия, так и договорные положения, а субъектами правоотношений, возникающих в процессе прохождения гражданином альтернативной службы, должны являться гражданин, проходящий альтернативную службу, и организация. На органы по труду, занятости и социальной защите необходимо возложить лишь обязанности по контролю подчиненных организаций за соблюдением в них прав и законных интересов граждан, проходящих альтернативную службу, а также координации деятельности подчиненных органов по вопросам альтернативной службы.

По нашему мнению, административные отношения должны предопределять следующие за ними трудовые отношения и являться основанием их наступления, устанавливая границы действия трудового права и объем полномочий сторон при заключении срочного трудового договора. Трудоправовое регулирование отношений в рамках организации позволит избежать возможных пробелов в законодательстве и усовершенствует институт альтернативной службы. Изменение сложившегося законодательного подхода в Республике Беларусь представляется возможным и оправданным.

Список использованной литературы

1. Абрамова, А. И. Субсидиарное применение правовых норм как способ оптимизации законодательного регулирования / А. И. Абрамова // Журн. рос. права. – 2013. – № 5. – С. 46–55.
2. Чиканова, Л. А. Применение трудового законодательства к служебным отношениям на государственной гражданской службе: теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Л. А. Чиканова. – М., 2005. – 312 л.

С. Ю. МАРКИН

Минск, Управление военных сообщений

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СЛУЖБЫ

Основополагающей нормой, послужившей основой для развития института альтернативной службы, явилась ст. 18 Всеобщей декларации прав человека, которая гласит: «Каждый человек имеет право на свободу

мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов». В связи с тем, что данная норма имеет общий характер, понятие права на свободу мысли, совести и религии в ней не конкретизировано. Более подробно данное право раскрыто в ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – Пакт). В соответствии с частью 1 данной статьи каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении.

Право на свободу мысли, совести и религии следует рассматривать как основание для возникновения права на сознательный отказ от военной службы. Институт освобождения от прохождения военной службы вытекает из данных норм, однако напрямую в них не предусмотрен. Право на отказ от военной службы упоминается в пп. II п. с ч. 3 ст. 8 Пакта, где указывается, что «термином “принудительный или обязательный труд” в настоящем пункте не охватываются: ...; II) какая бы то ни была служба военного характера, а в тех странах, в которых признается отказ от военной службы по политическим или религиозно-этническим мотивам, какая бы то ни была служба, предусматриваемая законом для лиц, отказывающихся от военной службы по таким мотивам; ...» [1, ст. 8]. Отметим, что Республика Беларусь ратифицировала данный пакт в 1973 г. Положения данной статьи конкретизируются иными международными договорами и соглашениями.

Так, в соответствии с Декларацией о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, принятой Резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН в 1981 г., религия или убеждения являются для каждого, кто их придерживается, одним из основных элементов его понимания жизни и свободу религии или убеждений следует полностью соблюдать и гарантировать.

Резолюцией Парламентской Ассамблеи Совета Европы убеждениями, дающими право на отказ от военной службы, названы религиозные, этические, моральные, гуманитарные, философские и сходные мотивы. Комитет ООН по правам человека определил «религиозные верования» как совокупность теистических, нетеистических и атеистических убеждений, а также совокупность традиционных религий с иными религиями, имеющими устоявшиеся характеристики [3, с. 31].

В 1947 г. при Экономическом и социальном совете была учреждена Подкомиссия ООН по поощрению и защите прав человека, которая активно занималась проблемой сознательного отказа от военной службы. В 2007 г. ее сменил Консультативный комитет Совета по правам человека. Деятельность подкомиссии по данному вопросу изначально заключалась в работе Специального докладчика по вопросу дискриминации относительно религиозных прав и практики [2, с. 103].

Однако именно Комиссия ООН по правам человека стала движущей силой признания права на отказ от воинской службы в разрезе международных прав человека. 22 марта 1971 г. на 1131 заседании Комиссией был принят проект Резолюция 11 В (XXVII) с устными поправками: 18 голосов «за», 3 голоса «против», при 7 воздержавшихся [2, с. 118]. Несмотря на это, вопрос о необходимости дальнейшего регулирования права на сознательный отказ от военной службы оставался актуальным.

В 1987 г. Комиссия по правам человека приняла Резолюцию, которая рекомендовала государствам, в которых существует обязательная воинская служба, рассмотреть вопрос о предоставлении различных форм альтернативной службы. Резолюция 1987/46 стала первой Резолюцией Комиссии по правам человека, которая установила, что право на отказ от военной службы по политическим или религиозно-этическим мотивам производно от права на свободу мысли, совести и религии.

В Резолюции 1989/59 от 8 марта 1989 г. «Отказ от военной службы по соображениям совести» Комиссия ООН по правам человека признала право каждого на право отказа от воинской службы как законное выражение права на свободу мысли, совести и религии, которое закреплено в ст. 18 Всеобщей декларации прав человека и ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. Данная Резолюция является первым правовым документом международного характера, устанавливающим право лица на отказ от военной службы.

В Резолюциях 1995 и 2002 гг. Комиссия ООН по правам человека призывает государства провести обзор действующего законодательства с целью устранения возможных пробелов и принятия необходимых мер. Резолюция 1995 г. подчеркивает, что формы альтернативной службы должны быть небоевого либо гражданского характера, осуществляться в общественных интересах и не иметь характера наказания. Кроме того, данная резолюция призывает государства учредить независимые и объективные органы для рассмотрения заявлений об обоснованности отказа от военной службы.

В 1998 г. Комиссией по правам человека была принята Резолюция 1998/77 «Отказы от воинской службы по политическим или религиозно-

этическим мотивам». Комиссия по правам человека приняла более широкое толкование понятия права на отказ от воинской службы, которое не ограничивается идеями пацифизма. Такое более мягкое отношение к праву на отказ от воинской службы явилось следствием принятия Комитетом по правам человека Замечаний общего порядка № 22 по ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах в 1993 г., в которых Комитет по правам человека изменил свою прежнюю позицию и признал право на отказ от воинской службы, которое косвенно закреплено в ст. 18. Следовательно, право на отказ от воинской службы рассматривается Комитетом по правам человека как право на свободу совести наряду с другими правами человека. Комитет по правам человека отметил, что право на отказ от воинской службы вытекает из ст. 18, «так как использование смертельного оружия может противоречить свободе совести».

Согласно докладу Генерального секретаря, подготовленному в соответствии с Резолюцией 1998/77, альтернативная служба подразделяется на виды. Выделяется небоевая альтернативная служба, которая связана с работой в воинских формированиях, и альтернативная служба гражданского характера, не связанная с деятельностью воинских формирований.

Проанализировав вышеуказанные нормы международного права, можно выделить некоторые критерии альтернативной гражданской службы: отсутствие управления альтернативной гражданской службой со стороны военных ведомств и отсутствие связи с любыми военными учреждениями, не оснащенными для осуществления социальной деятельности.

Следует отметить, что для международного права институт альтернативной службы является молодым явлением. Проанализированные в данном разделе международно-правовые акты свидетельствуют о повышенном внимании ряда международных организаций, в том числе и ООН, к такому неотъемлемому праву человека как право на замену воинской службы альтернативной, которое производно от права на свободу мысли, совести и религии.

Список использованной литературы

1. О гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : междунар. пакт Организации Объединенных Наций : принят в г. Нью-Йорке 16.12.1966 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Альтернативная гражданская служба. Стандарты и подходы к реформированию : сб. ст. и док. / Центр правовой трансформации ; сост.: М. Пашкевич [и др.]. – Минск : Монлитера, 2010. – 378 с.

3. Украинцева, В. С. Конституционное право граждан Российской Федерации на альтернативную гражданскую службу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / В. С. Украинцева. – Саратов, 2007. – 169 л.

Н. Н. МАСЛАКОВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ СВЯЗИ ТРУДОВОГО И УЧЕБНО-ТРУДОВОГО ПРАВООТНОШЕНИЙ

В науке трудового права сформировались две следующие концепции на предмет содержания и структуры трудового правоотношения: 1) концепция расщепленного трудового правоотношения (комплекса взаимосвязанных элементарных правоотношений (связей) и 2) концепция единого длящегося трудового правоотношения. Последняя концепция является превалирующей сегодня.

Отношения, связанные с профессиональной подготовкой работников на производстве (в научной литературе именуется ученическими, учебно-трудовыми), включаются в сферу регулирования норм трудового права, в связи с чем их связь с индивидуальным трудовым правоотношением неоднократно подвергалась научному анализу. В современной юридической литературе по этому вопросу имеются два полярных мнения, сводящиеся к следующему: 1) отношения, связанные с профессиональной подготовкой работников, включаются в структуру трудового отношения в качестве элементарных; 2) указанные отношения являются самостоятельными, непосредственно (тесно) связанными с трудовыми.

Так, например, С. А. Ивашковская полагает, что отношения по профессиональному обучению работников как непосредственно у работодателя (ученические), так и в образовательных учреждениях соответствующих типов и видов (по предоставлению гарантий и компенсаций в связи с совмещением работы с обучением) должны включаться в структуру единого сложного трудового правоотношения, поскольку налицо субъектный состав именно трудового отношения. Отношения же по поводу обучения лица, ищущего работу, по мнению С. А. Ивашковской, являются непосредственно связанными с трудовым отношением, поскольку в них вступает только один из субъектов трудового отношения – работодатель [1, с. 17]. В то же время В. Г. Глебов утверждает, что ученические отношения нельзя отнести к числу элементарных, входящих в состав единого сложного трудового правоотношения. Ученическое отношение возникает и прекращается по иным, чем трудовое отношение, юридическим фактам; имеет самостоятельный предмет;

ученические отношения с лицом, ищущим работу, имеют иной субъектный состав [2, с. 11]. В белорусской науке также представлены мнения по обозначенному нами вопросу. С. И. Жибартович (Викторова) придерживается взгляда, что отношения по профессиональной подготовке и повышению квалификации кадров непосредственно на производстве, исключая схожие правоотношения, существующие в отрыве от организации-нанимателя, относятся к иным правоотношениям в сфере трудового права [3, с. 49], однако С. И. Жибартович не аргументирует свою позицию. Л. Г. Березовская полагает, что учебно-трудовые отношения производны от трудовых, характеризуются сложной структурой правовой связи, наличием широкого спектра прав и обязанностей, которые, как правило, носят встречный характер [4, с. 7, 8].

Полагаем, из сферы трудового воздействия исключаются отношения, возникающие в связи с направлением работника в учреждение образования (другую организацию), на основании того, что они основаны исключительно на договоре в сфере образования [5]. Нами подвергаются анализу только отношения по профессиональному обучению работников (*под которым в силу положений ст. 220¹ Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) мы понимаем профессиональную подготовку, повышение квалификации, стажировку и переподготовку*) на производстве (у нанимателя), которое осуществляется для собственных нужд нанимателя по соглашению сторон либо обеспечивается нанимателем в случаях, предусмотренных законодательством, коллективным договором, соглашением, трудовым договором. Обозначенную группу отношений далее мы именуем как учебно-трудовые отношения.

Учебно-трудовые отношения не имеют собственной трудовой формы, регламентированной нормами национального законодательства о труде. Речь идет об известных науке трудового права учебно-трудовых (ученических) договорах. Положения ч. 3 ст. 19, ч. 1 ст. 220¹ Трудового кодекса Республики Беларусь, гл. 4 Методических рекомендаций Министерства образования Республики Беларусь от 24 сентября 2012 г., Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 25 сентября 2012 г. предусматривают возможность опосредования указанных отношений трудовым договором, за исключением отношений, связанных с обучением работника в учреждении образования, иной организации. На основании изложенного усматриваем необходимость обоснования тезиса о том, что отношения, связанные с профессиональной подготовкой работников на производстве, не включаются в качестве элементарных в трудовое правоотношение, соответственно, не могут облекаться трудовым договором и должны предполагать собственную трудовую форму.

Наиболее полно концепция единого длящегося трудового правоотношения была разработана Н. Г. Александровым [6]. Ядром концепции является утверждение о том, что сложное правоотношение будет там, где каждый из субъектов несет ту или иную обязанность перед другим или где хотя бы один из субъектов несет перед другим не одну, а две (или более) связанные между собой обязанности. Всякое элементарное правоотношение, по мнению ученого, можно рассматривать в аспекте правомочия (а тем самым и соответствующей обязанности) либо в контексте обязанности (а тем самым соответствующего правомочия). Н. Г. Александров в структуре трудового правоотношения, например, выделяет отношения по поводу выплаты заработной платы, наложения дисциплинарного взыскания. Полагаем, учебно-трудоовые отношения не могут включаться в сложное трудовое отношение в связи с тем, что не являются элементарными.

Так, классиком трудового права выделены следующие характерные особенности, обуславливающие сложный характер трудового правоотношения: 1) каждая из сторон выступает по отношению к другой как обязанное и как управомоченное лицо; 2) каждая из сторон несет перед другой несколько обязанностей, которые могут служить предметом самостоятельного спора (требования) и подлежать различной юрисдикции; 3) «удвоение» субъекта на стороне нанимателя (*работодателя у Н. Г. Александрова*); 4) включение в состав некоторых правоотношений по материальному обеспечению (уплата страховых взносов). Предпримем попытку наложения обозначенных ученым критериев на учебно-трудоовые правоотношения:

1. Обучающийся работник и наниматель выступают по отношению друг к другу как обязанное и как управомоченное лицо. Для возникновения исследуемых отношений необходимо волеизъявление обеих сторон. Как уже излагалось нами, учебно-трудоовые отношения могут возникать на основании заключенного трудового договора, последующего приказа о направлении на обучение, которому должно предшествовать, по нашему мнению, заявление работника как форма выражения его волеизъявления. В качестве основных обязанностей нанимателя выступают организация обучения, обеспечение предоставления гарантий, обязанностью работника – пройти обучение. В то же время наличие правомочия у нанимателя подтверждается возможностью применения к работнику дисциплинарных взысканий, досрочного прекращения отношения. Правомочием работника может являться требование об обеспечении средствами индивидуальной защиты в период производственного обучения.

2. Каждая из сторон имеет перед другой несколько обязанностей, которые могут служить предметом самостоятельного спора. Н. Г. Александров отмечал, что сложное отношение будет там, где хотя бы один из

субъектов несет две (или более) связанные между собой обязанности. Так, полагаем, отказ работника от добровольно принятой обязанности пройти обучение может повлечь взыскание затраченных нанимателем средств в порядке гражданского судопроизводства, а опоздание, пропуск (прогул) занятия – применение дисциплинарного взыскания. Аналогично неуплата нанимателем обязательных страховых взносов в соответствии с п. 272 Указа Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 «О страховой деятельности» влечет применение административно-правовых санкций, а необеспечение (непредоставление) гарантий работнику, проходящему соответствующее обучение, является основанием для предъявления требований работников в порядке гражданского судопроизводства (например, о выплате заработной платы за период обучения), а также возможное применение к нанимателю административно-правовых санкций (например, по п. 4 ст. 9.19 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях).

3. «Удвоение» субъекта на стороне нанимателя. А. Г. Александров в качестве «удвоения» понимал распределение ответственности между нанимателем и его должностными лицами. В отношениях по профессиональной подготовке работников на производстве также наблюдается некоторое «удвоение» на стороне нанимателя. Следует отметить, что фактического расщепления субъекта на стороне нанимателя не происходит в связи с тем, что руководитель организации, мастер производственного обучения, педагогический работник являются уполномоченными должностными лицами, работниками нанимателя. В связи с этим субъектный состав учебно-трудового правоотношения «обучающийся работник – наниматель» не меняется. Тем самым мы не поддерживаем точку зрения некоторых ученых (например, О. В. Смирнова [7]), о том, что конструкция учебно-трудовых отношений, возникающих в случае обучения у нанимателя, имеет трехсторонний характер (ученик (обучающийся работник), обучающие лица и администрация). Применительно к учебно-трудовым отношениям организацию образовательного процесса (реализацию программ) осуществляет в силу положений Кодекса об образовании, постановления Совета Министров Республики Беларусь от 15.07.2011 № 954, ч. 2 ст. 220¹ ТК наниматель, выступая в качестве «иной организации». Однако реализация обучения осуществляется конкретными должностными лицами нанимателя: мастерами производственного обучения, педагогическими работниками, инструкторами производственного обучения, рабочими массовых профессий, инженерами по охране труда.

4. Включение в состав некоторых правоотношений по материальному обеспечению (уплата страховых взносов). Достаточно спорным в соотнесении

со сложившейся правовой действительностью является включение в структуру сложного трудового отношения в качестве элементарного правоотношений по материальному обеспечению, подразумевающих уплату страховых взносов. Так как в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 4 ТК отношения, связанные с государственным социальным страхованием, составляют самостоятельную группу отношений, связанных с трудовыми. Вместе с тем следует отметить, что в период профессионального обучения на работников распространяется государственное социальное страхование (в связи с тем, что основанием для перечисления взносов является заключенный трудовой договор (ст. 7 Закона от 31 января 1995 г. № 3563-ХІІ Республики Беларусь «Об основах государственного социального страхования»), а объектом для начисления обязательных страховых взносов является выплачиваемая работнику заработная плата (ст. 2 Закона Республики Беларусь от 29 февраля 1996 г. № 138-ХІІІ «Об обязательных страховых взносах в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь»)).

Руководствуясь изложенным, полагаем, включение учебно-трудового отношения в качестве элементарного (правовой связи) в структуру трудового правоотношения является необоснованным. Отношения, связанные с профессиональной подготовкой работников на производстве, не могут быть частью единого сложного трудового правоотношения на основании того, что сами имеют сложную структуру и обладают признаками сложного правоотношения. Нами не опровергается диалектическая связь трудового и учебно-трудового правоотношения, однако мы не усматриваем убедительных оснований применять трудовой договор в качестве формы облечения учебно-трудового отношения.

Считаем, что группа отношений, связанных с профессиональной подготовкой работников на производстве, регулируемая нормами трудового права, обладает достаточным потенциалом для опосредования собственной правовой формой, которой, по нашему мнению, должен быть учебно-трудовой (ученический) договор.

Список использованной литературы

1. Ивашковская, А. В. Правовое регулирование трудовых отношений в условиях реформы профессионального образования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / А. В. Ивашковская. – СПб., 2007. – 25 с.
2. Глебов, В. Г. Ученический договор : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / В. Г. Глебов. – Барнаул, 2005. – 20 с.
3. Викторова, С. И. Трудовое правоотношение: современная теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / С. И. Викторова – Минск, 2007. – 123 л.

4. Березовская, Л. Г. Правовое регулирование подготовки и повышения квалификации работников на производстве в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Л. Г. Березовская. – Минск, 2000. – 22 с.

5. Об утверждении типовых форм договоров в сфере образования [Электронный ресурс] : постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 21 июля 2011 г., № 99 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. Александров, Н. Г. Трудовое правоотношение / Н. Г. Александров. – М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. – 336 с.

7. Смирнов, О. В. Правовое регулирование подготовки новых рабочих на производстве / О. В. Смирнов // Учен. зап. Туркм. гос. ун-та, Вып. VIII. – Ашхабад, 1956.

М. В. МАХЛЯНКОВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Маслакова, старший преподаватель

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАПРЕТА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В юридической литературе существует мнение, что принудительный труд – атрибут прошлого. Однако принудительный труд проявляется в новых формах во всем мире и в наши дни. Количество жертв некоторых из форм принудительного труда даже растет в современном мире, для которого характерны процессы глобализации и международной миграции [3].

Принудительный труд является серьезной проблемой современного мира. Как отмечают эксперты Международной организации труда, в настоящее время практически нет стран, где не существовали бы неприемлемые формы принудительного труда [2]. С начала XX в. усилия мирового сообщества направлены на искоренение противоестественных, страшных форм принудительного труда, недопустимых в цивилизованном обществе [1].

Конвенция МОТ 1930 г. о принудительном или обязательном труде регламентирует применение принудительного труда. Согласно ст. 2 данной Конвенции принудительный труд – любая работа или служба, требуемая от какого-либо лица под угрозой наказания, для выполнения которой это лицо не предложило свои услуги добровольно.

На основании положений Конвенции МОТ 1930 г. была принята Конвенция МОТ № 105 об упразднении принудительного труда, согласно

которой каждое государство, ратифицировавшее данную Конвенцию, обязуется упразднить принудительный труд.

Также на международном уровне использование принудительного труда запрещается Международным пактом о гражданских и политических правах. Так, в ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах указывается, что никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах закрепляет право каждого человека на возможность зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается. Также стоит отметить, что оба эти пакта ратифицированы Республикой Беларусь.

На национальном уровне установлен запрет принудительного труда нормами законодательства о труде. Так, в соответствии со ст. 13 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) принудительный труд не может применяться к гражданам. Также ст. 13 ТК называет работы, которые требуются от лица не по его воле, однако не являются принудительным трудом. К такой работе относится: работа, выполняемая вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов; работа, выполнение которой обусловлено законодательством о воинской службе, об альтернативной службе либо чрезвычайными обстоятельствами [4].

В настоящее время возникает много споров по поводу отнесения к принудительному труду обязанных лиц, труда лиц, направленных в лечебно-трудовой профилакторий (далее – ЛТП), общественных работ по направлению службы занятости.

Рассмотрим более подробно труд обязанных лиц, регулируемый Декретом Президента Республики Беларусь № 18 от 24.10.2006 г. «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях». Так, обязанное лицо – родители, которые обязаны возмещать расходы по содержанию детей в случаях, предусмотренных Декретом Президента. Такими случаями являются следующие: отобрание детей у родителей по решению комиссии по делам несовершеннолетних или на основании решения суда без лишения родительских прав, лишения их родительских прав, нахождения их в розыске, лечебно-трудовых профилакториях, местах содержания под стражей, отбывания наказания в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы, ограничения свободы, ареста. Обязанными лицами являются как работающие, так и неработающие. Данные лица возмещают расходы по содержанию детей в добровольном порядке по заявлению, но не в полном объеме, подлежат трудоустройству по судебному

постановлению о трудоустройстве. В отношении всех обязанных лиц ч. 13 п. 14 Декрета установлено ограничение на увольнение: обязанное лицо не может быть уволено с работы до полного возмещения расходов по содержанию детей.

Рассмотрим детальнее труд лиц, направленных в ЛТП. В лечебно-трудовые профилактории направляют граждан, хронически больных алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, которые привлекались к административной ответственности за совершение административных правонарушений в течение года три и более раза в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. В данные профилактории могут направлять лиц, которые после предупреждения о возможности направления в ЛТП привлекались к административной ответственности в течение года. Также направлению в ЛТП подвергаются лица, обязанные возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, в случае нарушения ими трудовой дисциплины по причине употребления алкогольных напитков, наркотических веществ, даже в случаях, когда лица не страдают хроническим алкоголизмом, следовательно, не нуждаются в лечении.

Общественными работами по направлению службы занятости согласно Закону «О занятости населения Республики Беларусь» от 15 июня 2006 г. № 125-З являются общедоступные виды работ, выполняемые по срочным или гражданско-правовым договорам и направленные на социальную поддержку граждан. При направлении граждан на общественные работы в обязательном порядке учитывается состояние здоровья, возраст граждан. Также общественные работы приносят безработным дополнительную материальную поддержку.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод о том, что труд обязанных лиц, труд лиц, направленных в ЛТП, а также общественные работы, выполняемые по направлению службы занятости, нельзя отнести к принудительному труду, ввиду того что все вышеперечисленные виды работ направлены на создание условий для эффективной занятости населения, а также наиболее благоприятную обстановку в обществе. Направление граждан в ЛТП можно рассматривать как средство исправления лица. В свою очередь, труд обязанных лиц – это средство защиты прав и законных интересов детей в неблагополучных семьях и способ повышения ответственности родителей, не выполняющих обязанности по воспитанию и содержанию своих детей. Полагаем, трудовая деятельность указанных лиц направлена на реализацию принципа социальной справедливости, которая предусматривает достижение гражданами достойного уровня жизни.

Список использованной литературы

1. Новикова, О. И. Формы принудительного труда [Электронный ресурс] / О. И. Новикова // Молодой ученый. – 2009. – № 8 (8). – С. 104–111. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/8/595/>. – Дата доступа: 06.05.2020.
2. Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. – Женева, 2006.
3. Противодействие использованию принудительного труда. Руководство к действиям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/hyIN5up>. – Дата доступа: 06.05.2020.
4. Трудовой кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп. от 18 июля 2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Н. О. РАМАЗАНОВА

Минск, Белорусский государственный экономический университет
 Научный руководитель – Т. В. Телятицкая, кандидат юридических наук, доцент

О ПОНЯТИИ МИГРАЦИИ С ПОЗИЦИЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Миграция – чрезвычайно широкое понятие, далеко выходящее за рамки юриспруденции. Ее исследованием занимаются социологи, политологи, экономисты, географы, демографы и др. Безусловно, все они рассматривают миграцию с точки зрения предмета исследования своей науки, раскрывая тот или иной ее аспект. При этом необходимо учесть, что государственная миграционная политика становится все более комплексной, требующей системных подходов к управлению различными видами и направлениями миграционных процессов [1, с. 9].

Отсутствие общепризнанного понятия «миграция» приводит к тому, что в научно-правовой литературе также не существует единого подхода к указанному вопросу и единого определения этой правовой категории [10, с. 11].

Какой же смысл вкладывается в понятие «миграция» с позиций юриспруденции? По мнению Т. Н. Балашовой, миграция – это «совокупность правовых отношений, возникающих при планировании и территориальном пересечении гражданами, иностранными гражданами, лицами без гражданства как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории в иных

целях, обусловленная государственным регулированием, реализацией личных интересов и, как правило, влекущая приобретение нового правового статуса» [2, с. 20]. Как правоотношение рассматривает миграцию также А. Н. Жеребцов и Е. А. Малышев: «В юридическом смысле миграция населения есть правоотношение, возникающее между мигрантом и органом государственного управления в связи с реализацией первым субъективного права на свободу передвижения, а также между органами государственной власти по поводу формирования единой государственной политики страны в сфере территориального перемещения населения» [5, с. 11]. Е. Г. Моисеев определяет понятие миграции как «пересечение физическими лицами границ государственных или территориальных образований с целью как временного, так и постоянного пребывания (проживания)» [8]. Л. А. Васильева, отмечая многозначность данного понятия, выделяет два его значения – узкое и широкое. Под миграцией в широком смысле она предлагает понимать «любое перемещение населения за границы определенной территории (обычно – населенного пункта), независимо от того, на какой срок и с какой целью оно предпринимается», а в узком – «перемещение, связанное с изменением места жительства (населенного пункта), постоянного проживания» [3, с. 40]. По мнению А. И. Федорако, «миграция представляет собой перемещение физических лиц по различным причинам и целям из Республики Беларусь в другие государства и из других государств в Республику Беларусь, а также через административные границы территориальных единиц Республики Беларусь в целях изменения места жительства или места пребывания» [12, с. 24].

В литературе можно встретить и иные дефиниции понятия «миграция». Как видно, наиболее распространенной и признаваемой большинством исследователей группой определений миграции населения является отнесение к ней только территориальных перемещений населения. «Территориальные перемещения весьма разнообразны и различаются в зависимости от расстояния передвижения, от статуса объектов, между которыми происходят перемещения, от сроков и целей перемещения. Даже подразумевая под миграцией территориальные передвижения населения, в термин «миграция населения» различные исследователи вкладывают самый разнообразный смысл. Не случайно и в отечественной, и в зарубежной литературе появилось множество различных «прилагательных», конкретизирующих это понятие: сезонная, маятниковая, безвозвратная, временная, челночная, постоянная, экономическая, вынужденная, добровольная, экологическая, трудовая, городская, сельская, внешняя, международная, внутренняя и т. д.» [6, с. 8].

А. А. Мишунина рассматривает «миграцию населения как перемещение людей через границы тех или иных территориальных образований (внепоселенные перемещения) с постоянным или временным изменением места жительства, по различным причинам, целевой направленности, регулярности и продолжительности во времени» [7, с. 3].

По мнению М. Л. Тюркина, «миграция есть совокупность правовых отношений при проектировании и территориальном перемещении людей, обусловленная их государственным регулированием, реализацией личных и общественных интересов и, как правило, влекущая приобретение ими нового правового статуса» [11, с. 39].

О. Д. Воробьева считает, что в общем смысле «миграцию населения можно определить как любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учебы или трудовой деятельности независимо от того, под преобладающим воздействием каких факторов оно происходит – притягивающих или выталкивающих» [4, с. 35]. По мнению Л. Л. Рыбаковского, «миграция – это любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности этого движения» [9, с. 4]. Ряд авторов придерживаются мнения, что «миграция – это совокупность перемещений, способных существенно воздействовать на демографическую ситуацию, уменьшая или увеличивая численность населения в тех или иных географических районах, изменяя структуру общества» [13, с. 144].

Обобщая вышесказанное, полагаем, что миграцию целесообразно понимать как совокупность правовых отношений, возникающих при пересечении границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного или временного места жительства, и влекущее приобретение, реализацию, изменение и прекращение правового статуса лица.

Список использованной литературы

1. Андриченко, Л. В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения : монография / Л. В. Андриченко, И. В. Плюгина. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 392 с.
2. Балашова, Т. Н. Конституционно-правовое регулирование миграции в современной России: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Т. Н. Балашова. – Саратов, 2011.

3. Связь между убежищем и миграцией : учеб-метод. пособие / Л. А. Васильева [и др.]. – Минск : Асобны, 2007. – 240 с.

4. Воробьева, О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики / О. Д. Воробьева // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации. – 2003. – № 9 (202).

5. Жеребцов, А. Н. Административная ответственность в миграционном праве Российской Федерации: материальные и процессуальные аспекты / А. Н. Жеребцов, Е. А. Малышев. – М. : ООО «Юстицинформ», 2019. – 85 с.

6. Миграция, вынужденная миграция и безгражданство : пособие / А. В. Селиванов [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2020. – 200 с.

7. Мишунина, А. А. Система правового регулирования иммиграционных процессов в федеративном государстве: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. А. Мишунина. – Тюмень, 2010. – 46 с.

8. Миграционное право : учеб. пособие / Е. Г. Моисеев [и др.] ; под ред. А. Н. Чашина. – М. : Дело и Сервис, 2013. – 176 с.

9. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Наука, 1987. – 199 с.

10. Сандугей, А. Н. К вопросу о понятии «незаконная миграция» в российском праве / А. Н. Сандугей // Административ. и муницип. право. – 2008. – № 9. – С. 11–16.

11. Тюркин, М. Л. Совершенствование концептуально-правовых основ миграционной системы России : монография / М. Л. Тюркин. – М. : ВНИИ МВД России, 2004. – 117 с.

12. Федорако, А. И. Деятельность органов внутренних дел Республики Беларусь в сфере обеспечения административно-правового режима миграции иностранных граждан и лиц без гражданства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А. И. Федорако. – Минск, 2018. – 299 л.

13. Якимова, З. Проблемы социокультурной и правовой адаптации в Приморском крае трудовых мигрантов-беженцев из Украины / З. Якимова, И. Шкодич, М. Ибрагимова // О-во и экономика. – 2015. – № 3. – С. 142–147.

Д. Г. САВЧЕНКО

Гомель, Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

Научный руководитель – Ю. И. Иванова, старший преподаватель

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ

На данный момент в любом государстве, обладающем Конституцией, в данном отношении Республика Беларусь не является исключением, актуальными были и остаются проблемы реализации и, как следствие, защиты, в случае нарушения, неправомерного ограничения конституционных прав граждан.

Конституция Республики Беларусь, являясь ядром правовой системы государства, ориентиром для построения и нормального функционирования других отраслей государственной системы права, закрепляет права и свободы граждан как неотъемлемой части общества и государства. Сам факт закрепления этих прав и свобод еще не означает возможности их реальной реализации гражданами государства.

В большинстве государств существует механизм реализации и защиты конституционных прав. Для выявления проблем и поиска их решений необходимо осознавать, что данные проблемы кроются в большей степени не в самих конституционных нормах, а в механизмах, обеспечивающих их реализацию и защиту.

В Республике Беларусь такие механизмы существуют и действуют. Ключевое значение в системе механизма защиты конституционных прав имеют правоохранительные органы и судебная система. В случае если гражданин считает, что его права нарушены либо неправомерно ограничены, он имеет право обратиться в компетентные органы или суд для защиты нарушенных прав. Однако стоит отметить, что в случае, когда речь идет о судебной системе, имеются в виду именно суды общей юрисдикции, так как процедура обращения в Конституционный Суд сложна и опосредована государственными органами. Из этого следует вывод о том, что в Республике Беларусь отсутствует институт индивидуальной конституционной жалобы, который бы увеличил возможность граждан реализовать право на защиту своих прав.

К компетентным органам, в которые гражданин имеет право обратиться для защиты своих нарушенных прав, относятся Следственный комитет, Комитет государственной безопасности, Комитет государственного контроля, органы прокуратуры, органы внутренних дел.

Необходимо, чтобы государственные органы и должностные лица при рассмотрении материалов по фактам нарушения прав и свобод граждан, прежде всего, ссылались на конкретную норму Конституции, а уже после на тот или иной нормативный правовой акт.

Такая последовательность действий будет способствовать возрастанию значимости конституционных норм в правоприменительной практике в рамках защиты конституционных прав граждан.

Стоит отметить, что полнота реализации гражданами своих прав и свобод обусловлена еще и тем, насколько правильно пользуются ими сами граждане и каким смыслом наполняют эти понятия, не нарушают ли при этом законные интересы, права и свободы других граждан. Иными словами, права и свободы не безграничны, и за злоупотребление ими, неправомерное их использование Конституцией и иными актами законодательства установлена ответственность: граждане должны не только пользоваться соответствующими правами и свободами, но и неукоснительно исполнять свои обязанности (ч. 2 ст. 2 Конституции Республики Беларусь) [1, с. 173].

Низкий уровень правовой культуры приводит к правовому нигилизму, создает угрозу законности. Все это наносит непоправимый ущерб обществу, ведет к созданию противоречий и исключает какую-либо возможность конструктивного диалога для решения возникших в результате этих процессов проблем.

Повышение правовой культуры через правовое воспитание позволит сделать общество более гуманным, научит граждан в равной степени ответственно относиться к собственным обязанностям и уважительно к правам окружающих и, как следствие, будет способствовать более полной реализации гражданами и юридическими лицами своих прав.

Список использованной литературы

1. Вестник Академии МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Науч. репозиторий учреждения образования Акад. МВД Респ. Беларусь – Режим доступа: https://elib.amia.by/bitstream/docs/875/1/169_2015.pdf. – Дата доступа: 25.05.2020.

А. В. СЕНЬКО

Минск, Белорусский государственный университет
Научный руководитель – А. А. Пилипенко, кандидат юридических наук, доцент

**НАЛОГОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
В КОНТЕКСТЕ ПРАВА НА СВОБОДНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ
ИМУЩЕСТВОМ**

Республика Беларусь переняла общепризнанные принципы в отношении права собственности граждан и юридических лиц. Основные положения, закрепляющие права и обязанности в отношении собственности, закреплены в Конституции Республики Беларусь (ст. 13, 44). Положения ст. 44 Конституции Республики Беларусь закрепляют то, что государство гарантирует каждому право собственности, собственность, приобретенная законным способом, защищается государством. Исходя из приведенных норм, а также из общего смысла Конституции можно заключить, что в Республике Беларусь гарантируется право на свободное распоряжение имуществом. Однако право собственности, как и составляющее его право распоряжения имуществом, может быть ограничено. Согласно ч. 6 ст. 44 Конституции осуществление права собственности не должно противоречить общественной пользе и безопасности.

Конфликт интересов личной выгоды негосударственных субъектов с одной стороны и интересов государства (общества) с другой, закрепленный на конституционном уровне, находит свое отражение в отраслевом праве, в том числе в налоговом. Деньги, являющиеся формой выражения налога, выступают также видом имущества (ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Поэтому налогоплательщикам также принадлежит право свободно распоряжаться своими деньгами. В целом налогообложение находится на стыке публичных интересов государства в пополнении бюджета и частных интересов налогоплательщика в уменьшении изъятий его собственности в доход государства.

Рассмотрим, как реализуется конституционно закрепленное право на свободное распоряжение имуществом в сфере налогообложения на примере налогового планирования.

Для начала следует обратиться к определению налогового планирования, которое иногда называют «налоговой оптимизацией», «налоговой минимизацией». Главной сутью налогового планирования является минимизация налоговых платежей плательщика. Правоведы дают разные определения. Например, А. И. Погорлецкий определяет налоговое

планирование как составную часть финансово-хозяйственной деятельности физических и юридических лиц, целью которой является максимизация доходов экономических агентов за счет легальной минимизации налоговых платежей [5, с. 112]. Е. Ф. Киреева полагает, что налоговое планирование представляет собой процесс обоснования на перспективу величины налоговых обязательств с целью определения реальных доходов субъектов хозяйствования и населения, а также управления ими [2, с. 130]. По мнению М. В. Ереминой и В. Н. Загвоздиной, налоговая оптимизация представляет собой специфическую деятельность, которая осуществляется для снижения налоговых выплат конкретным налогоплательщиком с целью улучшения своих финансовых результатов [1, с. 211].

Таким образом, при налоговом планировании сталкиваются интересы двух субъектов: налогоплательщика, желающего увеличить свои доходы за счет уменьшения налогового бремени, и государства, желающего получить от плательщика максимальные законные суммы налогов. Рассмотрим, насколько актуален и развит в Беларуси институт налогового планирования.

С 1 января 2019 г. вступила в силу новая редакция Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК), в которой получили необходимую и достаточную конкретизацию многие вопросы налогообложения. Среди актуальных новелл правового регулирования налоговых отношений необходимо отметить закрепление в ст. 33 НК порядка определения и корректировки налоговой базы и (или) суммы налога (сбора). Данная норма представляет собой попытку законодателя ввести в налогово-правовую материю инструмент, позволяющий отграничивать налоговое планирование и уклонение от уплаты налоговых платежей.

Следует отметить изначальное отрицание белорусским законодателем, и особенно правоприменителем, возможности, а зачастую и необходимости использования в предпринимательской деятельности элементов налогового планирования. Более того, теоретическое осмысление и практическое применение законодательных положений о налоговом планировании сводится лишь к его трактовке как отрицательного феномена (незаконная минимизация сумм налоговых обязательств), о чем свидетельствуют наименования отдельных нормативных правовых актов (Указ Президента Республики Беларусь «О некоторых мерах по предупреждению незаконной минимизации сумм налоговых обязательств»).

Для контраста уместно привести правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, которая заключается в следующем: «Недопустимо установление ответственности за такие действия налогоплательщика, которые, хотя и имеют своим следствием неуплату налога

либо уменьшение его суммы, но заключаются в использовании предоставленных налогоплательщику законных прав, связанных с освобождением на законном основании от уплаты налога или с выбором наиболее выгодных для него форм предпринимательской деятельности и соответственно – оптимального вида платежа» [4].

На данный момент никаких четких инструментов налогового планирования в налоговом законодательстве Беларуси нет. В то время как достаточно развита презумпция правоты и добросовестности налогоплательщика, ст. 33 НК установлены возможности налоговых органов, которые, по сути, пока не признают прямо за плательщиками право на налоговое планирование. В абз. 3 п. 4 ст. 33 НК закреплена доктрина «деловой цели». Согласно доктрине деловой цели сделка любая сделка должна иметь разумную деловую (экономическую, коммерческую) цель. Если сделка не несет в себе такой цели, а направлена лишь на уменьшение налогов, она не признается при исчислении налогов. Бесспорно, что со стороны налогоплательщиков в процессе оптимизации налоговых платежей могут быть и бывают злоупотребления. В научной литературе неоднократно высказывались мнения о необходимости закрепления правовых механизмов оценки и адекватных правовых ограничений подобных действий [3].

Тем не менее белорусское законодательство пока так и не дает ясного ответа, какими способами, в каких случаях и насколько налогоплательщик может минимизировать свое налоговое бремя. Считаем, что это пробел в законодательстве, который ущемляет право налогоплательщика свободно распоряжаться своими денежными средствами. Необходимо актуальное теоритическое осмысление проблемы и ее решение на законодательном уровне для оптимизации и балансировки интересов государства и личности.

Список использованной литературы

1. Еремина, М. В. Варианты минимизации налогообложения предприятий / М. В. Еремина, В. Н. Загвоздина // *Налоги и финансовое право*. – 2010. – № 7. – С. 211–217.

2. Киреева, Е. Ф. *Налогообложение в международной экономической практике: основы организации международного налогообложения* : учеб. пособие / Е. Ф. Киреева. – Минск : БГЭУ, 2006. – 231 с.

3. Пилипенко, А. А. К вопросу о злоупотреблении правом в налоговых отношениях / А. А. Пилипенко // *Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь*. – 2011. – № 8. – С. 145–151.

4. По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан

П. Н. Белецкого, Г. А. Никовой, Р. В. Рукавишников, В. Л. Соколовского и Н. И. Таланова [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 27 мая 2003 г., № 9-П. // КонсультантПлюс. Россия. – М : ЗАО «Консультант Плюс», 2019.

5. Погорлецкий, А. И. Налоговое планирование внешнеэкономической деятельности / А. И. Погорлецкий. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2006. – 320 с.

М. Р. СУПРУНЮК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Маслакова, старший преподаватель

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ЖЕНЩИН

На современном этапе развития международного трудового права особое внимание уделяется регулированию трудовых прав тех категорий населения, которые в силу социальных, физиологических и иных причин не могут наравне с другими людьми осуществлять трудовую деятельность. Вследствие этого такие категории граждан нуждаются в дополнительной поддержке в сфере труда со стороны не только определенного государства, но и всего мирового сообщества в целом. К таким категориям населения в том числе относятся женщины, которые в большей мере по физиологическим причинам не могут осуществлять равную по силовой нагрузке трудовую деятельность, выполняемую мужчинами.

На международном уровне действует большое количество актов, закрепляющих особенности правового регулирования труда женщин, например ряд конвенций Международной организации труда (далее – МОТ). Рассмотрим такие ратифицированные в Республике Беларусь документы МОТ, как Конвенции 45, 100, 183.

Конвенция МОТ № 100 «О равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности» впервые закрепила на международно-правовом пространстве принцип, согласно которому ставка вознаграждения за труд равной ценности должна определяться без дискриминационного признака по полу. В вышеуказанной конвенции четко определено, что термин «вознаграждение» включает в себя как заработную плату или обычное жалованье, основное или минимальное, так и всякое другое вознаграждение, предоставляемое прямо или косвенно, в деньгах или в натуре предпринимателем трудящемуся в силу выполнения последним какой-либо работы [3].

В Конвенции МОТ № 183 «О пересмотре Конвенции (пересмотренной) 1952 года об охране материнства» отмечается необходимость содействовать равенству всех трудящихся женщин, а также здоровью и безопасности матери и ребенка. Данная конвенция предусматривает запрет на осуществление беременными женщинами или кормящими матерями работы, являющейся вредной для здоровья матери и ребенка.

Конвенция МОТ № 183 определяет для женщин ряд гарантий:

1. Отпуск по беременности и родам. Женщина по представлению медицинской справки или после прохождения проверки, определяющей предполагаемый срок родов, имеет право на отпуск по беременности и родам продолжительностью не менее 14 недель, в который также включается период в 6 недель после рождения ребенка. Данная норма закреплена в ст. 184 Трудового кодекса Республики Беларусь, согласно которой женщинам предоставляется отпуск по беременности и родам продолжительностью 126 календарных дней.

2. Отпуск в случае заболевания или осложнений. Предусматривается по представлению медицинской справки как дополнительный отпуск до или после периода отпуска по беременности и родам, в случае если причиной заболевания или осложнения явились беременность или роды. В ст. 184 Трудового кодекса Республики Беларусь обозначено, что в случае осложненных родов женщинам предоставляется отпуск продолжительностью 140 календарных дней.

3. Пособия. Женщинам, находящимся в отпуске по беременности или родам, предоставляются денежные пособия в размере, необходимом для содержания себя и своего ребенка в достойных с точки зрения санитарно-гигиенических норм условиях и иметь надлежащий уровень жизни. Государственные пособия по беременности и родам гарантируются в ст. 184 Трудового кодекса Республики Беларусь.

4. Сохранение места работы и недопущение дискриминации. Не допускается увольнения женщин в период ее беременности или отсутствия в отпуске по беременности и родам, а рабочее место (прежнее или эквивалентное) с оплатой труда по прежним ставкам сохраняется до выхода женщины из данного отпуска. В ст. 268 Трудового кодекса Республики Беларусь закреплён запрет на отказ женщинам в заключении трудового договора и снижение им заработной платы по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей в возрасте до трех лет [4].

5. Гарантии по отношению к кормящим матерям. Женщинам предоставляется право на несколько перерывов в день или повседневное сокращение рабочего дня для кормления своего ребенка грудью, которые включаются в рабочий день и оплачиваются соответствующим образом.

Данные гарантии получили свое закрепление в ст. 267 Трудового кодекса Республики Беларусь, согласно которой женщинам, имеющим детей в возрасте до полутора лет, предоставляются, помимо общего перерыва для отдыха и питания, дополнительные перерывы для кормления ребенка не реже чем через три часа продолжительностью не менее 30 минут каждый [1].

Также для предотвращения в области занятости дискриминации, связанной с беременностью и родами, нанимателю запрещается требовать проведение анализа на беременность или предоставление справки о проведении такого анализа, за исключением предусмотренных законодательством случаев (работа с опасными условиями труда).

В ст. 2 Конвенции МОТ № 45 «О применении труда женщин на подземных работах в шахтах любого рода» устанавливается, что «ни одно лицо женского пола, каков бы ни был его возраст, не может быть использовано на подземных работах в шахтах». Однако в ст. 3 данной конвенции предусмотрены случаи, когда данная норма не применяется в отношении женщин, которые, например, занимают руководящие посты и не выполняют физической работы, заняты в санитарных или социальных службах. Нормы данной конвенции закреплены в ст. 262 Трудового кодекса Республики Беларусь, в которой предусматривается запрет на привлечение женщин к выполнению тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, а также подземных работ, кроме некоторых подземных работ [2].

Таким образом, труд женщин в Республике Беларусь регулируется, помимо норм национального законодательства, также нормами международного права, которые предоставляют женщинам различные гарантии и права, а также обеспечивают предотвращение дискриминации по половому признаку.

Список использованной литературы

1. Конвенция Международной организации труда о пересмотре Конвенции (пересмотренной) 1952 года об охране материнства [Электронный ресурс] : [заключена в г. Женеве 15.06.2000 г.] // Эталон-ONLINE. – Режим доступа: https://www.etalonline.by/document/?regnum=i00000102&q_id=1834029. – Дата доступа: 13.05.2020.

2. Конвенция Международной организации труда о применении труда женщин на подземных работах в шахтах любого рода [Электронный ресурс] : [заключена в г. Женеве 21.06.1935 г.] // Эталон-ONLINE. – Режим доступа: <https://www.etalonline.by/document/?regnum=i03500002>. – Дата доступа: 13.05.2020.

3. Конвенция Международной организации труда о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности [Электронный ресурс] : [заключена в г. Женеве 29.06.1953 г.] // Эталон-ONLINE. – Режим доступа: https://www.etalonline.by/document/?regnum=i05100001&q_id=184120. – Дата доступа: 13.05.2020.

4. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900296>. – Дата доступа: 13.05.2020.

Е. В. ХАДАКОВСКАЯ, В. А. КОЗЛОВСКАЯ

Минск, Белорусский государственный университет

Научный руководитель – Т. М. Киселева, кандидат юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В 2020 г. в Республике Беларусь пройдут президентские выборы. На этом фоне вновь поднимается проблема технического совершенствования избирательного процесса. Электронное голосование в этом плане не только является качественно новой формой учета волеизъявления избирателей, но и может рассматриваться как альтернатива «бумажному» голосованию, верхний уровень развития электронного правительства.

Как справедливо отмечает М. С. Вершинин, «Интернет генерирует и уникальные возможности, и угрозы традиционным демократическим учреждениям и действиям» [1]. В Республике Беларусь все большее распространение получают услуги интернет-банкинга, поскольку удаленное обслуживание через Интернет предоставляет возможность как физическим, так и юридическим лицам управлять своими счетами более оперативно и эффективно. Банки, которые внедряют данную технологию в обслуживание, имеют весомое преимущество перед конкурентами. Возникает вопрос: если подобная система имеет определенную степень защиты и устойчиво функционирует, то аналогичная система для организации и проведения интернет-выборов имеет право на существование?

В одном из интервью В. Ипатов, директор Национального центра законодательства и правовых исследований, поделился своими соображениями по поводу использования в белорусском избирательном процессе электронного голосования и определил, что данный инструмент достаточно удобен и используется в некоторых зарубежных странах,

однако с применением электронного голосования в Республике Беларусь пока не стоит торопиться, в том числе и по причине отсутствия у белорусов идентификационных карточек, «что не может обеспечить однозначную идентификацию участвующих в голосовании граждан и, соответственно, прозрачность процесса голосования» [5].

Действительно, дистанционное волеизъявление имеет множество технологических барьеров, поскольку электронное голосование должно соответствовать традиционному в части исключения контроля за волеизъявлением избирателей. Некоторые страны отказались от использования электронного голосования, поскольку данная система достаточно небезупречна. Однако дистанционный формат голосования имеет ряд достоинств. Во-первых, это высокий процент проголосовавших на выборах; во-вторых, будет наблюдаться экономия бюджетных средств; в-третьих, это легкость и быстрота в подсчете электронных голосов [2, с. 34]. Кроме того, электронное голосование облегчает доступ к голосованию лиц с ограниченными возможностями, что, безусловно, способствует реализации всеобщего избирательного права. Существует и успешный опыт использования электронного голосования в Эстонии, которая стала первой страной в мире, использовавшей систему электронного голосования на общегосударственных выборах.

Развитие электронных избирательных технологий является общемировой электоральной тенденцией [2, с. 32]. В соответствии со ст. 21 Всеобщей декларации прав человека «воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования». Вышеуказанная декларация не содержит норм, касающихся электронного голосования. Вместе с тем Совет Европы стал первой международной межправительственной организацией, которая заявила о необходимости международно-правового регулирования процедур электронного голосования и впоследствии установила региональные международно-правовые стандарты электронного голосования. В 2004 г. была принята Рекомендация по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования. Документ не только стал первым в области международно-правового регулирования стандартов электронного голосования, но и установил, что такая система должна быть такой же надежной и безопасной, как демократические выборы без привлечения электронных средств.

В Беларуси работа по автоматизации выборных мероприятий началась в 1998–2000 гг. с момента разработки сотрудниками

Объединенного института проблем информатики Национальной академии наук Беларуси по заданию Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь технологии печати списков и индивидуальных приглашений избирателей. Были созданы используемые и до настоящего времени криптографические алгоритмы синтеза индивидуальных номеров избирателей [3].

Представляется, что в Республике Беларусь электронное голосование на выборах в органы государственной власти в скором времени не войдет в широкую политическую практику, поскольку процесс внедрения интернет-технологий в сферу государственного управления происходит постепенно и используется как средство взаимодействия общества и институтов публичной власти через функционирование, например, Единого портала электронных услуг. Электронная система голосования также используется в соответствии со ст. 101 Регламента Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь для регистрации депутатов Палаты представителей, подсчета голосов и определения результатов голосования, оперативной выдачи информации. Т. С. Масловская отмечает, что «развитие систем электронного голосования является многоэтапным и сложным процессом» [4]. С правовой точки зрения в случае введения электронного голосования в Республике Беларусь должен быть дополнен в обязательном порядке Избирательный кодекс Республики Беларусь, который обязан будет предусматривать процесс проведения электронного голосования, типы возможно использованных технологий, механизм подсчета голосов, зафиксирован момент защиты избирательных прав граждан. Также в случае введения электронного голосования должны быть дополнены Уголовный кодекс Республики Беларусь и Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь.

Позиционировать электронное голосование в Республике Беларусь в настоящее время как основное нецелесообразно в связи с отсутствием соответствующей правовой базы, но использовать подобный опыт в качестве пилотного проекта в нашей стране вполне возможно при условии обеспечения защиты информации в процессе голосования и на этапе обработки голосов.

Список использованной литературы

1. Вершинин, М. С. Электронная демократия: российские перспективы [Электронный ресурс] / М. С. Вершинин. – Режим доступа: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/953fc8431c107b5ec3256d57003ea7a9>. – Дата доступа: 28.05.2020.

2. Курячая, М. М. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии / М. М. Курячая // Конституц. и муницип. право. – 2017. – № 11. – С. 31–35.

3. Липень, В. Ю. Результаты апробирования технологий и систем электронного голосования [Электронный ресурс] / М. А. Воронецкий, Д. В. Липень, В. Ю. Липень. – Режим доступа: http://uiip.bas-net.by/structure/1_kg/results_testing_technology.php. – Дата доступа: 28.05.2020.

4. Масловская, Т. С. Электронные технологии в избирательном процессе: Республика Беларусь и зарубежный опыт (по состоянию на 15.12.2010) [Электронный ресурс] / Т. С. Масловская. – 2020.

5. Об эволюции избирательного права и перспективах электронного голосования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblastiprava/2019/september/39598/>. – Дата доступа: 28.05.2020.

Е. А. ХОДЬКО

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Маслакова, старший преподаватель

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА НА ТРУД

В юридической литературе отмечается, что, с одной стороны, в силу суверенитета государство свободно в создании национальной системы права, с другой – оно должно учитывать и уважать общепризнанные принципы и нормы международного права [3].

Право на труд впервые было провозглашено во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. Согласно п. 1 ст. 2 каждый человек имеет право на труд, свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы. В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. право на труд определяется как право каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается.

Международно-правовые гарантии – это средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав на основании международно-правовых актов в сфере регулирования трудовых правоотношений.

Реализация международно-правовых гарантий права на труд основывается, в первую очередь, на общепризнанных принципах международного права в сфере труда, например на таких, как принцип социальной справедливости, который предусматривает предоставление равных возможностей для всех участвовать в справедливом распределении в области оплаты труда, рабочего времени и иных условий труда; принцип равной оплаты за равный труд; принцип свободы слова и свободы объединения работников и нанимателей; принцип человечности (гуманизма) в сфере труда; принцип социального партнерства и др. Данные принципы содержатся в Уставе МОТ и декларациях МОТ [3].

Право на труд наделяет индивида элементами человеческого достоинства, возможностью получения вознаграждения за труд, который является неотъемлемой составляющей обеспечения достойного уровня жизни. Гарантий трудоустройства как таковых не существует, поэтому они неосуществимы. Их применение может привести к нарушению норм о запрете обязательного и принудительного труда.

До принятия Женевской декларации 1998 г. к основным правам обычно относили три группы прав: свобода ассоциаций, отмена принудительного труда и защита от дискриминации в области труда [1]. В ходе развития появилось множество других прав в сфере труда.

Право на труд и право на достойный уровень жизни во многом схожи. Так, некоторые государства в своем законодательстве закрепляют право на работу. Однако практикой доказано, что обеспечить осуществление этого права невозможно. Необходимо разграничивать право на труд и право на достойный уровень жизни, чтобы не перейти к принудительному труду.

В Рекомендации МОТ № 169 «О политике в области занятости» 1984 г. отмечается, что предусмотренное Конвенцией МОТ о политике в области занятости населения 1964 г. и Рекомендацией 1964 г. содействие полной, продуктивной и свободно избранной занятости следует считать средством обеспечения на практике осуществления права на труд. В соответствии с международно-правовыми актами гарантируются свободный выбор работы, справедливые и благоприятные условия труда, защита от безработицы (ст. 23 Всеобщей декларации прав человека), высокий и стабильный уровень занятости, профессиональная ориентация, подготовка и переподготовка согласно Европейской социальной хартии 1961 г.

Дополнительным протоколом к Американской конвенции о правах человека 1988 г. регламентируется положение о том, что договаривающиеся стороны должны принимать все необходимые меры, чтобы сделать реализацию права человека на труд «полностью эффективной, особенно что касается достижения полной занятости населения профессиональной

ориентации и разработки проектов технического и профессионального обучения, в частности тех, которые предназначены для инвалидов».

Право на труд состоит, по мнению М. Крэйвен, из доступа к труду, защиты от принудительного труда и безопасности труда. Доступ к труду предусматривает доступ к службам занятости и право на услуги по поиску работы, положения о которых содержатся в Конвенции МОТ № 2 «О безработице» 1919 г. На основании вышеназванной конвенции была создана Конвенция № 88 «Об организации службы занятости» 1948 г. Безопасность труда предусматривает в первую очередь гарантии в случае прекращения трудовых правоотношений, например пересмотр решений об увольнении, право на консультации, которые касаются возможного сокращения, и создание системы социального страхования для помощи уволенным. Вышеперечисленные гарантии составляют специфику Всеобщей декларации прав человека.

Для полного осуществления права на труд должны быть приняты меры, включающие программы профессионально-технического обучения и переподготовки, пути и методы достижения неуклонного экономического, социального и культурного развития и полной производительной занятости в условиях, гарантирующих основные политические и экономические свободы человека.

Нарушение нанимателем международно-правовых гарантий можно расценивать как принуждение к труду. Таким образом, несоблюдение гарантий, связанных с принятием на работу, можно также отнести к принудительному труду. Отступление от положений, характеризующих возможность вступать в трудовые и связанные с ними отношения, т. е. положений о трудовой правосубъектности (право- и дееспособности), и другие нарушения основных правовых гарантий права на труд являются грубым нарушением.

Международно-правовые гарантии права на труд в результате взаимодействия международного и внутригосударственного права оказывают влияние на национальную правовую систему конкретного государства, находя свое отражение в нормах конституций и других законодательных актах. Отсутствие международно-правовой нормы, определяющей единые сущностные характеристики гарантии, предоставляет простор для мысли ученых-международников и политологов [2].

В заключение отметим, что в международном праве отсутствует единый акт, систематизирующий все международно-правовые гарантии права на труд. Учеными высказывались мнения о необходимости разработки и принятия такого акта. Обобщая, можно назвать следующие основные международно-правовые гарантии права на труд: равная оплата за равный труд, достойные условия труда, защита от безработицы, защита

от принудительного труда, охрана труда отдельных категорий граждан (женщин, несовершеннолетних, инвалидов и т. д.), действенное запрещение детского труда, недопущение всех форм дискриминации, свобода образований объединений работников и (или) нанимателей и ведения коллективных переговоров.

Список использованной литературы

1. Зенгер, А. Права человека и контроль за их осуществлением в Международной организации труда / А. Зенгер // Совет. государство и право. – 1991. – № 10. – С. 107.

2. Ибрагимов, А. М. Еще раз о международно-правовой системе гарантий / А. М. Ибрагимов // Междунар. публич. и част. право. – 2011. – № 1. – С. 2–4.

3. Томашевский, К. Л. Общепризнанные принципы международного права в сфере труда: перечень и юридическая сила / К. Л. Томашевский // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2010. – № 4. – С. 23.

СЕКЦИЯ 3
ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА
В КОНТЕКСТЕ ПРИОРИТЕТОВ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. А. АДАМЧУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. З. Шалаева, кандидат юридических наук,
доцент

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ
ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ИНВЕСТИЦИОННОГО ДОГОВОРА

Инвестиции являются очень важным инструментом, способствующим экономическому развитию не только субъектов хозяйствования и отношений между ними, но также и экономики стран в целом. Распространенной формой привлечения инвестиций в мировой практике является инвестиционный договор. Тем не менее юридическая природа инвестиционного договора до сих пор является предметом дискуссий ученых-правоведов и юристов-практиков. Поэтому проблема определения юридической природы инвестиционного договора является актуальной и требует единообразного разрешения.

В зарубежной литературе инвестиционные договоры носят разные названия, например «транснациональные инвестиционные договоры» (international investment agreements, transnational investment agreements), «инвестиционные соглашения» «договоры о совместном предприятии» (joint-ventures contracts), «договоры об оказании услуг» (service contracts), «соглашения о разделе продукции», «соглашения об экономическом развитии» (economic development agreements), «квазидоговоры», «инвестиционные контракты», «транснациональные контракты об экономическом развитии» (transnational economic development contracts), «концессионные договоры».

Определение юридической дефиниции «инвестиционный договор» имеет такие расхождения в юридической литературе в силу наличия различных неоднозначных теорий, касающихся правовой природы инвестиционного договора.

Вопрос правовой природы инвестиционного договора тщательно рассмотрен учеными-юристами различных стран. Некоторые ученые относят инвестиционные договоры к договорам, имеющим международно-правовой статус, и к административным договорам. Также существуют теории «квазимеждународных договоров», теория «транснационального

права» в отношении инвестиционного договора. Данные теории были признаны несостоятельными такими учеными, как М. М. Богуславский, М. И. Кулагин, Ф. Манн, Н. И. Лукашук, Л. А. Лунц, В. И. Сапожников и др. [6, с. 105]. Внося свое дополнение о несостоятельности данных теорий, отмечаем, что признание инвестиционного договора международным договором (т. е. признание факта, что эти договоры будут регулироваться нормами международного права, а не внутреннего права государства-реципиента), или договорами, имеющими самостоятельный правовой порядок, не соответствует действующему законодательству Республики Беларусь. В данном случае в договор не будут включены существенные (обязательные) условия, без которых договор будет являться незаключенным, в соответствии с положениями Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Советские ученые-юристы также не имеют единого мнения касательно природы инвестиционного договора. Н. Н. Вознесенская рассматривает этот договор как гражданско-правовой договор [5, с. 47], схожей точке зрения придерживаются Н. Г. Доронина [7, с. 31], С. А. Сосна [7, с. 44].

А. Г. Богатырев рассматривает инвестиционные соглашения как институт международного частного права. М. И. Кулагин, М. М. Богуславский, В. П. Мозолин считают, что инвестиционный договор относится к категории административно-правовых договоров или административных односторонних сделок. По мнению О. В. Цегельник, данный договор также относится к категории гражданско-правовых договоров.

По нашему мнению, с точкой зрения А. Г. Богатырева нельзя согласиться. А. Г. Богатырев считает, что «инвестиционный договор является институтом международного частного права и данные соглашения вряд ли можно отнести к институтам одной или другой правовой системы» [1, с. 78].

В данный момент существует только две правовые системы – система внутреннего (национального) права различных государств и система международного права. Международное частное право является внутренним правом конкретного государства, более того, по мнению большинства ученых-юристов, международное частное право является составной частью гражданского права [2, с. 28].

Международное частное право является внутренним (национальным) правом определенного государства. Более того, среди ученых преобладает точка зрения, согласно которой международное частное право является частью гражданского законодательства [2, с. 28]. Таким образом, инвестиционный договор, который рассматривал А. Г. Богатырев как институт международного частного права, является гражданско-правовым

договором, заключаемым Республикой Беларусь в лице уполномоченных государственных органов как с иностранными, так и с национальными инвесторами, регулируется нормами внутреннего (национального) права определенного государства и устанавливает порядок осуществления инвестиционной деятельности (т. е. регулирует имущественные, обязательственные, товарно-денежные отношения сторон).

Существует точка зрения, согласно которой инвестиционный договор относят к категории административного договора. Такой точки зрения придерживаются М. И. Кулагин, М. М. Богуславский, В. П. Мозолин.

По мнению М. М. Богуславского, «главный признак такого договора – признание определенных односторонних правомочий органа власти, осуществляемых в публичных интересах» [3, с. 105]. В данный момент правовая система Республики Беларусь не закрепляет такой вид договора, как административный. При анализе содержания административных договоров в зарубежных странах, приведенного в работе Ж. Веделя «Административное право Франции» [4, с. 223], выясняется, что оно не соответствует условиям инвестиционного договора, закрепленным в Декрете Президента Республики Беларусь № 10 и Законе об инвестициях.

Инвестиционный договор также не является публично-правовым, так как не соответствует характеристике этого договора, даваемой Ю. А. Тихомировым, а именно: в инвестиционном договоре и государство как сторона договора, и иностранный инвестор выступают как участники торгового оборота, а не как носители властных полномочий (например, иностранный или национальный инвестор). Предметом инвестиционного договора, являются обязательственные, товарно-денежные отношения по осуществлению инвестиционной деятельности. В инвестиционном договоре закрепляются конкретные права и обязанности сторон, и данный договор не содержит положений декларативного характера.

По нашему мнению, инвестиционный договор является смешанным видом, т. к. сочетает в себе особенности как административного договора (публичность субъектов), так и гражданско-правового (существенные условия, свобода волеизъявления сторон).

Список использованной литературы

1. Богатырев, А. Г. Инвестиционное право / А. Г. Богатырев. – М., 1992. – С. 272.
2. Богуславский, М. М. Международное частное право / М. М. Богуславский. – М., 2001. – С. 453.
3. Богуславский, М. М. Перестройка международных экономических отношений и правовая природа концессионных договоров /

М. М. Богуславский // Международное сотрудничество и международное право. – М., 1977. – С. 98–108.

4. Ведель, Ж. Административное право Франции / Ж. Ведель. – М., 1973. – С. 512.

5. Вознесенская, Н. Н. Иностранные инвестиции и смешанные предприятия в странах Африки / Н. Н. Вознесенская. – М., 1975. – С. 115.

6. Кулагин, М. И. Правовая природа инвестиционных соглашений, заключенных развивающимися странами / М. И. Кулагин // Политические и правовые системы стран Азии, Африки и Латинской Америки. – М., 1983. – С. 135.

7. Мозолин, В. П. Право США и экспансия американских корпораций / В. П. Мозолин. – М., 1974. – С. 128.

8. Сосна, С. А. Комментарий к Федеральному закону о соглашениях о разделе продукции / С. А. Сосна. – М., 1997. – С. 186.

С. С. АНАНЬЕВ

Витебск, Витебский государственный университет

имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Д. В. Березко, старший преподаватель

К ВОПРОСУ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Искусственный интеллект (далее – ИИ) существует уже несколько десятилетий. Буквально несколько лет назад системы, основанные на ИИ, были как теоретически, так и практически далеки от среднего и малого бизнеса, однако сегодня благодаря быстрым темпам развития технологий машинного обучения и методов автоматической обработки информации, из-за доступа к огромным объемам данных ИИ начинает применяться компаниями разных уровней и форм собственности. Все перечисленные технологии имеют решающее значение для внедрения инноваций, предоставления новых бизнес-возможностей и изменения методов работы компаний. Вопреки тому, что ИИ дарит бизнесу большие возможности как в производственной, так и в организационной и социальной сферах, его внедрение во внутреннюю структуру бизнеса требует четкой и ясной правовой регламентации.

Применять системы ИИ сегодня стоит с большой осторожностью, поскольку на данный момент нормативного регулирования вопроса о внедрении искусственного интеллекта в бизнес-процессы просто

не существует. Чтобы избежать недопонимания и недостатка осведомленности в области применения ИИ, по нашему мнению, уже на данном этапе необходимо задуматься о разработке методических рекомендаций, позволяющих имплементировать технологии ИИ во внутренние механизмы бизнеса без каких-либо рисков нарушения существующего национального и международного законодательства в области гражданского права и прав человека, которые, в свою очередь, могут быть введены в законное действие путем принятия локального нормативно-правового акта, что позволит урегулировать существующий на данный момент пробел в законодательстве.

Целью данного исследования является изучение и анализ преимуществ и рисков, возникающих при использовании систем ИИ во внутренних механизмах бизнеса, для дальнейшей разработки методических рекомендаций, направленных на повышение правовой культуры предпринимателей в области применения технологий ИИ.

Как уже было сказано, ИИ имеет свое неизбежное влияние на управленческую и организационную практику внутри предприятия. На данный момент существует немало примеров использования ИИ крупными зарубежными компаниями для решения различных задач. В их числе СберБанк, который к концу 2020 г. намерен использовать именно ИИ для выдачи кредитов частным лицам. Для этого он сопоставит биометрические данные клиента, кредитную историю, доходы, затраты и самостоятельно примет решение [1].

Согласно социологическому опросу, который был проведен среди трех тысяч предпринимателей и их сотрудников, ожидания от применения ИИ неизменно высоки во всех отраслях. В сфере технологий, средств массовой информации и телекоммуникаций 72 % респондентов ожидают больших эффектов от ИИ в течение пяти лет, что на 52 % больше, чем те, кто утверждают о значительных эффектах уже сейчас. Однако даже в государственном секторе с самыми низкими общими ожиданиями воздействия ИИ 41 % респондентов ожидают больших эффектов от ИИ в течение пяти лет, что на 30 % больше, чем в настоящее время.

Благодаря ИИ у бизнеса теперь есть системы, которые могут выполнять все больше и больше рутинных и скучных видов деятельности, где человеческий фактор в виде усталости и невнимательности только вредит. Это те задания, в которых машина действительно превосходит человека. Тем не менее не стоит забывать, что мы все еще находимся на ранних стадиях, и лишь часть этих видов деятельности может быть автоматизирована, только в ближайшие несколько лет мы доберемся до того момента, когда большинство, если не все такие рабочие места будут автоматизированы. Однако точно так же, как технологии ИИ автоматизи-

зируют существующие, четко определенные виды деятельности, они также создают новые, прорывные виды деятельности, которых раньше не существовало.

Именно с фактором автоматизации некоторых видов деятельности, выполняемых человеком, возникает большая, казалось бы, озабоченность среди работников, которые попадают в зону риска. На рабочих местах, скорее всего, произойдет значительный сдвиг, затрагивающий многих работников среднего класса. Вопреки всеобщим неблагоприятным прогнозам о влиянии ИИ на занятость следующий опрос внушает осторожный оптимизм. Большинство респондентов, например, не ожидают, что ИИ приведет к сокращению рабочих мест в их организации в течение ближайших пяти лет. Почти 70 % также заявили, что они не боятся, что ИИ заменит их на собственном рабочем месте. Такой же высокий процент респондентов надеется, что ИИ возьмет на себя некоторые из их скучных и трудных текущих задач. Тем не менее, подавляющее большинство респондентов согласны с тем, что ИИ потребует от сотрудников в течение следующих пяти лет не только расширения уже имеющихся навыков, но и овладения новыми. Результаты опроса предвещают скорее приспособление, а не уничтожение.

Даже при увеличении темпов развития ИИ не сможет в ближайшее время заменить большинство рабочих мест. Но при этом почти в каждой отрасли предприниматели, использующие ИИ, начинают обгонять в конкурентоспособности тех, которые его не используют, и, на наш взгляд, эта тенденция будет только ускоряться.

Необходимо также отметить тот факт, что степень рисков, предвещаемых использованием ИИ бизнесом в своих внутренних процессах, глубоко зависит от степени интеграции и роли, выполняемой программным обеспечением на основе ИИ, в общей организационной системе. Одно дело, когда система ИИ будет использована в качестве вспомогательной, и совсем другое, когда система полностью заменяет человека в принятии решений.

Еще одна трудность, возникающая при внедрении ИИ, заключается в необходимости переподготовки и дополнительном обучении сотрудников, чтобы они могли взаимодействовать с новым «коллегой».

Вопрос безопасности данных и недискриминации является, на наш взгляд, центральным с точки зрения права. Стоит учитывать, что для самообучения и корректной работы алгоритму необходимо обрабатывать и анализировать огромное количество персональных данных. Следовательно, необходим специальный механизм во главе с человеком, который будет контролировать входящие и выходящие данные. Большие объемы данных,

обрабатываемых алгоритмом, могут породить также проблему косвенной дискриминации, за чем также необходим контроль.

В заключение стоит отметить, что наше будущее так или иначе связано с ИИ. Необходимо опираться на эмпирические данные социологических исследований, чтобы обозначить ясную позицию общества по отношению будущего совместно с ИИ. Данная работа показывает, что риски и сложности при имплементации технологий ИИ во внутреннюю среду бизнеса существуют и нуждаются в тщательном анализе и рассмотрении. Среди основных сложностей, с которыми столкнется бизнес, мы можем выделить:

- сокращение рабочих мест;
- отсутствие нормативной базы, регламентирующей ИИ;
- затраты на внедрение ИИ, обучение и перераспределение сотрудников;
- обеспечение безопасности работы систем ИИ;
- обеспечение соблюдения системой ИИ прав человека.

На основе выявленных сложностей уже на данном этапе развития общества необходимо начать разработку законодательной базы для регулирования и регламентации ИИ в механизмах малого и среднего бизнеса.

Список использованной литературы

1. Как искусственный интеллект используется в бизнесе: обзор и кейсы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/105102-kak-iskusstvennyu-intellekt-ispolzuetsya-v-biznese-obzor-i-keysy>. – Дата доступа: 20.05.2020.

Е. Г. АНДРИКЕВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. И. Чугунова, старший преподаватель

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 июня 2016 г. № 3 «О примирении сторон при рассмотрении судами гражданских и экономических споров» (далее – постановление) говорится, что достижение сторонами гражданских и экономических споров примирения, урегулирование и разрешение спора без проведения судебного разбирательства по существу является одним из приоритетных

направлений совершенствования судебной деятельности. Также следует отметить, что примирение сторон содействует формированию культуры конструктивного разрешения конфликтных ситуаций, восстановлению и укреплению партнерских отношений, экономии бюджетных средств, уменьшению возлагаемых на стороны судебных расходов, обеспечивает эффективную защиту прав и законных интересов граждан, юридических лиц и государства.

Однако в п. 11 постановления сказано, что с учетом требований процессуального законодательства и сущности правоотношений не допускается заключение мировых соглашений по делам, возникающим из административно-правовых и иных публичных правоотношений, а также по делам особого производства. Отметим, что одним из субъектов публичных правоотношений выступает орган, обладающий властными полномочиями, либо должностное лицо этого органа, что влечет неравенство фактического положения сторон. Но данная оценка присуща досудебным взаимоотношениям и в силу принципа равенства сторон (ст. 19 ГПК) на отношения процессуальные не оказывает влияния.

Отличительным является то, что при выработке условий соглашения стороны связаны многочисленными предписаниями и ограничениями, закрепленными нормативными правовыми актами, которые они не вправе изменять. Профессор В. Ф. Яковлев отмечает, что мировое соглашение по публичным делам возможно и желательно, но при условии, что лицо, заключающее мировое соглашение от имени государства, действует в строгом соответствии с законом, не причиняя тем самым вреда публичным интересам и не выходя за пределы своих полномочий [1, с. 19]. Принимая во внимание то, что компетенция органов управления в некоторых случаях обозначена альтернативно (предусмотрен ряд альтернативных действий), предложения об изменении варианта разрешения вопроса в пределах альтернативы компетенции могут быть включены в мировые соглашения.

Полагаем, заключение мировых соглашений по делам публично-правового характера представляется возможным в том случае, если нормы, регулирующие соответствующие отношения, носят альтернативный характер и допускают усмотрение сторон правоотношения и правомерность иного легитимного варианта решения спорного вопроса. Кроме того, следует учитывать, что в настоящее время заключение мирового соглашения допустимо лишь в рамках искового производства, в то время как рассмотрение дел публично-правового характера осуществляется в рамках искового, особого производства, а больше всего – производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений.

Таким образом, разработка вопроса заключения мировых соглашений по делам публично-правового характера сопряжена с совершенствованием

действующего гражданского процессуального законодательства, направленным на расширение распорядительных прав сторон по делам публично-правового характера.

Список использованной литературы

1. Григорьева, Т. А. Мировое соглашение по спорам, затрагивающим публично-правовые интересы: современные проблемы / Т. А. Григорьева, Е. В. Храмова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 8. – С. 17–24.

Е. В. БЫСКО

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. З. Шалаева, кандидат юридических наук,
доцент

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С УЧАСТИЕМ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Предпринимательство является одной из важнейших составляющих современной экономики. С целью формирования динамичного развивающегося сектора малого и среднего предпринимательства, способного существенно улучшить структуру белорусской экономики, повысить ее конкурентоспособность, обеспечить эффективную занятость и рост доходов населения, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2018 г. № 743 была утверждена Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 г. Это способствовало проявлению интереса к взаимодействию индивидуальных предпринимателей (далее – ИП) с другими участниками гражданских правоотношений. Особый интерес вызывает регулирование договорных отношений, где одной из сторон выступает ИП, и трудовые правоотношения не исключение.

Исходя из формулировки п. 1 ст. 22 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) мы можем сделать вывод, что ИП – это физическое лицо, которое занимается предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве ИП.

Согласно п. 2 той же статьи ГК Республики Беларусь к ИП, соответственно, применяются правила ГК Республики Беларусь, которые регулируют деятельность юридических лиц – коммерческих организаций,

если иное не вытекает из законодательства или существа правоотношения [1]. Поскольку в данной статье мы рассматриваем ИП как нанимателя, заключившего трудовой договор с работниками, то, соответственно, и отношения с наемными работниками будут регулироваться нормами трудового законодательства, однако с некоторыми особенностями.

Так, в соответствии с ч. 1 п. 2 Указа Президента Республики Беларусь от 18.06.2005 г. № 285 «О некоторых мерах по регулированию предпринимательской деятельности» количество физических лиц, привлекаемых ИП на основании гражданско-правовых и (или) трудовых договоров для осуществления предпринимательской деятельности, в том числе не являющихся членами семьи и близкими родственниками включительно, ограничено до трех человек [2]. Предпринимательская деятельность с нарушением названного условия ее осуществления запрещается.

Однако если мы детально рассмотрим определение понятия «предпринимательская деятельность», то заметим, что определяющим признаком данной деятельности выступает извлечение прибыли, соответственно, и привлечение физических лиц для занятия предпринимательской деятельностью несет в себе цель участия таких лиц в деятельности, обеспечивающей получение прибыли. Исходя из изложенного, установленное законодателем ограничение не распространяется на договоры, заключаемые предпринимателями на выполнение работ либо оказание услуг, которые носят сопутствующий характер и непосредственно не способствуют получению положительного экономического результата, например оказание бухгалтерских услуг. Тем не менее, на наш взгляд, законодателем должны быть закреплены случаи, когда ИП может привлечь по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам, не носящим сопутствующий характер, большее количество физических лиц, например в случае ухода работника в отпуск по беременности и родам, а в последующем и в отпуск по уходу за ребенком.

Также возникают вопросы, может ли ИП одновременно быть и работником, и нанимателем, заключать сам с собой трудовой договор, ежемесячно выплачивать себе заработную плату, уплачивать налоги и иметь оплачиваемый отпуск. Заключение такого трудового договора априори противоречит сущности трудовых правоотношений, поскольку трудовой договор – это соглашение между двумя сторонами трудовых отношений, а именно работником и нанимателем. В данной ситуации не представляется возможным совмещение в одном лице двух субъектов правоотношений. При этом следует обратить внимание на то, что ИП может быть нанимателем работников и одновременно заключать трудовой

договор с другими нанимателями и выступать в отношениях с ними в качестве работника.

По общему правилу срочный трудовой договор может быть заключен, когда характер работы не позволяет установить трудовые отношения на неопределенный срок, например, если работа носит сезонный характер [3]. И здесь скрывается очередная особенность заключения трудового договора с ИП, поскольку для ИП, в отличие от юридических лиц, эти ограничения не действуют. Это значит, что по соглашению с работником ИП вправе заключить срочный трудовой договор, даже если работа носит постоянный характер.

Также хотелось бы обратить внимание, что с 28.01.2020 г. исключается обязанность нанимателей – физических лиц в заполнении трудовой книжки на своих наемных работников [4]. Обосновывается это тем, что отношения между нанимателем – физическим лицом и работником не предполагают каких-то изменений в характере трудовых отношений, например переводов на другие должности или в другие структурные подразделения, присвоения или повышения квалификации. Как итог сведения, вносимые в трудовую книжку, сводились лишь к записям о приеме на работу и увольнении. В то же время у работника могли возникнуть проблемы по внесению записей об увольнении и заверению этих записей в случаях, когда у нанимателя – физического лица не было возможности сделать это, например в случае смерти, заключения под стражу, приостановления деятельности и т. д. В результате работник оказывается в затруднительном положении при трудоустройстве к другому нанимателю или при реализации других прав, требующих подтверждения факта увольнения записями в трудовой книжке. Таким образом, нанимателям – физическим лицам, заключившим с работниками трудовой договор до 28.01.2020 г., необходимо вернуть им трудовую книжку, предварительно внося в нее запись о прекращении заполнения трудовой книжки в связи с вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 18.07.2019 г. № 219-З «Об изменении законов».

Еще одной особенностью заключения трудового договора с ИП является смерть нанимателя как дополнительное основание прекращения с ним договорных обязательств. Окончательные расчеты в отношении работников должны осуществить наследники ИП. Для этого работникам необходимо письменно обратиться к наследникам, если наследники откажутся исполнять свои обязательства, то такое заявление следует подать в нотариальную контору по месту жительства ИП. Если же и после совершения данных действий не последует удовлетворение заявления, то работники имеют право подать иск в суд.

В остальном ИП должны быть соблюдены требования Трудового кодекса Республики Беларусь и нормы трудового законодательства, а чтобы избежать негативных правовых последствий, необходимо учитывать особенности ИП как участника трудовых правоотношений.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 28 окт. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2019 г. № 185-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О некоторых мерах по регулированию предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 18 июня 2005 г., № 285 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Об изменении законов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2019 г., № 219-З (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Е. А. ВОЛК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, кандидат юридических наук,
доцент

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК СУБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Развитие института юридического лица взаимосвязано с научными исследованиями, которые привели к возникновению различных теорий. Представляется необходимым хотя бы фрагментарно раскрыть известные теории юридического лица.

Теория Савиньи (XIX в.) – теория фикции. Это одна из первых фундаментальных теорий юридического лица. Сущность теории фикции заключается в том, что в действительности только физическое лицо,

человек, обладающий сознанием, выражающий волю, обладает свойствами субъекта права. Однако законодатель признает за юридическими лицами свойства субъекта права. Таким образом, законодатель прибегает к юридической фикции, к некой абстракции [8].

«Органическая теория» исходит из реальности существования такого субъекта, как юридическое лицо. Субъектами права могут быть не только физические лица, но и «социальные организмы». Представителями органической теории были в Германии О. Гирке, Г. Дюренбург; во Франции – Л. Мишу, Р. Солейль. Их суждения сводились к тому, что юридическое лицо – это не продукт порядка, а реально существующий организм, на который влияет государство.

«Теория коллектива». Ее автор А. В. Венедиктов [3]. Сущность теории заключается в том, что носителем правосубъектности государственного юридического лица (приоритет на стороне государственных предприятий) является коллектив рабочих и служащих предприятия. Такую же точку зрения разделяли С. Н. Братусь [2], О. С. Иоффе [7], В. П. Грибанов [5].

«Теория государства», предложенная С. И. Аскназием [1]. Ее сущность в том, что юридическое лицо нельзя сводить к трудовому коллективу предприятия. Ведь за каждым госпредприятием стоит собственник – это государство.

«Теория директора», наиболее полно исследованная Ю. К. Толстым. Сущность ее состоит в том, что основная цель наделения юридического лица признаками субъекта права – это необходимость его участия в имущественном обороте.

Белорусская и зарубежная правовая наука сталкивается с трудностями, которые связаны с поиском точного определения понятия юридического лица.

Г. Ф. Шершеневич определял юридическое лицо как все то, что, не будучи физическим лицом, признается со стороны объективного права способным ввиду определенной цели быть субъектом права [8, с. 204].

Н. М. Коркунов выдвинул свой подход к определению юридического лица, согласно которому юридическое лицо – это способ существования правовых отношений людей, входящих в его состав. По мнению ученого, целью юридического лица являются общие для определенной группы людей человеческие интересы [6].

Д. И. Мейер утверждал, что юридическое лицо – это явление, в реальной жизни не существующее и искусственно созданное посредством юридической техники. Такого же мнения придерживался российский дипломат А. М. Гуляев.

Гражданский кодекс Республики Беларусь в п. 1 ст. 44 дает следующее определение юридического лица: «Юридическим лицом

признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, несет самостоятельную ответственность по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, прошедшая в установленном порядке государственную регистрацию в качестве юридического лица либо признанная таковым законодательным актом». Однако следует отметить, что не всякая организация может являться юридическим лицом. Для этого необходим ряд признаков, таких как:

1) организационное единство (организационное единство определяется в определенной иерархии, соподчиненности органов управления и четкой регламентации между ними);

2) приобретение гражданских прав и обязанностей от своего имени (юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законодательством и учредительными документами);

3) имущественная обособленность (если организационное единство является необходимым для объединения множества субъектов в одно коллективное образование, то обособленное имущество создает материальную базу деятельности такого образования. Это означает, что юридические лица отвечают по своим обязательствам своим имуществом (п. 1 ст. 52 ГК)). Например, при банкротстве одного из участников его ответственность по обязательствам общества распределяется между остальными участниками пропорционально их вкладам (п. 1 ст. 94 ГК));

4) самостоятельная ответственность юридического лица по своим обязательствам (наличие у организации обособленного имущества представляет собой минимальную гарантию прав его кредиторов по гражданско-правовым обязательствам. Юридические лица, кроме финансируемых собственником учреждений, отвечают по своим обязательствам всем своим имуществом);

5) самостоятельное выступление юридического лица в гражданском обороте и любом суде от своего имени (наличие способности выступать в имущественном обороте от своего имени означает, что юридическое лицо вправе от своего имени заключать гражданско-правовые договоры либо иным способом приобретать права или нести обязанности).

Гражданский кодекс содержит нормы, обеспечивающие защиту интересов юридических лиц от злоупотреблений со стороны тех лиц, которые в силу закона или учредительных документов выступают от имени юридического лица и должны действовать в интересах представляемого юридического лица добросовестно и разумно.

Хотелось бы отметить, что в истории цивилистики сторонники теории фикции, которых было не мало, критиковались. В противовес теориям фикции были разработаны теории, признающие юридическое лицо самостоятельным субъектом права. И Гражданский кодекс Республики Беларусь признает юридическое лицо самостоятельным субъектом гражданского оборота. Вместе с тем теория фикции и ее последователи внесли свой вклад в понимание и выявление юридической сущности фикций в цивилистической науке.

Список использованной литературы

1. Аскназий, С. И. Об основаниях правовых отношений между государственными социалистическими организациями (к проблеме юридического лица в советском гражданском праве) / С. И. Аскназий // Учен. зап. Ленингр. юрид. ин-та. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – Вып. 4. – С. 5–47.
2. Братусь, С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве / С. Н. Братусь. – Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – 364 с.
3. Венедиктов, А. В. Государственная социалистическая собственность / А. В. Венедиктов. – Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 839 с.
4. Гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М. : Норма, 2000. – 624 с.
5. Грибанов, В. П. Юридические лица / В. П. Грибанов. – Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 115 с.
6. Закуракина, О. В. Формирование и развитие теорий юридического лица в России / О. В. Закуракина // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы II Междунар. науч. конф. – Пермь : Меркурий, 2014. – С. 127–128.
7. Иоффе, О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе. – М. : Юрид. лит., 1967. – 494 с.
9. Юридические лица: типы, виды, организационно-правовые формы : учеб. пособие / Т. Л. Калачева [и др.] ; под ред. Т. Л. Калачевой. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. – 96 с.

О. А. ГРИГОНИС

Могилев, Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

Научный руководитель – Л. Г. Полякова, старший преподаватель

**ПРОБЛЕМЫ ТАМОЖЕННОГО ДЕКЛАРИРОВАНИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП ТОВАРОВ В ЕАЭС**

В международном сотрудничестве активно развиваются процессы интеграции государств, стремящихся к увеличению потока товаров и транспортных средств, перемещаемых через таможенную границу из одной страны или интеграционных экономических объединений в другие страны. Одной из основных составляющих обеспечения благоприятных условий развития экономического потенциала стран – участниц ЕАЭС, а также обеспечения национальной безопасности является проведение эффективного таможенного контроля таможенными органами, осуществляемого при таможенном декларировании. От состояния институтов таможенного контроля и от деятельности таможенных органов относительно выявления и пресечения правонарушений во время декларирования товаров напрямую зависит экономическое благосостояние государства и его безопасность.

Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее – ТмК ЕАЭС) предусматривает особенности декларирования отдельных видов товаров, к которым, в частности, относят товары в несобранном или разобранном виде, а также товары в незавершенном или некомплектном виде. На практике имеются проблемы указанных групп, которые связаны с определением классификационного кода товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), поскольку специфика данного товара не позволяет декларанту самостоятельно осуществить верное декларирование.

Остановимся более подробно на особенностях декларирования указанной категории товара. Каждая отдельная партия товара, ввозимого (вывозимого) в несобранном или разобранном виде, в том числе в некомплектном или незавершенном виде, подлежит предъявлению таможенному органу, в котором будет осуществляться таможенное декларирование.

Компоненты вывозимого товара подлежат выпуску на основании заявления на выпуск компонента вывозимого товара и приложенных к нему документов, необходимых для таможенного декларирования, копий решения о классификации и уведомления [1].

При условном выпуске товара компоненты ввозимого товара подлежат выпуску на основании поданного декларантом заявления на условный выпуск и приложенных к нему документов, необходимых для таможенного декларирования, копий решения о классификации и уведомления. Заявление на условный выпуск (заявление на выпуск компонента вывозимого товара) составляется по форме и заполняется в порядке, который установлен в соответствии с ТмК ЕАЭС для декларации на товары. В заявлении на условный выпуск (заявлении на выпуск компонента вывозимого товара) указывается классификационный код по ТН ВЭД ЕАЭС согласно решению о классификации.

Таможенные пошлины, налоги при декларировании товара в соответствии с положениями ТмК ЕАЭС применяются к товару в соответствии с классификационным кодом по ТН ВЭД ЕАЭС.

Товары, перемещаемые через таможенную границу ЕАЭС в несобранном или разобранном виде, в том числе в некомплектном или незавершенном виде, условно разделяют на две категории.

Первая – «масштабные» и очень крупные товары в физическом плане (заводы, перерабатывающие комплексы, технологические линии и др.). Отгрузки компонентов таких товаров называют «частичными поставками». Перевозка обычно осуществляется с привлечением большого числа транспортных средств в течение продолжительного периода времени, иногда по мере проведения монтажных работ. На данную категорию товаров импортеры, как правило, получают решение о классификации товаров.

Вторая категория – это менее крупные в физическом плане товары, такие как станки, производственные установки, машины. Как правило, их перевозят одновременно в нескольких транспортных средствах в разобранном на компоненты виде. Цель – одновременное прибытие всех транспортных средств в таможню назначения, где декларант осуществляет выпуск товара, классифицируя его в соответствии с товарной номенклатурой ВЭД единым кодом комплектного товара.

В целях упрощения процедуры таможенного декларирования таких товаров, ускорения товарооборота и единообразного применения отдельных положений ТН ВЭД ЕАЭС предусмотрено применение решения о классификации товаров, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС в несобранном или разобранном виде, в том числе в некомплектном или незавершенном виде.

Товар может декларироваться путем подачи нескольких деклараций на товары в отношении компонентов такого товара с указанием кода в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, соответствующего коду товара в комплектном или завершенном виде. То есть обеспечивается возможность

таможенного оформления «с колес», что значительно сокращает время таможенного декларирования.

В Республике Беларусь сложности декларированием товаров в несобранном или разобранном виде происходят, если есть неверная классификация оборудования. Один из вариантов решения такой проблемы – это назначение таможенной экспертизы для определения классификационного кода. Данный метод занимает определенное время, при этом помогает не допустить ошибок сотрудниками таможенных органов при классификации товаров.

В настоящее время происходит автоматизация, совершенствование и обновление оборудования, что позволит значительно уменьшить сроки таможенной экспертизы.

Таким образом, проблемы декларирования товаров в несобранном или разобранном виде не способствуют оперативному перемещению такой категории товаров через таможенную границу. Для того чтобы достичь положительных результатов, необходимо совершенствовать законодательство о декларировании товаров в несобранном или разобранном виде. Сделать это нужно таким образом, чтобы таможенные органы смогли работать более эффективно. Ко всему прочему, участникам ВЭД должно быть понятнее, какими нормами и принципами руководствуются таможенные органы при своей работе, в особенности при классификации рассмотренных выше товаров.

Список использованной литературы

1. Дубинский, Н. А. Таможня сокращает время выпуска товаров и сохраняет качество контроля [Электронный ресурс] / Н. А. Дубинский // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

В. А. ГРИШКЕВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, кандидат юридических наук,
доцент

ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ НЕДВИЖИМЫХ ВЕЩЕЙ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Недвижимое имущество, занимая важное место среди вещей в гражданском обороте, представляет собой самостоятельное цельное образование со своей структурой и взаимосвязью элементов. Пренебре-

жение системностью недвижимых объектов может не только быть пагубным для поступательного формирования цивилистической теории, но и спровоцировать неизбежные проблемы, требующие значительного времени и усилий для их устранения. Недвижимое имущество являлось и является предметом непрерывного интереса гражданско-правовой науки.

Говоря о недвижимом имуществе, мы подразумеваем как самые простые объекты недвижимости, такие как земельные участки, недра и т. д., так и более сложные, к примеру предприятие как имущественный комплекс. Но все же квалификация объектов недвижимости сталкивается с определенными проблемами, возникающими из критериев, установленных законодателем, которые, в свою очередь, являются неконкретизированными и довольно расплывчатыми. В результате этого возникает большое количество споров с органами, занимающимися государственной регистрацией недвижимого имущества.

В соответствии со ст. 130 Гражданского кодекса (далее – ГК) Республики Беларусь к недвижимым вещам относятся земельные участки, участки недр, поверхностные водные объекты и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно в том числе леса, многолетние насаждения, капитальные строения (здания, сооружения), незавершенные законсервированные капитальные строения, изолированные помещения, машино-места. А также законодатель приравнивает к объектам недвижимости объекты, которые, по сути, являются движимыми. К ним законодатель относит воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, суда плавания «река – море», космические объекты [1].

В данном понятии можно заметить, что имеется критерий, по которому мы определяем тот или иной объект недвижимости. В частности, это связь с землей, что предполагает наличие недвижимого имущества, имеющего прочную связь с землей, не может быть отделено от нее без несоразмерного ущерба его назначению [2]. Следует отметить, что законодатель не дает официального определения несоразмерному ущербу назначения недвижимого имущества, не дают его и акты судебного толкования.

Однако проблема использования таких признаков, как прочная связь объекта с землей и «несоразмерный ущерб», состоит в том, что данные критерии носят оценочный характер, что нередко вызывает практические сложности. Подобного мнения придерживается Е. А. Мотлохова [3, с. 85]. Как можно заметить, признак связи с землей раскрывается через призму невозможности перемещения объекта недвижимости без существенного причинения несоразмерного ущерба назначению данного имущества.

По нашему мнению, понятие несоразмерного ущерба должно отвечать нескольким критериям. Во-первых, «возможность» использования данного объекта по назначению, после получения такого ущерба, т. е. если объект получает несоразмерный ущерб, то, соответственно, мы не можем использовать данный объект по его целевому назначению в последующем. Во-вторых, также не следует забывать, что недвижимость как объект гражданского оборота является особым объектом гражданского права из-за ее высокой стоимости, а значит понятие «несоразмерный ущерб» следует рассматривать не только с позиции использования объекта недвижимости по ее назначению, но и с позиции снижения стоимости объекта недвижимости после ее перемещения. Поэтому если при перемещении недвижимого имущества недвижимость получит ущерб и восстановление этого ущерба будет превышать стоимость данного объекта, то можно сказать, что такой ущерб является несоразмерным.

Таким образом, под несоразмерным ущербом мы понимаем ущерб, после которого недвижимое имущество не подлежит восстановлению и (или) не может быть использовано по своему целевому назначению.

Соответственно, предлагаем в ст. 130 внести изменения и дополнить ее пунктом 3 следующего содержания: «ущерб, после которого недвижимое имущество не подлежит восстановлению и (или) не может быть использовано по своему целевому назначению».

В действительности развитие технологий дает возможность переносить объекты недвижимости с одного места на другое. При таком перемещении объект недвижимости может получить минимальный урон или вовсе его не получить.

Такие критерии, как прочная связь объекта с землей и несоразмерный ущерб, не могут в полном объеме дать ответ на вопрос, является тот или иной объект гражданского оборота недвижимостью.

По нашему мнению, при определении признаков недвижимости следует отталкиваться не только от категории несоразмерного ущерба, но и от других факторов, таких как назначение недвижимой вещи; связь данной вещи с земельным участком (инженерные особенности); сохранил ли объект недвижимости после перемещения свое назначение.

Вышеназванные критерии отнесения имущества к недвижимому, как и нормативное определение несоразмерного ущерба, будут способствовать становлению рынка недвижимости, защите прав субъектов гражданского оборота.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. :

одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь : в 2 кн. / отв. ред. В. Ф. Чигир. – 2-е изд. – Минск : Амалфея, 2000. – 544 с.

3. Мотлохова, Е. А. Юридические признаки недвижимых вещей в современном гражданском праве / Е. А. Мотлохова // Вестн. Хабар. гос. ун-та экономики и права. – 2016. – № 3. – С. 83–88.

Д. М. ДАЙНЕКО, Н. Н. МАНТАРЖЕВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Г. И. Зайчук, кандидат юридических наук,
доцент

О ЮРИДИЧЕСКОМ ПОНЯТИИ НЕДР И КЛАССИФИКАЦИИ ИХ РЕСУРСОВ

В единой системе естественной среды недра действуют как элемент, который наиболее тесно связан с землей. Отношения недр с землей отражаются в том, что «недра» действуют как продукт природы. Недра содержат запасы полезного и необходимого.

В историческом контексте понятие «недра» используется в законодательстве как обозначение объекта права собственности на ресурсы.

В юридической литературе советского периода относительно определения сущности понятия «недра» как объекта правового регулирования высказывались различные точки зрения. Некоторые авторы сравнивали недра с полезными ископаемыми и использовали эти понятия, как синонимы. Например, М. Е. Коган относит к недрам все полезные ископаемые [1, с. 3].

Как отмечает С. А. Балашенко, недра – это часть земной коры, которая расположена ниже слоя почвы, а при его отсутствии – ниже поверхности земли и дна водоемов и ручьев, простираясь до глубин, доступных для геологоразведки. Недра Республики Беларусь находятся в исключительной государственной собственности. Основным содержимым недр являются минералы, твердые, жидкие и газообразные природные образования земной коры, используемые или пригодные для использования во всех сферах человеческой деятельности [2, с. 381].

Мы поддерживаем позицию белорусского ученого-правоведа А. В. Слепцова, который отмечает, что способ определения недр как объекта полезных ископаемых не целесообразен, так как их перечень

изменяется и, являясь составной частью недр полезные ископаемые не могут быть защищены государством в отрыве от среды, в которой они находятся. Отсутствие анализа концепции недр как в законодательстве, так и в юридической литературе, по-видимому, можно объяснить отсутствием практической необходимости в этом исследовании, полным пониманием их роли как компонента природной среды [3, с. 120].

Согласно ст. 1 Кодекса Республики Беларусь «О недрах» от 14 июля 2008 г. № 406-З (далее – КоН) ресурсы недр – это полезные ископаемые, подземные пространства и геотермальные ресурсы недр, промышленное и иное хозяйственное использование которых технически возможно и экономически целесообразно [4].

Так, ст. 18 КоН устанавливает классификацию полезных ископаемых исходя из их физических и технологических значений:

- рудные;
- нерудные;
- горючие;
- подземные воды.

Законодательство о недрах также определяет классификацию полезных ископаемых исходя из их экономического значения:

- стратегические полезные ископаемые;
- общераспространенные полезные ископаемые;
- полезные ископаемые ограниченного распространения;
- подземные воды [4].

Классификацию ресурсов недр оправданно провести в зависимости от физического состояния твердые (уголь, руды и нерудные образования), жидкие (нефть) и газообразные (природные горючие газы).

Рудными полезными ископаемыми признаются следующие: самородные металлы; руды черных, цветных, редких, радиоактивных металлов, редкоземельные элементы. К нерудным полезным ископаемым относятся: каменные и калийные соли, гипс, фосфориты; природные строительные материалы (песок, гравий, глинистые породы, мел, мергель, известняк, доломит, строительный и облицовочный камень).

Горючие полезные ископаемые: твердый – бурый уголь, горючий сланец, торф; жидкость – нефть и газовый конденсат; газообразный – природный газ, нефтяной газ.

Так, Г. И. Зайчук подчеркивает, что подземные воды в законодательстве о недрах рассматриваются как неотъемлемый элемент недр и разновидность полезных ископаемых. Тем не менее они являются составной частью вод (водного фонда). Подземные воды по своему составу, свойствам и целевому назначению подразделяются на пресные воды, лечебные минеральные воды (с минерализацией от 1 до 35 г/дм³),

минерализированные промышленные воды и воды месторождений полезных ископаемых [5, с. 202].

Подземные пространства состоят из естественных или искусственно созданных подземных полостей. Они могут быть двух типов, натуральные и искусственные.

Геотермальные ресурсы недр включают глубокие запасы тепла Земли, промышленное и другое экономическое использование которых экономически целесообразно с использованием современных технических средств [5, с. 201].

По нашему мнению, рационально придерживаться классификации недр в зависимости от их агрегатного состояния и происхождения, что определяется наиболее оптимальным пониманием национального законодательства.

В зависимости от агрегатного состояния ресурсы подразделяются на:

- твердые;
- жидкие;
- газообразные.

В зависимости от происхождения бывают ресурсы:

- естественного происхождения в недрах;
- техногенного происхождения в недрах.

Таким образом, недра являются самостоятельным элементом природы, частью природной среды. К недрам относятся твердые породы и породы, находящиеся в жидком или газообразном состоянии. Это обстоятельство определяет специфику их правового режима. Ценность недр заключается в том, что они представляют собой источник ресурсов – полезных ископаемых, а также содержат запасы подземных, в том числе минеральных, водных, глубоких источников тепла, хранят исторические и культурные памятники и выступают в качестве пространственной основы для размещения промышленных объектов.

Список использованной литературы

1. Коган, М. Е. Право государственной собственности на недра земли в СССР / М. Е. Коган. – М. : Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР, 1995. – 12 с.

2. Балашенко, С. А. Недра / С. А. Балашенко // Белорусская юридическая энциклопедия. – Минск, 2009. – С. 381–382.

3. Слепцов, А. В. Понятия «недра» и «правовая охрана недр» как объекты правового закрепления в законодательстве Республики Беларусь / А. В. Слепцов // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. Д, Эканоміка. Сацыялогія. Права. – 2017. – № 2 (50). – С. 120–125.

4. Кодекс Республики Беларусь о недрах [Электронный ресурс] : 14 июля 2008 г., № 406-З : принят Палатой представителей 10 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 20 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.10.2012 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Зайчук, Г. И. Правовые проблемы недропользования / Г. И. Зайчук // Вучон. зап. БрДУ імя А. С. Пушкіна. – 2009. – № 2. – С. 199–205.

Д. М. ДАЙНЕКО

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, кандидат юридических наук,
доцент

ДОВЕРЕННОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВИЯ И ПЕРЕДОВЕРИЯ

В соответствии со ст. 186 Гражданского кодекса (далее – ГК) Республики Беларусь доверенностью признается письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому для представительства перед третьими лицами.

Доверенность на совершение сделок, требующих нотариальной формы, должна быть удостоверена нотариально либо в соответствии с законодательством.

Законодательством установлен срок действия доверенности в пределах не свыше трех лет (ст. 187 ГК Республики Беларусь), а также определен порядок прекращения доверенности (ст. 189 ГК Республики Беларусь).

Лицо, которому выдана доверенность (представитель), должно лично совершать те действия, на которые уполномочено. Оно может передоверить их совершение другому лицу, если уполномочено на это доверенностью либо вынуждено к этому силою обстоятельств для охраны интересов выдавшего доверенность. Срок действия доверенности, выданной в порядке передоверия, не может превышать срока действия доверенности, на основании которой она выдана согласно п. 3 ст. 188 ГК Республики Беларусь.

Анализ норм ГК Республики Беларусь дает нам право констатировать, что его нормы фактически не определяют срок начала действия доверенности. По смыслу закона доверенность вступает в силу с даты ее подписания и действует в течение времени, определяемого представляемым, но не свыше трех лет, а если срок не определен в доверенности,

то она действительна в течение одного года (п. 1 ст. 187 ГК Республики Беларусь).

Исключением является доверенность, предназначенная для совершения действий за границей и не содержащая указания о сроке ее действия. Такая доверенность сохраняет силу до ее отмены лицом, выдавшим доверенность. Неконкретное определение законодательством четкой даты начала действия доверенности дает почву для споров. Многие исследователи закономерно ставят вопрос о возможности вводить в действие доверенность не датой подписания, а в будущем, то есть с даты, которая наступит в последующем, к примеру через месяц, год, пять или десять лет.

Таким образом, наличие пробела в гражданском законодательстве относительно введения в действие доверенности не с даты ее выдачи, а с даты, которую желал бы установить сам представляемый и которая наступит в будущем, требует его устранения.

Предлагается, что разрешение спорной ситуации будет возможным, если в содержании самой доверенности будет указано, с какой даты начинается ее действие, а также будут изложены причины, препятствующие выдаче доверенности в будущем, при наступлении даты, с которой предполагается начало действия доверенности. Изложение указанных причин вызывает логическую необходимость обоснования переноса даты начала действия доверенности в будущее (к примеру, выезд представляемого на длительное время за пределы страны проживания и при этом необходимость доверия совершения представителем действий с наступления определенного события в будущем, когда невозможно участие представляемого в выдаче доверенности).

Соответственно, ст. 187 ГК может быть дополнена п. 3 следующего содержания: «Доверенность может содержать указание на дату начала ее действия».

Законодательством Республики Беларусь также четко не определен порядок передоверия доверенности. Не установлено, сколько раз может передоверяться доверенность. Порядок передоверия определяется содержанием основной доверенности, где указано на возможность ее передоверия, либо в силу обстоятельств для охраны интересов выдавшего доверенность (188 ГК Республики Беларусь), но не предусмотрено последующее передоверие, количество возможных передоверий.

В соответствии с законодательством Российской Федерации определено, что доверенность, выданная с правом передоверия полномочий по ней, может также предусматривать право последующего передоверия [1]. Если в первоначальной (основной) доверенности указано, что она выдана с правом передоверия, это не означает, что возможно и последующее передоверие.

Возможность последующего передоверия должна быть предусмотрена в первоначальной (основной) доверенности. Предусмотреть такую возможность в доверенности, выдаваемой в порядке передоверия, недопустимо, если она отсутствует в первоначальной доверенности.

Предлагается, что порядок передоверия доверенности, определенный законодательством Российской Федерации, приемлем для белорусского законодательства в указанной части, в связи с чем Инструкция о порядке совершения нотариальных действий, утвержденная постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23 октября 2006 г. № 63, должна быть дополнена.

Список использованной литературы

1. О Методических рекомендациях по удостоверению доверенностей [Электронный ресурс] : письмо ФНП, 22 июля 2016 г., № 2668/03-16-3. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/pismo-fnp-ot-22072016-n-266803-16-3/>. – Дата доступа: 01.02.2020.

Т. С. ДЕМИДОВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Г. И. Зайчук, кандидат юридических наук,
доцент

О ЮРИДИЧЕСКОМ ПОНЯТИИ «ЛЕС» ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Лес как компонент природной среды, природный объект и ресурс выполняет две основные функции: экологическую и экономическую.

Экологическая функция леса заключается в том, что он обеспечивает средообразующие, водоохраные, защитные, санитарно-гигиенические, рекреационные и иные потребности, а экономическая функция характеризуется тем, что лес представляет собой естественную кладовую древесно-кустарниковой растительности, которая является ценнейшим сырьем для промышленности и удовлетворения потребностей граждан.

Лесами занято более трети территории республики, и объем их постоянно увеличивается. Расширение лесных площадей происходит за счет низкопродуктивных земель сельскохозяйственного назначения, которые экономически нецелесообразно использовать для занятия агропроизводственной деятельностью. Сейчас общая площадь лесов Беларуси составляет более 9 млн га.

Согласно ст. 2 Лесного кодекса (далее – ЛК) Республики Беларусь от 24 декабря 2015 г. № 332-З к лесному законодательству относятся Конституция Республики Беларусь, ЛК Республики Беларусь от 24 декабря 2015 г. № 332-З, акты Президента Республики Беларусь, иные нормативные правовые акты, регулирующие отношения в области использования лесов, а также связанные с ними отношения по охране, защите и воспроизводству лесов, ведению лесного хозяйства, государственного управления использованием, охраной, защитой и воспроизводством лесов, экономико-правового и организационно-правового обеспечения использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, юридической ответственности за нарушение требований лесного законодательства.

В соответствии с п. 14 ст. 1 ЛК к лесам отнесена совокупность древесно-кустарниковой растительности, живого почвенного покрова, диких животных и микроорганизмов, образующих природный комплекс.

Анализ указанной статьи дает основание предположить, что в ней сформулировано не юридическое, а биологическое и географическое понятие леса как естественной экологической системы и типичного ландшафта, образующих природный комплекс. Тем не менее из общего смысла ст. 2 ЛК следует, что земельные, горные, водные, фаунистические и флористические правоотношения регулируются, соответственно, земельным, горным, водным законодательством а также законодательством о животном и растительном мире, за исключением дикорастущих растений, произрастающих на землях лесного фонда. Хотя последнее утверждение является весьма спорным из-за того, что земли лесного фонда не образуют с древесно-кустарниковой растительностью единого объекта правового регулирования.

Помимо изложенного, в приведенном определении отсутствует указание на функции, выполняемые лесом, и его правовой режим.

Представляется, что лес – это компонент природной окружающей среды, охраняемый природный объект, потребляемый и возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность естественной и искусственно созданной древесно-кустарниковой растительности, произрастающей на землях лесного фонда и землях иных категорий, выполняющий экономические, средообразующие, водоохраные, защитные, санитарно-гигиенические, рекреационные и иные функции, в отношении которого установлен режим использования, охраны, защиты и воспроизводства.

Лесной фонд образуют все леса, произрастающие на территории Республики Беларусь на землях лесного фонда и землях иных категорий.

При этом ст. 4 ЛК установлено, что в состав лесного фонда не входит древесно-кустарниковая растительность, произрастающая: на землях

сельскохозяйственного назначения; в границах населенных пунктов (за исключением городских лесов), садоводческих товариществ, дачных кооперативов; на землях промышленности, транспорта, связи, энергетики, обороны и иного назначения; на землях оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения; на землях водного фонда; на землях запаса; в границах придорожных полос (контролируемых зон) автомобильных дорог, за исключением древесно-кустарниковой растительности, произрастающей в границах земель лесного фонда и земель природоохранного назначения.

В соответствии с экологическим, экономическим и социальным значением лесов, их местом нахождения и выполняемыми функциями леса подразделены в соответствии со ст. 16 ЛК на четыре категории, включая природоохранные леса, рекреационно-оздоровительные леса, защитные леса, эксплуатационные леса. В природоохранных, рекреационно-оздоровительных и защитных лесах лесопользование запрещено либо существенно ограничено, а в эксплуатационных лесах разрешены все виды лесопользования.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Лесной кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 24 дек. 2015 г., № 332-З : принят Палатой представителей 3 дек. 2015 г. : одобр. Советом Респ. 9 дек. 2015 г. (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Шингель, Н. А. Правовой режим земель Республики Беларусь / Н. А. Шингель, И. С. Шахрай. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2005.

М. С. ДОРОФЕЕВА

Витебск, Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

Научный руководитель – С. П. Вашетькова, преподаватель

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В современном мире в условиях глобализации все больше и больше проявляются такие негативные явления, как увеличение конкуренции на мировых рынках, рост цен на сырье, а также дискриминация товаров на рынках отдельных стран. Все это приводит к снижению экономической безопасности не только самих стран, но и обстановки на мировом рынке. Во избежание этой проблемы многие государства вводят меру, которая называется импортозамещением.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что импортозамещение – это одна из основных задач, стоящих перед государством для решения многих экономических вопросов, касающихся как внутреннего, так и внешнего торгового рынка.

Целью данной статьи является анализ проведения импортозамещения в Республике Беларусь и Российской Федерации, выявление основных проблем реализации данной политики, а также нахождение путей решения проблем, стоящих перед государствами.

Под импортозамещением принято понимать политику государства, которая направлена на реализацию импорта товаров, услуг и работ посредством стимулирования отечественных производителей продуктов-аналогов, а также создание на территории государства новых предприятий для выпуска продукции, которая ранее импортировалась.

Политика импортозамещения вводилась в экономику государств не раз, однако изначально отсутствие механизма инновационного развития тормозило процесс внедрения. Из-за этого тактический успех импортозамещения не трансформировался в стратегический эффект. Так, первый опыт, который получила Российская Федерация, оказался безуспешным. Гарантии занятости для всего трудоспособного населения ориентировали не на капиталоемкий путь развития, основной акцент производства делался не на качество, а на количество, а также отсутствовали модели разработки и внедрение инноваций.

На данный момент Российская Федерация реализовала более 1366 проектов импортозамещения благодаря устранению предыдущих

ошибок. По статистическим данным за 2019 г., основную долю импортозамещения составили продовольствие, промышленность и медицина. Сейчас государство подготавливает к реализации новый проект, в котором к российскому импортозамещению привлекается КНР, т. к. вовлечение иностранного капитала есть одна из составляющих импортозамещения. Это будет нести в себе ряд положительных моментов, а именно: создав аналогии всей зарубежной номенклатуры продукции, используемой в российской технике, Китай будет поставлять ее дешевле; у российской науки появится возможность параллельной разработки новых образцов техники; уровень технологического отставания сократится на пару лет. Еще одним путем к введению инноваций является «обмен компетенциями» Российской Федерации и КНР. У китайских предприятий и научно-исследовательских организаций отсутствуют значимые компетенции, которые могли бы им позволить самостоятельно разрабатывать инновационные виды вооружений, в то время как в России соответствующие компетенции представлены, однако существуют проблемы с переводом проектов на стадию создания промышленных образцов, в чем поспособствует КНР [1].

Политика импортозамещения проводится посредством реализации проектов и программ не только в Российской Федерации, но и в Республике Беларусь. Так, в соответствии с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., Программой возрождения и развития села на 2016–2020 гг. и программами развития предприятий обеспечивается рост объемов производства и реализации продукции, улучшается ее качество, а также происходит техническое и технологическое переоснащение. Так, если обратить внимание на товарную структуру 2018 г., можно заметить, что 25,8 % приходится на экспорт минеральной продукции, 16,4 % – машины, станки, оборудование, 15,4 % – продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, что подтверждает значимость белорусского сырья. Однако в Республике Беларусь имеется проблема – рост отрицательного сальдо. Под сальдо внешней торговли понимают разницу между экспортом и импортом страны, как правило, в стоимостном выражении. На него оказывает влияние факт того, что импортоемкость белорусской промышленности давит на торговый баланс. Так, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, за 2018 г. сальдо составило 222,6, а еще в 2005 г. оно составляло 585,2 [2, с. 17].

Также острой проблемой по сей день для Республики Беларусь является тот факт, что зарубежные фирмы, в отличие от отечественных, используют навязчивую рекламу, в которую вкладывают достаточное количество средств, а также проводят различные масштабные рекламные

мероприятия и тем самым повышают имидж своей продукции. Однако навязчивая реклама не всегда носит корректную информацию о технических, ценностных и других преимуществах. Покупатели по этой причине не всегда выбирают качественный товар. Что касается Республики Беларусь, то здесь возникает дефицит платежного баланса, наши потребители все больше инвестируют зарубежного производителя, что сказывается на экономической состоятельности отечественных предприятий. Так, за 2018 г. импорт в страны ЕС составил 6,9 млрд долларов, в остальные страны вне СНГ – 7,2. Экспорт в страны ЕС – 4,9, а в остальные страны вне СНГ – 10,2. В Республике Беларусь, как и в Российской Федерации, существует проблема малого привлечения иностранного капитала. Именно поэтому мы считаем необходимым создавать и реализовывать большинство проектов с его внедрением. Возможно рассмотреть необходимость заимствования опыта Российской Федерации с КНР по импортозамещению, а также «обмену компетенций», которые имеются в Республике Беларусь [2].

Проанализировав ситуацию, складывающуюся и в Республике Беларусь, и в Российской Федерации, мы пришли к выводу, что существуют следующие пути разрешения проблемы: улучшение проектов импортозамещения на стадии планирования и подготовки; привлечение в проекты иностранных инвестиций, т.к. это принесет государству проверенные технологии; максимальный упор на имеющееся сырье в Республике Беларусь, использование которого будет экономически целесообразно; расширение льготных условий для внедрения инноваций. Также эффективное проведение данной политики должно основываться на следующих стратегиях: наращивания, заимствования и переноса, что способствует наращиванию объемов выпуска новой продукции на основе отечественного научно-технического потенциала.

Таким образом, при проведении таких мероприятий, как внедрение инноваций, привлечение национальных и иностранных инвестиций, максимальный упор на имеющееся сырье, можно достигнуть более высокого экономического уровня, а также вывести отечественную продукцию на мировой рынок. Также первостепенным процессом должно стать выравнивание торгового баланса в сторону снижения отрицательного сальдо за счет реализации проекта импортозамещения.

Список использованной литературы

1. Внешняя торговля Республики Беларусь в условиях вступления в ВТО и евразийской интеграции / А. Е. Дайнеко [и др.] ; под науч. ред. А. Е. Дайнеко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 245 с.

2. Хвостов, М. А. Программа импортозамещения / М. А. Хвостов // Экономикс. – 2012. – № 6. – 38 с.

3. Червинский, Е. А. Мировая практика реализации политики импортозамещения: опыт Латинской Америки и Юго-Восточной Азии / Е. А. Червинский // Экон. бюл. НИЭИ. – 2012. – № 1. – С. 21–27.

А. О. ЕВТОДЬЕВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, кандидат юридических наук,
доцент

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ НЕУСТОЙКИ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Институт неустойки закрепляется в белорусском законодательстве на уровне Гражданского кодекса (далее – ГК). В ст. 311 ГК указано, что неустойка – это определенная законодательством или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору, если иное не предусмотрено законодательными актами, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения.

Неустойка проста в применении и от того является наиболее распространенным способом обеспечения исполнения обязательств. Чаще всего она используется в отношениях между юридическими лицами и гражданами.

В белорусском гражданском законодательстве по основанию возникновения принято выделять два вида неустойки: законную и договорную. В случаях соотношения неустойки и убытков выделяются также зачетная, штрафная, альтернативная и исключительная неустойки. В ГК неустойка подразделяется на пеню и штраф.

В данной статье мы рассмотрим непосредственно концепцию законной неустойки.

Ст. 313 ГК определяет, что кредитор имеет право требовать выплаты неустойки, которая предусмотрена законодательными актами, независимо от того, предусмотрена ли обязанность ее уплаты соглашением сторон. В статье также указано, что размер неустойки по соглашению сторон может меняться в случае, когда законодательство это позволяет.

Другими словами, законная неустойка – это неустойка, предусмотренная законом. Она устанавливается законодательством для некоторых

видов обязательств. Нормативный правовой акт, а не стороны обязательства определяет размер, условия, а иногда и порядок ее взыскания. Она взыскивается в первую очередь потому, что предусмотрена императивной нормой [3, с. 119].

Что касается отличий законной и договорной неустойки, их достаточно много. Главное – это наличие преимущества, а именно то, что законная изначально между контрагентами не согласовывается, почему и является плюсом одному из них, тогда как договорная, как и прочие условия (предмет, цена, содержание), входит в предмет переговоров. В целом законную неустойку можно назвать одним из способов ограничения свободы договора, выражающимся в виде определенной законодательством суммы, обязующей должника к выплате в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения.

Законная неустойка может устанавливаться не только императивной, но и диспозитивной нормой права. В действительности происходит, что в последнем случае стороны могут увеличить либо уменьшить размер неустойки, обусловить ее взыскание определенного рода обстоятельствами и т. п., поскольку иное не установлено законом (см. таблицу). Если же неустойка установлена в императивной форме, то стороны не имеют права от нее отказаться, предусмотреть в договоре, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, обеспеченного законной неустойкой, соответствующие нормы закона к их отношениям не применяются. Если такое соглашение все-таки будет достигнуто, то оно недействительно. Стороны вправе лишь увеличить размер законной неустойки, установленной императивной нормой. Иногда закон лишает их и этой возможности (п. 2 ст. 313 ГК). Целесообразным представляется введение в ст. 313 ГК дополнения, учитывающего деление норм на императивные и диспозитивные [2, с. 34].

Таблица – Варианты применения законной неустойки

Основание	Кому принадлежит ответственность	Размер ответственности	Где закреплено
В случае недопоставки либо непоставки товара.	Поставщику.	10 % от стоимости непоставленного или недопоставленного товара.	Положения о поставке товаров, п. 91.

Продолжение таблицы

В случае нарушения сроков по обязательствам купли-продажи или поставки, а именно устранения недостатков товара, замены товара, возврата товара и др.	Продавцу либо изготовителю, представителю, поставщику и т. д.	1 % цены товара за каждый день просрочки.	Закон о защите прав потребителей, ст. 26.
В случае поставки товара ненадлежащего качества.	Поставщику.	25 % от стоимости некачественного товара.	Положение о поставках товаров, п. 93.
В случае покупки либо поставки некачественного товара или товара с существенным нарушением требований к качеству товара.	Продавец либо поставщик.	5 % от стоимости некачественного товара.	Указ Президента Республики Беларусь № 186 «О некоторых мерах по повышению ответственности за качество отечественных товаров», подпункт 1.9.
В случае нарушения сроков по предоставлению периода устранения недостатков товара или ремонта некачественного товара.	Продавец либо поставщик.	0,1 % от стоимости некачественного товара за каждый день просрочки.	Указ Президента Республики Беларусь № 186 «О некоторых мерах по повышению ответственности за качество отечественных товаров», подпункт 1.10.

Как видно из таблицы, законная неустойка является одной из основных мер ответственности при нарушении поставщиком либо покупателем своих договорных обязательств. Разумеется, помимо законной неустойки существуют и другие способы, например взыскание убытков (ст. 364 ГК), проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 366 ГК), отказ от исполнения договора и т. д. Однако именно законная неустойка признанно является наиболее надежным способом обеспечения исполнения обязательства.

Популярным является мнение, что законная неустойка не может признаваться способом обеспечения обязательств как таковым [1, с. 667]. Это обосновывается тем, что законная неустойка не зависит от конкретных обязательств или сторон, вступающих в обязательства, а значит и не служит целям обеспечения его исполнения. Однако законная неустойка признана способом обеспечения исполнения обязательств на законодательном уровне, а значит им и является.

В ходе исследования было выяснено, что законная неустойка – достаточно востребованный институт в Республике Беларусь. Несмотря на мнения некоторых цивилистов, законная неустойка все же является способом обеспечения исполнения обязательств, так как законный характер свидетельствует лишь об источнике происхождения неустойки, тогда как сама по себе неустойка обладает стимулирующим и обеспечительным характером, и, фактически, она автоматически «привязывается» к защищаемому обязательству и его сторонам с момента возникновения обязательства. Следует также учесть, что законная неустойка может устанавливаться и императивной, и диспозитивной нормой права, и, следовательно, изменить ст. 313 ГК Республики Беларусь с учетом неустойки обоих видов – той, что определяется императивными нормами, и той, что определяется диспозитивными нормами.

Список использованной литературы

1. Брагинский, М. И. Договорное право. Кн. 1. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 2-е изд. – М. : Статут, 2017.
2. Гонгало, Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики / Б. М. Гонгало. – М. : Статут, 2004.
3. Гражданское право : в. 3 т. / Т. В. Авдеева [и др.] ; под ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2010. – Т. 2. – 960 с.

Г. В. КРАСУЦКИЙ

Минск, Белорусский государственный университет
Научный руководитель – И. С. Шахрай, кандидат юридических наук,
доцент

**К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОРЯДКА ПОЛЬЗОВАНИЯ
ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ
НА ОБЩЕМ ПРАВЕ**

Земельное законодательство Республики Беларусь закрепило многообразие правовых форм использования земли, которое прошло проверку временем, однако в силу сложного характера земельных отношений и их субъектного состава до настоящего времени в нем не сформировались четкие подходы к понятию общих прав на земельные участки, условия и порядок их реализации. В настоящее время Кодекс Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. (далее – КоЗ) только в отношении права собственности прямо предусматривает возможность того, что земельный участок может принадлежать на праве общей собственности нескольким землепользователям (ч. 2 ст. 12 КоЗ). Учитывая специфику земельных правоотношений, возникновение общих прав на землю неизбежно, вне зависимости от правовых форм ее использования.

Изучение судебной практики показывает, что в ней достаточно часто встречаются споры об определении порядка пользования земельными участками, предназначенными для жилищного строительства. Сложность разрешения таких гражданских дел заключается в том числе в отсутствии надлежащего правового регулирования. Так, в КоЗ закреплены только две общие нормы, которые непосредственно определяют права и обязанности землепользователей на земельные участки, находящиеся на общем праве, при реализации правомочия пользования ими. В частности, согласно ч. 9 ст. 69 КоЗ и ч. 17 ст. 70 КоЗ землепользователи земельного участка, на котором расположены капитальные строения (здания, сооружения), находящиеся в их общей долевой собственности, осуществляют права и обязанности, предусмотренные указанными статьями, пропорционально своим долям в праве собственности на капитальные строения (здания, сооружения) либо долям в праве общей собственности на общее имущество совместного домовладения.

Таким образом, законодатель дал общую установку о том, что пользование земельными участками, находящимися на общем праве, осуществляется пропорционально долям в праве собственности на капитальные строения (здания, сооружения), расположенные на таких участках. В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики

Беларусь от 22 декабря 2011 г. № 9 «О практике рассмотрения судами земельных споров» предпринята попытка устранить пробелы правового регулирования и даны разъяснения судам об общих критериях, которыми необходимо руководствоваться при выборе конкретного варианта порядка пользования земельным участком. Например, с учетом принципа единства судьбы земельного участка и расположенного на нем строения выделенная собственнику строения часть земельного участка, как правило, должна прилегать к его части дома; общий двор в пользование собственников строений выделяется лишь в том случае, если возможность устройства отдельных проходов (проездов) к принадлежащим каждому из собственников строениям исключается. Вместе с тем полагаем, что предложенных разъяснений действующего законодательства явно недостаточно для полноценной реализации землепользователями своих правомочий по владению и пользованию земельными участками.

Так, в данном случае отсутствие более детальной регламентации минимизирует возможности определять порядок пользования земельными участками по взаимному соглашению землепользователей в случае возникновения споров, так как они вынуждены руководствоваться субъективными представлениями о принадлежащих им правах, а не объективными нормами. Кроме того, при рассмотрении таких споров в судебном порядке суд также ограничен в выборе правовых механизмов их разрешения.

Следует отметить, что в настоящее время в цивилистической науке и науке земельного права нет единства мнений по вопросу о сущности понятия «доли» в праве. Одни авторы придерживаются точки зрения о том, что реальная доля рассматривается как конкретная, обособленная в натуре часть общего имущества, принадлежащая отдельному собственнику [2, с. 455]; другие указывают, что употребление термина «реальная доля» возможно в смысле определенной части общего имущества, выделенной отдельному собственнику во владение и пользование без обособления ее в натуре [1, с. 30]. Полагаем, что вторая точка зрения нашла свое закрепление в законодательстве Республики Беларусь, но и она требует дальнейшего развития. По нашему мнению, существующие запросы субъектов земельных отношений, а также практика применения земельного законодательства подтверждают необходимость его совершенствования в части распространения норм об общих правах на все правовые формы использования земельных участков. Это в свою очередь является предпосылкой для обсуждения вопроса о признании доли в праве на земельный участок в качестве самостоятельного объекта земельных отношений.

Подводя итог, можно сделать вывод, что для всестороннего и полного обеспечения прав землепользователей следует закрепить в КоЗ нормы, на основании которых будет возможно определять порядок пользования земельными участками, находящимися на общих правах, как в добровольном, так и в административном либо судебном порядке. Считаем, что такие нормы могут включать в себя следующие положения:

порядок пользования земельным участком, находящимся на общем праве, определяется по взаимному соглашению землепользователей, исходя из размера долей в праве на него и приходящейся на нее площади; выделения в пользование той части участка, которая прилегает к части дома соответствующего землепользователя, а также на которой располагаются находящиеся в его собственности или пользовании надворные постройки, сооружения и насаждения;

землепользователи вправе заключать договоры о порядке пользования земельными участками, которые подлежат государственной регистрации в территориальных организациях по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. В основу таких договоров могут быть положены конкретные варианты порядка пользования, разработанные на платной основе специалистами в области землеустройства как при местных исполнительных и распорядительных органах, так и в организациях независимо от формы собственности;

при недостижении соглашения между землепользователями порядок пользования определяется судом с учетом вышеуказанных предложений и заключения судебно-землеустроительной экспертизы или заключения специалиста в области землеустройства, если это не приведет к нарушению градостроительных регламентов, природоохранных требований, противопожарных, санитарных, строительных и иных норм и правил.

Список использованной литературы

1. Мананкова, Р. П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству / Р. П. Мананкова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1977. – 214 с.
2. Советское гражданское право / отв. ред. О. С. Иоффе. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – Т. 2. – 520 с.

С. В. ЛИТВИНЧУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, кандидат юридических наук,
доцент

**ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ
ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА**

В настоящее время происходит формирование цифровой экономики, а на этой основе появляются все новые общественные отношения, связанные с использованием цифровых технологий. Это обуславливает появление новых объектов гражданских правоотношений, среди которых большое значение имеют цифровые права.

Под цифровыми правами следует понимать права человека, которые заключаются в праве на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, коммуникационных сетей, в частности к сети Интернет.

Особенностью «цифровой революции» является переход от виртуального пространства технологических операций и информационных потоков в сети Интернет к реальному воздействию цифровых технологий на экономику, право, социально-культурную сферу и политику. Цифровое пространство не только становится информационным полем обмена и получения информации, заключенной в сети Интернет, но и превращается в инструмент регулирования экономики, права и политики.

Эпоха информационных технологий диктует необходимость ревизии универсальных прав человека и их расширения. Сегодня одной из основных задач государства является признание и защита цифровых прав граждан от возможных нарушений с одновременным обеспечением конституционно-правовой безопасности личности, общества и государства на основе Конституции и с учетом необходимых международных документов. К сожалению, законодательное закрепление данного объекта не определено в Республике Беларусь либо носит спорный характер.

В настоящее время в Республике Беларусь правовое регулирование цифровых валют отсутствует. В ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) приведен закрытый перечень видов объектов гражданских прав.

Отсутствие необходимого правового регулирования цифровых валют в Республике Беларусь затрудняет безопасное осуществление сделок с их использованием.

В настоящее время распространены случаи преступного посягательства на объекты компьютерных игр, а также на аккаунты, которые имеют значительное количество подписчиков, для достижения различных целей, например для продвижения собственного продукта или деятельности.

Однако ни законодательство об административных правонарушениях, ни уголовное законодательство Республики Беларусь не несут ответственности в случае отсутствия прямого корыстного умысла при совершении подобных деяний.

В частности, Л. Л. Кругликов считает, что невозможно ограничение предмета хищения только предметами материального мира, носящими вещный характер. Согласно его мнению, необходимо уйти от устаревшей концепции и считать предметом хищения также право на имущество [1].

Сторонники расширения предмета отмечают, что современный подход к его определению строится на цивилистическом понятии имущества, которое на данный момент носит узкий характер и не отвечает нынешним условиям развития имущественных отношений [2].

В соответствии с п. 3 Приложения № 1 к Декрету президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» (далее Приложение № 1) владелец цифрового знака (токена) – субъект гражданского права, которому цифровой знак (токен) принадлежит на праве собственности или ином вещном праве.

Цифровой знак (токен) согласно п. 12 Приложения № 1 представляет собой запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой.

Также доходы в цифровой валюте не могут облагаться налогом, т. к. цифровые валюты не признаются объектом налогообложения. Объектом налогообложения признаются доходы и источники их получения. Доходом в соответствии с п. 1 ст. 34 Налогового кодекса Республики Беларусь признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме. Цифровые валюты не относятся к деньгам и не имеют натуральной формы, следовательно, не могут создавать налоговую базу и выступать в качестве дохода.

Таким образом, известные ранее имущественные права благодаря созданию информационной системы могут быть материализованы в электронной форме в виде совокупности данных – цифрового кода или обозначения.

На наш взгляд, в действующем гражданском законодательстве не хватает такого важного ныне объекта, как цифровые права. Ведь весь современный мир изменяется, и сейчас люди все активнее используют

информационные технологии во всех сферах своей жизни. И, соответственно, все чаще возникают гражданско-правовые отношения между субъектами по этому поводу. Однако их невозможно решить из-за пробела в законодательстве.

Таким образом, признание подобных объектов в качестве объектов гражданского права позволит применить к ним необходимый правовой режим и решить ряд правоприменительных проблем. В связи с этим считаем необходимым дополнить ГК Республики Беларусь, а именно изложить ст. 128 следующим образом: «К объектам гражданских прав относятся: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, включая цифровые права; работы и услуги; нераскрытая информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; нематериальные блага».

Список использованной литературы

1. Кругликов, Л. Л. Проблемы теории уголовного права : избр. ст. / Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 591 с.
2. Шульга, А. В. Развитие имущественных отношений в условиях современного общества и преступных посягательств на них / А. В. Шульга // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. – 2015. – № 4 (30). – С. 91–96.

В. А. МАЙСАК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. Б. Лепешко, старший преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) распространяет правила, установленные гражданским законодательством, на отношения с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, однако иное может быть определено Конституцией и международными договорами Республики Беларусь (ч. 2 п. 3 ст. ГК). Таким образом, за этими категориями физических лиц в качестве общего правила закрепляется национальный режим в гражданско-правовых отношениях, в том числе и вещных, но оговаривается возможность введения исключений из него. Позиция законодателя о национальном режиме с допущением изъятий из него нашла отражение и в норме, содержащейся в п. 2 ст. 4 ГК Республики Беларусь и посвященной объему

гражданской правоспособности иностранцев в Республике Беларусь. Особенностью природоресурсного законодательства является то, что в нем не оговаривается национальный правовой режим, однако иностранцы признаются субъектами соответствующих правоотношений.

Кодексом Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З (далее – Кодекс о земле 2008 г.) иностранным гражданам и лицам без гражданства предоставлено право становиться собственниками земельных участков в Беларуси. Однако основанием перехода земельного участка в собственность иностранца может быть исключительно его наследование от лица, которому земельный участок принадлежал на праве частной собственности, и при этом иностранец должен являться родственником наследодателя (ч. 4 ст. 12 ГК). Действующее земельное законодательство не обуславливает возникновение права собственности иностранцев на земельную недвижимость какими-либо иными условиями. Это право иностранцев, в частности, не зависит от факта проживания (постоянного, временного или пребывания) в стране.

Право частной собственности составляет основу социально-экономического статуса личности и входит в группу социально-экономических прав. Для обеспечения равенства социально-экономических прав иностранцев и национальных граждан особое значение имеет равенство условий доступа, в нашем случае равенство возможностей для приобретения тех или иных объектов на праве собственности. В соответствии с ч. 1 ст. 10 Закона Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» постоянно проживающие в Республике Беларусь иностранцы, занимающиеся на законных основаниях трудовой, предпринимательской и иной деятельностью, имеют все социально-экономические права, которыми пользуются граждане Республики Беларусь, включая право на социальное обеспечение. Данная норма не содержит каких-либо оговорок. Вместе с тем постоянно проживающим в Республике Беларусь и занимающимся на законных основаниях трудовой, предпринимательской и иной деятельностью иностранцам равные с гражданами Республики Беларусь права на приобретение земельных участков в собственность в результате заключения гражданско-правовых сделок Кодексом о земле 2008 г. не предоставлены. Не предоставлены им и равные с белорусскими гражданами права по получению в частную собственность земельных участков, находящихся в государственной собственности.

В связи с рассматриваемым вопросом следует обратить внимание и на несогласованность международного договорного регулирования и национального правового регулирования. Договором о равных правах

граждан, заключенным между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в г. Москве 25 декабря 1998 г. и ратифицированным Законом Республики Беларусь от 17 февраля 1999 г., определено, что граждане Беларуси и России пользуются равными правами и свободами, как это предусмотрено законодательствами договаривающихся сторон (ст. 3).

В Республике Беларусь в отношении вещных прав на земельные участки иностранных граждан существует определенная недосказанность по поводу наличия и использования вещных прав указанной категорией граждан. То, что право собственности – вещное и центральное в системе вещных прав, поскольку все другие вещные права зависимы и производны от него, – аксиома цивилистики. Юридически закрепленные возможности иметь имущество на праве собственности, наследовать и завещать имущество выступают в качестве важных элементов содержания правоспособности физических лиц.

С целью преодоления противоречий во внутреннем законодательстве, приведения его в соответствие с договорными обязательствами Республики Беларусь полагаем важным предоставить равные с гражданами Республики Беларусь права гражданам Российской Федерации и постоянно проживающим на территории Беларуси иностранцам, занимающимся на законных основаниях трудовой, предпринимательской и иной деятельностью, на получение земельных участков в пожизненное наследуемое владение, временное пользование.

М. В. МАХЛЯНКОВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, кандидат юридических наук,
доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНОСТРАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Институт представительства – возможность участия в правоотношениях лиц, у которых нет возможности делать это самостоятельно. Благодаря представительству лицо, обладающее необходимой компетенцией, есть возможность привлечь к совершению ряда юридических действий. В соответствии со ст. 51 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) представительство – это обособленное подразделение юридического лица, расположенное вне места его нахождения,

осуществляющее защиту и представительство интересов юридического лица, совершающее от его имени сделки и иные юридические действия [1].

В данной работе мы рассмотрим особенности представительства иностранной организации в Республике Беларусь.

Правовой статус представительства иностранной организации на территории Республики Беларусь определяется на основании ст. 51-1 ГК и Положения о порядке открытия и деятельности в Республике Беларусь представительств иностранных организаций, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.05.2018 № 408 (далее – Положение).

Представительством иностранной организации на основании ст. 51-1 ГК является ее обособленное подразделение, расположенное на территории Республики Беларусь, осуществляющее защиту и представительство интересов иностранной организации и иные не противоречащие законодательству функции.

Положением предусмотрена возможность открытия представительств как коммерческими, так и некоммерческими иностранными организациями.

Представительство некоммерческой иностранной организации открывается для реализации следующих целей: социальная поддержка и защита граждан, подготовка населения к предотвращению несчастных случаев, охраны окружающей среды, а также иной общественно полезной деятельности, не связанной с получением прибыли. Коммерческие иностранные организации преследуют такие цели, как изучение рынков товаров и услуг в Республике Беларусь, изучение возможностей для осуществления инвестиций на территории Республики Беларусь, а также иной общественно полезной деятельности.

Открытие представительства иностранной компании позволяет ей организовать бизнес в Республике Беларусь, для ведения которого необходимо получение лицензии. Однако право на осуществление некоторых лицензируемых видов деятельности предоставлено только резидентам Республики Беларусь.

Стоит отметить, что на основании Положения при открытии иностранного представительства в Республике Беларусь необходимо учитывать, что данное представительство не является юридическим лицом и имеет статус нерезидента. Также особенность иностранного представительства – это то, что оно открывается на определенный период. Численность иностранных граждан – сотрудников представительства иностранной организации (включая руководителя) не может превышать пяти человек.

Деятельность иностранного представительства может осуществляться только на основании решений, принимаемых облисполкомом по месту

нахождения представительства иностранной организации, о выдаче разрешений на открытие представительства иностранной организации. Представительство считается открытым и имеет право осуществлять деятельность на территории Республики Беларусь с момента принятия местным исполкомом решения о выдаче разрешения на его открытие.

Иностранная компания вправе заниматься предпринимательской деятельностью на территории Республики Беларусь только от имени и по поручению представляемой им организации.

Руководитель иностранного представительства действует на основании доверенности от головной организации. В данной доверенности предусматривается широкий круг полномочий на управление представительством и представление интересов головной компании. Доверенность удостоверяется нотариально и, если необходимо, легализуется. Иногда отдельная доверенность выдается юристу или иному доверенному лицу, которое занимается открытием представительства. Такая доверенность должна содержать полномочия на подачу документов в МИД Республики Беларусь, получение разрешения, подписание положения о представительстве [1].

При определении юридического адреса представительства необходимо получить гарантийное письмо от арендодателя в отношении адреса местонахождения представительства.

Основным документом, регламентирующим деятельность иностранного представительства, является Положение о представительстве. Данное положение утверждается уполномоченным органом иностранной организации. Положение подписывается или руководителем головной организации, или доверенным лицом. В случае когда положение о представительстве подписывается доверенным лицом, оно должно быть заверено нотариально. Положение должно соответствовать законодательству Республики Беларусь и в обязательном порядке содержать сведения о месте нахождения представительства, головной организации и функциях руководителя представительства.

Положением закреплён и запрещённый вид деятельности для иностранных представительств. Они не могут осуществлять страховую деятельность, а также связанную с услугами страхования. Запрещается открытие представительства, целью создания которого является деятельность, направленная против целостности и безопасности Республики Беларусь.

Деятельность представительства иностранной организации прекращается на основании внесения в исполком соответствующего требования заинтересованного государственного органа Республики Беларусь, а также в случае превышения численности иностранных граждан – сотрудников представительства, которая составляет пять иностранных граждан [2].

Прекращение деятельности представительства иностранной организации также может осуществляться по решению иностранной организации, открывшей свое представительство. Данное решение о прекращении деятельности представляется в исполком.

Таким образом, объем правоспособности по ведению деятельности представительства имеет только одно ограничение: свою предпринимательскую деятельность на территории Республики Беларусь представительство может вести от имени и по поручению представляемой им организации. Представительство – это лишь часть головной организации на территории республики, выполняющая функции от имени и по поручению головной организации.

Список использованной литературы

1. Латышев, И. С. Порядок открытия представительства иностранной организации в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / И. С. Латышев. – Режим доступа: <https://cutt.ly/uyaCJkC>. – Дата доступа: 27.04.2020.

2. Михайлов, А. М. Новое в регулировании представительств иностранных организаций / А. М. Михайлов // ЮРИСТ. – 2018. – № 6.

А. С. МИХАЛЬЧУК

Гродно, Гродненский государственный университет
имени Я. Купалы

Научный руководитель – И. Ю. Кирвель, кандидат юридических наук, доцент

УЧАСТИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРОЦЕССЕ СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ

В Республике Беларусь за 2019 год на 62 700 заключенных браков приходилось 34 500 расторгнутых. Приведенные статистические данные свидетельствуют о нарастающей негативной тенденции и подтверждают необходимость развития семейной медиации в Республике Беларусь в качестве альтернативного способа урегулирования конфликтов [2].

Расторжение брака в судебном порядке – длительный, экономически затратный процесс, состоящий из раздела имущества, урегулирования вопросов, связанных с проживанием и воспитанием детей, порядком выплаты алиментов и др. Особенность семейных правоотношений заключается в определенных взаимоотношениях его участников: члены семьи эмоционально взаимосвязаны, в отличие от субъектов иных правоотношений. При расторжении брака существенную проблему

вызывают чувства и эмоции бывших супругов, которые влияют на принятие решений и препятствуют достижению консенсуса [4, с. 140].

В случае расторжения брака при наличии детей эмоции имеют едва ли не первостепенное значение, так как родители испытывают стресс, а иногда гнев, обиду, раздражение, должны принять решения, влияющие на их дальнейшую жизнь и жизнь их близких. Все вышеперечисленное сказывается на эмоциональном состоянии родителей и, безусловно, отражается на детях. В некоторых случаях дети чувствуют вину за расторгнутый брак родителей. Таким образом, 25 % детей из семей, в которых родители расторгли брак, имеют социальные, эмоциональные и психологические проблемы, по сравнению с 10 % детей из полных семей [3].

В период расторжения брака необходимо всесторонне поддерживать ребенка, а также предоставлять ему возможность участвовать в данном процессе: высказывать свое мнение по поводу того, с кем из родителей он хотел бы проживать, как часто видеться со вторым родителем и др. Полагаем, что наиболее подходящий способ расположить ребенка к диалогу без манипуляций со стороны родителей и излишнего волнения – привлечь его к участию в процесс семейной медиации.

Закон Республики Беларусь «О медиации» от 12 июля 2013 г. № 58-З закрепил следующее определение данного института: «Медиация – переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения».

В соответствии с Правилами проведения медиации, утвержденными постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1150, участниками медиации являются стороны (представители сторон), медиатор. Стороны вправе по соглашению между ними и с согласия медиатора привлекать любых иных лиц для участия в проведении медиации, если это необходимо для урегулирования спора. Сторонами медиации признаются физические лица, обладающие полной дееспособностью, и (или) юридические лица, заключившие соглашение о проведении медиации.

Законодательство предусматривает запрет на участие несовершеннолетнего в качестве стороны в процессе медиации в силу отсутствия у него признака полной дееспособности, однако данное ограничение не распространяется на лиц, привлекаемых для участия в процессе медиации с целью способствования урегулированию спора. Исходя из вышесказанного, для привлечения несовершеннолетнего в качестве такого лица необходимо согласие сторон (родителей) и медиатора.

Согласно ст. 11 Закона Республики Беларусь «О правах ребенка» от 19 ноября 1993 г. № 2570-ХІІ (далее – Закон «О правах ребенка»), каждый

ребенок, способный формулировать свои взгляды, имеет право свободно их выразить по всем вопросам, которые его затрагивают, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с его возрастом. В частности, ребенку предоставляется возможность непосредственно либо через представителя или соответствующий орган быть заслушанным в ходе любого затрагивающего его судебного или административного разбирательства в порядке, предусмотренном законодательством Республики Беларусь.

Безусловно, несовершеннолетний должен быть заинтересован в участии, выражении своей точки зрения, взглядов. Также принципиальное значение играет возраст ребенка, его психологическая и эмоциональная готовность говорить о расторжении брака родителей и возможность участвовать в принятии решений. В соответствии со ст. 15 Закона «О правах ребенка» по достижении несовершеннолетним десятилетнего возраста испрашивается его мнение по поводу того, с кем из родителей он хотел бы проживать в случае расторжения брака. Таким образом, привлечение несовершеннолетнего в качестве лица, способствующего урегулированию спора в процессе медиации, могло бы осуществляться по достижении ребенком десяти лет. Необходимо учитывать эмоциональный интеллект, а также индивидуальное развитие каждого ребенка.

Вопрос участия ребенка в процессе семейной медиации является дискуссионным. С одной стороны, это положительно повлияет на скорость достижения согласия между спорящими сторонами, будут учтены желания и потребности ребенка. С другой стороны, не исключается возможность давления на ребенка родителями перед сеансом медиации; негативных последствий в виде замкнутости ребенка, отрицательных эмоций, стресса; нарушения принципа конфиденциальности в медиации.

Однако привлечение ребенка к урегулированию семейных конфликтов посредством медиации является реализацией его права выражать свое мнение и быть услышанным. «Медиаторы из различных стран отмечают ряд преимуществ участия детей в медиации по семейным делам. Возраст, с которого в процесс семейной медиации вовлекается несовершеннолетний, в зарубежных странах различен: в Англии с пяти – двенадцати лет, в Австралии – с достижением школьного возраста, в Эдинбурге – с восьми лет, в США – с шести лет. Различны и методы вовлечения детей в зависимости от возраста и развития – это может быть косвенное участие через игры, рисование семьи (для самых младших), ответы на вопросы для детей постарше» [1].

Правовые нормы, регламентирующие разрешение семейных конфликтов, должны быть направлены не только на урегулирование споров между субъектами, но и на совершенствование семейных

правоотношений. Полагаем, что в законодательстве необходимо закрепить возможность участия несовершеннолетних в процессе семейной медиации по достижении ими десятилетнего возраста. Участие должно быть добровольным (несовершеннолетний должен проявлять инициативу), с согласия сторон (родителей) и медиатора, а также необходимо предусмотреть и устранить возможность психологической и моральной травмы ребенка.

Наличие возможности участия ребенка в медиации важно для института семейной медиации в Республике Беларусь, так как статистические данные, указывающие на количество расторгнутых браков, доказывают наличие кризиса семейных правоотношений в настоящее время. И, соответственно, ведут к увеличению количества споров об имущественных и личных неимущественных правах. Участие несовершеннолетнего в медиации способствует достижению оптимальных условий для каждой из спорящих сторон, однако необходимо учитывать психологическую составляющую: не оказывать давление на несовершеннолетнего, не принуждать к участию или высказыванию своего мнения, приглашать специалиста-психолога к участию в процессе семейной медиации или отдавать предпочтение медиатору с соответствующим образованием.

Список использованной литературы

1. Афанасьева, Е. А. Участие детей в медиации по семейным делам / Е. А. Афанасьева // Соц. и гуманитар. науки. Отечеств. и зарубеж. лит. Сер. 4, Государство и право. – 2015. – № 4. – С. 7–16.
2. Беларусь в цифрах, 2020 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь : пред. редкол. И. В. Медведева. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. – 71 с.
3. Гридасова, В. Как развод родителей может повлиять на психику и поведение детей [Электронный ресурс] / В. Гридасова. – Режим доступа: <https://gridasova.com/archives/1366>. – Дата доступа: 25.05.2020.
4. Здрок, О. Н. О семейной медиации / О. Н. Здрок // Актуальные проблемы современного публичного и частного права : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Минск : Экоперспектива, 2015. – С. 139–141.

А. Е. МИХНО, П. В. НЕСТЕРУК

Брест, Брестский государственный технический университет
Научный руководитель – О. В. Ипатова, старший преподаватель

ГААГСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБРАЗЦОВ

В условиях жесткой конкуренции и борьбы за потребителя дизайн товара является ключевым моментом, так как внешний вид товара у потребителя ассоциируется с определенным качеством, за которым стоит определенный производитель. Чаще всего дизайн товара защищается как промышленный образец (англ. Design) – объект интеллектуальной собственности, определяющий художественное и художественно-конструкторское решение, определяющее внешний вид изделия являющееся новым и оригинальным [3]. Подобное определение содержится в национальных законодательствах, при этом отсутствует какое-либо определение понятия промышленного образца в международных конвенция по охране промышленной собственности.

Как правило, патент на промышленный образец имеет локальный характер – предоставляет охрану только в пределах государства, выдавшего патент. Поэтому если требуется охрана в нескольких странах, то необходимо подавать несколько национальных заявок (или испрошены «депонирования»). Процедуры получения охраны в разных странах будут различны: в одних странах требуется проведение патентной экспертизы (экспертизы по существу) (например, в Российской Федерации), в других достаточно формальной экспертизы заявки (например, в Республики Беларусь).

Для упрощения и унификации процедур, а также для экономии времени и средств на уплату патентных пошлин и услуги патентных поверенных используется Гаагское соглашение. Соглашение предоставляет возможность быстро и легко получать охрану образцов на многочисленных рынках, поскольку одна международная заявка заменяет собой целую серию заявок, которые в ином случае следовало бы подать в различные национальные (или региональные) ведомства. Гаагская система международной регистрации промышленных образцов позволяет при подаче одной заявки регистрировать до 100 образцов в 73 договаривающихся сторонах Гаагского соглашения (среди которых – Европейский союз и Африканская организация интеллектуальной собственности), охватывающих 90 стран.

Гаагское соглашение о международном депонировании промышленных образцов было принято 6 ноября 1925 г. Оно пересматривалось несколько

раз: в Лондоне 2 июня 1934 г. (Акт 1934 г.) и в Гааге 28 ноября 1960 г. (Акт 1960 г.); оно было дополнено Монакским дополнительным актом от 18 ноября 1961 г., Стокгольмским дополнительным актом от 14 июля 1967 г., измененным 28 сентября 1979 г., и Женевским актом 2 июля 1999 г.

Гаагское соглашение о международном депонировании промышленных образцов переименовано и носит название «Гаагское соглашение о международной регистрации промышленных образцов». Переименование произошло при подписании Женевского акта 1999 г. (статья 1 (i) Женевского акта).

Сегодня действуют два самостоятельных акта Гаагского соглашения, полностью независимых друг от друга, – Акт 1999 г. (Женевский акт от 2 июля 1999 г.) [1] и Акт 1960 г. (Гаагский акт от 28 ноября 1960 г.) [2], что упростило процедуру регистрации. То есть международное депонирование может регулироваться Актом 1999 г., Актом 1960 г. или обоими этими актами, в зависимости от договаривающейся стороны, физическим или юридическим лицом, связанным через учреждение, местожительство, гражданство или, в случае Акта 1999 г., обычное местожительство с договаривающейся стороной любого из этих двух актов [1, ст. 3; 2, ст. 2].

Чтобы подать заявку, заявитель должен отвечать одному из условий: быть гражданином Европейского союза или Африканской организации интеллектуальной собственности; иметь местожительство на территории одной из договаривающихся сторон; иметь на территории одной из договаривающихся сторон действительное промышленное или коммерческое предприятие. Международные заявки подаются в Международное бюро ВОИС напрямую или через патентное ведомство страны происхождения, за что национальное ведомство может требовать уплаты пошлины. Большинство заявок подается с использованием электронной системы подачи заявок.

Заявки могут содержать до 100 образцов, только если все они относятся к одному и тому же классу Международной классификации промышленных образцов (Локарнская классификация) [4]. Заявители могут подавать заявки на трех языках: французском, английском или испанском. Международные заявки обязаны содержать в себе одно либо несколько изображений промышленного образца (образцов). Они также обязаны указывать хотя бы одну страну.

Международные регистрации опубликовываются в «Бюллетене международных образцов», который в онлайн-режиме издается раз в неделю. Заявитель может просить об отсрочке публикации, но не более 30 месяцев с даты международной регистрации или, если испрашивается приоритет, с даты приоритета. Отсрочкой пользуются в целях сокрытия

информации от конкурентов, пока процесс производства сбыта продукции не налажен.

В течение 6 месяцев (или в течение 12 месяцев в соответствии с Актом 1999 г.) с даты публикации сведений о международной регистрации каждая договаривающаяся сторона, указанная заявителем, может отказать в защите [1, ст. 12; 2, ст. 8]. Отказ в защите может быть обоснован нормами национального законодательства, определяющими условия предоставления охраны промышленным образцам. Но это не означает, что не следует соблюдать формальные требования национального законодательства к процедуре предоставления охраны. Если в установленный срок патентное ведомство указанной в заявке страны не оповестит об отказе в предоставлении защиты, международная регистрация будет иметь те же последствия, что и предоставление данной страной защиты в соответствии с ее законодательством.

Срок охраны промышленного образца составляет пять лет. Он может быть продлен еще на пять лет в соответствии с Актом 1960 г. [2, ст. 10] или на два таких периода в соответствии с Актом 1999 г. [1, ст. 17]. Если законодательство страны предусматривает более длительный срок защиты, промышленные образцы должны получать в этой стране охрану такой же продолжительности. Для облегчения доступа к Гаагской системе создателей промышленных образцов из наименее развитых стран пошлины и сборы для них уменьшены до 10 % от установленных сумм.

Благодаря Гаагской системе нет необходимости контролировать сроки для продления целого ряда национальных регистраций, которые также различаются между странами. Кроме того, с ее помощью можно избежать необходимости уплаты целого ряда пошлин в разных валютах. У владельцев образцов нет необходимости подавать отдельную национальную заявку в каждой договаривающейся стороне, в которой они испрашивают охрану, и таким образом избегают сложностей в связи с используемыми в разных государствах разными процедурами и языками. Заявитель получает пакет национальных прав с помощью одной международной заявки, составленной на одном языке, при условии уплаты одного набора пошлин в одной валюте (швейцарский франк) и в одном ведомстве (Международное бюро ВОИС). Благодаря наличию одной международной регистрации, действующей в нескольких договаривающихся сторонах, последующее управление международной регистрацией значительно упрощается. Например, запись об изменении имени или адреса владельца или изменении владельца в отношении всех или только некоторых из указанных договаривающихся сторон может быть внесена в Международный реестр и будет действовать благодаря одной простой процедурной операции, осуществляемой через Международное бюро ВОИС.

Список использованной литературы

1. Женевский акт 1999 г. Гаагского соглашения о международной регистрации промышленных образцов [Электронный ресурс] : [заключен в г. Женеве 02.07.1999 г.]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=12531>. – Дата доступа: 27.05.2020.

2. Гаагский акт 1960 г. Гаагского соглашения о международной регистрации промышленных образцов [Электронный ресурс] : [заключен в г. Гааге 28.11.1960 г.] – Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/ru/treaties/textdetails/12528>. – Дата доступа: 27.05.2020.

3. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 дек. 2002 г., № 160-З : в ред. Закона от 18 дек. 2017 г. № 88-З // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Локарнское соглашение об учреждении Международной классификации промышленных образцов [Электронный ресурс] : [заключено в г. Локарно 08.10.1968 г.]. – Режим доступа: http://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=286232. – Дата доступа: 21.05.2020.

А. А. МУХА

Брест, Брестский государственный технический университет
Научный руководитель – О. В. Ипатова, старший преподаватель

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Сегодня во многих странах мира существуют государственные программы, ориентированные на дигитализацию и автоматизацию управленческих процессов, которые касаются вопросов разработки и внедрения электронного правительства. С началом 2000-х гг. работа всех государственных структур начала предусматривать автоматизированную поддержку. Электронное правительство – не просто новая технология, а социальная инновация, предусматривающая новый способ управления страной – повышение роли общества в принятии важных государственных решений. Такая новая социальная практика позволяет сделать прозрачной всю административную систему.

Республика Беларусь не стоит в стороне от мировых тенденций. В стране уделяется пристальное внимание глобальной цифровизации.

Государственные стратегии и программы, принятые в последние годы в области развития электронного правительства, предусматривают ряд серьезных мер по углублению электронного взаимодействия бизнеса, граждан и государственных органов. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., которая утверждена Указом президента Республики Беларусь 15 декабря 2016 г. № 466, подтверждает актуальность реализации технологий электронного правительства в органы государственного и регионального управления [2].

В сфере межведомственного информационного взаимодействия в Республике Беларусь создана единая технологическая инфраструктура электронного взаимодействия государственных органов и иных государственных организаций на базе межведомственных информационных систем, центров обработки данных и Единой республиканской сети передачи данных (ЕРСПД). Также заложены нормативно-правовые основы формирования и развития системы оказания электронных услуг органами государственной власти и обеспечены единые механизмы идентификации участников информационного взаимодействия при работе в государственных информационных системах, при получении электронных услуг. Создан универсальный механизм осуществления административных процедур в электронном виде и оказания электронных услуг посредством единого портала электронных услуг portal.gov.by. Строятся процессы трансграничного электронного взаимодействия: Беларусь участвует в международных проектах по развитию технологий электронного правительства с Россией, Казахстаном, Грузией, Азербайджаном; разработала национальный сегмент интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза.

К государственным информационным системам, обеспечивающим возможность автоматизированного электронного взаимодействия всех участников информационного обмена – госаппарата, населения и бизнеса, – относятся общегосударственная автоматизированная информационная система (ОАИС), система межведомственного электронного документооборота государственных органов Республики Беларусь (СМДО), государственная система управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи Республики Беларусь (ГосСУОК). ОАИС – это базовый элемент электронного правительства в Республике Беларусь, предназначенный для интеграции всех государственных информационных ресурсов (систем) и оказания на основе сведений из них электронных услуг для всех категорий потребителей. В СМДО в настоящее время работают порядка 12 000 организаций и ведомств Республики Беларусь [7]. ГосСУОК представляет собой систему взаимосвязанных и аккредитованных в ней организаций, оказывающих услуги по распространению

открытых ключей электронной цифровой подписи. Оператором этих межведомственных информационных систем определён Национальный центр электронных услуг.

К системному формированию электронного правительства в Беларуси на общегосударственном уровне приступили в 2003 г., когда была утверждена государственная программа информатизации «Электронная Беларусь» [4]. Более конкретные мероприятия по развитию электронного правительства позже были определены в Национальной программе ускоренного развития в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг. [3, гл. 3], Стратегии развития информатизации в Беларуси на 2016–2022 гг. [5] и др. Большим шагом вперед стало принятие Декрета Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики», который максимально упростил деятельность резидентов Парка высоких технологий, обеспечил создание условий для развития «продуктовых» IT-компаний и благодаря которому осуществлена легализация крипто-валют и смарт-контрактов [1].

Реализация целенаправленной государственной политики в сфере электронного правительства дает определенные результаты. Очевидно, что переход к информационному обществу – это процесс, требующий больших материальных затрат на формирование и развитие информационной среды, индустрии информационных услуг и «доведения» их до каждого гражданина страны. Так, если в 2012 г. в рейтинге стран мира по уровню развития электронного правительства Беларусь занимала 61-е место, то в 2014 г. – 55-е, 2016 г. – 49-е, 2018 г. – 38-е. Следует отметить, индекс развития электронного правительства (ИРЭП) определяется раз в два года. Он является составным индексом, основанным на средневзвешенном значении индекса телекоммуникационной инфраструктуры, индекса человеческого капитала и индекса онлайн-услуг. Значения субиндексов ИРЭП ООН Республики Беларусь в 2018 г. превысили средние аналогичные значения для стран с доходом выше среднего. По данным экспертов Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, электронное правительство в Беларуси обеспечивает: обратную связь – на 55 %, электронные услуги – на 22 %, транзакционность и онлайн-платежи – на 25 %, информацию о государственной политике и законах – на 100 % [6].

Следует понимать, что информатизация системы государственного управления – это требование времени, технологизация современных управленческих процессов, а электронное правительство – масштабный и долгосрочный проект. Дебюрократизация государственного аппарата требует повышения уровня информатизации в сфере работы с гражданами

и организациями, и это является ее основным моментом. Поэтому курс на деbüroкратизацию приведет в дальнейшем к увеличению объема государственных электронных услуг. При этом вся система органов государственного управления должна рассматриваться как единая сервисная организация, предназначенная для оказания услуг населению, а их деятельность должна быть открытой и информационно прозрачной для граждан. В совокупности все это призвано повысить как качество оказания услуг населению, так и эффективность функционирования системы государственного управления Республики Беларусь.

Список использованной литературы

1. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь 15 дек. 2016 г., № 466 : в ред. от 7 авг. 2019 г. № 301 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Национальная программа ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 годы [Электронный ресурс] : утв. постановление Совета Министров Респ. Беларусь 28 марта 2011 г., № 384 : в ред. от 12.06.2015 г. № 492 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. О Государственной программе информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 годы и на перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь» [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь 27 дек. 2002 г., № 1819 : в ред. от 02.08.2010 г. № 1149 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь 2016–2022 годы [Электронный ресурс] : одобр. постановлением Коллегии М-ва связи и информатизации Респ. Беларусь 30 сент. 2015 г., № 35. – Режим доступа: <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiya-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody>. – Дата доступа: 30.04.2020.

6. United Nations E-Government Survey 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.un.org/development/desa/publications/2018-un-e-government-survey.html>. – Date of access: 04.05.2020.

7. Электронное правительство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / НЦЭУ. – Режим доступа: <https://nces.by/e-government/>. – Дата доступа: 30.04.2020.

Г. А. МОРОЗОВ, В. В. РАК

Брест, Брестский государственный технический университет
Научный руководитель – О. В. Ипатова, старший преподаватель

ПРАВОВОЙ СТАТУС АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ В ГЕРМАНИИ

В США и Англии раньше, чем в континентальной Европе, появились акционерные общества. Причина этого в том, что страны континентальной Европы практически не имели колоний, которые предоставили бы возможность накопить богатство и сконцентрировать капитал на своей территории. По этой причине акционерные общества, которые создаются для оборота довольно большой массы капитала, в Германии (а в Беларуси только в конце XX в.) возникли позднее и долго оставались редким явлением. Не только этот факт делает схожим развитие акционерных обществ в Беларуси и Германии. Правовая система Республики Беларусь относится к романско-германской правовой семье. Отсюда в правовом регулировании акционерных обществ обеих стран много схожего, но есть и отличия. Заимствование отдельных положений германского законодательства могло бы поспособствовать развитию правового регулирования акционерных обществ в Республике Беларусь.

Порядок создания и деятельность акционерных обществ регулирует специальный закон об акционерных обществах (фондовых корпорациях) (Aktengesetz, AktG) [1]. Акционерное общество является юридическим лицом, создаваемым одним и/или несколькими физическим(и)/юридическим(и) лицами [1, § 2].

Акционерное общество – организационно-правовая форма, которая используется, как правило, крупными предприятиями, иначе затраты на его создание и содержание не оправдывают себя. Минимальный размер уставного фонда – 50 тыс. евро [1, § 7]. Номинальная сумма акций должна соответствовать величине уставного капитала. Минимальная номинальная стоимость акции составляет 1 евро. Обычно дополнительно к номинальной стоимости акций платится надбавка (ажио). Ажио поступает в резервный капитал акционерного общества. До регистрации в Торговом реестре должны быть выплачены 25 % уставного фонда, а также вносится ажио в полном размере [1, ч. 1 § 36a]. Вклад в натуральной форме должен быть

полностью внесен в течение пяти лет после регистрации компании в Торговом реестре [1, ч. 2 § 36a]. Погашение стоимости акций ограничено десятью годами с момента ее создания. Но если возбуждено дело о несостоятельности, то вклады должны быть полностью внесены в течение шести месяцев после даты открытия производства по делу о банкротстве [1, ч. 4 § 54]. Учредители несут солидарную ответственность перед компанией за правильность и полноту информации, предоставленной в целях основания компании о размещении акций, оплате акций, использовании уплаченных сумм, специальных выплатах, начальных расходах, взносах в натуральной форме [1, ч. 1 § 46].

Устав заверяется нотариально [1, ч. 1 § 23]. В нем обязательно должно содержаться название с указанием «AG», место нахождения общества, учредители, размер уставного фонда, номинальная стоимость, вид и количество акций. Он должен содержать информацию о количестве членов правления и форме публикаций об учреждении общества [1, § 4, чч. 1–5 § 23]. Все вносимые в устав изменения должны быть зарегистрированы в Торговом реестре [1, чч. 1–4 § 76].

После нотариального удостоверения устава АО считается созданным, но не зарегистрированным. До регистрации АО называется «AG i.G» (АО в процессе регистрации). Учредители подают в регистрационный суд заявление о внесении общества в Торговый реестр, вместе с ним – устав и отчет финансового инспектора. Суд должен проверить факт создания общества и правильно ли создана компания, а также провести экспертизу созданного уставного фонда.

Среди органов управления выделяют Общее собрание акционеров, Наблюдательный совет, Правление (Совет директоров). Общее собрание акционеров является основным органом управления. Для принятия решений необходимо простое большинство голосов. Для изменения устава необходимо 3/4 голосов [1, ч. 2 § 179]. Право голоса зависит от номинальной суммы либо от количества акций, находящихся во владении акционеров. Общее собрание акционеров созывается как минимум один раз в год. Но Общее собрание созывается, если акционеры, чьи доли вместе составляют двадцатую часть акционерного капитала, потребуют созыва в письменной форме с указанием цели и причин. Эти же акционеры или акционеры, сумма акций которых составляет 500 000 евро и более, могут потребовать включения вопросов в повестку дня [1, чч. 1–2 § 122]. Основными задачами собрания акционеров являются назначение Наблюдательного совета, решение об использовании балансовой прибыли, изменение устава общества, действия по увеличению либо сокращению уставного фонда, решение задач, сформулированных уставом общества [1, чч. 1–4 § 54].

Наблюдательный совет – это контролирующий орган, назначаемый собранием акционеров на четырехлетний срок. Наблюдательный совет должен состоять из 1/3 представителей работников и 2/3 акционеров. Наблюдательный совет назначает правление и ведет наблюдение за его деятельностью. Состоит как минимум из трех и максимум 21 наблюдателя [1, чч. 1–4 § 96]. Его члены избираются на четыре года [1, § 102]. В компаниях с уставным капиталом более 3 млн евро совет должен состоять как минимум из двух человек, если только в уставе не предусмотрено, что он состоит из одного человека [1, ч. 2 § 76].

Правление (Совет директоров) является исполнительным органом (органом оперативного ведения дел) и представляет акционерное общество. Правление избирается Наблюдательным советом на пять лет. Нельзя одновременно быть членом Правления и Наблюдательского совета [1, § 84].

Основой распределения прибыли акционерного общества служит годовой баланс, который обязательно должен быть проверен присяжным аудитором (бухгалтером-ревизором, аккредитованным проводить аудит акционерного общества). Двадцатая часть чистого дохода может размещаться в резервном фонде до тех пор, пока достигнет 10 % уставного фонда акционерного общества, если более высокий размер не указан в уставе [1, ч. 2 § 150]. Согласно Закону о публикациях отчетности предприятий годовой отчет ОАО обязан быть опубликован и направлен в Торговый реестр, где с ним могут ознакомиться все желающие [2, § 9].

Учредители акционерного общества несут риск убытков в размере внесенного вклада (стоимости акций) [1, ч. 1 § 1]. Ответственность акционеров собственным имуществом не допускается законом. Члены Правления и Наблюдательного совета несут ответственность собственным имуществом за умышленные действия, которые привели к убыткам и банкротству общества. Акционерное общество может застраховать их ответственность на сумму не менее 10 % от ущерба и, по меньшей мере, в 1,5 раза превышающую годовое вознаграждение члена совета директоров. Причем бремя доказывания лежит на самих членах Правления и Наблюдательного совета [1, ч. 2 § 93, § 116].

Основаниями для ликвидации акционерного общества может служить как решение, которое было принято на собрании акционеров, так и начало процедуры банкротства, а также основания, предусмотренные уставом [1, § 262].

Законодательство ФРГ детально регулирует порядок создания и функционирования акционерного общества. Преимущества данной организационно-правовой формы в том, что акционеры не несут ответственности по обязательствам акционерного общества и в возмож-

ности свободного отчуждения акций открытого акционерного общества, что является привлекательным для инвесторов. Законодательства Германии и Беларуси об акционерных обществах во многом схожи, но есть и различия. Недостатками акционерного общества Германии, как и Беларуси, являются высокие расходы по учреждению и содержанию акционерного общества, длительная по времени и сложная процедура создания, открытый доступ к информации конфиденциального характера о владельцах акций.

В Германии более сложная и дорогостоящая процедура создания акционерного общества. Члены Правления и Наблюдательного совета акционерного общества в обоих государствах несут ответственность собственным имуществом за умышленные действия, которые привели к убыткам, правда, в Германии существует презумпция их виновности. По законодательству Республики Беларусь членами Наблюдательного совета могут быть и члены Правления наподобие американской модели. Так, в ФРГ особое место занимает защита прав трудящихся, который на 1/3 состоит из представителей наемных работников. Имеются гарантии для других участников гражданского оборота в виде создания, помимо уставного фонда, обязательных и других резервов.

Регистрация общества происходит в два этапа: вначале удостоверение устава нотариусом, потом регистрация регистрационным судом. В Германии, как и в Беларуси, уставный фонд может формироваться и после регистрации, однако в Германии этот срок составляет не 12 месяцев, а 10 лет. В ФРГ существует специальная надбавочная стоимость на акции (аживо), которая должна быть в полном объеме внесена до регистрации в Торговом реестр вместе с 25 % уставного капитала. Обязательным для регистрации акционерного общества является лишь размещение акций среди учредителей.

Список использованной литературы

1. Об акционерных обществах (Aktiengesetz) [Электронный ресурс] : Федер. закон ФРГ, 30.01.1937 г. : в ред. Федер. закона от 12 дек. 2019 г. – Режим доступа: <https://www.bgbl.de> . – Дата доступа: 29.05.2020.
2. Закон о публикациях отчетности предприятий и концернов (Publizitätsgesetz) [Электронный ресурс] : Федер. закон ФРГ, 15 авг. 1969 г. : в ред. Федер. закона от 12.12.2019 г. – Режим доступа: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBI&jumpTo=bgbl169s1189.pdf#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl169s1189.pdf%27%5D__1591534360579. – Дата доступа : 29.05.202

Я. Р. ПОПОВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. З. Шалаева, кандидат юридических наук,
доцент

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ГАРМОНИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ИННОВАЦИЙ**

Переход на инновационный путь развития для нашей страны сегодня жизненно важен, поскольку Республика Беларусь в силу объективных причин все больше интегрируется в европейские и мировые экономические процессы. Однако повышение ее конкурентоспособности возможно только при условии рыночной трансформации действующего научно-технического потенциала Беларуси с ориентацией на мировые тенденции в инновационной сфере при обязательном учете собственных особенностей и интересов, а также целенаправленной разработки и формирования инновационного законодательства.

Анализируя правоприменительную практику, можно сделать вывод о том, что принятые сегодня законодательные и нормативно-правовые акты имеют ряд существенных пробелов, учитывая которые можно сформулировать некоторые предложения, касающиеся совершенствования и гармонизации инновационного законодательства нашей страны [1].

Так, в связи с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 106 «О государственных программах и оказании государственной финансовой поддержки», действие которого не распространяется на порядок разработки, финансирования и выполнения Государственной программы инновационного развития (далее – ГПИР), одним из наиболее важных стал вопрос определения порядка формирования и реализации ГПИР, поскольку в результате принятия данного указа утратили силу те нормативно-правовые акты, которые регулировали порядок формирования, финансирования и контроля ГПИР.

Таким образом, для устранения вышеуказанного пробела в законодательстве республики необходимо внести изменения и дополнения в статью 16 Закона Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности», направленные на регулирование порядка формирования и реализации ГПИР. Так, в данной статье вместо отсылки к законодательству Республики Беларусь предлагается предусмотреть нормы, определяющие порядок формирования и реализации ГПИР.

Также в вышеуказанном законе зачастую упоминается термин «региональные программы инновационного развития». С учетом того что в данном законе ГПИР является единственной программой инновационного развития, охватывающей в том числе и региональные (отраслевые) вопросы инновационного развития, предлагается исключить упоминание региональных программ инновационного развития, соответственно заменяя их словами «государственная программа инновационного развития Республики Беларусь».

В соответствии со ст. 29 Закона Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» финансирование инновационной деятельности может осуществляться за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов, внешних государственных займов, кредитов, собственных средств юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также за счет иных источников в соответствии с законодательством.

Считаем, что целесообразно добавить в данный перечень такой источник финансирования инновационной деятельности, как кредиты, предоставляемые ОАО «Банк развития Республики Беларусь», созданным в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 21 июня 2011 г. № 261.

В целях формирования в законодательстве четких критериев отнесения организаций к технопаркам, а также повышения эффективности использования бюджетных средств, направляемых на организацию деятельности и развитие материально-технической базы данных СИИ, предлагается предусмотреть в законодательстве норму, определяющую критерии отнесения организаций к технопаркам (требования к технопаркам) на примере Российской Федерации.

Считаем, что следует наиболее детализировать формулировку термина «венчурная организация», а также внести изменения в нормативно-правовые акты, определяющие порядок функционирования венчурного инвестирования в Республике Беларусь.

Необходимо отметить, что действующее определение термина «венчурная организация» ограничивает деятельность венчурных организаций в части реализации высокорискованных проектов с высокой доходностью, а также имеет слишком обобщенную формулировку. Под действие данного определения при этом не попадает Белинфонд, являющийся некоммерческой организацией и одновременно с этим осуществляющий в соответствии с законодательными актами финансирование венчурных проектов, являясь СИИ. Предполагается, что совершенствование правовых основ механизма венчурного финансирования позволит тем же технопаркам (их резидентам) привлекать дополнительный

(практически отсутствующий сегодня в республике) источник финансирования для реализации венчурных проектов.

Также следует более детально урегулировать механизм взаимовыгодного сотрудничества государства и частного бизнеса на примере США, где правительство несет ответственность за создание стимулирующей предпринимательской среды для новых идей, заботится о фундаментальной науке, а также несет часть расходов по повышению квалификации американских рабочих и управленцев, а предприятия в свою очередь финансируют все возрастающие объемы исследований и разработок [2].

Недостаточно урегулирован вопрос применения косвенных мер налогового стимулирования научно-инновационного сотрудничества. В развитых зарубежных странах усиливается акцент на так называемое косвенное стимулирование, направленное в большей степени на применение льгот по сравнению с субсидиями и займами. Целью данного механизма является снижение вмешательства государства в производственно-хозяйственную деятельность предприятия, что предполагает стимулирование реализации инноваций в практическую деятельность. Поэтому данный подход является эффективным средством привлечения частных инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и применяется всеми развитыми странами.

Таким образом, реализация вышеперечисленных направлений позволит существенно повысить инновационный потенциал Республики Беларусь, укрепить материально-техническую базу предприятий и организаций.

Список использованной литературы

1. Данилевич, О. А. Состояние и перспективы развития инновационной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / О. А. Данилевич, Л. В. Андреева // Экономика и банки: экономика, бизнес. – 2011. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 01.04.2020.

2. Климук, В. В. Инновационные модели развития экономики в системе безопасности страны / В. В. Климук // Методология устойчивого экономического развития в условиях новой индустриализации : сб. тр. Междунар. науч. конф. – Севастополь : Крым. федер. ун-т им. В. И. Вернадского, 2016. – С. 58–62.

А. В. ПРОНЬКО

Витебск, Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Н. В. Мороз, старший преподаватель

**ОСОБЕННОСТИ РЕГИСТРАЦИИ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ
ПО МАДРИДСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЕ**

Правовая охрана товарных знаков на территории иностранных государств является важным элементом, так как ограждает владельцев таких знаков от недобросовестной конкуренции, а также может обезопасить от серьезных финансовых потерь, таких как запрет на ввоз товара или его реализацию в другой стране. Так как территориальный характер охраны прав на товарные знаки не полностью соответствует потребностям современных реалий, важным вопросом явилось совершенствование подходов к охране таких прав и создание универсальных соглашений, которые будут регулировать регистрацию товарных знаков в рамках определенных союзов. На данный момент системами регистрации товарных знаков за рубежом являются Мадридская и Европейская системы.

Регулирование процедуры регистрации по Мадридской системе содержится в Мадридском соглашении о международной регистрации товарных знаков 1891 г. и Протоколе к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков 1989 г. (далее – Протокол). Участниками Протокола, по официальным данным Всемирной организации интеллектуальной собственности на май 2020 г., являются 106 государств – членов Мадридского союза из 122, в то время как соглашение действует только для 55 стран – участниц союза [2].

С 1996 г. действует Европейская система товарных знаков, которая регулируется Регламентом Совета Европейского союза в редакции от 14 июля 2017 г. Важно отметить, что 26 государств Евросоюза (кроме Мальты) являются Договаривающимися сторонами Мадридского протокола, а 19 стран Европейского союза – участники Мадридского соглашения. Этот факт уже ставит под сомнение рациональность использования Европейской системы регистрации знаков.

Республика Беларусь является участницей Мадридской системы, так как в 1991 г. присоединилась к Мадридскому соглашению, а в 2002 г. – к Мадридскому протоколу. Подробнее особенности регистрации товарных знаков белорусскими заявителями по Мадридской системе будут рассматриваться ниже.

Между Мадридским соглашением и Протоколом к нему есть определенные различия, которые видны при сравнении процедур регистрации. В соответствии с Мадридским соглашением подать заявку на международную регистрацию товарного знака можно только после получения национальной регистрации в одной из стран-участниц, в то время как Протокол закрепляет возможность подать заявку после подачи первичной заявки, не дожидаясь национальной регистрации, что существенно экономит время. Регламент Совета Европейского союза не требует наличия национальной регистрации товарного знака, но такая регистрация может использоваться для установления приоритета, т. е. товарному знаку будет предоставлена более ранняя дата охраны (дата приоритета) [1, с. 358].

Международная заявка белорусского заявителя может основываться на поданной им национальной заявке, прошедшей предварительную экспертизу, или на уже существующей регистрации товарного знака в Республике Беларусь. Данные заявителя по белорусской заявке (владельца свидетельства о регистрации) на товарный знак и данные заявителя по международной заявке должны корреспондироваться.

Вся документация, согласно Мадридскому соглашению, ведется на французском языке; по Протоколу – на английском. По Европейской системе регистрации заявки свидетельства и другие документы заполняются на одном из официальных языков Евросоюза, но обычно это английский, французский, немецкий, итальянский и испанский языки [4, с. 226]. Так, при возможности выбора языка заявителя, владельцы свидетельств чувствуют себя уверенней, так как документация ведется на понятном им языке. Однако для патентных ведомств некоторых государств это может затруднять их деятельность.

Существует принцип, упрощающий регистрацию знаков по Мадридской системе: товарный знак, который зарегистрирован в одной из стран-участниц, получает правовую охрану в других странах путем подачи заявки в международное бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности, т. е. в каждую из стран подавать заявку не нужно. При этом ведомства стран, которые указаны в заявке, имеют право отклонить заявку в течение одного года, а согласно Мадридскому протоколу – 18 месяцев и более, в случае отказа, основанного на возражении. Если одно из государств отказывает в предоставлении охраны товарного знака, то он не будет под охраной только в этом государстве, на решение других стран такой отказ не влияет.

Международная заявка заявителя Республики Беларусь подается через Национальный центр интеллектуальной собственности, который как получающее ведомство проводит предварительную проверку поданной

заявки и затем пересылает ее в Международное бюро ВОИС. При подаче заявки должна быть уплачена патентная пошлина за пересылку международной заявки в Международное бюро ВОИС, а также может быть уплачена международная пошлина.

Особенность Европейской системы – регистрация знака на всей территории Евросоюза, поэтому если в регистрации откажет какая-либо одна из стран, то и в целом на всей территории будет отказано. На практике в таких случаях заявители применяют ст. 102 Регламента Совета Евросоюза и преобразуют заявку в заявку на национальную регистрацию или международную регистрацию в рамках Мадридского союза [3, с. 11]. На наш взгляд, этот факт свидетельствует о востребованности Мадридской системы, так как она экономит денежные средства заявителя и может предоставить защиту прав на товарный знак на большей территории.

Скорость регистрации зависит от различных факторов: от типа товарного знака, есть ли возражения со стороны других владельцев товарных знаков и т. д. Как правило, регистрация товарного знака Евросоюза занимает от 4 месяцев до 2 лет, в то время как по Мадридской системе срок ожидания составляет до 2 лет и более.

Обобщая в целом, обе системы регистрации товарных знаков – Мадридская и Европейская – имеют свои преимущества и недостатки. Более перспективной и востребованной в настоящее время является Мадридская система. К Европейской системе защиты рационально прибегать только в том случае, когда заявитель не нацелен на внешний рынок (вне Евросоюза). В качестве недочетов хотелось бы отметить долгосрочность процесса регистрации, ведение документации только на французском языке (по Мадридскому соглашению), а также в соответствии с соглашением возможность подачи заявки на международную регистрацию после национальной регистрации товарного знака.

На наш взгляд, основными направлениями совершенствования Мадридской системы регистрации товарных знаков являются:

- 1) устранение разногласия между Мадридским соглашением и Протоколом к нему посредством закрепления единых норм, согласно которым вся документация будет на международном языке (английском), а также подача заявки на международную регистрацию товарных знаков будет возможна одновременно с подачей первичной заявки, не дожидаясь национальной регистрации;

- 2) сокращение срока ожидания регистрации по Мадридской системе посредством сокращения срока отклонения заявки государствами-членами. Так, например, в Евросоюзе государства рассматривают заявку от четырех месяцев до года;

3) для Европейской системы регистрации – устранение принципа абсолютного отклонения заявки и введение принципа, согласно которому если заявка будет отклонена ведомством определенного государства, то только в этой стране не будет предоставлена защита прав на товарный знак.

Список использованной литературы

1. Иванова, О. И. Регулирование процесса регистрации товарного знака: международно-правовые аспекты / О. И. Иванова // Актуальные проблемы современного международного права. Ч. 1. – 2019. – С. 356–360.
2. Перечень членов Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/export/sites/www/treaties/en/documents/pdf/madrid_marks.pdf. – Дата доступа: 25.05.2020.
3. Шишкарёв, Ю. А. Законодательство Европейского союза в области товарных знаков / Ю. А. Шишкарёв // Биржа интеллектуальной собственности. Т. 8. – 2014. – № 9. – С. 10–12.
4. Щербачева, Л. В. Оформление прав на интеллектуальную собственность за рубежом / Л. В. Щербачева // Вестн. Моск. ун-та МВД в России. – 2011. – № 2. – С. 225–228.

В. Н. ПРОЦЫК

Витебск, Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Н. А. Маркина, старший преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ПОРЯДКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ДЛЯ ВЕДЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО (ФЕРМЕРСКОГО) ХОЗЯЙСТВА

Крестьянское (фермерское) хозяйство является одной из правовых форм сельскохозяйственного предпринимательства, возникновение которой связано с осуществлением земельной реформы. Данная деятельность довольно распространенная в Республике Беларусь, на 2020 г. количество зарегистрированных в качестве крестьянских (фермерских) хозяйств составляет 3194 субъекта [3].

Основными видами деятельности фермерского хозяйства являются производство сельскохозяйственной продукции с использованием земельного участка, а также переработка, хранение, транспортировка и реализация произведенной им сельскохозяйственной продукции [4].

Особая правовая природа крестьянского хозяйства в первую очередь связана с порядком его создания и спецификой правового режима земельного участка, предоставляемого для его деятельности.

Сегодня право на создание фермерского хозяйства имеют как граждане Республики Беларусь, так и иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории Республики Беларусь.

Земельные участки для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства могут предоставляться:

1) на праве постоянного пользования – крестьянскому (фермерскому) хозяйству как юридическому лицу;

2) на праве пожизненного наследуемого владения – главе крестьянского (фермерского) хозяйства, если он является гражданином Республики Беларусь;

3) на праве аренды (на срок не менее десяти лет) – крестьянскому (фермерскому) хозяйству либо его главе.

Стоит обратить внимание на то, что правосубъективность граждан Республики Беларусь и иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Республики Беларусь, будет значительно отличаться.

Гражданин Республики Беларусь (глава хозяйства) может получить земельный участок для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства на праве пожизненного наследуемого владения либо аренды, а иностранный гражданин, лицо без гражданства – лишь на праве аренды [1].

Вышеуказанные лица, зарегистрированные по месту жительства или месту пребывания, подают в соответствующий районный исполнительный комитет заявление о подтверждении возможности размещения крестьянского (фермерского) хозяйства и предполагаемом месте размещения земельного участка для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства [3].

Далее подается заявление в районный исполнительный комитет о предоставлении земельного участка с приложением программы ведения фермерского хозяйства.

В соответствии с п. 33 Указа Президента Республики Беларусь «Об изъятии и предоставлении земельных участков» после рассмотрения заявления готовятся материалы на разработку проекта отвода и заключается договор подряда с заявителем для определения размера убытков, причиненных землепользователю, у которого изымается земельный участок [3]. По окончании выполнения работ по определению размера убытков, причиненных землепользователю, у которого изымается земельный участок, составляется отчет о выполненных работах и регистрируется в структурном подразделении, которое наделено

государственно-властными полномочиями в области использования и охраны земель. Затем заявитель имеет право в соответствии с целью земельного участка осуществлять свою деятельность [4]. Для ее проведения учредитель крестьянского хозяйства подает в структурное подразделение райисполкома, осуществляющее государственную регистрацию, следующие документы:

1) устав в двух экземплярах без нотариального заверения, его электронную копию (в формате .doc или .rtf);

2) оригинал либо копию платежного документа, подтверждающего уплату государственной пошлины;

3) копию документа местного исполнительного и распорядительного органа о подтверждении возможности размещения фермерского хозяйства и предполагаемом месте такого размещения [4].

К заявлению прилагается программа ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, копии устава и свидетельства о государственной регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства.

Земельные участки предоставляются в аренду для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства без проведения аукциона [3].

В соответствии со ст. 37 Кодекса о земле для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства могут предоставляться земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения [1].

В то же время земельные участки предоставляются крестьянским (фермерским) хозяйствам либо их главам в первую очередь из фонда перераспределения земель.

Размер земельного участка, предоставляемого для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, устанавливается районным исполнительным комитетом [3].

Размер земельного участка, который предоставляется гражданину Республики Беларусь для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства на праве пожизненного наследуемого владения, не может превышать 100 га сельскохозяйственных земель, а на праве постоянного пользования или аренды – определяется проектом отвода земельного участка [2].

Встречаются случаи, когда предоставленный земельный участок имеет меньший размер, чем установлено законодательством, тогда районный исполнительный и распорядительный орган может предоставить дополнительный земельный участок из земель запаса или специального фонда земельного запаса.

Таким образом, проанализировав особенности порядка представления земельного участка для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства в Республике Беларусь, считаем, что порядок предоставления и регистрации

земельного участка достаточно сложен. Субъектам фермерского хозяйства приходится сталкиваться с долгим процессом предоставления земельного участка, который занимает много времен, сил и средств. Поэтому считаем необходимым упростить этот порядок путем внесения изменений в п. 33 Указа Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2017 г. № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков».

В целом законодательство Республики Беларусь детально регламентирует вопросы предоставления земельных участков для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, а также разъясняет, на каком праве позволяет реализовывать крестьянское (фермерское) хозяйство.

Список использованной литературы

1. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс] : 23 июля 2008 г., № 425-З : принят Палатой представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.12.12 г., № 432-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О крестьянском (фермерском) хозяйстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 фев. 1991 г., № 611-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.18 г., № 132-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Об изъятии и предоставлении земельных участков [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 27 дек. 2007 г., № 667 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 26 дек. 2019 г., № 485 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Порядок пошаговых действий по созданию крестьянского (фермерского) хозяйства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mshp.gov.by/farmer/>. – Дата доступа: 05.05.2020.

В. Н. ПРОЦЫК

Витебск, Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

Научный руководитель – С. П. Вашетькова, преподаватель

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО СТАТУСА
КРЕСТЬЯНСКОГО (ФЕРМЕРСКОГО) ХОЗЯЙСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

Крестьянское (фермерское) хозяйство является одной из правовых форм сельскохозяйственного предпринимательства, возникновение которой связано с осуществлением земельной реформы. Сейчас в Республике Беларусь регулирование крестьянского (фермерского) хозяйства осуществляется рядом нормативных правовых актов, таких как Закон Республики Беларусь «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» 1991 г., Гражданский кодекс Республики Беларусь 1998 г. (ст. 113, 260–261), Кодекс Республики Беларусь о земле 2008 г.

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18.02.1991 № 611-ХІІ (с изм. и доп.) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» под крестьянским (фермерским) хозяйством понимается «коммерческая организация, созданная одним гражданином (членами одной семьи), внесшим имущественные вклады для осуществления предпринимательской деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, а также по ее переработке, хранению, транспортировке и реализации, основанной на его личном трудовом участии и использовании земельного участка» [1].

В Гражданском кодексе Республики Беларусь крестьянское (фермерское) хозяйство признается самостоятельной коммерческой организацией наряду с унитарными предприятиями, хозяйственными обществами и товариществами.

Членами семьи признаются супруги, их родители (усыновители), дети (в том числе усыновленные), братья и сестры, супруги и дети указанных лиц, а также другие лица, признанные членами семьи в соответствии с Кодексом о браке и семье [2, с. 24].

Стабильность развития крестьянских хозяйств заключается в разработке рекомендаций и планов развития сельскохозяйственного производства, которые связаны с изучением практического и теоретического опыта зарубежных стран. Обобщение опыта развития фермерского хозяйства позволит учитывать основные закономерности развития и исключить из практики отрицательные, не проявившие себя положения. На примере таких стран, как США, Германия, Франция и

Эстония, можем рассмотреть правовой статус крестьянских хозяйств или что подразумевается под фермерским хозяйством в этих странах.

В соответствии с Налоговой декларацией США сегодня сельскохозяйственные товаропроизводители подразделяются на четыре группы в зависимости от организационно-правовой формы. В первую группу входят индивидуальные предприниматели, вторая группа – партнерство, третья – корпорации и четвертая группа – другие формы (например, кооперативы).

Большинство семейных фермерских хозяйств организованы как индивидуальное предпринимательство. Регистрации данной организационно-правовой формы действующее законодательство в США не предусматривает [2, с. 24].

Что касается Германии, то статус субъектов предпринимательской деятельности регулируется такими правовыми актами, как Германское гражданское уложение и Торговое уложение Германии, а именно, согласно § 1 раздела I Торгового уложения коммерсантом является тот, кто «занимается торговым промыслом». К промыслам Торговое уложение относит «приобретение и перепродажу товаров или ценных бумаг, осуществление страховых, банковских, транспортных, комиссионных и ряда других сделок» [3, с. 12].

В Торговом уложении выделены различные категории коммерсантов. В категорию «Коммерсанты по желанию» входит сельское и лесное хозяйство (§ 3 раздела I), «мелкий коммерсант» – § 4 раздела I, «коммерсант по форме» – это торговые товарищества (§ 6) и др. [4].

Согласно ст. 17–18 Торгового уложения регистрация в торговом регистре представляет право на использование фирменного наименования, которое должно включать фамилию коммерсанта. Регистрация фермера и прекращение его деятельности осуществляются согласно нормам о юридических лицах [4].

Говоря о предпринимательской деятельности в Германии, стоит сказать о том, что правовой статус коммерсанта условно разделен на категории, что позволяет сделать вывод о детальности урегулирования данного вопроса.

Франция, как и Германия, относится к государствам континентальной системы права. Основным источником, который регулирует статус субъектов права во Франции, является Гражданский кодекс (кодекс Наполеона) и Французский торговый кодекс. Правовое положение юридических лиц также определяется законом № 66-537 от 24 июля 1966 г. «О торговых товариществах» и законом 1985 г. «О ликвидации торговых предпринимателей» [3, с. 19].

В соответствии со ст. 1 Торгового кодекса под коммерсантами следует понимать «лиц, которые совершают торговые сделки в процессе

осуществления своей обычной профессии». А в ст. 1 Закона «О торговых товариществах» под коммерсантами понимаются «ввиду самой организационной формы деятельности независимо от предмета заключаемых сделок – полные товарищества, коммандитные товарищества, товарищества с ограниченной ответственностью и акционерные общества» [4].

Из этого следует сделать вывод о том, что в законодательстве Франции отсутствует понятие «фермерское хозяйство», а говорится лишь о коммерсантах как о частных предпринимателях, которые могут выступать как индивидуально, так и коллективно.

В Эстонии правовое положение фермерского хозяйства регулируется законом 1989 г. «О хуторском хозяйстве» и Коммерческим кодексом Эстонской республики от 15 февраля 1995 г. В соответствии со ст. 2 закона «О хуторском хозяйстве» хутора могут быть «товарными и подсобными в зависимости от объема произведенной продукции» [2, с. 25].

Согласно ч. 4 ст. 4 Коммерческого кодекса Эстонии под фермером следует понимать «предпринимателя, как минимум один из видов деятельности которого относится к производству сельскохозяйственной продукции и который использует в этих целях в качестве собственника, пользовладельца или арендатора хутор» [4].

В соответствии с ч. 1 ст. 8 Коммерческого кодекса Эстонии «Фирменное наименование предпринимателя – физического лица должно содержать имя и фамилию предпринимателя (не может содержать определение или сокращение, указывающее на коммерческое товарищество) или наименование хутора» [4].

Таким образом, рассмотрев правовой статус крестьянских (фермерских) хозяйств в различных странах мира, можно сделать вывод о том, что крестьянские (фермерские) хозяйства осуществляют свою деятельность в различных организационно-правовых формах, т. е. обладают различным правовым статусом. Рассматривая опыт Германии и Эстонии в данной области, можно сделать вывод, что в последние годы произошло расширение возможности для самостоятельного осуществления гражданами сельскохозяйственной деятельности в различных формах, что способствует закреплению крестьянского (фермерского) хозяйства как самостоятельного субъекта хозяйствования.

Список использованной литературы

1. О крестьянском (фермерском) хозяйстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 февр. 1991 г., № 611-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 132-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Мельников, Н. Н. Особенности правового статуса фермерского хозяйства в зарубежных странах / Н. Н. Мельников // Рос. юстиция. – 2011. – № 1. – С. 24–26.

3. Пятин, С. Ю. Гражданское и торговое право зарубежных стран / С. Ю. Пятин. – М., 2008. – 76 с.

4. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/iaay/gos/prav/zar/str/>. – Дата доступа: 22.05.2020.

К. С. РОМАНЮК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. З. Шалаева, кандидат юридических наук,
доцент

ОСОБЕННОСТИ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Современной правовой системе известно большое количество договоров, каждый из которых имеет свою специфику. В данной работе будут рассмотрены два договора: гражданско-правовой и брачный.

При проведении исследования были использованы следующие критерии: предмет договора, изменение и расторжение, стороны договора, момент заключения, форма заключения.

В соответствии с Гражданским кодексом договор представляет собой соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [1].

Брачный договор, заключенный супругами, является одной из разновидностей гражданско-правового договора, но с определенной спецификой, которая состоит из состава особого предмета, содержания и предмета договора.

Однако в этом случае брачный договор должен отвечать основным требованиям для гражданско-правовых сделок как в форме заключения, так и в отношении содержания и свободы выражения мнений сторон.

Содержание брачного договора заключается в выборе и установлении правового режима имущества супругов или предполагаемых супругов.

В действующем на данный момент Кодексе о браке и семье отсутствует понятие брачного договора, но в статье 13 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье определяются основания и содержания заключения брачного договора.

В брачном договоре могут регулироваться не только семейные, но и любые другие имущественные и неимущественные отношения супругов, если это не противоречит законодательству о браке и семье [3].

Для повышения культуры брачных и семейных отношений и ответственности одного из супругов перед другим, определения прав и обязанностей супругов и/или после их расторжения лица, вступающие в брак, и супруги имеют право заключить брачный договор в любое время и в пределах своих прав и обязанностей [4].

Предмет договора – это объект материального или нематериального мира, на который непосредственно направлена или с которым непосредственно связана воля договаривающихся сторон и который достаточно индивидуализирован для того, чтобы отграничить его от других объектов. Брачный договор может быть заключен как в отношении имущества, совместно нажитого супругами до заключения брачного договора, так и в отношении имущества, которое будет нажито супругами в период брака.

Гражданско-правовой договор вступает в силу и становится обязательным для сторон с момента его заключения. Договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в надлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

Договор признается заключенным в момент получения лицом, направившим оферту, ее акцепта [1].

Действие брачного договора для лиц, вступающих в брак, начинается со дня регистрации заключения брака, однако для лиц, уже находящихся в браке, вступает в силу со дня его нотариального удостоверения, если иное не установлено Кодексом о браке и семье.

Сторонами, заключающими брачный договор, могут являться лица, вступающие в брак, а также супруги. Сторонами гражданского договора зачастую являются подрядчик или исполнитель и заказчик.

Изменение и расторжение гражданского договора предусмотрены Гражданским кодексом Республики Беларусь. Основаниями для изменения и расторжения договора являются обстоятельства, с которыми стороны или законодательство связывают необходимость изменения или расторжения договора. Эти обстоятельства могут включать в себя неисполнение или ненадлежащее исполнение договора другой стороной, невозможность или нецелесообразность исполнения договора в сложившейся ситуации, ошибки и просчеты при заключении договора и др. [2].

Стороны вправе предоставить определенные основания для изменения и расторжения договора в самом договоре после его заключения. По общему правилу, предусмотренному в п. 1 ст. 420

Гражданского кодекса Республики Беларусь, договор может быть изменен или расторгнут только с согласия сторон. В случае заключения соглашения основания для изменения или расторжения договора не являются обоснованными для законодателя [3].

Однако на изменение или расторжение договора с согласия сторон могут распространяться определенные условия. В некоторых случаях основания для изменения и расторжения договора определяются законом.

Брачный договор в соответствии со ст. 13 Кодекса о браке и семье может быть изменен или расторгнут по взаимному согласию лицами, вступающими в брак, супругами – до расторжения брака, а также бывшими супругами – во время действия брачного договора в форме и порядке, предусмотренных для заключения брачного договора.

Действие брачного договора прекращается с момента прекращения брака, если иное не предусмотрено брачным договором, настоящим кодексом или иными актами законодательства Республики Беларусь. брачный договор, предусматривающий права и обязанности бывших супругов после прекращения брака, действует до их исполнения [4].

Из этого следует, что действующее семейное законодательство Республики Беларусь прямо предусматривает только одно основание для изменения или расторжения брачного договора – взаимное согласие супругов [4].

Гражданско-правовой и брачный договоры отличаются по форме заключения. В соответствии со ст. 404 Гражданского кодекса Республики Беларусь гражданско-правовой договор может быть заключен в любой форме, предусмотренной для совершения сделок, если Гражданский кодекс либо другой нормативный правовой акт не предусматривает иное [1].

Брачный договор заключается исключительно в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. Брачный договор подлежит также государственной регистрации в организации по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, если он содержит условия, которые являются или могут стать основанием возникновения, перехода, прекращения прав, ограничений (обременений) прав на недвижимое имущество [4].

Рассмотрев данные договоры по некоторым критериям, можно сделать вывод, что каждый договор имеет свою специфику, этому есть подтверждение в разнице по основным признакам. Главное, на что стоит обратить внимание, – брачный договор по своей правовой природе является гражданско-правовым договором.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 2/2573 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 20.04.2020.
2. Рагойша, П. В. Постатейный комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье / П. В. Рагойша. – Минск, 2010. – 231 с.
3. Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2013. – 496 с
4. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., № 278-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.07.2018 г. № 2/2573 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 18.04.2020.

А. А. САВЧЕНКО

Минск, Белорусский государственный университет
 Научный руководитель – И. Н. Щемелёва, кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ ЗАВЕЩАНИЯ

Согласно ст. 44 Конституции Республики Беларусь право наследования собственности охраняется законом. В связи с восстановлением частной собственности и переходом к рыночной экономике возможность распорядиться своим имуществом посредством передачи его по завещанию стала одним из важнейших элементов правоспособности.

В белорусском гражданском праве наследование по завещанию является одним из двух возможных оснований наследования, что закреплено в п. 1 ст. 1032 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). По сравнению с наследованием по закону оно занимает главенствующее место. Законодательно закрепленный подход к порядку наследования делает приоритетным общепризнанное право любого человека по своему собственному усмотрению распорядиться принадлежащим ему имуществом не только в течение своей жизни, но и на случай своей смерти.

Завещание – это сделка, которая для своей действительности требует обязательного соблюдения установленной законом формы. Процедура

составления завещания в части соответствия его формы законодательству имеет огромное значение и для завещателя, и для наследников. Согласно п. 1 ст. 1044 ГК несоблюдение правил о письменной форме завещания и его удостоверении влечет недействительность завещания. Как отмечает ряд исследователей, в данном вопросе не бывает мелочей и незначительных моментов. В современных условиях проблема минимизации рисков признания завещания недействительным по причине нарушения правил о его форме, а также обращений граждан в суд для установления определенных фактов, необходимых для оформления наследования по завещанию, актуализируется.

Наряду с ГК порядок составления, учета и хранения завещаний регулируется постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 19 февраля 2002 г. № 3 «Об утверждении Инструкции о порядке удостоверения завещаний и доверенностей, приравняемых к нотариально удостоверенным», постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23 октября 2006 г. № 63 «Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий», постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 26 октября 2006 г. № 64 «Об утверждении Правил нотариального делопроизводства», другими нормативными правовыми актами.

В соответствии со ст. 1135 ГК форма завещания определяется по праву страны, где наследодатель имел место жительства в момент составления акта, если наследодателем не избрано в завещании право страны, гражданином которой он является. Однако завещание не может быть признано недействительным вследствие несоблюдения формы, если последняя удовлетворяет требованиям права места составления акта или требованиям права Республики Беларусь.

По должностным лицам, уполномоченным законом на удостоверение завещаний, различают нотариально удостоверенные завещания и завещания, приравненные к нотариально удостоверенным, или завещания специальной формы. Так, согласно ст. 1044 ГК завещание должно быть составлено в письменной форме и удостоверено нотариусом. Удостоверение завещания другими лицами допускается в случаях, предусмотренных п. 6 ст. 1045, ст. 1047 и п. 2 ст. 1048 ГК. Как отмечается в литературе, завещания специальной формы не призваны конкурировать с завещаниями, удостоверенными нотариусом, а должны помогать тому, кто в данный момент не может обратиться к органам, выполняющим нотариальные функции.

Пунктом 6 ст. 1045 ГК предусмотрена возможность удостоверения завещания вместо нотариуса уполномоченными должностными лицами местных исполнительных и распорядительных органов, дипломатическими

агентами дипломатических представительств Республики Беларусь и консульскими должностными лицами консульских учреждений Республики Беларусь.

Ст. 1047 ГК установлен перечень завещаний, приравняемых к нотариально удостоверенным (завещания граждан, находящихся на излечении в больницах, госпиталях, других организациях здравоохранения, оказывающих медицинскую помощь в стационарных условиях; завещания военнослужащих в пунктах дислокации воинских частей, где нет нотариусов и т. д.). Также статья содержит исчерпывающий перечень лиц, имеющих право удостоверить завещания, которые приравниваются к нотариально удостоверенным. Приведенный перечень не подлежит расширительному толкованию. Практика показывает, что наибольшее количество ошибок допускается именно в силу нарушения указанного правила.

Согласно п. 1 ст. 1045 ГК нотариально удостоверенное завещание должно быть написано завещателем либо записано с его слов в присутствии свидетеля нотариусом. При записи завещания со слов завещателя нотариусом могут быть использованы общепринятые технические средства.

Законодательство Республики Беларусь предусматривает возможность составления закрытого завещания, которое должно быть удостоверено нотариусом без ознакомления с его текстом. В соответствии с требованиями ст. 1046 ГК закрытое завещание должно быть написано собственноручно. Подлинность воли завещателя подтверждается его подписью на завещании, личным присутствием при передаче конверта с текстом завещания, двумя свидетелями, которые ставят на конверте свои подписи, и удостоверенной надписью нотариуса. Гражданский кодекс рассматривает закрытое завещание в качестве разновидности нотариально удостоверенного завещания, при этом нотариус и свидетели удостоверяют не содержание завещания, а сам факт его передачи нотариусу (ст. 1046 ГК).

Таким образом, в действующем ГК сохраняется письменная нотариальная форма завещания, традиционная для советского наследственного права. Она наряду с официальным порядком удостоверения завещания, присутствием свидетелей при его удостоверении, установленным порядком хранения и учета завещаний рассматривается в качестве основной гарантии подлинности завещания и соответствия его содержания действительной воле завещателя. В то же время все вышеперечисленные факторы играют сдерживающую роль и останавливают законодателя от введения в наследственное право Республики Беларусь других форм завещания, используемых в зарубежных странах: домашнего завещания,

удостоверенного свидетелями; исключительных или привилегированных завещаний, которые составляются в форме устного заявления в чрезвычайных обстоятельствах, когда обращение к обычной форме невозможно или крайне затруднительно, и др.

Так, ряд исследователей отмечает, что с развитием информационных технологий представляется актуальным упрощение требований к закрытому завещанию в части обязательного собственноручного написания и разрешение использования при составлении закрытого завещания общепринятых технических средств. В дополнение к этому предлагается разрешить лицам с ограниченными физическими возможностями составлять завещания в формах аудио- и видеозаписи, поскольку указание закона о собственноручном написании закрытого завещания не дает возможности совершить такое завещание лицам, не способным выразить свою волю по распоряжению имуществом без посторонней помощи.

Таким образом, считаем целесообразным ввести для лиц с ограниченными физическими возможностями новую форму составления закрытого завещания в виде аудио- и видеозаписи и внести соответствующие изменения в пп. 1, 2 ст. 1044 и п. 2 ст. 1046 ГК.

Также целесообразно предусмотреть специальную форму завещания, составляемого в чрезвычайных обстоятельствах. Гражданин, который находится в положении, явно угрожающем его жизни, и в силу сложившихся чрезвычайных обстоятельств лишен возможности совершить завещание в соответствии с правилами ГК, должен иметь возможность изложить последнюю волю в отношении своего имущества в простой письменной форме либо в виде аудио- и видеозаписи. Одной из проблем исполнения такого варианта волеизъявления выступает доказательство наличия угрозы в момент составления завещания. Вследствие этого завещание, совершенное в чрезвычайных обстоятельствах, должно подлежать исполнению только при условии подтверждения судом по требованию заинтересованных лиц факта совершения завещания в чрезвычайных обстоятельствах.

Согласно вышеизложенному можно сказать, что сформировавшееся законодательное регулирование составления и удостоверения завещания предоставляет максимальные гарантии подлинности завещания и соответствия его содержания действительной воле завещателя. Однако на современном этапе развития общественных отношений с учетом развития технических средств коммуникации целесообразно пересмотреть сложившиеся подходы к форме завещания.

А. А. САСОВА

Минск, Белорусский государственный экономический университет
Научный руководитель – А. Ю. Ломако, кандидат юридических наук,
доцент

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СВОБОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН: РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И ЛИТОВСКАЯ РЕСПУБЛИКА

В условиях глобализации мировой экономики для большинства стран все более важными становятся проблемы, связанные с обеспечением открытости национальных экономик, интеграции их в мировое хозяйство. За счет этого они стремятся извлечь экономические выгоды от участия в международном разделении труда и реально добиваются устойчивого экономического роста.

Одним из эффективных инструментов, способствующих углублению процесса интеграции национальных экономик в мировое хозяйство, оживлению внешнеэкономической деятельности, стали зоны совместного предпринимательства, насчитывающие несколько видов. Среди них выделяются свободные экономические зоны (далее – СЭЗ), которые позволяют странам реализовать, прежде всего, региональные преимущества в ускорении экономического роста, социально-экономическом развитии территорий, оказывать мультипликационное влияние на развитие всей национальной экономики. СЭЗ как институт рыночной экономики занимают особое место в правовой системе Республики Беларусь и Литовской Республики. Внимание, которое уделяется государствами совершенствованию законодательства о СЭЗ, свидетельствует о том, что их развитие является одним из приоритетных направлений государственной инвестиционной политики.

Сегодня в Республике Беларусь функционируют шесть СЭЗ: СЭЗ «Брест», СЭЗ «Минск», СЭЗ «Гомель-Ратон», СЭЗ «Витебск», СЭЗ «Могилев», СЭЗ «Гродноинвест». В Литве расположено также шесть СЭЗ: Каунасская СЭЗ, Клайпеда, Шяуляйская СЭЗ, Кедайнская СЭЗ, Паневежская СЭЗ, Мариямпольская СЭЗ.

Правовые и организационные основы создания, деятельности и ликвидации СЭЗ на территории Республики Беларусь установлены Законом Республики Беларусь от 07 декабря 1998 г. № 213-З «О свободных экономических зонах» (далее – Закон Республики Беларусь), Указом Президента Республики Беларусь от 20 марта 1996 г. № 114 «О свободных экономических зонах на территории Республики Беларусь», Указом Президента Республики Беларусь от 9 июня 2005 г. № 262 «О некоторых

вопросах деятельности свободных экономических зон на территории Республики Беларусь». Правовое регулирование свободных экономических зон в Литовской Республике осуществляется Законом Литовской Республики от 28 июня 1995 г. № I-976 «Об основах свободных экономических зон» (далее – Закон Литовской Республики), Законом Литовской Республики от 12 сентября 1996 г. № I-1516 «О Клайпедской свободной экономической зоне», Законом Литовской Республики от 22 октября 1996 г. № I-1591 «О Каунасской свободной экономической зоне», Законом Литовской Республики от 13 марта 2012 г. № XI-1923 «Кедайнская свободная экономическая зона», Законом Литовской Республики от 23 декабря 2011 г. № XI-1909 «О Шяуляйской свободной экономической зоне», Законом Литовской Республики от 13 марта 2012 г. № XI-1924 «О Паневежской свободной экономической зоне», Законом Литовской Республики от 23 декабря 2011 г. № XI-1907 «О свободной экономической зоне Мариямполье». Таким образом, можно отметить, что законодательство Литовской Республики более подробно регламентирует вопрос правового регулирования свободных экономических зон, так как помимо нормативного правового акта, который содержит общие положения, касающиеся каждой свободной экономической зоны, также присутствуют нормативные правовые акты, которые отдельно детализируют каждую зону, в то время как законодательство Республики Беларусь носит общий характер и содержит в каждом нормативном правовом акте общие положения, которые касаются всех СЭЗ.

На наш взгляд, следует также обратить внимание на вопросы налогообложения. Так, в Литовской Республике согласно ч. 1 ст. 15 Закона Литовской Республики зарегистрированные в зоне предприятия и их работники уплачивают только 5 налогов: налог на прибыль юридических лиц, подоходный налог с физических лиц, арендную плату за землю, налог за загрязнение окружающей среды и природных ресурсов, взносы по государственному обязательному социальному страхованию [2]. В Республике Беларусь согласно п. 1.1 ч. 1 ст. 383 Налогового кодекса Республики Беларусь от 29 декабря 2009 г. резиденты СЭЗ исчисляют и уплачивают следующие 15 налогов: налог на прибыль, если иное не установлено п. 3 настоящей статьи; налог на добавленную стоимость; акцизы; налог на недвижимость; экологический налог; налог за добычу (изъятие) природных ресурсов; земельный налог; государственную пошлину; патентные пошлины; оффшорный сбор; гербовый сбор; таможенные пошлины; таможенные сборы; утилизационный сбор; местные налоги и сборы [1]. Таким образом, мы можем наблюдать существенные различия в налогообложении. Сами по себе различия в налоговых условиях не являются недостатком и могут быть даже необходимы, если в достаточной степени обоснованы, отражают

специфику целей применения конкретного режима деятельности и не приводят к взаимной конкуренции соседних территорий с альтернативными режимами деятельности за инвестиции и капитал. Развитие налогообложения необходимо, однако, на наш взгляд, должно сочетаться с усилиями по улучшению ситуации в неблагополучных и недостаточно эффективных СЭЗ за счет и неналоговых мер, прежде всего на основе активного развития инфраструктуры, а также более обоснованного выбора территории для создания режима СЭЗ.

Закон Литовской Республики и Закон Республики Беларусь также регулируют вопросы ликвидации свободных экономических зон. В Республике Беларусь в соответствии со ст. 14 Закона Республики Беларусь свободная экономическая зона считается ликвидированной по окончании срока, на который она была создана, если он не будет продлен по решению Президента Республики Беларусь. До окончания этого срока свободная экономическая зона может быть ликвидирована по решению Президента Республики Беларусь только в определенном случае [3]. Закон Литовской Республики предусматривает не только ликвидацию свободной экономической зоны, но и порядок ликвидации предприятия зоны (ст. 29 и ст. 30) [2].

Таким образом, исходя из вышеизложенного мы можем сделать вывод, что законодательство Республики Беларусь и Литовской Республики имеют некоторые сходства, однако вместе с тем присутствуют и различия. На наш взгляд, с целью дальнейшего эффективного развития свободных экономических зон Республике Беларусь следует взглянуть на опыт соседнего государства и внести в действующее законодательство результативные методы.

Список использованной литературы

1. Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 29 дек. 2009 г. : с изм. и доп. от 1 янв. 2019 г. № 71-З // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Об основах свободных экономических зон [Электронный ресурс] : Закон Литов. Респ, 28 июня 1995 г., № I-976 // Сейм Литовской Республики. – Режим доступа: e-seimas.lrs.lt /portal/legalActPrint/lt?jfwid=5sjolg50l&documentId=TAIS.63007&category=TAD.

3. О свободных экономических зонах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 213-З : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

В. О. САЦУРА

Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель – И. А. Малюженец, кандидат юридических наук, доцент

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРА ПОДРЯДА
И ТРУДОВОГО ДОГОВОРА**

В действующем законодательстве известны трудовая и гражданско-правовая формы организации договорных отношений по поводу труда. Поскольку сфера договорного регулирования отношений по выполнению работ в той или иной степени является общей для двух отраслей права, важно различать их характерные признаки.

По мнению О. Г. Ершова и К. В. Карпова, в обоих видах договоров, несмотря на их разноотраслевой характер, имеются как сходства, происходящие от сущностного единства самого понятия «договор», так и различия. Первопричина лежит в том, что в обоих видах имеется собственное юридическое пространство, созданное соответствующим правоотраслевым регулированием [2, с. 82].

Для того чтобы разграничить трудовой договор и договор подряда, попробуем проанализировать их основные положения.

1. Определение договора. Согласно ст. 656 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-3 (далее – ГК) по договору подряда одна сторона обязуется выполнить по заданию другой стороны определенную работу и сдать ее результат заказчику в установленный срок, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его (уплатить цену работы).

Исходя из ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь от 26.07.1999 № 296-3 (далее – ТК), трудовой договор – это соглашение между нанимателем и работником, по которому работник обязуется выполнять работу по определенным одной или нескольким должностям служащих (профессиям рабочих) соответствующей квалификации согласно штатному расписанию и соблюдать внутренний трудовой распорядок, а наниматель обязуется предоставлять работнику обусловленную трудовым договором работу, обеспечивать условия труда, предусмотренные законодательством о труде, локальными правовыми актами и соглашением сторон, своевременно выплачивать работнику заработную плату.

2. Предмет договора. Предметом договора подряда является возмездное выполнение определенной работы, направленной на достижение конкретного о вещественного результата, и передача его заказчику [1]. Предметом трудового договора является постоянное или в течение

определенного срока выполнение работы по определенным одной или нескольким должностям служащих (профессиям рабочих) соответствующей квалификации согласно штатному расписанию [3]. Исходя из вышеперечисленного, можно выделить отличительный признак предмета рассматриваемых договоров: в договоре подряда – результат труда, а в трудовом договоре – сам труд работника.

3. Стороны договора. Сторонами договора подряда согласно п. 1 ст. 656 ГК является заказчик и подрядчик. Сторонами трудового договора в соответствии со ст. 1 ч. 1 п. 13 ТК являются наниматель и работник.

4. Срок договора. В договоре подряда всегда указывают сроки начала и окончания работ. Без этого договор считается незаключенным и за невыполнение работ подрядчик отвечать не будет [1]. Трудовой договор может быть срочным только в случаях, прямо предусмотренных ТК. Если договор срочный, в нем должен быть указан срок его действия. В остальных случаях договор считается бессрочным [5].

5. Режим работы. В соответствии со ст. 132 ТК работник по трудовому договору обязан исполнять свои обязанности только в рабочее время, установленное Правилами внутреннего трудового распорядка (далее – ПВТР). Наниматель ведет учет времени, отработанного работником. Работник получает доплату за сверхурочную работу, работу в ночное время, а также в выходные и праздничные дни.

По договору подряда подрядчик не подчиняется ПВТР заказчика и сам определяет режим работы, заказчик не ведет учет времени работы подрядчика, табель учета рабочего времени не оформляется. Подрядчику не доплачивают за сверхурочную работу и работу в ночное время, а также в выходные и праздничные дни [1].

6. Гарантии. Исходя из норм ГК, подрядчику не предоставляются гарантии, установленные трудовым законодательством. Работнику же предоставляется множество гарантий. Например, предоставляется ежегодный оплачиваемый отпуск, социальные отпуска, выплачиваются детские пособия и пособия по временной нетрудоспособности и др. [5].

7. Цена договора и условия оплаты. Суммы, подлежащие выплате подрядчику, указываются в договоре. Цена определяется по соглашению сторон и может быть как твердой, так и приблизительной, т. е. окончательная цена может определяться по выполнении работ [4].

В трудовом договоре указывается тарифная ставка (оклад) работника, доплаты, надбавки и поощрительные выплаты. Заработная плата должна выплачиваться не менее двух раз в месяц, за исключением контрактов, где допускается выплата один раз в месяц [5].

Исходя из вышеизложенного, разграничение трудового договора и договора подряда можно проводить по нескольким критериям, в которых проявляется сущность правоотношений, которые установились между сторонами. К таким критериям можно отнести предмет соглашения между сторонами, срок договора либо продолжительность отношений, на которые рассчитывали стороны при его заключении, режим работы, гарантии. Существенно будут отличаться эти договоры по предмету, срокам, режиму работы и социальным гарантиям.

Договоры будут являться договорами подряда, а не трудовыми, если физическими лицами выполнялась конкретная работа, в договорах не содержалось каких-либо условий относительно трудового распорядка, социальных гарантий, а физические лица при выполнении работы ограничивались исключительно качеством этих работ и сроком их исполнения, выполненные по договорам работы оплачивались в размере, согласованном сторонами в договорах.

Подводя итог, можно отметить, что недобросовестный работодатель, при заключении трудовых отношений с работником может использовать гражданско-правовой договор, в то время как должен использоваться трудовой. Происходит необоснованная искусственная подмена одного института другим. Причина этого явления проявляется в удобстве использования договора подряда для работодателя, поскольку отсутствует необходимость: 1) ведения кадрового учета работников; 2) соблюдения установленного порядка и процедуры увольнения работника; 3) оплаты больничных, отпусков, командировочных и прочих обязательств; 4) соблюдения минимального размера оплаты труда и режима рабочего времени.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2019 г. № 151-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Ершов, О. Г. К дискуссии о разграничении трудового договора и договора подряда / О. Г. Ершов, К. В. Карпов // Евраз. адвокатура. – 2014. – № 2. – С. 80–84.

3. О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 26 июня 1999 г., № 29 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 13.02.2012 г. № 1 //

ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 6 июня 2005 г., № 314 : в ред. от 14.04.2014 г. № 165 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 293-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. № 124-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

В. В. СЕРЕДА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, кандидат юридических наук,
доцент

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В современном мире проблема защиты персональных данных является наиболее актуальной. Ее гражданско-правовая направленность обеспечивается неразрывной связью с нематериальными благами, которые в соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее – ГК Республики Беларусь) являются объектами гражданского права.

Практически во всех государствах ранее существовавшего СССР, исключая Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, приняты специальные нормативные правовые акты, обеспечивающие деятельность этого института. Так, например, в Республике Беларусь действует Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации». К тому же упоминания о персональных данных встречаются в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2006 г. № 144-З «О переписи населения», Законе Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-З «О регистре населения» и иных законодательных актах.

Все вышеприведенные нормативные правовые акты основаны на соответствующих положениях Основного Закона государства. Например, согласно ст. 34 Конституции Республики Беларусь пользование информацией

может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав.

Углубимся в изучение института защиты персональных данных уже юридических лиц посредством анализа приведенных нормативных правовых актов. Замечаем, что все они посвящены лишь процедуре сбора, хранения и защиты персональных данных именно физических лиц.

Очевидно, что приведенный институт недостаточно изучен в Республике Беларусь. На наш взгляд, это обуславливается относительно недолгим существованием этого понятия в юридической литературе.

Ведь традиционным в доктрине гражданского права является подход, в соответствии с которым нематериальными благами обладают исключительно физические лица. Хотя при внимательном изучении ст. 151 ГК Республики Беларусь очевидно, что нематериальные блага, присущие физическому лицу, имеют эквивалент и для юридического лица. Например, деловая репутация гражданина соотносится с деловой репутацией организации, в свою очередь личная или семейная тайна соотносится со служебной тайной. Так, существует определенный эквивалент и для персональных данных. Тем не менее в законодательстве Республики Беларусь само определение и механизм их защиты не определены.

Считаем необходимым обратиться к иностранному законодательству, где понятие «персональные данные юридического лица» является уже привычным. Например, Европейский союз занялся изучением персональных данных в целом еще в середине XX в. При этом законодательство приведенного объединения непрерывно совершенствуется под давлением современных условий и дает пищу для размышлений всему цивилизованному миру.

За весь период изучения персональных данных Европейским союзом были выделены отправные начала, сформулированные как для качества персональных данных, так и для осуществления их защиты. К качеству информации приведенное объединение отнесло принцип законности, принцип целевой определенности, принцип минимальности, принцип качества информации, принцип ограничения хранения и принцип ответственности контролера. В свою очередь, этот перечень дополняется следующими принципами защиты персональных данных: принципом легитимной, справедливой и прозрачной обработки; принципом минимизации данных; принципом ограничения цели обработки; принципом точности данных; принципом ограничения хранения данных; принципом безопасности данных; принципом применения особого режима для чувствительных данных; принципом участия и контроля субъекта за

использованием персональных данных; принципом ответственности контролера, а также принципом ограничения раскрытия персональных данных.

Отличительной особенностью права Европейского союза в контексте персональных данных является способность его норм иметь прямое действие, то есть устанавливать субъективные права и обязанности не только для физических, но и непосредственно для юридических лиц.

Любопытно и то, что в европейском праве юридические лица могут являться как субъектами, представляющими свои персональные данные для обработки, так и субъектами, обрабатывающими приведенные данные, в то время как в Республике Беларусь юридическое лицо по определению считается субъектом, которому предоставляют данные для обработки.

В настоящее время в нашем государстве существует проект еще не принятого Закона Республики Беларусь «О персональных данных». Субъектом права законодательной инициативы выступил Совет Министров Республики Беларусь. Уже 13 июня 2019 г. проект был принят Палатой представителей Национального собрания в первом чтении. Сейчас же он продолжает совершенствоваться рабочей группой по подготовке к рассмотрению во втором чтении.

Надеемся, субъекты законотворчества примут во внимание опыт соседей и сделают юридическое лицо полноценным носителем персональных данных, имеющим право на их защиту. Более того, при подготовке проекта необходимо учесть и цифровую составляющую современного мира. Следует иметь в виду, что появляются все новые разновидности персональных данных как нематериальных благ, например IP-адрес или e-mail. К тому же на этой почве появляются и новые субъекты, например провайдеры или операторы мобильной связи.

Подводя итог, необходимо отметить, что в настоящее время вопрос включения в проект Закона Республики Беларусь «О персональных данных» информации, идентифицирующей не только физических, но и юридических лиц, является наиболее актуальным. Так, необходимо совершенствовать законодательство в этом направлении, в том числе и для международного сотрудничества Республики Беларусь. Ведь с учетом позитивной зарубежной практики есть возможность исправить ошибки предшественников и имплементировать в проект готовящегося закона нормы, определяющие юридическое лицо как полноценного носителя персональных данных, имеющего право на их защиту.

Список использованной литературы

1. Шадрин, С. А. Правовое регулирование защиты персональных данных в Европейском Союзе: генезис и перспективы развития : дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Шадрин ; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2019. – 309 л.

Е. С. СИВКО

Витебск, Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

Научный руководитель – С. П. Вашетькова, преподаватель

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Понятие хозяйственной деятельности играет немаловажную роль в науке хозяйственного права. Однако, так как данное понятие не закреплено в законодательстве Республики Беларусь, это может привести к его неправильному толкованию, от чего зависит решение некоторых проблем в области хозяйственного права.

В законодательстве Республики Беларусь понятие хозяйственной деятельности не раскрывается, но упоминается выражение «хозяйственная и иная деятельность», а также «предпринимательская и иная хозяйственная (экономическая) деятельность».

Так, в соответствии со ст. 13 Конституции Республики Беларусь «государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности» [4].

Кроме того, в отличие от хозяйственной деятельности, ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь содержит понятие «предпринимательская деятельность», под которой понимается самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются другим лицам и не используются для собственного потребления [1].

В теории права существуют различные подходы к определению понятия «хозяйственная деятельность».

Так, некоторые авторы под хозяйственной деятельностью понимают деятельность, направленную на извлечение прибыли. Но имеются и противоположные взгляды по такому подходу, которые определяют хозяйственную деятельность как некоммерческую, т. е. не преследующую своей целью извлечение прибыли.

Н. Г. Филимонов указывает, что «хозяйственная деятельность – это совокупность всех трудовых действий, направленных людьми на внешнюю природу в целях использования и приспособления ее для удовлетворения своих потребностей» [3].

Термин «хозяйственная деятельность» также упоминается в законодательных актах различных стран. Так, например согласно ст. 1 Закона Украины «О внешнеэкономической деятельности» под хозяйственной деятельностью понимается «любая деятельность, в том числе предпринимательская, связанная с производством и обменом материальных и нематериальных благ, выступающих в форме товара» [5].

А в соответствии со ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации «хозяйственная деятельность – это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке» [2].

Важное значение при регулировании хозяйственной деятельности имеет хозяйственное законодательство, которое включает в себя декреты и указы Президента Республики Беларусь, постановления Совета Министров Республики Беларусь, правовые акты министерств и ведомств, а также решения местных исполнительных и распорядительных органов Республики Беларусь.

Рассматривая множество подходов к определению понятия «хозяйственная деятельность», можно выделить ряд признаков, присущих данному термину:

- 1) хозяйственная деятельность носит коммерческий и некоммерческий характер;
- 2) хозяйственная деятельность – это деятельность по осуществлению работ и оказанию услуг;
- 3) субъект хозяйственной деятельности обладает имущественной самостоятельностью;
- 4) хозяйственная деятельность направлена на обеспечение интересов общества и государства.

Таким образом, так как нормативные правовые акты Республики Беларусь содержат лишь косвенное упоминание термина «хозяйственная деятельность», то для более прямого и точного разъяснения данного понятия необходимо закрепление его на законодательном уровне.

В связи с вышеизложенным для закрепления в белорусском законодательстве понятия хозяйственной деятельности предлагаем внесение изменений и дополнений в Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь, а именно, закрепление понятия «хозяйственная

деятельность». Так, считаем, что под хозяйственной деятельностью следует понимать деятельность субъектов хозяйствования, направленную на реализацию товаров, осуществление работ и оказание услуг, обеспечивающую интересы общества государства, осуществляемую с целью извлечения прибыли либо не преследующую такой цели.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федерации, 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : в ред. Закона Рос. Федерации от 16.12.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Дойников, И. В. Введение в хозяйственное (предпринимательское) право : учеб. пособие / И. В. Дойников. – М., 2006. – С. 55.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2006. – 48 с.

Е. С. СИВКО

Витебск, Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Н. А. Маркина, старший преподаватель

ПРИНЦИП РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

Земли сельскохозяйственного назначения являются основой для осуществления сельскохозяйственной деятельности и играют важную роль в жизни всего человечества.

По состоянию на 1 января 2020 года земельный фонд Витебской области составляет 4005,0 тыс. га, что составляет 19,3 % от земельного фонда Республики Беларусь. Земли сельскохозяйственного назначения занимают 35,6 %, т. е. 1425,2 тыс. га [2, с. 149].

К проблемам в области использования земель сельскохозяйственного назначения можно отнести их нерациональное использование, т. е. ведение сельскохозяйственного производства с нарушением правил и норм по охране окружающей среды, которое приводит к снижению плодородия и производительной способности земель, истощению, выветриванию, эрозии почв, использование не по целевому назначению [2, с. 149].

Для сохранения качественных характеристик земель данной категории, прежде всего, необходимо как их рациональное использование, так и правовое регулирование деятельности, осуществляемой на них.

На законодательном уровне, а именно в ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» рациональное использование природных ресурсов понимается как пользование природными ресурсами таким образом и такими темпами, которые не приводят в долгосрочной перспективе к их истощению и тем самым позволяют сохранить их способность удовлетворять экономические, эстетические и иные потребности нынешнего и будущих поколений [3, ст. 1].

В ст. 5 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. (с изм. и доп.) (далее – Кодекс о земле) закреплены принципы земельных отношений, в том числе принцип, эффективного использования земель, но при этом отсутствует такой принцип как «рациональное использование земель», хотя они различны и каждый имеет свои особенности, а также играют определенную роль в обеспечении охраны земель [1, ст. 5].

В соответствии со ст. 1 Кодекса о земле «эффективное использование земель – это использование земель, приносящее экономический, социальный, экологический или иной полезный результат» [1, ст. 1].

В. С. Шаманаев отмечает, что эффективность использования земель как экономическая категория имеет свои критерии оценки, отражающие не только экономический результат производства, но и рациональность использования земли.

По мнению Г. М. Лыча, эффективность использования земли определяется выходом валовой и товарной продукции, валового и чистого дохода с единицы используемой площади, а также урожайностью основных сельскохозяйственных культур [4, с. 256].

Также считает и И. А. Смирнов, который предлагает определять эффективность землепользования объемом валовой сельскохозяйственной продукции (в натуральном и денежном выражениях) в расчете на 1 га сельскохозяйственных и пахотных земель.

Целью принципа рационального использования земель выступает сохранение и улучшение земель при их использовании.

В законодательстве Республики Беларусь не закреплено определение понятия «рациональное использование земель». Но в теории права существуют различные подходы к определению данного понятия.

Н. И. Краснов писал: «Рациональное использование земель – достижение максимального эффекта в осуществлении целей землепользования с учетом полезного (благоприятного) взаимодействия земли с другими природными факторами (объектами), охрана земли в процессе ее использования как главного средства производства в сельском хозяйстве» [5, с. 255].

Ф. Х. Адиханов указывает, что «рациональное использование определяется как цель использования земли, как задача, поставленная перед землепользователями в виде совокупных требований по ее использованию».

Е. Ю. Чмыхало под рациональным использованием земель понимает «их разумное использование, извлечение полезных свойств с соблюдением требований, предотвращающих загрязнение, истощение, деградацию, порчу, уничтожение земель и иное негативное воздействие» [5, с. 255].

Таким образом, под рациональным использованием земель следует понимать целесообразное землепользование, которое отвечает интересам народного хозяйства, направленное на сохранение окружающей среды и охрану земель. Эффективное использование земель означает результативность такого использования, т. е. оно направлено на достижение конкретного результата путем совершения целенаправленных действий. Главным отличием рационального использования земель от эффективного использования земель является то, что первое отвечает на вопрос «Каким образом осуществляется землепользование?», а второе – «Для чего оно осуществляется?», т. е. в последнем важен результат такой деятельности.

Также важное значение для охраны земель имеют отдельные организационно-правовые механизмы, в том числе экономическая оценка земель, которая заключается в сравнительной оценке земли как природного ресурса и средства производства, которая проводится в зависимости от качеств почв и их плодородия [4, с. 256].

Рациональное использование земель следует установить как один из принципов охраны земель сельскохозяйственного назначения, обеспечивающий интересы общества и государства, а, следовательно, он будет рассматриваться в качестве обязательного требования для всех землепользователей.

Исходя из вышеизложенного, целесообразно внести изменения в природоохранное законодательство Республики Беларусь, а именно, закрепить принцип рационального использования земель в ст. 5 Кодекса

Республики Беларусь о земле и ст. 1 дополнить следующим определением: рациональное использование земель – это принцип охраны земель, означающий использование земель по их целевому назначению, направленный на сохранение окружающей среды, способствующий удовлетворению потребностей общества и государства в целом.

Список использованной литературы

1. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс] : 23 июля 2008 г., № 425-З : принят палатой Представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.12.12 г. № 432-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Мониторинг и использование земельных ресурсов / С. Е. Головатый [и др.] – Минск : МГЭУ им. А. Д. Сахарова, 2009. – 149 с.
3. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16.12.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Сельское хозяйство Республики Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2017. – 256 с.
5. Шимова, О. С. Экономика природопользования / О. С. Шимова, Н. К. Соколовский. – М : ИНФРА-М, 2013. – 255 с.

Е. Ч. СКАСКЕВИЧ

Гродно, Гродненский государственный университет
имени Я. Купалы

Научный руководитель – И. Ю. Кирвель, кандидат юридических наук, доцент

ЖИВОТНЫЕ КАК ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Актуальность данной темы определяется проблемой, имеющей достаточно широкое практическое значение в современном обществе. Термин «источник повышенной опасности» впервые был закреплен в ст. 404 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, которая содержала следующее положение: «Лица и предприятия, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, как то: железные дороги, трамвай, фабрично-заводские предприятия, торговцы горючими материалами, держатели диких животных, лица, возводящие строения и

иные сооружения и т. п. – отвечают за вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы либо умысла или грубой небрежности самого потерпевшего» [2].

С момента первого упоминания об источнике повышенной опасности на законодательном уровне прошло почти сто лет, однако данная проблема является актуальной и в современном мире. Ко всему прочему в связи с научно-техническим прогрессом она приобрела новые особенности, которые требуют законодательного урегулирования.

На основании анализа работ ученых, а также законодательных актов Республики Беларусь и зарубежных стран можно сделать вывод о том, что понятие «источник повышенной опасности» охватывает: деятельность; явления природы; предметы, вещи и оборудование, находящиеся в эксплуатации; животных.

Вопрос причинения вреда животными является до сих одним из самых спорных и до конца неурегулированных вопросов. Многие законодательные акты нашей страны и зарубежных государств не всегда относят животных к числу источников повышенной опасности. Исходя из этого возникает вопрос: являются ли они таковыми?

Чтобы ответить на данный вопрос, нужно обратиться к самому определению термина «источник повышенной опасности».

Источник повышенной опасности – это то, что не поддается полному контролю человека, из-за чего может нести большую опасность как для владельца источника повышенной опасности, если таковой имеется, так и для окружающих. Домашние животные поддаются контролю, только при условии, если данный контроль осуществляется. В случаях, когда домашнее животное находится на большом расстоянии от владельца или же вообще без него, то осуществление данного контроля невозможно [1].

Отнесение животных к источникам повышенной опасности обосновано отсутствием единообразной судебной практики при разрешении дел, когда вред причинен потерпевшему, предположим, собакой. Перечень источников повышенной опасности, закрепленных в законе, не является исчерпывающим, в связи с этим он может пополняться и доставлять некоторые неудобства правоприменительным органам [3, с. 29].

В законодательстве нашей страны отсутствуют конкретные положения, регулирующие данную проблему. Данное заключение нам позволяет сделать Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК), ст. 137 которого регламентирует следующее: «К животным применяются правила об имуществе постольку, поскольку иное не установлено законодательством и не вытекает из особенностей этого объекта». Устанавливаются правила обращения с животными, их приобретения,

продажи, но моменты, где они рассматриваются в качестве источника повышенной опасности, отсутствуют.

Согласно ст. 948 ГК гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный домашними животными, непосредственно несет собственник источника повышенной опасности. Помимо этого, предусматриваются случаи, когда ответственность снимается с владельца и переходит на других граждан, к которым относятся лица, незаконно завладевшие домашним питомцем (п. 3 ст. 948 ГК), и лица, совершающие умышленные деяния в отношении животного, вследствие чего спровоцировали его те или иные действия, причинившие вред непосредственно самим лицам или их имуществу (п. 1 ст. 952 ГК).

Если источник повышенной опасности рассматривается в качестве имущества, то процедура приобретения и пользования должна быть более усложненной, чем обычная покупка в магазине. Транспортные средства – то же самое имущество и также относятся к источникам повышенной опасности.

Проведем сравнение такого имущества, как животное и автомобиль. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 июня 2001 г. № 834 (в ред. постановления Совета Министров Республики Беларусь от 08.05.2013 № 834) «Об утверждении Правил содержания домашних собак, кошек, а также отлова безнадзорных животных в населенных пунктах Республики Беларусь» включает в себя перечень обязанностей, которым должны следовать собственники животных. Вместе с этим следуют и положения, ограничивающие действия собственников, ради сохранения порядка и безопасности общества. Все это носит не рекомендательный, а обязательный характер.

В реальности все чаще наблюдаются случаи, когда владельцы животных данные моменты игнорируют. Так, для того чтобы приобрести, например, собаку, достаточно найти объявление в средствах массовой информации или других местах, связаться с лицом, осуществляющим продажу животного, заплатить указанную сумму, и вы уже являетесь владельцем, при этом может упускаться момент выдачи или предоставления каких-либо документов.

Следует отметить, что не все приобретают животных у профессиональных заводчиков, нередко подбирают своих питомцев на улице, при этом пренебрегают походами к ветеринару, пропуская курс прививок, не давая себе отчет в том, что их любимец может являться переносчиком какой-либо болезни. Порой собственники безответственно относятся и к самой процедуре дрессировки. Все это в совокупности может повлечь непредвиденные последствия.

В свою очередь, для того чтобы стать обладателем автомобиля, данной процедуры недостаточно. Изначально требуется пройти обучение по вождению транспортным средством, получить водительское удостоверение, зарегистрировать автомобиль, следует проходить ежегодный технический осмотр своего источника повышенной опасности. При несоблюдении хотя бы одной из этих процедур результатом могут быть негативные последствия как для самого собственника, так и для других граждан.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что владельцы транспортных средств и собственники животных не находятся в равном статусе, как и процедуры приобретения данных видов имущества. В законодательстве Республики Беларусь существуют только положения о собаках бойцовских пород, где уже упоминается термин «источник повышенной опасности». Однако даже это положение исходит в основном из судебного прецедента [3, с. 29].

Таким образом, на наш взгляд, следует в законодательстве Республики Беларусь более четко урегулировать статус животных, а в ГК детально урегулировать вопрос о животных как об источниках повышенной опасности. Полагаем необходимо более детально определить ответственность владельцев животных за несоблюдение законодательства в отношении обеспечения безопасности их питомцев для окружающих. Считаем, что важным шагом будет и выделение животных из разряда имущества в отдельную категорию, в отношении которой будут указаны соответствующие положения по поводу приобретения, содержания и продажи.

Список использованной литературы

1. Алешин, Н. В. Виды источников повышенной опасности [Электронный ресурс] / Н. В. Алешин // Юрид. факт. – 2017. – № 6 (6). – С. 19–22. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_28307763_11371590.pdf. – Дата доступ: 20.05.2020.
2. О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, 11 нояб. 1922 г. // КонсультантПлюс. – М., 2020.
3. Шишлов, Н. Ю. Проблема отнесения животных к источникам повышенной опасности и проблема возложения ответственности на их владельцев / Н. Ю. Шишлов // Правовые аспекты гос. упр. – 2017. – № 1. – С. 28–30.

А. Е. ХОДОКОВСКАЯ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, кандидат юридических наук,
доцент

**ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ
И РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ (КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ)
ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

Исковой давностью в теории гражданского права называется срок для защиты субъектами своего нарушенного права путем предъявления иска в суд. Статья 196 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) нормативно закрепляет именно такое понимание исковой давности, акцентируя лишь, что такой срок устанавливается исключительно законодательными актами.

Предварительным условием применения срока исковой давности является нарушение субъективного гражданского права определенного лица вследствие неисполнения соответствующего обязательства. В этом случае участник правоотношений с целью реализации нарушенного права законом предусматривает определенное время, в течение которого он может обратиться в суд с просьбой принять принудительные меры в отношении лица, нарушившего право.

Нормы, которые определяют продолжительность сроков исковой давности и порядок их исчисления, являются императивными в белорусском гражданском законодательстве. Стороны не вправе своим соглашением удлинять или сокращать продолжительность сроков давности, определять момент отсчета, изменять порядок исчисления, основания приостановления и перерыва их течения (ст. 196 ГК). Вместе с тем исковая давность применяется судом не по собственной инициативе, как бы автоматически, а только по заявлению сторон в споре (как правило, ответчика), сделанного до вынесения решения (п. 2. ст. 200 ГК).

Институтом исковой давности, устанавливая сроки выполнения требований по защите нарушенных прав, обеспечивается своевременное представление заинтересованным лицом иска обязанному лицу, что обеспечивает ясность и определенность при осуществлении прав и выполнении обязательств участниками гражданско-правовых отношений. Нормы об исковой давности не допускают, чтобы право неопределенно долго находилось под угрозой возникновения спора по поводу его законности, а в случае нарушения – оставалось незащищенным.

Англосаксонская и романо-германская (континентальная) правовые системы являются одними из старейших. Исторически англосаксонское

право развивалось в Англии. Со временем оно было распространено в США, Австралии, Канаде, Новой Зеландии и других штатах, принадлежащих бывшим британским колониям. Англосаксонское право в научной литературе называется общим, так как в X–XIII вв. оно распространилось по всему средневековому английскому королевству. Характерной чертой общего права является отсутствие кодифицированных источников права, место которых занимают судебные решения (прецеденты), которые используются в качестве моделей для 119 аналогичных дел, рассматриваемых другими судами. Наряду с общим правом, за последние два столетия законодательство (статутное право) интенсивно развивалось в странах англосаксонской правовой системы. Его источниками являются акты представительных органов государственной власти. Романо-германская правовая система берет свои корни в римском праве. Основное отличие от англосаксонской системы заключается в использовании в качестве основного источника права норм, зафиксированных в законодательных актах государственных органов.

Следующие общие черты характерны для правового регулирования исковой давности рассматриваемых правовых систем, к одной из которых, в частности континентальной, относится и правовая система Республики Беларусь. Во-первых, это применение срока давности зависит от воли сторон в процессе; суд не вправе применять исковую давность по собственной инициативе. Во-вторых, общим для разных правовых систем является начало течения срока исковой давности – с момента возникновения права требования. В-третьих, необходимо соблюдать законодательное закрепление приостановления и перерыва срока исковой давности. В качестве исключения следует обратить внимание на Швецию и Норвегию, в законодательстве которых этот институт не существует.

Наряду с указанным сходством возникают следующие концептуальные различия. В странах континентальной правовой системы вопросы, связанные с регулированием исковой давности, традиционно рассматриваются с точки зрения включения этих норм в материальное право. Это означает, что в случае истечения срока, установленного законом, субъективное право подлежит погашению. В то же время истечение срока исковой давности в соответствии с законодательством стран, входящих в англосаксонскую правовую систему, приводит только к невозможности судебной защиты, а не к погашению субъективного права как такового. Вот почему институт исковой давности в странах общего права обычно относится не к материальному гражданскому праву, а к гражданскому процессуальному праву [1]. Это различие является значительным в международных сделках, поскольку в соответствии с доктриной международного права в отношении вопроса процессуального

права всегда применимо законодательство страны, в которой рассматривается спор, т. е. закон суда (*lex fori*). Это исключает применение сроков исковой давности для иностранных государств в англосаксонской системе [2].

Таким образом, институт исковой давности известен как англосаксонской, так и романо-германской правовым системам. Концептуально подходы к правовому регулированию этого института имеют как сходства, так и различия. Обращается внимание на универсальность вышеназванных подходов и на основное различие, которое сводится к классификации срока давности в соответствии с материальным или процессуальным правом, на основании которого определяется, возможно ли применять законодательство других стран к возникающим правовым отношениям.

Однако следует указать еще на одну общую тенденцию в мировой практике относительно сроков исковой давности, которая вполне может использоваться и в правовой системе Республики Беларусь. Сокращение исковых сроков соглашением сторон в прошлом и настоящем в разных правовых системах допускается значительно чаще, нежели удлинение давности. В Австрии, Бельгии, Венгрии и Дании разрешено сокращение, но запрещено продление давностных сроков договором сторон. Так же обстояло дело в Германии до реформы обязательственного права (сейчас разрешено и продление). Право сторон сокращать исковую давность по требованиям из ряда договоров предусмотрено Единообразным торговым кодексом США (с 4 лет до 1 года – по договору купли-продажи, аренды и др.) [3].

Соответственно, усиление принципа свободы договора в мировой практике демонстрирует нам и возможность усиления диспозитивных начал в применении сроков исковой давности, что требует изучения опыта зарубежного правового регулирования проблем исковой давности.

Список использованной литературы

1. Гражданское и торговое право зарубежных государств : в 2 т. / Е. А. Васильев [и др.]. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2008. – Т. 1. – С. 308.
2. Кабанов, А. А. Гражданское и торговое право зарубежных стран: вопросы, ответы и словарь терминов / А. А. Кабанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб., 2011. – С. 66.
3. Савин, К. Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве / К. Г. Савин. – М., 2019. – С. 130.

Н. М. ЧОРНА

Львів, Україна, Львівський державний університет внутрішніх справ
Науковий керівник – У. Б. Андрусів, кандидат юридичних наук,
доцент

**ДО ПИТАННЯ ПРО ВИЗНАЧЕННЯ ОBOB'ЯЗКОВОЇ ЧАСТКИ
У СПАДЩИНІ**

У цивілістичній доктрині панують різні підходи до розуміння поняття «обов'язкової частки у спадщині», визначення місця обов'язкової частки у системі спадкових правовідносин, порядку й особливостей обчислення її розміру зі спадкової маси. Відсутні єдині критерії стосовно цих питань, у тому числі щодо співвідношення обов'язкової частки та часток, які спадкуються за законом та заповітом, і в нотаріальній та судовій практиці.

У спадковому праві право на обов'язкову частку у спадщині при всіх проведених в Україні кодифікаціях цивільного законодавства моделювалося як обмеження свободи заповіту в інтересах певного кола спадкоємців першої черги, найбільш уразливих, за задумом законодавця у соціальному аспекті.

Дореволюційний дослідник С. А. Муромцев писав, що у праві на обов'язкову частку втілюються моральні засади спадкового права, відповідно до яких підлягають захисту такі родові й сімейні зв'язки між заповідачем та його найближчими родичами, які він не може без достатніх причин ігнорувати [1, с. 386]. Питання спадкування права на обов'язкову частку залишаються досить актуальними як для судової та нотаріальної практики, так і для теорії спадкового права. Необхідно звернути увагу й на значимість і одночасно складність цих відносин для суб'єктів правозастосування. Важливе значення в цьому плані має практика Верховного Суду, а також рішення Конституційного Суду України від 11.02.2014 № 1-рп/2014 у справі за конституційним зверненням громадянина О. С. Запорожцева щодо офіційного тлумачення положення частини першої статті 1241 Цивільного кодексу України (надалі – ЦК України) (справа про право на обов'язкову частку у спадщині повнолітніх непрацездатних дітей спадкодавця) [2].

Метою існування обов'язкової частки у спадщині є захист інтересів окремих спадкоємців першої черги. На думку І. В. Жилінкової, ст. 1241 ЦК запроваджена для захисту майнових інтересів найближчих родичів спадкоємця або того з подружжя, хто його пережив [3, с. 12].

Право на обов'язкову частку у спадщині виникає у спадкоємця, визначеного ч. 1 ст. 1241 ЦК України, за наявності однієї з таких умов: він

не вказаний у заповіті зовсім; у заповіті міститься положення про усунення його від права на спадкування або цьому спадкоємцю залишено частку у спадщині, меншу від належної йому обов'язкової частки. Якщо відповідний спадкоємець не прийняв спадщину або відмовився від неї, спадкування здійснюється в загальному порядку. При цьому слід ураховувати правила ст. 1268 ЦК України, за якими певні особи (малолітні, неповнолітні, недієдатні особи, а також особи, дієдатність яких обмежена, особи, які спільно проживали із спадкодавцем на час відкриття спадщини) вважаються такими, що прийняли спадщину, якщо протягом встановленого строку не подали заяву про відмову від неї. Перелік цих суб'єктів може збігатися з колом осіб, які мають право на обов'язкову частку у спадщині.

Право на обов'язкову частку у спадщині характеризується тим, що всі суб'єкти цього права наділені ним рівною мірою, переваг кому-небудь із нормативно закріпленого кола спадкоємців законодавець не надає, навіть якщо з числа спадкоємців право на обов'язкову частку мають декілька осіб.

На практиці часто трапляються ситуації, коли одна особа-спадкоємець має право на обов'язкову частку та водночас право на частку за законом. У більшості випадків нотаріуси України видають таким спадкоємцям свідоцтва як на обов'язкову, так і на законну частку у спадщині. Виходячи з позиції, що спадкування обов'язкової частки – це різновид спадкування за законом, такі дії треба вважати неправомірними. Спадкування обов'язкової частки та частки, яка належить особі за законом, у даному випадку є неможливим, адже спадкоємець не може двічі спадкувати за однією і тією ж підставою, бо це суперечить як теорії цивільного права, так і судовій практиці. Обов'язковий спадкоємець у таких випадках спадкує належну йому обов'язкову частку як пріоритетну. Якщо обов'язкова частка більша за законну, то проблем не виникає. Якщо ж менша, то спадкоємець опиняється у досить невігідному становищі. Абзац 3 п. 19 Постанови Пленуму Верховного Суду України «Про судову практику у справах про спадкування» від 30 травня 2008 р. № 7 наділяє обов'язкового спадкоємця правом на власний розсуд вирішувати чи належна йому частка визначатиметься з майна, не охопленого заповітом, чи з усього майна [4]. Аналогічно, на наш погляд, обов'язковий спадкоємець має бути наділений правом спадкувати на власний вибір або лише обов'язкову частку, або обов'язкову частку і ту частину законної, яка перевищує належну йому обов'язкову.

Невирішеним є також питання визначення розміру обов'язкової частки та її спадкування у тому випадку, коли заповіт складено на майно не в ідеальному, а в натуральному вигляді. Цю проблему жодним чином

не врегульовано ані в ЦК України, ані у підзаконних актах Міністерства юстиції України.

На наш погляд, спадкоємці повинні визначити грошову вартість заповіданого майна, а після цього сплатити обов'язковому спадкоємцю компенсацію відповідно до розміру його частки або ж укласти між собою договір про поділ спадщини з виділенням такому спадкоємцю певного майна в натурі у межах його обов'язкової частки. Якщо ж згоди не буде досягнуто, то спір має бути вирішеним у судовому порядку. Однак, чим повинен керуватися суд у даному випадку, невідомо. Якщо обов'язковий спадкоємець підпадає під одну з категорій спадкоємців, визначених у ст. 1279 ЦК України, яка передбачає наявність в окремих спадкоємців переважного права на виділення їм майна у натурі, то суд, як ми вважаємо, має вирішити справу відповідно до положень цієї норми. В іншому випадку суд повинен аналізувати кожну ситуацію окремо та, застосовуючи аналогію права, ухвалювати рішення згідно з принципами справедливості, добросовісності та розумності.

Визначення складу обов'язкової частки у спадщині відбувається насамперед із майна, що залишилося незаповіданим (не охопленим заповітом). Водночас це не означає, що розмір частки, у спадщині, яка має успадковуватися обов'язковими спадкоємцями, визначається з незаповіданої частки. Ці моменти не слід плутати. Відповідно до ч. 2 ст. 1241 ЦК України обов'язкова частка розраховується з вартості спадкового майна, але виділяється обов'язковому спадкоємцю з тієї частки спадкового майна, що залишилася поза заповітом (не була заповідана).

До складу обов'язкової частки зараховуються: вартість речей звичайної домашньої обстановки та вжитку; вартість заповідального відказу, встановленого на користь особи, яка має право на обов'язкову частку; вартість інших речей та майнових прав, які перейшли до особи як до спадкоємця, незалежно від виду спадкування за законом чи за заповітом.

Підсумовуючи, варто відзначити, що питання спадкування обов'язкової частки є доволі складними й досі залишаються однозначно невирішеними як на правотворчому, так і на правозастосовному рівнях. На сьогодні існують прогалини в законодавстві, які стосуються правового регулювання обов'язкової частки, що зумовлює необхідність удосконалення законодавчих приписів та практики їх застосування.

Список використаної літератури

1. Муромцев, С. А. Гражданское право Древнего Рима / С. А. Муромцев. – М., 2003. – С. 386–387.

2. Рішення Конституційного Суду України від 11.02.2014 у справі № 1-рп/2014 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v001p710-14>.

3. Жилінкова, І. В. Визначення обов'язкової частки у спадщині / І. В. Жилінкова // Нотаріат для Вас. – 2009. – № 1–2. – С. 12–20.

4. Про судову практику у справах про спадкування [Електронний ресурс] : постанова Пленуму Верхов. Суду України, 30 трав. 2008 р., № 7. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v0007700-08>.

К. В. ШАХАЛЕВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. В. Вашкевич, старший преподаватель

К ВОПРОСУ О НЕСОРАЗМЕРНОСТИ НЕУСТОЙКИ ПОСЛЕДСТВИЯМ НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Ст.310 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) в качестве одного из способов обеспечения исполнения обязательств закреплена неустойка. При этом неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законодательством или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору, если иное не предусмотрено законодательными актами, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. Различают договорную и законную неустойку. Это означает, что она установлена может быть как законодательством, так и договором.

Возможность привлечения контрагента к гражданско-правовой ответственности традиционно считают эффективным побудительным стимулом для виновной стороны в скорейшем времени исполнить обязательство. При этом существуют некоторые существенные особенности ее взыскания.

Ст. 314 ГК определена возможность снижения размера неустойки в случае, если подлежащая уплате сумма явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства. Появление и сохранение в действующем законодательстве правила о снижении неустойки вызвано потребностью защитить «слабую» сторону договора, в том числе от злоупотребления правом.

Как указано в п. 4 постановления Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 08.08.2002 № 24 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами статьи 314 Гражданского кодекса Республики Беларусь», решая вопрос об уменьшении неустойки, суды

должны учитывать, что к последствиям нарушения обязательства могут быть отнесены не полученные истцом имущество и денежные средства, понесенные убытки, другие имущественные или неимущественные права, на которые истец вправе рассчитывать в соответствии с законодательством и договором. Обозначено, что при решении вопроса об уменьшении неустойки судом могут быть учтены действия сторон, направленные на добровольное досудебное урегулирование спора.

Исходя из существующей практики следует отметить, что в качестве критериев несоразмерности могут выступать слишком высокий размер неустойки, обозначенный договором, значительное превышение суммы неустойки над суммой убытков, длительность исполнения обязательства и др. [2].

Поскольку отечественное законодательство не определяет однозначных, конкретных критериев такой несоразмерности, суд при рассмотрении каждого дела может учитывать различные критерии. Кредитор при обращении в суд всегда должен иметь в виду, что размер неустойки, несмотря на договоренность сторон, может быть значительно уменьшен. Размер такого уменьшения предварительно установить не представляется возможным. В литературе неоднократно отмечалось, что подобным образом ограничивается принцип равенства участников гражданских правоотношений, поскольку суд по своему усмотрению определяет размер процентов, на который может быть снижена неустойка в отношении различных субъектов [1; 2].

Как отмечает В. В. Витрянский, снижение судом подлежащей взысканию неустойки по собственной инициативе суда противоречит процессуальному принципу состязательности сторон [3]. Обращаясь к законодательству Российской Федерации, следует отметить, что в российской судебной системе также отсутствуют конкретные критерии несоразмерности последствиям нарушения обязательства. При этом неустойка может быть снижена судом только при наличии соответствующего заявления со стороны ответчика, что является отличным от ситуации в белорусском праве.

Таким образом, отметим перспективы совершенствования отечественного законодательства путем закрепления конкретизации критериев для установления несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства.

Список использованной литературы

1. Бондаренко, Н. Л. Принцип равенства участников гражданских правоотношений и его допустимые ограничения отношений [Электронный ресурс] / Н. Л. Бондаренко – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/>

n/printsip-ravenstva-uchastnikov-grazhdanskih-pravootnosheniy-i-ego-dopustimye-ogranicheniya. – Дата доступа: 25.05.2020.

2. Бондаренко, Н. Л. Снижение неустойки судом: понятие и значение [Электронный ресурс] / Н. Л. Бондаренко. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/163247/1/16.pdf>. – Дата доступа: 25.05.2020.

3. Брагинский, М. И. Договорное право [Электронный ресурс] / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – Режим доступа: https://private-right.ru/wp-content/uploads/Dogovornoe_pravo_T1.pdf. – Дата доступа: 25.04.2020.

В. И. ШАШ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. З. Шалаева, кандидат юридических наук,
доцент

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

С провозглашением в 1990 г. суверенитета Беларуси, принятием в 1994 г. Конституции и ее новой редакции в 1996 г. правовая система республики еще больше сблизилась с континентальной правовой системой и является одной из ее разновидностей. Основными элементами национальной правовой системы Республики Беларусь являются отрасли права и отрасли законодательства, их институты и нормы [1, с. 271].

Составной частью отрасли права выступает институт права, который представляет собой обособившуюся в рамках одной или нескольких отраслей права упорядоченную совокупность правовых норм, которые регулируют конкретную группу общественных отношений [2, с. 206].

В. С. Якушев дает понятие правового института как основанной на законе совокупности норм, призванных регулировать в рамках предмета данной отрасли права определенное, обладающее относительной самостоятельностью общественное отношение, а также связанные с ним производные отношения. Используя методологический подход, он сделал вывод, что предметом регулирования правового института может быть лишь какая-то, в определенной мере самостоятельная часть имущественных отношений, объединенных каким-то общим фактором (факторами), который для данной группы является наиболее существенным. Поэтому

обоснование правового института следует искать в особенностях его предмета.

С. С. Алексеев за основу выделения правового института в качестве самостоятельного подразделения системы права предложил взять метод правового воздействия на определенный участок отношений и посчитал данный признак главным, обособляющим те или иные общности норм в правовые институты.

В то же время С. С. Алексеев отметил, что в системе права имеются смешанные институты, которые обладают чертами межотраслевых объединений правовых норм. Между институтами внутри отрасли могут существовать отношения субординации, соподчинения. Определенные части крупного института нередко образуют самостоятельные подразделения, которые называются субинститутами [3, с. 87].

М. Б. Смоленский определяет субинститут права как составную часть определенного правового института, представляющую собой совокупность юридических норм, регулирующих конкретную разновидность общественных отношений. Например, в семейном праве правовой институт алиментных обязательств подразделяется на следующие субинституты: алиментные обязательства родителей и детей, алиментные обязательства супругов и бывших супругов, алиментные обязательства других членов семьи [2, с. 208].

Позиции ученых в поисках главного признака правового института несколько разделились: одни предлагают объединять в институт правовые нормы по предмету регулирования, а другие – по методу регулирования общественных отношений. Тем не менее предмет и метод – это те инструменты, без которых невозможно провести анализ ни одной нормы права, независимо от цели исследования, так как они действуют во взаимосвязи и дополняют друг друга.

Нормы права, прежде всего, разделяются на основе предмета правового регулирования, то есть в зависимости от круга общественных отношений, на который направлено их воздействие. Но иногда предмет правового регулирования может совпадать, а нормы – относиться к разным отраслям права. Тогда в основу их разграничения кладется метод правового регулирования [3, с. 88].

Правовые институты делятся на:

- 1) отраслевые – состоят из норм одной отрасли права;
- 2) межотраслевые – включают в себя нормы различных отраслей права (например, институт гражданства основан на нормах конституционного, административного и международного права);

3) сложные (комплексные) – являются относительно крупными и включают в свой состав более мелкие образования, называемые субинститутами [4, с. 244–245].

Из анализа изложенных выше мнений считаем возможным выделение в качестве отдельного правового института в хозяйственном праве института прекращения деятельности субъектов хозяйствования. Это можно обосновать следующим.

Во-первых, представляется возможным выделить предмет правового регулирования данного правового института – общественные отношения, возникающие в процессе реорганизации и ликвидации юридических лиц, а также прекращения деятельности индивидуальных предпринимателей.

Во-вторых, наличие метода правового регулирования. Под методом отрасли права понимается совокупность приемов и способов, с помощью которых соответствующая отрасль воздействует на регулируемые ею общественные отношения. Общественные отношения, складывающиеся по поводу прекращения деятельности субъектов хозяйствования, регулируются посредством следующих методов:

1) метод обязательных предписаний (проявляется, например, в обязанности собственника имущества (учредителей, участников) при ликвидации юридического лица уведомить регистрирующий орган о принятом решении в установленные сроки);

2) метод автономных решений (проявляется, например, при формировании ликвидационной комиссии, при принятии решения о реорганизации и ее форме);

3) метод рекомендаций (проявляется, например, в предоставлении ликвидируемому юридическому лицу и прекращающему деятельность индивидуальному предпринимателю права провести аудиторскую оценку, по результату проведения которой будет предоставлено аудиторское заключение как альтернатива проведения налоговой проверки правильности исчисления, своевременности и полноты уплаты обязательных платежей в бюджет).

В-третьих, имеется совокупность однородных правовых норм, регулирующих строго определенный участок общественных отношений, составляющий предмет правового регулирования института прекращения деятельности субъектов хозяйствования. Основная масса таких норм содержится в ГК Республики Беларусь и Декрете № 1.

В-четвертых, видится возможным выделение в предлагаемом правовом институте субинституты: субинститут реорганизации юридических лиц; субинститут ликвидации юридических лиц; субинститут прекращения деятельности индивидуальных предпринимателей. Необходи-

мость выделения предложенных субинститутов связана с тем, что данные процессы имеют свои, присущие только им, особенности проведения.

Таким образом, в силу наличия определенной группы общественных отношений, составляющей предмет правового регулирования, наличия метода правового регулирования, правовой базы и возможности выделения субинститутов, считаем целесообразным выделить в качестве комплексного правового института хозяйственного права институт прекращения деятельности субъектов хозяйствования.

Предлагаем дать следующее определение данного правового института: прекращение деятельности субъектов хозяйствования – комплексный институт хозяйственного права, представляющий собой совокупность правовых норм, регулирующих однородные, взаимосвязанные общественные отношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся в процессе реорганизации и ликвидации юридических лиц, а также прекращения деятельности индивидуальных предпринимателей.

Список использованной литературы

1. Дробязко, С. Г. Общая теория права : учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 6-е изд., испр. – Минск : Амалфея, 2013. – 496 с.
2. Смоленский, М. Б. Теория государства и права : учебник / М. Б. Смоленский. – М. : Дашков и К : АкадемЦентр, 2015. – 320 с.
3. Благодир, А. Л. О понятии, свойствах и структуре системы права [Электронный ресурс] / А. Л. Благодир // Права. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-svoystvah-i-strukture-sistemy-prava/viewer>. – Дата доступа: 22.02.2020.
4. Лебедев, А. Ф. Общая теория права : учеб. пособие / А. Ф. Лебедев. – Минск : Амалфея, 2015. – 364 с.

В. А. ШВЕД

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. М. Барановская, кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНКОРПОРАЦИИ ИНСТИТУТОВ ЗАРУБЕЖНОГО ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ

В связи с появлением в 2017 г. в сегменте национального законодательства Декрета Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» в белорусском обществе стали чаще

возникать обсуждения по поводу необходимости внедрения институтов английского права и перспектив внедрения их в национальную правовую систему. Вышеупомянутый декрет содержит в себе положения, которые в основном относятся к резидентам Парка высоких технологий. Однако имплементация институтов английского права постепенно выходит за рамки ПВТ, что свидетельствует об успешности подобных нововведений [1].

Нужда в привлечении инвестиций является ключевой предпосылкой для внедрения в национальную правовую систему зарубежных правовых институтов. Иностранные инвесторы желают получить гарантии, на которые они привыкли рассчитывать в своей стране, и не тратить время на изучение особенностей белорусского рынка. А для возможности предоставления таких гарантий необходимо адаптировать национальное законодательство. Помимо этого, к предпосылкам можно отнести и совокупность исторически сложившихся ограничений, не позволяющих использовать общепринятые международные юридические инструменты.

Нельзя не упомянуть и противоречивые моменты, связанные с нововведениями в национальном законодательстве. Во-первых, возникает спорная ситуация сосуществования двух разных систем права. Во-вторых, отсутствие прецедентов и, как следствие, неготовность белорусских правоприменителей работать с новыми инструментами.

В перечень институтов, вводимых Декретом, входят опцион, конвертируемые займы, институт возмещения имущественных потерь, безотзывные доверенности.

Опцион – соглашение сторон, которое предполагает приобретение одной стороной права (но не обязанности) на заключение одного или нескольких договоров. Опционы бывают двух видов: для работников и корпоративные. Первые, предполагая высокое вознаграждение, выступают в качестве отличного стимулятора для работника, вторые же служат гарантом при заключении сделки, к примеру инвестиционной. Однако при проецировании опциона на белорусскую действительность можно столкнуться с понятием преимущественного права покупки, которое идет рука об руку с любыми сделками, связанными с долями. Именно это может существенно затруднить продажу доли третьему лицу.

Конвертируемый заем – еще один имплементированный институт, позволяющий инвестору вложить средства с перспективой конвертировать их в доли либо акции или потребовать возврата средств. Аналогией конвертируемого займа в национальном законодательстве является увеличение уставного фонда за счет дополнительного вклада участника. Это работает, только когда инвестор уже является участником компании. Поэтому возникает проблемная ситуация, если инвестор, допустим, не хочет входить в состав участников.

Институт возмещения имущественных потерь предусматривает возмещение потерь по рискам, в которых сторона не виновата, но, будучи заинтересованной в заключении договора, готова их покрывать. Как правило, стороны договариваются о ряде определенных обстоятельств, при наступлении которых возникают обязательства одной стороны компенсировать имущественные потери другой. В это же время национальное гражданское законодательство содержит лишь понятие убытков, неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами, где обязательно подразумевается нарушение права одной стороны другой.

Безотзывная доверенность характеризуется тем, что она не может быть отменена до истечения ее срока либо до наступления обстоятельств, предусмотренных самой доверенностью. Но при рассмотрении этой доверенности в контексте национальной системы права возникают спорные моменты: ст. 189 Гражданского кодекса Республики Беларусь содержит перечень положений, прекращающих действие доверенности, т. е. заключение соглашения о безотзывной доверенности нецелесообразно. А ст. 187 Гражданского кодекса Республики Беларусь устанавливает максимальный срок для доверенности, равный трем годам [2].

Таким образом, представляется, что при инкорпорации институтов зарубежного права в правовую систему Беларуси проявляется множество спорных и проблемных аспектов. Такая ситуация складывается по причине коллизии между системами права и отсутствия у практикующих юристов и правоприменителей опыта работы с новыми юридическими инструментами. При этом нормы, внедренные Декретом № 8 и «протестированные» в условиях Парка высоких технологий, оказались успешными. Таким образом, можно уверенно говорить о целесообразности и пользе введения некоторых зарубежных правовых институтов в правовую среду нашей страны.

Список использованной литературы

1. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой Представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. от 4 мая 2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

СЕКЦИЯ 4

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ И ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

А. А. АСТРЕЙКО

Минск, Белорусский государственный университет
Научный руководитель – А. А. Пухов, кандидат юридических наук,
доцент

ПСИХИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Психическое насилие как квалифицирующее обстоятельство встречается в Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь в 11 случаях (ч. 2 ст. 169; ч. 2 ст. 171; ч. 2 ст. 172; ст. 173; п. 10 ч. 2 ст. 181; ч. 2 ст. 206; ч. 3 ст. 214; ч. 2 ст. 247; ч. 2 ст. 311; ч. 2 ст. 363; ч. 2 ст. 413). Во всех указанных составах законодателем используется общая формулировка «угроза применения насилия» без указания на ее интенсивность. Исключением является лишь ч. 2 ст. 208 (вымогательство под угрозой убийства или причинения тяжкого телесного повреждения).

Объектом психического насилия является отдельное конституционное отношение, обеспечивающее безопасность конкретного психического блага человека – безопасность чести и достоинства; адекватности субъективного восприятия и т. д. В зависимости от родового объекта можно выделить шесть групп преступлений, совершаемых путем психического насилия: преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления; против человека; преступления против порядка осуществления экономической деятельности; преступления против общественной безопасности и здоровья населения; преступления против общественного порядка и общественной нравственности; преступления против государства.

С объективной стороны психическое насилие – это причинение неправомерного психического вреда потерпевшему. Данный вид насилия совершается в качестве информационного воздействия на психику другого человека с применением психических факторов, а именно информации психотравмирующего характера. Принуждение и угроза являются самыми распространенными способами воздействия на психику человека. Следует отметить, что правоведы дополняют понятие психического насилия следующими компонентами информационного воздействия: издевательство, истязание, тяжкие оскорбления, клевета, травля, преследование и другие подобные действия, оказывающие отрицательное воздействие на психику

человека. Неприличная оценка личности потерпевшего, ложное обвинение человека в порочных поступках, злые, циничные насмешки, глумление, в том числе незаконное лишение крова, средств к существованию, являясь информацией угрожающего характера, способны причинить потерпевшему психическую травму.

Одной из существенных характеристик психического насилия является психическое последствие, которое проявляется в виде отрицательных психических состояний (эмоциональный стресс, способный влиять на здоровье потерпевшего). Анализ норм УК позволяет выделить четыре вида психического вреда (психических последствий): 1) опасение преступной угрозы; 2) состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффект); 3) негативные эмоциональные состояния, не достигающие степени аффекта; 4) психические страдания.

Само понятие психического страдания так и не нашло должного отражения в уголовном праве Республики Беларусь. В то же время, если обращаться к уголовному законодательству Российской Федерации, психические страдания как вид психического вреда все же получили законодательное оформление в ст. 117 УК Российской Федерации (Истязание). Характерным для насилия является то, что оно применяется к потерпевшему без учета его согласия (как против, так и помимо воли). Любой из видов психического воздействия способен привести к негативным изменениям психического состояния и психических процессов (прямо или косвенно). О. С. Викторов в своей статье «К вопросу о телесном повреждении и психической травме в советском уголовном праве» определил, что боль связана с глубокими изменениями в клетках и тканях организма и одновременно является биологической травмой (телесным повреждением) и психической травмой [1].

Таким образом, психическое насилие в общих чертах: проявляется в конкретных осознанных актах человеческого поведения; выражается в определенных формах (как правило, оказывает информационное воздействие на жертву); проявляется во внешней среде; обладает непосредственным (направлено на потерпевшего) и опосредованным (против его близких, имущества, обращенное в будущее и т. п.) характером; имеет конкретного адресата; преследует определенные цели (причинение физического, материального вреда или морального ущерба, ограничение свободы воли); выступает способом совершения преступления; вызывает определенные последствия [2].

Однако проблема квалификации данного преступления как самостоятельной единицы заключается в следующем:

1. Физическое и психическое здоровье нельзя воспринимать как разные, отдельные вещи. Психическое здоровье не находится в изолированном состоянии в недрах человеческого организма [3].

2. В литературе отмечается, что объектом посягательства психического насилия является безопасность человека. Данный объект является слишком расплывчатым и может способствовать затруднению при квалификации преступлений: любое преступление можно считать посягательством на безопасность человека. Получается, что безопасность будет выступать одним объектом для всех преступлений, что делает их разграничение сложным процессом.

3. При этом следует отметить, что для отнесения того или иного вида психического воздействия к разряду преступного насилия необходимо, чтобы оно отвечало критерию криминального влияния и обладало насильственным воздействием. Иными словами, криминальное психическое воздействие должно быть выраженным противоправным и общественно опасным поведением, характеризующимся определенным интенциональным содержанием [2].

4. Отметим, что с 14 лет наступает уголовная ответственность за отдельные преступления, способом выполнения действий в которых может выступать психическое насилие (ст. 166, 167, 206, 207, 208 УК Республики Беларусь). В иных случаях, в возрасте 16 лет, психическое насилие не имеет уголовно-правового значения. Например, при совершении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 186 УК Республики Беларусь), при доведении до самоубийства (ст. 145 УК Республики Беларусь), склонении к самоубийству или содействии совершению самоубийства. Из этого следует, что от характеристик субъекта преступления зависят уголовно-правовые рамки этого понятия.

5. Особого внимания заслуживает вопрос, какую роль отводить потерпевшей стороне. Так как для белорусского нормотворчества характерен метод отождествления признаков живого лица с неодушевленным предметом материального мира, стоит отметить путь, по которому развивается уголовное право Германии.

Такой подход немецкого законодателя к оценке преступного вреда, как выявление предмета преступления «глазами жертвы», позволяет расширить круг общественно опасных деяний. Так, например, в 2007 г. в их уголовное законодательство (раздел XVIII «Преступления против личной свободы» УК Федеративной Республики Германия) был введен самостоятельный состав, описывающий одну из самых распространенных форм психологического воздействия – преследование.

Представляется целесообразным дальнейшее проведение медико-правовой научной разработки как этих, так и других понятий, связанных

с психическим насилием, в целях его совершенствования, в частности посредством нормативного определения понятия психического насилия и материальных признаков последнего для становления его в качестве самостоятельной уголовно-правовой категории.

Список использованной литературы

1. Викторов, О. С. К вопросу о телесном повреждении и психической травме в советском уголовном праве / О. С. Викторов // Правоведение. – 1958. – № 4. – С. 63–69.
2. Клоченко, Л. Н. Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. Н. Клоченко. – М., 2019. – 206 с.
3. Мельник, А. В. Взаимосвязь психического и физического здоровья человека / А. В. Мельник, И. Г. Шелепанова // Тр. Современ. гуманитар. акад. – 2008. – № 12. – С. 134–135.

Д. А. БАРАНОВ

Минск, Белорусский государственный университет
 Научный руководитель – Л. А. Краснобаева, кандидат юридических наук, доцент

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

На современном этапе коррупция является одной из самых острых проблем в Республике Беларусь. Она проникает во все сферы общественной жизни и представляет угрозу национальной безопасности государства. Борьба с коррупцией – это многоэтапная задача, которая требует комплексного изучения и анализа, а совершенствование антикоррупционного законодательства и внедрение правовых конструкций, направленных на борьбу с коррупцией, должны происходить не только в области уголовного права, но и в сфере административного, гражданского, налогового и других отраслей права. На наш взгляд, самой продуктивной мерой по борьбе с коррупционными проявлениями является разработка предупредительных мер. В целях реализации возможно создание систематизированной нормативной базы, направленной на модернизацию института административной ответственности за совершение коррупционных правонарушений. В соответствии с Законом «О борьбе с коррупцией» от 15 июля 2015 г. № 305-З коррупционное правонарушение представляет

собой отдельное проявление коррупции, которое влечет дисциплинарную, административную, уголовную или иную ответственность. Кроме того, на законодательном уровне не закреплено, какие именно административные правонарушения следует признать коррупционными. Исходя из дефиниции, которая содержится в Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП Республики Беларусь), административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое законодательством об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Можно обозначить, что под административным коррупционным правонарушением следует понимать противоправное виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, нарушающее требования законодательства о противодействии коррупции и влекущее причинение вреда интересам личности и государства, за совершение которого законодательством предусмотрена административная ответственность.

Если вести речь о совершенствовании института административной ответственности, то в первую очередь хотелось бы обратить внимание на внесение некоторых изменений в общую часть КоАП Республики Беларусь в части подхода к определению категории «должностное лицо». Кодекс необходимо дополнить нормой об административной ответственности должностных лиц, в которой надо дать четкое определение таким категориям, как организационно-распорядительные, административно-хозяйственные полномочия, юридически значимые действия, а также рассмотреть возможность расширения состава лиц, относящихся к должностным лицам. Например, приравнять к категории должностных лиц членов различных коллегиальных органов, межведомственных комиссий, в частности комиссий по закупкам. Предусмотреть в ПИКоАП меру обеспечения, связанную с приостановлением деятельности должностных лиц на период ведения административного производства. Также возможно признать обстоятельством, отягчающим административную ответственность, совершение административных правонарушений, содержащих признаки коррупционных правонарушений, установленных в Законе «О борьбе с коррупцией». Необходимо и введение в качестве основного административного взыскания такого вида взыскания, как лишение физического лица права замещать должности (на государственной службе, занимать должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в совет директоров (наблюдательный совет), осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом, осуществлять управление юридическим лицом и др.) – «дисквалификация» – на срок от 1 до 3 лет, по аналогии с Российской Федерацией, где уже есть

положительная практика применения такого вида административного взыскания. Право принимать решение по правонарушениям, имеющим такую санкцию, необходимо предоставить судам.

Нельзя не отметить как недостаток КоАП Республики Беларусь бессистемное размещение правонарушений в различных главах, в том числе норм многих статей, в которых квалифицирующие обстоятельства и санкции не имеют четкой дифференциации. Поэтому необходимо выделять «административные правонарушения, имеющие коррупционную направленность» (связанные с коррупцией) и «коррупционные административные правонарушения». На наш взгляд, эти две категории не тождественны. В КоАП Республики Беларусь содержатся именно правонарушения первой группы – «административные правонарушения коррупционной направленности» (связанные с коррупцией), за исключением ст. 10.5 КоАП Республики Беларусь – совершение хищения путем злоупотребления служебными полномочиями. Так, к административным правонарушениям, связанным с коррупцией, можно отнести следующие: нарушение порядка декларирования доходов и имущества (ст. 23.9 КоАП), нарушение порядка использования средств бюджета, государственных внебюджетных фондов либо организации государственных закупок товаров (работ, услуг) (ч. 1 ст. 11.16 КоАП), незаконное делегирование полномочий на государственное регулирование предпринимательской деятельности либо на контроль за ней (ст. 23.81 КоАП), воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 23.82 КоАП), нарушение порядка проведения конкурсов и аукционов (ст. 23.83 КоАП), нарушение порядка проведения процедур закупок при строительстве (ст. 21.17. КоАП), нарушение порядка предоставления и использования безвозмездной (спонсорской) помощи (ст. 23.84 КоАП).

Необходимо учитывать, что для коррупционных проявлений характерно незаконное использование должностного положения в личных интересах, а также получение имущественных или неимущественных выгод. Поэтому при квалификации административных правонарушений достижение точности в вопросе отнесения того или иного правонарушения к числу коррупционных весьма сложно, так как отсутствует четкий перечень признаков отнесения правонарушения к коррупционному. Таким образом, нужна разработка комплексных правовых норм в общей части КоАП, регулирующих правонарушения коррупционной направленности, а также проведение правовой инвентаризации статей особенной части КоАП.

Можно отметить, что сегодня в законодательстве существует явный недостаток норм, устанавливающих административную ответственность в отношении государственных служащих, а также должностных лиц любого ранга за неисполнение законодательства о борьбе с коррупцией.

Следовательно, возможно предусмотреть административную ответственность за нарушение ограничений и запретов, предусмотренных законодательством о государственной службе и о борьбе с коррупцией, например, за нарушение ограничений по совместной службе близких родственников, за совмещение государственной службы с предпринимательской деятельностью, принятие на работу лиц, ранее совершавших коррупционные правонарушения, непринятие руководителем государственного органа или иными должностными лицами мер по противодействию коррупции, сокрытие факта коррупции, нарушение порядка урегулирования конфликта интересов и др. Считаем актуальным также добавить в КоАП статьи, предусматривающие административную ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, служебную халатность и бездействие должностных лиц ввиду отсутствия в их действиях признаков состава уголовного преступления.

Таким образом, современный этап совершенствования антикоррупционного законодательства характеризуется тем, что требует проведения правовой инвентаризации административных правонарушений, имеющих коррупционную направленность, их систематизации и включения новых составов административных правонарушений коррупционного направления.

Е. И. БОГАРЕВИЧ

Минск, Белорусский государственный университет

Научный руководитель – А. Н. Кривой, старший преподаватель

ПРОБЛЕМА РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С СУИЦИДОМ

В современных реалиях (применительно к Республике Беларусь) не является преступлением такое явление, как суицид или парасуицид, если это не связано с деяниями «доведение до самоубийства», «склонение к самоубийству» или же иным преступлением, которое пытаются скрыть самоубийством. По факту самоубийства правоохранительными органами проводится проверка, по результатам которой и выносится постановление о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении. Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) предусматривает ответственность за такие деяния, связанные с самоубийством, как «доведение до самоубийства» и «склонение к самоубийству», однако Законом Республики Беларусь от 09.01.2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» была предусмотрена криминализация такого деяния, как пропаганда самоубийства. Следует отметить, что включение

этого преступления в главу 30 представляется вполне логичным, поскольку оно посягает прежде всего не на жизнь конкретного человека, а на общественную нравственность неопределенного круга лиц [1]. Также этим законом ст. 145 УК была дополнена рядом квалифицирующих признаков.

Если говорить о доведении до самоубийства в рамках УК Республики Беларусь, то следует отметить, что ранее объективная сторона данного преступления заключалась в двух альтернативных способах: путем жестокого обращения с потерпевшим или путем систематического унижения его личного достоинства. Законом Республики Беларусь от 09.01.2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» предусмотрена следующая формулировка: «Доведение лица до самоубийства или покушения на самоубийство путем угрозы применения насилия к нему или его близким, уничтожения, повреждения или изъятия их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства». Исходя из этого определения, представляется не совсем ясным изъяснение упомянутых в статье способов, а именно: угроза касается только применения насилия или также и уничтожения, повреждения или изъятия имущества, а также распространения сведений.

Для уточнения предлагаем более детально рассмотреть способы, которые предусматривались до внесения изменений, то есть жестокое обращение с потерпевшим, систематическое унижение его личного достоинства. Под жестоким обращением понимается крайне суровое, безжалостное, беспощадное отношение к другому лицу. Такое поведение может состоять в активных действиях либо в бездействии. Полагаем, что исходя из толкования, возможно говорить о том, что применение насилия к потерпевшему или его близким, а также уничтожение, повреждение или изъятие их имущества входят в понятие жестокого обращения.

Унижение человеческого достоинства может совершаться путем распространения о потерпевшем заведомо ложных, позорящих его измышлений, оскорбления его, глумления над ним и т. п. Таким образом, само по себе распространение клеветнических или оглашение иных сведений уже было предусмотрено в ст. 145 УК до внесения изменений и включалось в понятие «унижение человеческого достоинства».

В связи с этим логичным полагаем то, что в новой редакции слово «угроза» относится как к применению насилия, так и уничтожению, повреждению или изъятию имущества, а также к распространению клеветнических или оглашению иных сведений, которые желают сохранить в тайне.

Таким образом, способы доведения лица до самоубийства или покушения на самоубийство при подробном рассмотрении выглядят следующим образом:

1. Угроза применения насилия к потерпевшему или его близким.
2. Угроза уничтожения, повреждения или изъятия их имущества.
3. Угроза распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне.
4. Жестокое обращение с потерпевшим.
5. Систематическое унижение его личного достоинства.

На наш взгляд, можно облегчить формулировку статьи, заменив первые три способа словосочетанием «путем угроз». Угроза в таком случае носит противоправный характер, а потерпевший должен воспринимать эту угрозу как реальную, представляющую опасность для его прав и законных интересов. Такой подход используется в Уголовном кодексе Российской Федерации, и статья о доведении до самоубийства или покушения на него изложена следующим образом: «Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». Аналогичная формулировка закреплена и в Уголовном кодексе Казахстана.

Что касается такого состава, как склонение к самоубийству, то он был криминализован в Беларуси в 1999 г. Склонение к самоубийству определяется как умышленное возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство, если лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на него. Важным является то, что склонение к самоубийству возможно только в отношении конкретного лица, и когда речь идет о возбуждении желания совершить самоубийство у неопределенного круга лиц, то имеет место пропаганда самоубийства. До недавнего времени это деяние не было предусмотрено УК Республики Беларусь. Оно было введено Законом Республики Беларусь от 09.01.2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь».

В УК Республики Беларусь, как и в модельном Уголовном кодексе СНГ, склонение к самоубийству является преступлением с материальным составом, то есть обязательным признаком объективной стороны выступают последствия (альтернативные: совершение самоубийства или покушение на него). В УК Республики Беларусь не конкретизируются способы склонения к самоубийству, что является вполне оправданным. В УК Российской Федерации способы склонения к самоубийству предусмотрены в статье, однако их перечень не является исчерпывающим.

Возвращаясь к изучению нашего законодательства, полагаем необходимым рассмотреть вопрос о возможной конкуренции склонения к самоубийству с такими составами, как доведение до самоубийства или убийство. В сравнении со склонением к самоубийству доведение до самоубийства является более опасной формой криминального поведения. В ст. 146 УК Республики Беларусь не указаны способы склонения к самоубийству, но необходимо отметить, что они не должны выражаться в способах, предусмотренных ст. 145 УК, поскольку способы доведения до самоубийства являются более жестокими, они оказывают влияние на свободу волеизъявления потерпевшего, фактически вынуждают его совершить акт суицида [2].

Несмотря на то что относительно недавно в Республике Беларусь была криминализована пропаганда самоубийства, а также дополнена статья о доведении до самоубийства, по-прежнему за рамками уголовно-правового воздействия находится содействие суициду (отметим, что в Российской Федерации данное деяние выступает самостоятельным преступлением). Содействие суициду является менее опасным деянием, чем склонение к самоубийству, поскольку в таком случае инициатива исходит от самого потерпевшего, однако оно обладает достаточным уровнем социальной опасности, необходимым для криминализации.

Таким образом, следует отметить положительную тенденцию криминализации в области, касающейся деяний, связанных с самоубийством, однако при этом предлагаем обратить внимание на указанные в данной статье перспективы совершенствования уголовного законодательства.

Список использованной литературы

1. Лосев, В. В. Деяния, связанные с самоубийством: перспективы криминализации [Электронный ресурс] : [по состоянию на 15.05.2018] / В. В. Лосев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Марчук, В. В. Уголовно-правовая оценка деяний, инспирирующих суицид [Электронный ресурс] / В. В. Марчук. – Режим доступа: https://law.bsu.by/pub/11/Marchuk_23.pdf. – Дата доступа: 28.04.2020.

Т. И. ВОЛКОВА

Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель – В. К. Кирвель, кандидат юридических наук,
доцент

ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ИНСТИТУТА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Современное развитие преступности против информационной безопасности порождает необходимость во внесении изменений и дополнений в действующее законодательство Республики Беларусь, а также общих положений по расследованию и раскрытию таких преступлений, в том числе понятийного аппарата. Данная категория определяется через термины, понятия, институты, что способствует повышению качества юридических норм в нашем государстве.

На данный момент в развитии понятийного аппарата института расследования преступлений против информационной безопасности многие авторы не видят проблем, хотя некоторые из данных проблем оказывают существенное негативное влияние на общее состояние института расследования указанной группы преступлений. Негативные последствия возникают в виде неверного толкования и использования таких терминов, как «преступления против информационной безопасности», «киберпреступления», «компьютерные преступления» и др.

Исследование различных точек зрения по выбору термина «компьютерные преступления», «киберпреступления» или «преступления против информационной безопасности» позволяет прийти к выводу, что термин «преступления против информационной безопасности» более точно отражает сущность рассматриваемых противоправных деяний, нежели термин «компьютерные преступления», который применяется чаще в силу простоты обозначения. Использование понятия «преступления против информационной безопасности» в целом согласуется с позицией законодателя и позволяет точно определить его сферу применения в практической деятельности. В то же время понятийная категория «киберпреступления» в средствах массовой информации, научной литературе встречается намного чаще остальных.

Считаем, что наиболее распространенным данное понятие является в силу того, что слово «киберпреступления» содержит в своем составе приставку «кибер», что указывает на связь с кибернетикой. Под кибернетикой в данном случае понимаем «науку об общих закономерностях

получения, хранения, преобразования и передачи информации в сложных управляющих системах, будь то машины, живые организмы или общество» [1, с. 10], т. е. данное понятие дает более широкую характеристику, чем преступления против информационной безопасности. Можно сказать, что оно включает все преступления, которые хотя бы косвенно, но связаны с компьютерными и информационными технологиями. Например, закрепленный в ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь состав преступления «хищение путем использования компьютерной техники» также будет относиться к киберпреступлениям.

В то же время важно отметить, что ранее термины «киберпреступление» или «киберпреступность», а также «кибербезопасность» не упоминались в текстах нормативных правовых актов Республики Беларусь. Тем не менее они часто используются в Интернете, СМИ, научных статьях, монографиях и диссертациях авторов в области права, что обусловило, по нашему мнению, то, что Следственный комитет Республики Беларусь объявил 2020 г. годом борьбы с киберпреступлениями.

Что касается законодательного закрепления терминологии в области расследования преступлений против информационной безопасности, важно отметить, что 18 марта 2019 г. постановлением Совета безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 была утверждена «Концепция информационной безопасности» Республики Беларусь, которая дала законодательную установку для правильного использования терминологии в данной области. Таким образом, п. 8 данной концепции было закреплено, что «информационная безопасность – это состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере», в то же время «кибербезопасность – состояние защищенности информационной инфраструктуры и содержащейся в ней информации от внешних и внутренних угроз». Исходя из анализа данных терминов можно сделать вывод, что киберпреступления создают угрозу, прежде всего, информационной инфраструктуре Республики Беларусь, а нарушение информационной безопасности приводит к негативным последствиям для интересов как самих граждан Республики Беларусь, так и самого нашего государства.

Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь закреплен еще один термин – «преступления в информационной сфере», который определяется как «предусмотренные Уголовным кодексом Республики Беларусь преступления против информационной безопасности (киберпреступления) и иные преступления, предметом и средством совершения которых являются информация, информационные системы и сети». Как видим, определение данного термина дает возможность

соотнести понятия «преступления против информационной безопасности» и «киберпреступления» и, несмотря на их различный смысл, позволяет заменять один термин на другой.

Данная ситуация порождает проблематику достоверного понимания смысла терминологии в области расследования преступлений против информационной безопасности, что требует незамедлительной доработки и исправления. Для того чтобы каждым субъектом права указанные ранее термины были употреблены в верном смысле, необходимо четко разграничить либо, наоборот, полностью приравнять значения, т. к. вследствие такой «разрозненности» применения терминов, унификация правовой системы и, в отдельности, института расследования преступлений против информационной безопасности не только с другими странами, но и в нашей Республике Беларусь не представляется возможной.

В итоге можно сделать следующие выводы:

1. В Республике Беларусь существует проблема понятийного аппарата института расследования преступлений против информационной безопасности в части неверного толкования и соотношения терминов «киберпреступления», «преступления против информационной безопасности», «компьютерные преступления».

2. Значительным шагом на пути решения определенной выше проблематики стало принятие Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, которая дает определения терминов «кибербезопасность» и «информационная безопасность», в результате исследования которых подтверждается факт несоответствия значений терминов «киберпреступления» и «преступления против информационной безопасности».

3. Отдельным вопросом проблемы понятийного аппарата института расследования преступлений против информационной безопасности является неверное использование государственными органами, организациями данных терминов (например, Следственный комитет Республики Беларусь определил 2020 г. годом борьбы с киберпреступлениями и т. д.).

Несмотря на определенные ранее проблемы в белорусском праве, необходимо отметить, что расследования преступлений против информационной безопасности и несанкционированного доступа к компьютерной информации будут использованы все термины, которые встречаются в теоретико-правовой литературе: «синонимы»: преступления против информационной безопасности, киберпреступления или киберпреступность, компьютерные преступления, преступления в сфере высоких технологий и др.

Список использованной литературы

1. Короткий, С. В. Менеджмент : учеб. пособие / С. В. Короткий // Интеллектуальная издательская система Ridero. – 2019. – 290 с.

И. А. ГАЛЕНДА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. И. Забейворота, доктор юридических наук, профессор

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ИНОСТРАННЫМИ
ГОСУДАРСТВАМИ И МЕЖДУНАРОДНЫМИ
ОРГАНИЗАЦИЯМИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ**

Международные отношения – это взаимодействие государств. Механизмом, призванным обеспечить эффективность такого взаимодействия, является международное право.

Борьба с коррупцией в Республике Беларусь является важнейшей государственной задачей в деле укрепления независимости и суверенитета нашего государства, обеспечения общественной безопасности в современных международных реалиях.

Подписание в 2003 г. Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции и реализация идеи создания Международной ассоциации антикоррупционных учреждений – результат глубокого осознания мировым сообществом серьезной опасности последствий коррупции. Поддерживая и развивая инициативы по борьбе с коррупцией на национальном, региональном и международном уровнях, Республика Беларусь одной из первых государств-участников ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции.

В 2000–2005 гг. Республика Беларусь ратифицировала ряд важнейших международных конвенций: Конвенцию ООН против коррупции и транснациональной организованной преступности, Конвенцию Совета Европы об уголовной и гражданско-правовой ответственности за коррупцию.

Беларусь одной из первых на постсоветском пространстве ратифицировала в 2004 г. Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции.

Конвенция ООН против коррупции гласит, что коррупция больше не является локальной проблемой, а стала транснациональным явлением, затрагивающим общество и экономику всех стран, что делает международное сотрудничество в предотвращении коррупции и борьбе с ней чрезвычайно важным. В ней также подчеркивается, что предотвращение и искоренение коррупции является обязанностью всех государств и что для обеспечения эффективности их усилий в этой области они должны сотрудничать друг с другом при поддержке и участии

отдельных лиц и групп за пределами государственного сектора, таких как гражданское общество, неправительственные организации и организации, основанные на сообществе. Лишь при слаженных и совместных действиях участниц Конвенции ООН возможно полное искоренение коррупции.

Также в целях международного сотрудничества Республикой Беларусь ратифицировано немалое количество международных конвенций, таких как:

1) Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.

Указанный документ расширил перечень лиц, в отношении которых применяются правила, установленные Конвенцией об уголовной ответственности за коррупцию, за счет национальных и иностранных третейских судей (арбитров) и присяжных заседателей);

2) Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Она не закрепляет определения коррупции, а только описывает те действия, которые необходимо относить к уголовно наказуемым коррупционным деяниям.

Выполняя свои международные обязательства, а также учитывая назревшую необходимость в выработке новых методов предупреждения и пресечения коррупции, Республика Беларусь принимает меры по дальнейшему совершенствованию антикоррупционного законодательства. В июле 2006 г. был принят Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией».

В настоящее время практически все государства – участники СНГ имеют в своем законодательстве акты, направленные на противодействие коррупции, при разработке которых можно было бы учитывать положения вышеуказанных типовых законов. Законодательство СНГ фактически аналогично международному законодательству, однако в рамках СНГ большое внимание уделено взаимодействию и взаимосодействию государств – участников СНГ с целью искоренению данного негативно-го явления.

Так, Республика Беларусь активно сотрудничает с Российской Федерацией в сфере борьбы с коррумпированностью чиновников, они разрабатывают и принимают совместные меры, которые направлены на устранение коррупции и борьбу с нею. Также и все государства, которые входят в СНГ, стремятся сотрудничать друг с другом с целью достижения взаимовыгодных целей.

В рамках СНГ также достаточно развито антикоррупционное законодательство. В 2017 г. был принят важнейший документ, направленный на дальнейшее развитие в сфере обеспечения безопасности и противодействия новым угрозам и вызовам, – Концепция сотрудничества

государств – участников СНГ в противодействии коррупции. Ею обусловлена необходимость дальнейшего системного и согласованного развития сотрудничества государств – участников СНГ в целях обеспечения скоординированных действий в сфере противодействия коррупции.

Учитывая, что коррупция наносит значительный ущерб экономическому сотрудничеству в рамках СНГ, государства – участники Содружества акцентировали внимание на формировании правовых и организационных условий, институтов координации деятельности в противодействии этому опасному виду трансграничных преступлений.

В частности, значительную работу в формировании правовых стандартов противодействия коррупции проводит Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ:

- 15 ноября 2003 г. был принят модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике»;
- 25 ноября 2008 г. – модельный закон «О противодействии коррупции»;
- 17 мая 2012 г. – модельный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 27 ноября 2015 г. внесены изменения в модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств по вопросам борьбы с коррупцией.

Антикоррупционную направленность имеет также ряд других модельных законодательных актов МПА.

С другой стороны, главы государств Содружества, придавая значение развитию сотрудничества в противодействии коррупции и учитывая, что коррупция представляет угрозу национальной безопасности, 25 октября 2013 г. подписали Соглашение об образовании Межгосударственного совета по противодействию коррупции.

На Совет были возложены функции по обеспечению организации и координации деятельности правоохранительных и других компетентных органов стран Содружества в борьбе с коррупционными правонарушениями.

По инициативе Совета разработан проект Концепции сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии коррупции.

11 октября 2017 г. на саммите глав государств СНГ был рассмотрен и принят ряд важных документов, направленных на дальнейшее развитие в сфере обеспечения безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам. К наиболее значимым из них можно отнести утвержденную главами государств Содружества указанную Концепцию сотрудничества

государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции.

Впервые в рамках СНГ принят специализированный документ, являющийся основой для разработки в рамках Содружества международных договоров, а также межгосударственных программ в сфере противодействия коррупции.

Концепция закрепила понятие «противодействие коррупции», включающее в себя комплексную, системную деятельность государств-участников СНГ, органов государственной власти и местного самоуправления, обеспечивающую разработку и реализацию в тесном взаимодействии с институтами гражданского общества и населением социально-экономических, политических, правовых, организационных и иных мер, направленных на:

- предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие коррупционных преступлений и правонарушений;

- стимулирование активности должностных лиц, служащих и граждан в неприятии указанных явлений;

- своевременное выявление и устранение обстоятельств, способствующих данным преступлениям и правонарушениям.

Таким образом, принятие Концепции было обусловлено необходимостью дальнейшего системного и согласованного развития сотрудничества государств – участников СНГ в целях обеспечения скоординированных действий в сфере противодействия коррупции.

Реализация положений Концепции будет способствовать созданию более эффективной системы международного сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии коррупции.

М. С. ДОРОФЕЕВА

Витебск, Витебский государственный университет

имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Т. В. Веташкова, старший преподаватель

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время «сделка с правосудием» все больше и больше приобретает значимость как для следствия, так и для подозреваемого (обвиняемого). Данной сделкой считается форма взаимодействия

обвиняемого (подозреваемого) с правоохранительными органами и называется досудебное соглашение о сотрудничестве.

Целью данной статьи является выявление особенностей заключения досудебного соглашения о сотрудничестве на законодательном уровне в Республике Беларусь и Российской Федерации, а также выявление актуальных проблем применения этого института.

Актуальность данной темы заключается в том, что введение данного института в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство направлено на повышение эффективности борьбы с преступностью, в том числе организованной, полное и оперативное расследование преступлений, расширение возможностей по возмещению причиненного преступлением вреда. В это же время введение в национальное публичное право подобного института способствует дальнейшему развитию восстановительного правосудия, целью которого является восстановление социальной справедливости, исправление лица, совершившего преступление, а также предупреждение совершения новых преступлений как уже осужденным, так и другими лицами.

Процессуально-правовые институты заключения различного рода досудебных соглашений существуют во многих государствах мира. Развитие правового регулирования в современной России осуществляется с учетом иностранных правовых институтов и их приспособления к отечественным реалиям. Однако даже успешно используемый правовой институт в иностранных условиях не означает отсутствия проблем, которые будут вызваны спецификой местных условий. На досудебной стадии к таким проблемам относятся недостаточная регламентация порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и последствиях его нарушения, отсутствие действующего механизма, препятствующего оговору обвиняемого, применение данного института к изобличению не соучастников, а исполнителей других преступлений [2].

Принципиальным для решения является вопрос о целях. Распространенной точкой зрения является то, что данный институт создан в целях способствования раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений, доказывание по которым затруднено. Поэтому данный институт должен выступать инструментом не массовым, а применимым лишь в отдельных случаях, число которых невелико.

Однако данный вывод противоречит не только иностранной судебной практике, но и российской. Таким образом, опираясь на судебную практику, наиболее распространенными составами, в отношении которых применялось производство в порядке гл. 40.1 УПК Российской Федерации, считаются кражи, мошенничества и т. п.

Некоторые ученые объясняют существование досудебного соглашения о сотрудничестве необходимостью упрощения и ускорения уголовного судопроизводства. Вышеизложенные варианты по своей природе противоречат друг другу и не могут существовать совместно. В случае необходимости повышения борьбы с организованной преступностью и тяжкими, особо тяжкими преступлениями необходимо вслед за высказанными предложениями ограничить круг составов, в отношении которых может быть заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а также установить запрет за применение этой формы в отношении организаторов и лидеров. Если же исходить из целей упрощения судопроизводства и процессуальной экономии, такие ограничения устанавливаться не должны, следует расширить применение гл. 40.1 УПК Российской Федерации и на дознание [1].

Что касается правового регулирования данного института в Республике Беларусь, то здесь он регламентирован положениями гл. 49¹ УПК Республики Беларусь. Здесь инициатором может выступать только подозреваемый (обвиняемый), в то время как орган уголовного преследования не может инициировать заключение такого соглашения, что помогает снизить риск злоупотребления своими полномочиями. При этом главная роль в процессе заключения данного соглашения в Республике Беларусь отведена прокурору. Исходя из этого вытекают противоречия у ученых-процессуалистов. Некоторые полагают, что законодатель совершенно верно наделил прокурора данным полномочием. Они считают, что именно на прокуроре, как на стороне обвинения, лежит обязанность отстаивать в суде позицию стороны обвинения, в том числе и относящуюся к соглашению о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым). Другие же считают, что это не совсем верно. На досудебных стадиях прокурор осуществляет в первую очередь надзор за следствием, а само следствие ведет следователь [4].

Появление в отечественном уголовном процессе данного института вызвало множество вопросов. В науке стали сравнивать данный институт с аналогичным в уголовном процессе зарубежных стран. Однако следует отличать отечественное досудебное соглашение о сотрудничестве от зарубежных форм, характерных для государств англосаксонской системы права. Сутью этих соглашений является условие о том, что в случае признания подозреваемым (обвиняемым) своей вины правоохранительная система откажется от части обвинения, переквалифицируя на менее тяжкое, либо же в ходе судебного заседания будет удовлетворено ходатайство подозреваемого (обвиняемого) о смягчении наказания. Более того, признание вины в подобном рода соглашении подозреваемым (обвиняемым) влечет пропуск доказывания обвинения и поиск истины

по делу, роль суда при этом сводится лишь к фактическому удостоверению условий соглашения [3, с. 109].

Проанализировав различные подходы относительно применения данного института, мы пришли к определенным выводам. Сегодня, несмотря на все успехи правоохранительных органов, государство не может в полной мере эффективно противодействовать преступности, полагаясь лишь на активность правоохранительных органов. Введение в ряде стран института досудебного соглашения о сотрудничестве как раз и должно способствовать положительному посткриминальному поведению преследуемых в уголовном порядке лиц, предлагая им иные правовые стимулы. Также необходимо усовершенствование действующего законодательства как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь. Так, опираясь на вышеизложенную информацию, хочется отметить, что необходимо изменить ст. 305 и 307 УПК Российской Федерации, дополнив содержание обвинительного и оправдательного приговора выводами суда о ценности показаний лица, заключившего досудебное соглашение. В Республике Беларусь же необходимо, по нашему мнению, наделение следователя более широким кругом полномочий при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, не снижая при этом надзора прокурора, т. к. это привело бы к более значимым результатам.

Список использованной литературы

1. Александров, А. С. Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России / А. С. Александров, В. В. Колесник // Рос. следователь. – 2013. – № 19. – С. 16–22.
2. Ефанова, В. А. Прокурор и досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе России / В. А. Ефанова // Судеб. власть и уголов. процесс. – 2012. – № 1. – С. 168–174.
3. Иванов, С. В. Концепция досудебного соглашения в уголовном процессе Республики Беларусь в сравнении с институтом сделки о признании вины в законодательстве Соединенных Штатов Америки / С. В. Иванов // Законность. – 2015. – № 6. – С. 107–111.
4. Саркисянц, Р. Р. Роль прокурора в досудебном соглашении о сотрудничестве / Р. Р. Саркисянц // Законность. – 2012. – № 8. – С. 16–22.

Д. К. ЕРИЦЯН

Минск, Белорусский государственный университет
Научный руководитель – А. А. Пухов, кандидат юридических наук,
доцент

ПОНЯТИЕ «НАЕМНИК» В МЕЖДУНАРОДНОМ И БЕЛОРУССКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В настоящее время международное сообщество обсуждает вопросы, связанные с проблемой наемничества. Юридический анализ состава наемничества, представленный в учебной литературе, носит достаточно общий характер. Поэтому сравнительно-правовой анализ понятия «наемник» в современном белорусском уголовном и международном законодательстве представляется чрезвычайно важным. Актуальность данной проблематики состоит в различном понимании понятия, которое, в свою очередь, накладывает отпечаток на фактическом определении лица как наемника. Такой дуализм в конечном итоге приводит к размыванию границ между преступным и непроступным поведением. Данный анализ проводится путем сравнения ст. 132, 133 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) и Конвенции о вербовке, использовании, финансировании и обучении наемников 1989 г. [3]

В целях надлежащего уяснения понятия «наемник» следует проанализировать признаки данной дефиниции (ст. 133 УК Республики Беларусь). Из предложенного определения понятия можно выделить следующие признаки наемника:

1. Наемник – это физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (в соответствии с ч. 1 ст. 27 УК Республики Беларусь 16-летнего возраста) и совершающее определенные действия. В ст. 133 УК Республики Беларусь закреплён особо квалифицирующий признак наемничества, а именно – участие наемника в вооруженном конфликте и военных действиях, что говорит о добровольном и личном участии в конфликте непосредственно самого наемника.

2. Цель действий – получение материального вознаграждения за участие наемника в вооруженном конфликте и военных действиях. Данная цель является обязательным признаком субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК Республики Беларусь. Целью преступления в теории уголовного права называется тот непосредственный результат, к которому стремится лицо, а в данном случае – к получению материального вознаграждения. Как верно указано в литературе, фактом остается то, что наемников

нанимают для того, чтобы сражаться или совершать нападения в государстве или в ходе конфликта, к которым они не имеют непосредственного отношения. Однако в 2016 г. в УК Республики Беларусь были внесены изменения и дополнения, ужесточающие ответственность для граждан Республики Беларусь, воюющих на территории других государств. Данные поправки позволили привлекать к уголовной ответственности граждан Республики Беларусь, участвующих в вооруженных конфликтах, военных действиях на территории другого государства, даже без наличия корыстной составляющей. В основе такого законодательного решения находится факт затрудненности доказывания факта материального вознаграждения при незаконном участии лица в вооруженном конфликте, военных действиях на территории иностранного государства.

3. Отсутствие гражданства государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях. У наемника отсутствует гражданство либо подданство государства, т. е. политико-правовая связь, выраженная в корреспондирующих друг другу правах и обязанностях. Как следствие, у лица отсутствует и документальное доказательство такой связи — паспорт или иной соответствующий документ. Данный признак, по нашему мнению, не является вполне универсальным, поскольку он не во всех ситуациях, связанных с участием в вооруженном конфликте и военных действиях, квалифицирует лицо в качестве наемника. Стоит отметить, что субъект не проживает постоянно на территории такого государства, у него отсутствует «связь с землей». Постоянное проживание на территории государства может и должно подтверждаться правоустанавливающими документами (о гражданстве, регистрации), свидетельскими показаниями и т. п.

4. Действия субъекта не являются совершенными по уполномочию государства, гражданином которого оно является или на территории которого постоянно проживает. Следовательно, лицо не направлено для исполнения официальных обязанностей. Поэтому важно отличать наемников от специалистов и военных советников, официально направленных в другое государство.

5. Обстановка совершения действий субъектом — вооруженный конфликт и военные действия. В уголовно-правовой литературе данный вопрос не изучен, в то время как он является существенным для наиболее полного понимания категории «наемник». Рассмотрим его с позиций международного права. К услугам наемников прибегают в трех случаях: а) международные вооруженные конфликты (включая национально-освободительные войны) — это такие конфликты, когда

один субъект международного права применяет вооруженную силу против другого субъекта; б) внутренние вооруженные конфликты (или вооруженные конфликты немеждународного характера) – это конфликт между правительством и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, не выходящий за рамки конкретного государства; в) ситуации, характеризующиеся отсутствием вооруженного конфликта [2].

Перечисленные признаки наемника должны устанавливаться в совокупности применительно к отдельному лицу, действия которого квалифицируются как действия наемника. Отсутствие хотя бы одного признака не позволяет нам говорить о том, что лицо является таковым. В то же время необходимо обратить внимание, что дефиниции понятия «наемник», закрепленные в УК Республики Беларусь и Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников, существенно различаются и даже противоречат друг другу.

Во-первых, материальное вознаграждение, согласно Конвенции, должно существенно превышать вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны. В диспозиции ст. 132 УК Республики Беларусь «наемничество» носит открытый характер в отношении такого действия, как финансирование наемника, т. е. им признается лицо, получившее вознаграждение вне зависимости от размера.

Во-вторых, указание на то, что действия субъекта не являются действиями, совершенными по уполномочию государства, гражданином которого оно является или на территории которого постоянно проживает, по сравнению с Международной конвенцией является более широким. В свою очередь Конвенция указывает лишь на государство, которое не является стороной в конфликте, направившей своего военнослужащего для исполнения официальных обязанностей. Более правильным, по нашему мнению, было бы конкретизировать указанный признак.

В-третьих, на наш взгляд, необходимо добавить в диспозицию ст. 133 УК Республики Беларусь альтернативную цель наемничества: «иная личная выгода», как это закреплено в Конвенции. Такое решение могло бы исключить надобность включения в уголовный закон ст. 361³ УК Республики Беларусь.

В-четвертых, в УК Республики Беларусь по сравнению с Конвенцией не закреплены специальные цели, на которые могут быть направлены действия лица, при совершении которых оно также считается наемником, – свержение правительства, или подрыв конституционного порядка государства иным образом, или подрыв территориальной целостности государства.

Список использованной литературы

1. Батырь, В. А. Международное гуманитарное право : учеб. для вузов / В. А. Батырь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЗАО «Юстицинформ», 2011. – 688 с.
2. Бирюков П. Н. Международное право : учеб. пособие / П. Н. Бирюков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1999. – 249 с.
3. О борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников [Электронный ресурс]: Междунар. конвенция Генер. Ассамблеи ООН, 4 дек. 1989 г. // Официальный сайт ООН. – 2020. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml . – Дата доступа: 25.05.2020.

С. В. ЗИНОВИК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
 Научный руководитель – А. А. Загорнов, кандидат исторических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ: ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ РЕШЕНИЯ

С конца 1980-х гг. Интернет показывает себя как в высшей степени динамичное средство коммуникации, охватывающее неуклонно расширяющуюся аудиторию по всему миру. Разработка все более сложных технологий ведет к формированию Сети поистине глобального масштаба, причем со сравнительно невысокими барьерами для входа. Интернет-технологии легко позволяют людям общаться с почти безграничной аудиторией в условиях относительной анонимности, быстро и эффективно преодолевая государственные границы. Однако следует также признать, что те же технологии, которые способствуют такому общению, могут быть использованы в террористических целях. Использование Интернета в террористических целях как создает проблемы, так и открывает новые возможности в борьбе с терроризмом.

Технологии являются одним из стратегических факторов, способствующих все более широкому использованию Интернета террористическими организациями и их сторонниками для решения широкого круга задач, включая пропаганду, подготовку исполнителей, подстрекательство к совершению актов терроризма, а также сбор и распространение информации в террористических целях [2].

Несмотря на растущее в последние годы международное признание угрозы, которую несет с собой использование террористами Интернета,

в настоящее время не существует универсального инструмента, специально посвященного этому приобретающему все более значительные масштабы направлению террористической деятельности. Кроме того, доступные возможности специализированной подготовки персонала по правовым и практическим аспектам расследования, связанной с использованием Интернета деятельности террористов и судебного преследования за нее весьма ограничены [1].

Для классификации методов, посредством которых Интернет нередко используется для поощрения и поддержки террористических актов, был принят функциональный подход. На основе такого подхода были определены шесть иногда частично перекрывающихся друг друга категорий: пропаганда (в том числе вербовка, радикализация и подстрекательство к терроризму); финансирование; обучение; планирование (в том числе с использованием секретной связи и открытых источников информации); исполнение; а также компьютерные атаки.

Террористами разработан ряд способов использования Интернета для содействия достижению противозаконных целей, однако использование ими Интернета также открывает возможности для сбора разведывательной информации и проведения иных мероприятий, направленных на предотвращение и пресечение террористических актов, а также для сбора доказательств в целях уголовного преследования за совершение таких актов. Значительный объем знаний о функционировании, видах деятельности, а иной раз и об объектах нападения террористических организаций удастся извлечь из сообщений на веб-сайтах, в чатах и других интернет-ресурсах [2].

В то же время в докладе Беларуси для ООН были подчеркнуты следующие национальные проблемы информационной безопасности: недостаточная степень защищенности национального сегмента от DDoS-воздействия, то есть от кибератак, которые позволяют довести до отказа практически любую систему; отсутствие возможности своевременного выявления угроз информационной безопасности; угрозы воздействия злоумышленников на критическую инфраструктуру и объекты информатизации, такие как системы электроснабжения, автоматизированные системы управления производством и транспортом.

Кроме того, чем шире Интернет используется в террористических целях, тем более доступными, соответственно, становятся электронные данные, которые можно подвергать обобщению и анализу в целях борьбы с терроризмом.

Правоохранительные, разведывательные и другие органы разрабатывают все более совершенные инструменты для активного предотвращения, обнаружения и сдерживания террористической деятельности,

связанной с использованием Интернета. Все шире применяются также традиционные методы следствия, такие как выделение специализированных переводческих ресурсов для своевременного выявления потенциальных террористических угроз.

Эффективность Интернета как среды для распространения связанного с актами терроризма контента зависит от наличия доступа к интернет-технологиям как у отправителя соответствующего сообщения, так и у его аудитории. Таким образом, основными способами ограничения воздействия сообщений такого рода являются контроль за доступом к сетевой инфраструктуре, цензурирование интернет-контента или сочетание обоих этих методов.

Создание направленных на противодействие использованию Интернета в террористических целях партнерств между заинтересованными сторонами в государственном и частном секторах может принести немало потенциальных преимуществ. Как правило, среди проблем на пути развития сотрудничества между государственным и частным сектором в области борьбы с киберпреступностью нередко упоминают о недостаточности контактов между правоохранительными органами и провайдерами услуг Интернета по вопросам обеспечения эффективного сбора улик, а также о противоречиях между принципом неприкосновенности частной жизни и необходимостью сохранения данных в правоприменительных целях. Создание форума для ведения официального и неофициального диалога между партнерами из государственного и частного секторов могло бы существенно снизить остроту таких проблем.

Значительный прогресс был достигнут в создании партнерств между государственным и частным сектором по вопросам обеспечения безопасности, связанным с потенциальными террористическими атаками на уязвимые объекты или инфраструктуру либо в связи с предотвращением и уголовным преследованием киберпреступности в целом. Полезным было бы также создание аналогичных государственно-частных партнерств в связи с регулированием использования Интернета в террористических целях.

Проекты партнерства государственного и частного секторов могут также послужить форумом для содействия распространению минимальных стандартов надежного хранения данных заинтересованными сторонами в частном секторе и повышению эффективности каналов связи для предоставления заинтересованными сторонами в частном секторе информации относительно вызывающей подозрения деятельности [1].

Таким образом, на основе вышеизложенной информации можно сделать вывод, что в связи с регулированием использования Интернета в террористических целях полезным было бы создание партнерств между

государственным и частным сектором. Похожие инициативы были с успехом разработаны применительно к другим областям противодействия терроризму и борьбы с киберпреступностью в целом.

Инициативы такого рода ведут к созданию форума для официального и неофициального диалога между партнерами из государственного и частного секторов, а также позволяют осуществлять такие вспомогательные мероприятия, как совместные учебные программы, которые могут содействовать ликвидации барьеров в общении и дальнейшему укреплению доверия и взаимопонимания, а также выработке участвующими членами партнерств единообразной практики борьбы с терроризмом.

Список использованной литературы

1. Доклад конференции высокого уровня Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/sites/www.un.org.counterterrorism.ctitf/files/18-14992-Report-of-the-UN-High-Level-Conference-on-Counter-Terrorism_RU.pdf. – Дата доступа: 17.05.2020.
2. Жаворонкова, Т. В. Использование сети Интернет террористическими и экстремистскими организациями / Т. В. Жаворонкова // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2015. – № 3 (178).

В. О. КЛИМАШЕВСКАЯ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. М. Храмов, кандидат юридических наук, доцент

О ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ХУЛИГАНСТВА

Большое уголовно-правовое значение при совершении хулиганства имеют факультативные признаки субъективной стороны преступления – мотив и цель, требующие обязательного установления правоприменительными органами.

Вопрос о содержании и характере мотива в составе хулиганства до настоящего времени является сложным и спорным, а порою и противоречивым. Неслучайно, рассматривая хулиганство как состав преступления со всеми присущими любому составу объективными признаками, И. Г. Филановский отмечал, что объяснить мотив преступления, всегда являющийся психологической категорией, через

состав, который является юридической конструкцией, представляется невозможным [5].

В науке отечественного уголовного права общепризнанным положением считается то, что хулиганский мотив является доминирующим при совершении хулиганства. В этой связи, по мнению Б. С. Волкова, единственным мотивом в составе хулиганства может быть только мотив, именуемый «хулиганский» [3].

Разумеется, такое категоричное утверждение вряд ли является убедительным и оправданным, так как хулиганский мотив сам по себе достаточно сложен и формируется, как и другие мотивы, на основе интересов и потребностей, социальных условий жизни человека, от психических особенностей личности и его поведения в обществе и т. п. Б. С. Волков не конкретизирует и не раскрывает содержание мотива хулиганства, считая его единственным в этом преступлении.

Хулиганские побуждения, несомненно, следует относить к низменным, поскольку действия, совершаемые вследствие проявления этих побуждений вовне, направлены на причинение вреда охраняемым законом общественным отношениям. Так что же следует понимать под мотивом «хулиганские побуждения» в составе хулиганства? Прежде всего следует отметить, что хулиганские побуждения, как и всякий мотив, – это категория социально-психологическая, субъективная, в основе которой лежат негативные интересы и потребности, оказывающие существенное влияние, как уже ранее было отмечено, на формирование осознанных побуждений.

В целом, как характеризует хулиганские побуждения И. Г. Филановский, они представляют собой интерес «самовыражения» дикаря, который нагло отрицает право и мораль цивилизованного общества и который противопоставляет свои безграничные анархизм и эгоизм общественным устоям [5].

В основе хулиганских побуждений лежат извращенные потребности, стремления, которые удовлетворяются антиобщественным способом. Содержание хулиганского мотива можно выразить как стремление лица в неуважительной форме противопоставить себя обществу, проявить пьяную удаль, а также грубую силу, буйство, жестокость, демонстративное пренебрежение к нормам морали [4].

Об этом свидетельствует и судебная практика по конкретным уголовным делам о хулиганстве. Этому преступлению присущи хулиганские мотивы, в основе которых лежат такие отрицательные качества личности, как низкая культура, наглость, стремление выразить вызывающее и намеренное неуважение к обществу, окружающим людям; недовольство собственной жизнью; желание проявить себя посредством

грубости, буйства, жестокости; игнорирование требований морали, а также правил человеческого общежития.

Судом было установлено, что 21 мая 2019 г. Л. около 18 ч 30 мин., находясь у торговой палатки ООО «Ира», расположенной у дома 30 по пр. Маршала Жукова, умышленно из хулиганских побуждений в присутствии посторонних граждан на почве инициированного им конфликта с незнакомым продавцом, потребовавшим заплатить за взятые с прилавка яблоки, нанес удар ладонью по лицу гражданину Г. Свои действия сопровождал нецензурной бранью.

Через некоторое время около 20 ч 30 мин. в тот же день Л., вернувшись на место преступления, умышленно из хулиганских побуждений нанес удар пустой стеклянной бутылкой из-под пива 0,5 л по голове гражданину Г., используя данный предмет в качестве оружия, причинив потерпевшему ушибленную рану затылочной области, повлекшую кратковременное расстройство здоровья. После этого Л. продолжил свои хулиганские действия. Он перевернул лоток с овощами и фруктами, которые продавал Г., и с места преступления скрылся.

Таким образом, Л. совершил хулиганство, т. е. грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, с применением предметов, используемых в качестве оружия, а также умышленное причинение легкого вреда здоровью.

Вина Л. доказана показаниями потерпевшего Г. и свидетелями в ходе судебного следствия. Подсудимый Л. вину признал в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 339 и ст. 153 УК Республики Беларусь, частично [1].

В данном приговоре указаны хулиганские побуждения, которыми руководствовалось лицо при совершении обоих преступлений. Однако мотив «хулиганские побуждения» судом не раскрыт. Так, например, при совершении хулиганства основу хулиганских побуждений составляли и такие мотивы, как самоутверждение, вседозволенность, показать себя хозяином данной территории, бравада перед своими сверстниками, показать свое «Я», противопоставить себя окружающим.

Во втором преступлении наряду с хулиганским мотивом имеет место и мотив мести за сделанное замечание прекратить хулиганские действия и требование заплатить за взятый товар и др.

Анализ специальной литературы и судебно-следственной практики свидетельствует о том, что хулиганские побуждения в своей основе содержат наиболее часто встречающиеся мотивы: показать свою пьяную удаль; противопоставить себя окружающим и обществу; озорство; пренебрежение к общепринятым нормам и правилам поведения; эгоизм; продемонстрировать грубую силу; стремление удовлетворить

извращенные потребности; показать свое «превосходство» над другими, буйство, бесчинство и т. п. [1; 5].

Однако при совершении хулиганства, как и других преступлений, наряду с основными мотивами могут иметь место и сопутствующие, которые играют второстепенную роль, например месть, ревность, личные неприязненные отношения (например, к соседу по дому, по квартире), злоба, ненависть и др. В данном случае речь идет о так называемой конкуренции, или борьбе мотивов, которые имеют значение для правильной квалификации преступлений.

В этой связи следует отметить, что сложность раскрытия хулиганских побуждений в значительной степени затрудняет решение вопросов уголовной ответственности и квалификации самого преступного деяния. При совершении деяний, менее опасных, чем хулиганство, как справедливо отмечал Б. В. Волженкин, именно наличие хулиганского мотива (хулиганских побуждений) обычно позволяло рассматривать данное деяние как хулиганство [2, с. 18].

Таким образом, факультативными признаками субъективной стороны являются хулиганский мотив и цель – демонстрация своего превосходства в обществе. Мотивы и цели хулиганства не только оказывают непосредственное влияние на квалификацию деяния, но и тесно связаны с назначением уголовного наказания за данное преступление.

Список использованной литературы

1. Архив судов общей юрисдикции по преступлениям, предусмотренным ст. 339 УК Республики Беларусь за 2019 год.
2. Волженкин, Б. В. Уголовное право : учеб.-метод. пособие / Б. В. Воложенким. – Минск, 2007. – С. 18.
3. Волков, Б. С. Мотив и квалификация преступлений : учеб.-метод. пособие / Б. С. Волков. – Казань. – С. 153.
4. Шилин, Д. В. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Преступления против общественного порядка и общественной нравственности (статьи 339–342, 344–348) [Электронный ресурс] / Д. В. Шилин // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Филановский, И. Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. Г. Филановский. – Минск, 2013. – С. 72.

В. О. КЛИМАСHEVСКАЯ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. М. Храмов, кандидат юридических наук, доцент

**СООТНОШЕНИЕ ХУЛИГАНСКОГО МОТИВА
И ХУЛИГАНСКОГО ПОБУЖДЕНИЯ**

В теории уголовного права имеются различные точки зрения по поводу значения мотива в составе преступления хулиганства, а также в составе преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений. Так, С. В. Борисов считает, что хулиганство не требует для своего состава определенного мотива. Совершая хулиганский поступок, виновный якобы может руководствоваться различными мотивами: ревностью, местью, озорством и др. [1].

Однако такая позиция вызывает серьезные возражения. Во-первых, она не соответствует действительной сущности и юридической природе хулиганства. Мотив в данном составе преступлений является центральным ядром, необходимым свойством, первоосновой, неперенным психологическим стимулом при формировании умысла виновного на совершение хулиганских действий. В качестве обязательного признака, имеющего важное значение для квалификации преступления, анализируемый состав включает определенный мотив, который является основным критерием отграничения хулиганства от смежных составов преступлений. Выражение «явное неуважение к обществу», содержащееся в ст. 339 Уголовного кодекса Республики Беларусь, не только характеризует объективную сторону хулиганских действий, но и косвенным образом свидетельствует о необходимости определенного мотива в этом составе. Во-вторых, отрицание мотива как обязательного признака ведет к неосновательному расширению понятия хулиганства, к стиранию границ между ним и другими сходными преступлениями, а также порождает необоснованность выделения хулиганства в качестве самостоятельного состава.

Большинство ученых придерживаются другой точки зрения. Они видят в мотиве обязательный признак хулиганства. Но среди них нет единства относительно содержания мотивов хулиганских действий. Некоторые авторы, такие как М. И. Бажанов, В. И. Ткаченко, Г. Б. Виттенберг, Е. А. Андрусенко, придерживаются мнения, что мотивы хулиганства сводятся только к озорству.

Мы считаем, что озорство действительно является мотивом хулиганства, но не единственным, а лишь одним из многих мотивов этого преступления. Ведь если свести мотивы хулиганства только к одному

озорству, то значительно приуменьшится общественная опасность преступления и не удастся до конца раскрыть его субъективные признаки.

Под мотивом хулиганства понимаются определенные антиобщественные побуждения, неуважение к обществу, пренебрежительное отношение к установленному в обществе порядку и т. д. Следует отметить, что все эти побуждения составляют единый мотив – хулиганский, который отличается сложным, составным характером.

Хулиганские побуждения – это совокупность хулиганских мотивов, низменных мотивов, которые вызывают у лица решимость грубо нарушить общественный порядок и выразить явное неуважение к обществу. Несомненно, мотивы хулиганства резко отличаются от обычных, общепонятных мотивов преступления: в ряде случаев они носят вздорный, просто нелепый характер, что и порождает на первый взгляд впечатление о безмотивности рассматриваемых составов преступления. В литературе нередко встречается термин «безмотивность», который представляет собой типичный случай проявления хулиганства (например, виновный ударил ножом без причины первого встречного) [2].

В таком случае речь идет об отсутствии повода, то есть какого-то внешнего фактора, возможно, случайного обстоятельства, подтолкнувшего виновного к совершению преступления, но не о том, что нет мотива. Очевидно, что стимулом, побуждением к совершению преступления может быть одно, основанием для виновного – другое, а поводом – третье. Например, гражданин А., находясь в магазине в нетрезвом состоянии, ударил сделавшего ему замечание гражданина Б. Возникает вопрос, что же считать здесь мотивом: хулиганские побуждения в виде неуважения к обществу, нежелание подчиняться установленным нормам поведения, объяснение гражданина А. о том, что замечание, сделанное гражданином Б., он воспринял как оскорбительное, или его самооправдывающие слова в суде «был пьян и ничего не помню»? Хулиганские мотивы достаточно своеобразны, но это не дает оснований вовсе отрицать их [3].

Хулиганские побуждения в качестве мотива совершения преступления часто определяются как неуважение к обществу [4]. Нельзя не отметить, что при их формировании имеют или могут иметь значение и другие чувства (эмоции), которых в психологии насчитывается свыше ста видов. В частности, при формировании хулиганских побуждений могут иметь значение злоба, досада, зависть, тщеславие, самомнение, месть, негативизм, безнаказанность и др. Кроме чувств, могут иметь значение и определенные антиобщественные интересы личности, например эгоистические, а также аморальные взгляды и убеждения, выражающиеся в расхлябанности, недисциплинированности, нечестном отношении к служебным обязанностям. Мотивы хулиганства могут заключаться

в «снятии», «выплескивании» накопившейся злобы совсем по другим причинам. Следовательно, хулиганские побуждения можно рассматривать как совокупность антиобщественных чувств, взглядов, убеждений, привычек, обуславливающих неуважение к обществу, нежелание считаться с установленными правилами поведения, стремление явно и грубо выразить свое превосходство над окружающими.

Хулиганские мотивы, безусловно, своеобразны, но это не дает оснований вовсе отрицать их существование. Мотивами хулиганских действий могут выступать такие, как «стремление лица в неуважительной форме противопоставить себя обществу, проявить пьяную удаль, грубую силу, жестокость, демонстративное пренебрежение нормами поведения, морали», показать свое пренебрежение к окружающим, противопоставить свое поведение общественному порядку, показать пренебрежение к личному достоинству человека и его труду, к иным охраняемым правом благам, интересам граждан, стремление проявить бесчинство, показать свою «смелость», поиздеваться над беззащитным, обнаружить свое «превосходство» над другими гражданами, проявить «свою натуру» и другие подобные низменные стремления [5].

Таким образом, совершение любого преступления из хулиганских побуждений может сводиться не к одному какому-либо мотиву, а к множеству, гамме мотивов, неполный перечень которых приведен выше. В некоторых хулиганских проявлениях они выступают отдельно, обособленно друг от друга, но чаще всего встречаются в определенном сочетании, во взаимодействии друг с другом. Зачастую бывает так, что наличие хулиганских мотивов не исключает других мотивов, например гнева, ревности, мести, корысти и т. п., которые чаще всего при совершении преступлений из хулиганских побуждений выступают в качестве отдельных побудительных мотивов к действию, впоследствии перерастая в хулиганские мотивы.

Особенность хулиганских побуждений и совершенных на их основе хулиганских действий заключается в том, что эти побуждения формируются под влиянием непосредственной ситуации. И в этом случае индивидуально-психологические особенности личности могут сыграть решающую роль в ее поведении и совершении общественно опасных действий.

Список использованной литературы

1. Борисов, С. В. Мотив хулиганства: понятие, вопросы квалификации. Московский университет МВД РФ. Актуальные проблемы уголовного права / С. В. Борисов. – М., 2004. – С. 46.

2. Власов, В. П. Мотивы, цели и умысел при совершении хулиганских действий / В. П. Власов // *Вопр. борьбы с преступностью.* – М., 2010 – С. 122.

3. Архив судов общей юрисдикции по преступлениям, предусмотренным ст. 339 УК Республики Беларусь за 2019 год.

4. Харaziшвили, Б. В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве / Б. В. Харaziшвили. – Тбилиси, 1963 – С. 116.

5. Шилин, Д. В. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Преступления против общественного порядка и общественной нравственности (статьи 339–342, 344–348) [Электронный ресурс] / Д. В. Шилин // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Н. И. КУЛЬКИНА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. И. Забейворота, доктор юридических наук, профессор

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ

В. А. Глушков предлагает в качестве объекта выделять «общественное здоровье», под которым он понимает не только совокупность характеристик и признаков индивидуального здоровья, но и интеграцию социально-экономических черт, делающих его жизненно необходимой частью того социального организма, каким является общество.

Видовым объектом преступлений против жизни и здоровья являются общественные отношения в области здравоохранения в соответствии с принципами государственности, доступности и квалифицированности оказания медицинской помощи, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, установленным порядком оказания лекарственной помощи.

Объективная сторона преступления, совершаемого медицинским работником, – это акт его внешнего поведения, выражающийся в общественно опасном посягательстве на охраняемый уголовным законом объект. Для наступления уголовной ответственности необходимо, чтобы медицинский работник совершил преступление, ответственность не может наступить за мысли и желания.

Объективная сторона преступления, совершаемого медицинским работником, включает в себе три основных признака: деяние (действие

или бездействие), преступное последствие и причинную связь между ними. Объективная сторона преступлений медицинских работников может быть выражена в форме только действия (аборт, подделка документов) или бездействия (нарушение правил по борьбе с эпидемиями, обращения с ядовитыми, сильнодействующими и наркотическими веществами) либо только бездействия (неоказание помощи больному).

Любое преступное деяние медицинского работника посягает на охраняемые уголовным законом общественные отношения, причиняя им вред, который в юридической литературе называется преступным посягательством. В зависимости от наступивших последствий определяется уголовная ответственность за данное преступление, если такая предусмотрена УК Республики Беларусь и если преступление не будет признано малозначительным для квалификации по уголовному законодательству. Так, проанализировав нормы действующего УК Республики Беларусь, можно увидеть, что в первых частях статей предусмотрены деяния без наступления вредных последствий, а в частях вторых или третьих статей установлена повышенная ответственность. Несмотря на зависимость квалификации от последствий, есть составы, для которых необязательно наступление преступных последствий. Важен сам факт совершения преступных действий.

Причинная связь – это объективная категория, не зависящая от воли и сознания субъекта. Причинная связь и вина – две одинаково необходимые предпосылки уголовной ответственности. Эти два понятия находятся друг с другом в тесной внутренней связи, которая не переходит в их тождество, а является единством двух сторон одного и того же явления.

Связь между причинной связью и виной устанавливается прежде всего тем, что общественно опасный поступок должен вытекать из психического состояния лица.

По мнению Я. М. Брайнина, из всех трех элементов причинной связи уголовно правовое значение может иметь только деятельность человека, вызвавшая наступление вредного последствия. Последствия человеческой деятельности могут быть причинно связаны с ней и при отсутствии вины в деянии лица, как, например, при необходимой обороне. Из этого следует, что понятие причинной связи в уголовном праве не ставит условием, чтобы деятельность человека как причина во всех случаях была связана с наступившим результатом исключительно виной.

Такие ситуации возникают при рассмотрении проблемы врачебной ошибки в условиях действия обоснованного риска.

Большое теоретическое и практическое значение для квалификации преступления, совершаемого медицинским работником, имеет установление

причинной связи между общественно опасным деянием медицинского работника и наступившими в результате этого последствиями. Подтверждением этого служит следующий пример. Больному с послеоперационным перитонитом было перелито 100,0 мл иногруппной крови, по поводу чего родственники умершего требовали привлечь к уголовной ответственности врача, перелившего иногруппную кровь. Когда диспозиция уголовно-правовой нормы предусматривает наступление общественно опасных последствий, то необходимо установить причинно-следственную связь. Однако смерть наступила от перитонита, в связи с чем непосредственной причинной связи между переливанием крови и смертью больного следственные органы и суд не установили, а поэтому уголовное дело по отношению к врачу, перелившему иногруппную кровь, было прекращено.

Прежде чем решать вопрос о причинной связи между действием (бездействием) медицинского работника и неблагоприятным исходом, необходимо установить непосредственную причину смерти или существенного ущерба здоровью больного.

Установление причинной связи объективной стороны преступлений в области здравоохранения представляет определенную сложность. Поэтому при расследовании такого правонарушения необходимо проведение высококвалифицированной медицинской экспертизы. В преступлениях, совершаемых медицинскими работниками, нередко встречается случайная связь между деяниями и наступившими последствиями. Ошибка в установлении причинной связи ведет к необоснованному осуждению.

Таким образом, объективная сторона преступления включает в себя деяние, преступное последствие и причинную связь между ними. Объективная сторона преступлений, совершаемых медицинскими работниками, характеризуется совершением только действия или бездействия и совершением только бездействия. Специфика рассматриваемых составов преступлений заключается в наличии составов, для которых не обязательно наступление негативных последствий, а важен сам факт совершения преступного деяния. Сложности расследования медицинских преступлений заключаются в установлении причинных связей между действием или бездействием и наступившим преступным последствием. Ненадлежащее установление таких связей может привести к незаконному осуждению невиновного лица либо безнаказанности виновных лиц.

С. Ю. ЛАВОРЕНКО

Витебск, Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Т. Ф. Дмитриева, кандидат юридических
наук, доцент

**СОВРЕМЕННЫЕ ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ В ХОДЕ ОБЫСКА**

В современных условиях большая часть возможностей, которые были не использованы, для успешного проведения обыска: непривлечение специалиста, неприменение технико-криминалистических средств, наличие большого промежутка времени между совершенным преступлением и проведением обыска – падает на сферу развития профессиональных качеств субъектов, проводящих обыск [2, с. 181].

Следователь, являясь ведущим звеном системы обыска, применяет в ходе данного действия различные достижения криминалистической науки, технико-криминалистические средства, а также методические рекомендации. При этом границы, в которых реализуются возможности имеющихся криминалистических средств и методов, определяются преимущественно ресурсами личности следователя. Следовательно, недостаток профессиональных качеств могут перечеркнуть все результаты и достижения при расследовании преступлений.

Недостающий уровень профессионализма следователей, неумение использовать теоретический опыт криминалистики, а также возможности криминалистической техники показывают сведения учёных-криминалистов. Эти сведения подтверждают А. Г. Гульянц и результаты следственной практики [1, л. 154].

Вышеизложенная позиция подтверждается данными, проведенными А. Г. Гульянцем среди следственных работников, работников органов дознания и экспертов. Согласно исследованию, все опрошенные (100 %) отметили прямую обусловленность результативности обыска от субъективных качеств личности и первостепенно от наличия специальных знаний [1, с. 155].

Общее мнение ученых, которые исследовали проблему повышения качества обыска, сводится к тому, что первостепенным условием достижения эффективности является рост личностного потенциала следователя. Поэтому стоит выделить некоторые пути повышения профессионализма в отдельные основные направления:

1) улучшение уровня специальных криминалистических знаний и умений в пределах академической подготовки и развитие полученных навыков при повышении квалификации;

2) поручение проведения обыска субъектам, которые обладают нужным уровнем профессионализма;

3) технологизация проведения обыска путем применения научно-технических достижений, которые, в свою очередь, открывают принципиально новые границы повышения эффективности и результативности расследования.

Современная ситуация в области борьбы с преступностью, как правило, отличается, с одной стороны, немислимимым ростом преступных явлений, а с другой – дефицитным состоянием следствия в форме недостатка субъектов и небольшого уровня их подготовки.

Для преодоления данного диссонанса требуется применение средств и методов, которые в силе обеспечить решение данного противоречия на должном новом уровне в достаточно короткие сроки. То есть существенно улучшить личностный рост следователей, которые не обладают должным академическим потенциалом и опытом. Исследование потенциала традиционного учебного процесса свидетельствует о том, что возможности его вклада в изменение ситуации весьма ограничены.

Выявленные проблемы приводят к следующим путям совершенствования данной деятельности.

Во-первых, совершенствование уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, а именно закрепление ответственности для специалистов за отказ или уклонение от выполнения своих обязанностей, а также за дачу ложных пояснений, которые, в свою очередь, повлекли или могли повлечь утрату доказательств.

Во-вторых, создание единой компьютерной базы, которая включала бы в себя комплекс криминалистических знаний по теме «Криминалистическое обеспечение обыска», то есть необходима различного рода информация: 1) обучающая информация, которая поможет следователям, специалистам закрепить полученные знания, умения и навыки проведения обыска; 2) справочная информация, которая хранит в себе важные сведения, необходимые для проведения обыска; 3) методическая информация, которая располагает сведениями об осуществлении конкретных стадий обыска; 4) прогнозируемая информация, носит вспомогательный характер; 5) аналитическая информация, включающая в себя воздействие криминогенных факторов, которые влияют на процесс проведения обыска.

В-третьих, разработка рекомендаций и пособий по применению технико-криминалистических средств в ходе обыска с использованием их сотрудниками следственных органов, которые, в свою очередь, являются

важной информационной составляющей методического компонента обыска; сюда следует отнести: 1) методические рекомендации по усовершенствованию практики по привлечению специалистов к участию в проведении обыска; 2) методические рекомендации по усовершенствованию криминалистического обеспечения обыска; 3) методические рекомендации по совершенствованию практики по применению технико-криминалистических средств при проведении обыска.

В-четвертых, расширение перечня видов обысков в уголовном процессе с последующим установлением условий допустимости вторжения правоохранительных органов в сферу частных интересов. При этом: 1) разделение обыска и выемки как отдельные следственные действия, а также увеличение перечня объектов, которые подлежат выемке; 2) разделение компетенций органов дознания, предварительного следствия при проведении данного следственного действия; 3) законодательное закрепление приоритета права на неприкосновенность жилища, приоритета тайны частной жизни, коммерческой тайны и т. д.

В-пятых, целесообразно классифицировать всех участников обыска в соответствии с их процессуальным статусом и интересами. Необходимо закрепить в законе права и обязанности лица, у которого проводится обыск, даже если у него отсутствует процессуальный статус, что позволит ему четко и эффективно защищать свои законные интересы.

Подводя итог вышесказанному, стоит подчеркнуть, что только комплексный подход к применению научных разработок, приемов, технических средств, привлечение к участию в следственных действиях специалистов необходимых областей помогут привести к повышению эффективности поискового действия. Но, в некоторой степени, результативность обыска зависит от следователя или лица, производящего дознание, от личностных качеств и установок данных лиц, их психологических качеств и организованности при управлении ходом рассматриваемого следственного действия. И при соблюдении обозначенных процессуальных особенностей, вроде бы, не имеющих отношения к качеству проведения обыска, но которые могут повлечь нарушение процедуры, предусмотренной для рассматриваемого следственного действия, что перечеркивает все полученные результаты.

Список использованной литературы

1. Гульянц, А. Г. Основные направления повышения эффективности осмотра места происшествия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. Г. Гульянц; РГБ ОД. – М., 2005. – 210 л.

2. Лаворенко, С. Ю. Проблемы и особенности технико-, тактико-криминалистического обеспечения обыска и выемки при расследовании

преступлений против собственности / С. Ю. Лаворенко // Конституционализм и власть в России: история, современные проблемы и перспективы : сб. материалов V Всерос. студенч. науч.-практ. конф., Иркутск, 12 дек. 2019 г. – С. 180–184.

Д. О. МАЗУРЦОВА

Витебск, Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Е. Ф. Ивашкевич, кандидат педагогических наук, доцент

**МОДЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СНГ В ОБЛАСТИ
БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

В рамках модельного законодательства СНГ предлагаются способы решения коллизионных вопросов правового регулирования онлайн-среды на региональном уровне. Модельный закон представляет собой нормативно-правовые акты рекомендательного характера, содержащий общие нормы и дающий правовую ориентацию для национального законодательства, положительной чертой является наличие детализированных понятийных аппаратов, что в значительной степени упрощает работу национальному законодателю и правоприменителю.

Одним из основополагающих документов СНГ в сфере информационной безопасности является модельный Информационный кодекс 2012 г., среди целей которого закреплены защита прав и свобод человека и прав юридических лиц в информационной сфере, обеспечение состояния информационной защищенности человека, общества и государства, снабжение информационного рынка товаров и услуг правовыми регуляторами, создание основ для построения слаженно функционирующего информационного общества. В кодексе закреплены такие негативные явления, как адресный спам (массовая рассылка однотипных сообщений без согласия получателя), поисковой спам (манипуляторное использование поисковых площадок Интернета с целью дезинформирования пользователей), в противовес которым определены основополагающие принципы информационного законодательства: достоверность и полнота информации, баланс прав и законных интересов человека и общества, минимизация пагубного информационного воздействия, запрет несанкционированного распространения информации и др. Модельный кодекс предусматривает защиту информационных прав

человека, к которым относятся все права, связанные со свободным использованием, созданием, распространением, поиском, хранением информации в рамках закона, предусматриваются функции и обязанности государств по их обеспечению и защите. Ст. 38 кодекса предусматривает взаимное сотрудничество государственных органов, а также с общественными объединениями для наиболее эффективного противодействия незаконному распространению информации в интернет-среде. Отдельная глава посвящена противодействию обороту информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию, однако положения статей являются общими и в качестве основного критерия рассматривают возрастное ограничение, что вызывает затруднение при попытке применить их к некоторым новым видам противоправных деяний в онлайн-пространстве (переписка с несовершеннолетними интимного или экстремистского характера, открытое размещение на киберплощадках призывов к немотивированному отказу от вакцинации, кибербуллинг, др.). Раздел VI документа посвящен оказанию государственных и муниципальных услуг в электронном виде через специальные сайты в интернет-пространстве, которые должны содержать сведения о деятельности госорганов, судебной практике, что должно облегчить доступ граждан к информации, касающейся управленческого аппарата. Раздел VII вкратце посвящен системе электронных платежей [2].

В области борьбы с киберпреступлениями стоит отметить внесение изменений в модельный Уголовный кодекс в 2015 г. по вопросам борьбы с преступлениями в информационной сфере. Новая редакция кодекса не предусматривает включения новых статей и видов преступлений, однако добавляет новые составы уже существующих преступлений, облегчая правоприменителю борьбу с киберпреступностью. В качестве последних пунктов к статьям добавили оговорку «те же действия с использованием компьютерных устройств или Сети», а также расширили перечень технических средств, которые могут быть использованы злоумышленниками, что привело к признанию в качестве киберпреступлений таких противоправных деяний, как незаконный сбор и распространение персональных данных, коммерческой информации, нарушение тайны переписки и иных сообщений, незаконное ограничение доступа к информации в Интернете, вовлечение в преступления террористического или экстремистского характера посредством использования сетевых площадок, разжигание вражды в онлайн-пространстве, оскорбление представителя власти в Сети и др. [1].

В 2016 г. для использования в национальном законодательстве государствам – участникам СНГ была предложена новая редакция модельного Закона «Об основах регулирования Интернета», в качестве

принципов которого были закреплены обеспечение прав и свобод граждан, тайны частной жизни, любое ограничение доступа к Интернету и содержащейся на его площадках информации только законным путем, обеспечение государственной безопасности и др. Одним из принципов названо право граждан требовать от операторов удаления устаревшей или ложной информации персонального характера, что подразумевает обеспечение права на забвение как сравнительно нового явления в сфере информационных прав человека. В качестве обязательств государств в области регулирования онлайн-пространства документ предусматривает поощрение и поддержку развития Интернета, обеспечение равного доступа к Сети, содействие развитию киберрынка, ограничение доступа к Интернету в целом или его отдельным сегментам только при наличии обоснованной и веской причины, создание специального законодательства для наиболее полного обеспечения кибербезопасности. Сетевые операторы, в свою очередь, должны оказывать всестороннюю поддержку государству в формировании основ регулирования онлайн-пространства и в области обеспечения состояния киберзащищенности, общественные организации – осуществлять контроль за применяемыми государством мерами, проводить экспертизу разрабатываемых или действующих нормативно-правовых актов в данной сфере, оказывать посильную помощь при решении задач обеспечения равного доступа граждан к сети Интернет. В данном законе отмечается важность международного сотрудничества и обмена опытом по вопросам эффективного законодательства и контроля в отношении онлайн-среды, освещаются коллизии относительно юридически значимых действий, совершаемых с использованием преимуществ Сети (подобные действия идут в привязке с реальным местонахождением лица). К сожалению, в документе в формулировках делается исключительный акцент на правах именно граждан и не оговариваются права и свободы человека, которые вслед за значительной частью жизни общества переходят в онлайн-режим. Данный модельный закон содержит в основном технические аспекты законодательного процесса, являясь сводом общих правил, не конкретизирующим правовые коллизии в онлайн-пространстве.

Таким образом, модельное законодательство СНГ содержит ряд прогрессивных способов противодействия угрозам кибербезопасности, однако оно в некоторых аспектах является слишком общим. Кроме прочего, оно не является обязательным для государств-участников, в связи с чем не все страны взяли его за основу, что частично минимизирует положительное влияние нормотворчества СНГ на национальное законодательство. Модельное законодательство во многом ориентировано на регулирование непосредственно информационного пространства,

частью которого выступает онлайн-среда, что затрудняет решение правовых коллизий, возникающих ввиду особенностей непосредственно киберпространства, в связи с чем назревает необходимость создания, помимо приведенного закона, ряда иных специальных нормативно-правовых актов для закрепления детальных принципов правоотношений в сети Интернет.

Список использованной литературы

1. Изменения в модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ по вопросам борьбы с преступлениями в информационной сфере [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 27 нояб. 2015 г., № 43-16. – Режим доступа: https://iacis.ru/upload/iblock/5a0/prilozhenie_k_postanovleniyu_43_16.pdf. – Дата доступа: 22.11.2019.

2. О модельном Информационном кодексе для государств – участников СНГ [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ, 23 нояб. 2012 г., № 38-6. – Режим доступа: <https://iacis.ru/upload/iblock/93a/mik2012.pdf>. – Дата доступа: 20.11.2019.

Д. В. ПЛОСКУНОВ

Минск, Белорусский государственный экономический университет
Научный руководитель – Т. В. Телятицкая, кандидат юридических наук, доцент

ОСНОВАНИЯ ПРИНЕСЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ПРОТЕСТА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Наряду с иными инструментами прокурорского надзора в административном процессе протест прокурора выступает в качестве средства обеспечения законного разрешения дела об административном правонарушении, а также соблюдения законодательства при исполнении административных взысканий. Однако здесь обнаруживается ряд особенностей.

Специалисты в области административного процесса отмечают, что Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИК^оАП) обладает большей юридической силой по отношению к обычным законам. В связи с этим устранение нарушений процессуально-исполнительного законодательства об административных правонарушениях должно осуществляться с исполь-

зованием только указанных в ПИКоАП полномочий [1, с. 43]. Вместе с тем анализ положений ПИКоАП, в том числе проекта его новой редакции, свидетельствует о наличии определенного правового вакуума по вопросу реагирования прокурора на нарушение законности при обращении постановления по делу об административном правонарушении к исполнению и его исполнению. В силу ст. 2.16 проекта новой редакции ПИКоАП прокурор вправе истребовать дело, приостановить исполнение вступившего в законную силу постановления по делу (кроме ареста и депортации), опротестовать его, отменить постановление о наложении взыскания, вынесенное при ускоренном порядке административного процесса (в значении гл. 10 проекта), освободить незаконно задержанного. Проектом этой статьи не предусмотрены меры прокурорского реагирования на нарушения законодательства судом, органом, ведущим административный процесс, при обращении к исполнению постановления о наложении административного взыскания и его исполнении. Ст. 16.6 проекта ПИКоАП по-прежнему не содержит конкретных надзорных полномочий прокурора в отношении органов, исполняющих административные взыскания. Положения ст. 16.1 проекта ПИКоАП устанавливают, что в состав законодательства об исполнении административных взысканий, помимо ПИКоАП, включаются и иные акты законодательства, что позволяет прокурору реализовывать на этой стадии предусмотренные ими полномочия (например, опротестование постановлений и действий (бездействия) судебного исполнителя по Закону Республики Беларусь «Об исполнительном производстве», правовых актов, решений и действий иных органов, исполняющих взыскания, по Закону Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь»), однако не отвечает существу ПИКоАП как системообразующего нормативного правового акта, обеспечивающего наиболее полное регулирование определенной сферы общественных отношений.

Анализ проекта ПИКоАП и Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве» свидетельствует о том, что основания для опротестования непосредственно в них не закреплены, но они вытекают из норм, устанавливающих основания к отмене или изменению постановления по делу об административном правонарушении и полномочия руководителя органа принудительного исполнения по протесту (жалобе). Так, не вступившее или вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении может быть отменено в случае одностороннего, неполного и необъективного исследования обстоятельств административного правонарушения (то есть неполноты познавательной деятельности суда, органа, ведущего административный процесс), либо при существенном нарушении ПИКоАП,

либо неправильном применении норм, устанавливающих административную ответственность.

Например, по протесту прокуратуры Брестской области суд прекратил дело об административном правонарушении в отношении работника коммунального предприятия за отсутствием в его деянии состава административного правонарушения. Как установлено, финансовый отдел райисполкома привлек его к ответственности за нарушение порядка закупок за счет собственных средств, установленного локальным актом этого предприятия. Однако он нормативным правовым актом не является, а законодательство, за нарушение которого предусмотрена ответственность, не распространяет свое действие на единичную сделку на сумму, на которую производилась закупка [2, с. 53].

В свою очередь, несоответствие назначенного административного взыскания тяжести совершенного правонарушения является основанием к отмене или изменению постановления по делу об административном правонарушении. Согласно п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30.09.2011 № 6 «О практике рассмотрения судами жалоб (протестов) на постановления по делам об административных правонарушениях» результатом изменения постановления по делу не может быть усиление взыскания. В случае его мягкости постановление по делу об административном правонарушении подлежит отмене, а дело – направлению на новое рассмотрение.

Упрощенный порядок опротестования установлен в отношении постановления о наложении административного взыскания за совершение правонарушения, зафиксированного работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами (по проекту новой редакции ПИК_оАП – и в отношении постановления об освобождении от административной ответственности с вынесением предупреждения или начислением штрафных баллов). В таком случае, независимо от доводов протеста, его поступление в подразделение ГАИ влечет утрату постановлением силы в день получения протеста. При этом в силу п. 11 ч. 2 ст. 2.16 проекта ПИК_оАП прокурор вправе также отменить постановление о наложении взыскания, вынесенное в таком порядке, поэтому данная норма нуждается в согласовании с ч. 7 ст. 10.4 проекта ПИК_оАП.

При исполнении административного взыскания прокуратурой оценивается порядок и условия его исполнения компетентными органами, а невыполнение установленных обязанностей лицом, подвергнутому административному взысканию, в ряде случаев влечет ответственность (в том числе административную) за новое деяние. Поэтому в сравнении с проектом ПИК_оАП предмет прокурорского надзора по Закону Республики

Беларусь «Об исполнительном производстве» характеризуется более узкими рамками, в пределах которых оценивается соответствие правовых актов и действий (бездействия) судебных исполнителей формальным требованиям процессуального законодательства, включая их обоснованность. В протесте прокурором может ставиться вопрос об отмене постановления судебного исполнителя и (или) признании его действий (бездействия) незаконными. К примеру, по протесту прокуратуры Витебской области отменено постановление судебного исполнителя о возвращении взыскателю (органу, вынесшему постановление о наложении административного взыскания) исполнительного документа о взыскании штрафа в связи с его отказом принять в счет погашения взыскания нереализованное имущество лица, привлеченного к ответственности. Основанием опротестования послужило то, что возвращение исполнительных документов о взыскании сумм в доход государства не допускается [3, с. 18–26].

Основания для принесения протеста в порядке, установленном Законом Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь», определены в ст. 39 названного закона. К ним относятся несоответствие законодательству правового акта, решения или совершаемого действия. Это означает, что согласно данному закону пределы опротестования также ограничены соответствием опротестовываемых акта, решения либо действия формальным требованиям.

Таким образом, опротестование прокуратурой постановления по делу об административном правонарушении, в отличие от принесения протеста в рамках прокурорского надзора при обращении такого постановления к исполнению и его исполнению, ориентировано на оценку не только правильности применения компетентным органом положений нормативных правовых актов, но и его познавательной деятельности при разрешении дела. Для полноты правового регулирования ПИК_оАП административно-процессуальных отношений полагаем необходимым закрепить в нем право принесения прокурором протеста также на действия и решения уполномоченных органов при обращении к исполнению и исполнению постановления по делу об административном правонарушении.

Список использованной литературы

1. Белокопытов, В. В. Прокурорский надзор за исполнением законов при ведении административного процесса : рук. для прокуроров / В. В. Белокопытов, А. С. Сенько. – Минск : Белорус. Дом печати, 2018. – 224 с.
2. Бильдейко, А. Административная ответственность за нарушения законодательства о закупках за счет собственных средств: проблемы

правоприменения / А. Бильдейко // Законность и правопорядок. – 2020. – № 1 (53). – С. 52–57.

3. Архив прокуратуры Витебской области за 2020 г. – Д. 1700-09д. Т. 1.

Г. Э. РОЛЬЯНОВ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. З. Шалаева, кандидат юридических наук,
доцент

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ КОРПОРАТИВНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В Республике Беларусь индивидуальные предприниматели подлежат уголовной ответственности как физическое лицо при совершении преступлений против порядка осуществления экономической деятельности, если такое деяние прямо предусмотрено статьей Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь). За преступления, совершенные юридическим лицом, уголовной ответственности подлежит должностное лицо юридического лица. Однако следует отметить, что Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) в качестве субъектов правонарушений предусматривает физических лиц, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, о чем свидетельствует персональная градация ответственности каждого из них, указанная в санкциях отдельных статей КоАП Республики Беларусь. Кроме того, в ст. 3.5 КоАП отдельно разъяснена вина юридического лица, в ч. 2 ст. 6.2 КоАП указано, какие виды административных взысканий могут применяться в отношении юридических лиц. УК Республики Беларусь, соответственно, таких положений не содержит, поскольку законодатель выделяет субъектом уголовной ответственности исключительно физическое лицо.

В нашей стране сложилась ситуация, когда **de jure** (*признание полное и окончательное*) корпоративной уголовной ответственности не существует. Но **de facto** (*признание официальное, но неполное*) юридическими лицами и иными коллективными образованиями совершаются деяния, которые по характеру и степени общественной опасности соответствуют преступлениям. Кроме того, вред, причиняемый деятельностью юридического лица, как правило, значительно превышает вред, который может быть причинен отдельным физическим лицом [3, с. 289].

Проблема также состоит в том, что основной доход получает собственник юридического лица, а действующее законодательство бремя ответственности возлагает на руководителя предприятия. Уголовная ответственность должна наступать в отношении как юридических, так и физических лиц.

Нюрнбергский трибунал признал, что государства и организации могут быть субъектами преступлений. Ст. 26 Конвенции ООН «Против коррупции» (заключена в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г.) и ст. 10 Конвенции ООН «Против транснациональной организованной преступности» (заключена в г. Палермо 15.11.2000 г.) определяют, что ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной [3, с. 290].

В уголовных законах многих стран (Австралии, Великобритании, Польши, США и др.) в качестве субъекта уголовной ответственности определено не только физическое, но и юридическое лицо. Действующий УК Франции 1992 г. допускает ответственность юридических лиц как исполнителя преступного деяния за неоконченную преступную деятельность и за соучастие в преступлении (ст. 12.4–12.17). УК Испании предусматривает солидарную ответственность юридического лица за выплату уголовного штрафа, наложенного на руководителя или представителя юридического лица, если последние при совершении преступления действовали от имени и в пользу такого лица.

Таким образом, имеются объективные и правовые предпосылки для введения в уголовный закон института уголовной ответственности юридических лиц. Следует выработать условия наступления такой ответственности, определить составы преступлений, за которые юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности, а также разработать систему наказаний для юридических лиц как субъектов уголовной ответственности.

Привлечение юридических лиц к уголовной ответственности целесообразно по ст. 233 «Предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии)» УК Республики Беларусь, а также ст. 243 «Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов» УК Республики Беларусь.

Необходимо отметить, что кардинальным изменением в уголовной политике белорусского государства, связанной со сферой экономических отношений, послужил Закон Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» от 9 января 2019 г. № 171-З (далее – Закон № 171-З), вступил в силу 19 июля 2019 г. Путем изложения в новой редакции ст. 233 УК Республики Беларусь, Законом № 171-З произведена частичная декриминализация незаконной

предпринимательской деятельности. С 19 июля 2019 г. исключается уголовная ответственность за предпринимательскую деятельность, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной либо осуществляется без регистрации в установленном законодательством порядке. Представляется возможным, что законодатель не увидел актуальности данного состава преступления в старой редакции УК Республики Беларусь, в соответствии с чем посчитал, что за незаконную предпринимательскую деятельность в двух вышеуказанных формах целесообразно привлекать к административной ответственности по чч. 1¹, 2 ст. 12.7 КоАП Республики Беларусь. Кардинальным отличием новой редакции ст. 233 УК Республики Беларусь является то, что субъектом уголовной ответственности выступает лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без специального разрешения (лицензии).

Исследуя Закон № 171-З, следует отметить, что в новой редакции ст. 243 УК Республики Беларусь изменений не претерпела. Объясняется это тем, что данный состав преступления по-прежнему актуален, о чем свидетельствуют краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции. Статистика показывает, что за 2019 год по ст. 243 УК Республики Беларусь было вынесено 155 приговоров [1]. Если учесть то, что в году 365 дней, то преступления по ст. 243 УК Республики Беларусь совершаются каждые два дня. Состав рассматриваемого преступления является единым составом с альтернативными признаками, помещенными в целях дифференциации уголовной ответственности в двух частях данной статьи и характеризующими размер ущерба. Условиями наступления уголовной ответственности по ст. 243 УК Республики Беларусь являются [2, с. 351]: сокрытие налоговой базы, занижение налоговой базы, уклонение от представления налоговой декларации (расчета), внесение в налоговую декларацию (расчет) заведомо ложных сведений, повлекшие причинение ущерба в крупном размере (ч. 1 ст. 243), что будет являться менее тяжким преступлением, либо причинение ущерба в особо крупном размере (ч. 2 ст. 243), что является тяжким преступлением в соответствии с уголовным законом.

Наиболее распространенным видом наказания для юридического лица в странах, где существует корпоративная уголовная ответственность, является штраф. Помимо штрафа, к корпорациям применяются следующие санкции: специальная конфискация (Албания, Бельгия, США, Франция); ограничение деятельности юридического лица, в том числе запрет заниматься отдельными видами деятельности, закрытие подразделений или филиалов (Албания, Бельгия, Испания, Литва, Молдова, Франция); временное прекращение деятельности юридического лица (Испания); ликвидация юридического лица (Бельгия, Литва, Молдова, Франция);

публикация приговора (Бельгия, Франция). УК Франции предусматривает для юридических лиц такие наказания, как помещение под судебный надзор; запрещение участвовать в договорах, заключаемых от имени государства; запрещение обращаться к населению с целью получения вкладов или размещения ценных бумаг. За преступления против человечества и незаконное распространение наркотиков может быть назначена общая конфискация имущества юридического лица [3, с. 292].

На основании вышеизложенного рекомендуется изложить отечественную систему наказаний для юридических лиц как субъектов уголовной ответственности, опираясь на положения из уголовных законов иностранных государств, поскольку международный опыт свидетельствует о целесообразности их закрепления на законодательном уровне, а также об актуальности преступлений против порядка осуществления экономической деятельности.

Список использованной литературы

1. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2019 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/. – Дата доступа: 29.05.2020.
2. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / А. И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А. И. Лукашова. – Минск : Изд. дом Гревцова, 2009. – 960 с.
3. Сидорчук, В. К. Хозяйственное право Республики Беларусь [Электронный ресурс] : курс лекций / В. К. Сидорчук. – Минск : БГУ, 2013. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/>. – Дата доступа: 29.05.2020.

П. А. СЛЕСАРЕВА

Витебск, Витебский государственный университет

имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Т. Ф. Дмитриева, кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СО СТАТИЧЕСКИМИ СЛЕДАМИ ОБУТЫХ НОГ ЧЕЛОВЕКА

Решающее значение в практике расследования преступлений имеют механогамические следы, то есть следы «различных предметов, надетых на тело, или предметов, заменяющих части человеческого тела и выполняющих в определенной мере их функции» [4, с. 9], поскольку они

содержат информацию об обстоятельствах совершенного деяния, о действиях преступника, об отдельных анатомо-физиологических особенностях лица, оставившего следы. К данным следам, согласно определению Г. Л. Грановского, мы с полным правом относим и следы, оставленные обувью [9]. Среди следов, изымаемых специалистами в ходе осмотра места происшествия, следы обуви занимают одно из главных мест, однако в раскрытии преступлений эффективность их использования бывает достаточно низкой, что, на наш взгляд, может быть обусловлено как отсутствием опыта работы со следами, так и слабым использованием научно-технических средств в работе с ними. Этим и определяется актуальность данной темы, которая требует определенного дополнительного исследования.

Следы подошв обуви, как наиболее распространенный и важный вид улик, обнаруживаемых на месте преступления, могут предоставить информацию для решения ряда идентификационных и неидентификационных задач. На месте преступления следы обутых ног чаще всего могут быть найдены на поверхности земли или пола, на линолеуме, паркете, керамической плитке, то есть там, где обычно ходит человек. Также подобные следы специалисты обнаруживают в местах возможного проникновения преступника в помещение: на чердаках, крышах, лестницах, подоконниках, на ковриках перед дверью, а если дверь пытались выбить ногой, то на ее внешней поверхности. Обращают на себя внимание столы, стулья, диваны, на которых могли остаться следы обуви, если преступники доставали вещи со шкафов, антресолей, полок, снимали со стен картины и ковры, а также рассыпанные в момент совершения преступления мука, крахмал, сахарный песок, известь, мел и другие сыпучие вещества. Следы обуви могут обнаружиться на одежде и теле потерпевшего при избивании жертвы ногами либо при перешагивании через труп, если не было возможности его обойти. Криминалистическая практика показывает, что следы ног следует искать не только на самом месте преступления или поблизости к нему, но и на ближайшей местности. Под открытым небом следы ног ищут на земле, на дорогах и тропинках, в садах, на песке, на каменных плитах, покрытых росой, на местах, покрытых снегом, вдали от главных дорог, а в закрытых помещениях, например, на полу, покрытом пылью, и т. п. [10, с. 118].

Наиболее отчетливо детали подошвы обуви отображаются в статических следах, которые образуются в тех случаях, когда человек стоит, идет или бежит и при следообразовании не происходит сдвига плоскости низа обуви или стопы по отношению к плоскости образованного следа [3]. Такие следы предоставляют возможность идентифицировать обувь, классифицировать ее по конструкции подошвы (сплошная, без каблука,

с каблуком, с отдельной подметкой); по наличию на подошве шипов, фабричных клейм и обозначений, производственных дефектов; по форме носа (острый, прямоугольный удлинённый, прямоугольный широкий и круглый широкий); по степени изношенности подошвы; по высоте и форме каблука; по способу крепления подошвы и ее частей. Все эти общие признаки позволяют составить определенное представление о поле и возрасте человека. Кроме того, следы обутых ног помогают определить особенности походки и физическое состояние (опьянение, хромота), дают возможность определить количество лиц, принимавших участие в совершении преступления, установить способ оставления следов (бег, ходьба, прыжки) и условия их образования (при переносе тяжести, в результате скольжения и т. п.), направление движения. А по углу разворота стопы можно даже предположительно определить профессию человека, оставившего следы. Так, например, в результате сформировавшейся привычки передвигаться по узким настилам, балкам, рельсам моряки, штукатуры, верхолазы ставят стопы параллельно друг другу, что придает туловищу в сочетании с коротким шагом и широкой расстановкой ног достаточную устойчивость. Вот почему именно статические следы принято считать такими же важными, как и следы пальцев рук. Хотя известны случаи, когда преступники (например, Теодор Качинский) для того, чтобы запутать следователей и сбить их со своего следа, прикрепляли к подошве своей обуви протекторы меньшего размера.

В криминалистике разработано множество методик и правил поиска, обнаружения и изъятия следов ног и обуви человека [1; 2; 5; 7]. Обычно при осмотре места происшествия для обнаружения статических следов обутых ног не требуется каких-либо специальных технических средств или приемов. Чаще всего используется описание, срисовывание, фотографирование, изготовление слепков и перенесение следов на следокопировальные пленки. Самым простым и общедоступным способом выявления объемных, окрашенных или маловидимых следов обуви является оптический (визуальный). Данный способ основан на освещении поверхности под определенным углом или осмотре данной поверхности под различными углами, а также на осмотре поверхности с использованием лазера, источников УФ-лучей и светофильтров. Для срисовывания следа на бумаге пользуются способом рисования по квадратам: над следом кладется рамка с натянутыми на расстоянии 1 см одна от другой нитками, так же разграфляется лист бумаги. Затем, глядя на след, по квадратам зарисовывают его контуры на бумаге. Фотографирование применяется, когда отливка слепка со следа затруднительна, поскольку вдавленный след неглубок, или поверхностный след обнаруживается на твердой поверхности. Следы обуви фотографируются по правилам масштабной фотографии, и для определения размера

снимаемого следа рядом с ним кладут масштабную линейку. Перед изготовлением слепков из следа убираются все посторонние предметы (листья, комочки земли, ветки, перышки, камешки и др.), попавшие в него после следообразования. В зависимости от почвы, на которой обнаружен след, от погодных условий и времени года применяются три способа изготовления слепков (наливной, насыпной и комбинированный) и различные материалы. Так, например, отливка следов на снегу делается при помощи обыкновенного столярного клея. Для получения следа в мокрой глине употребляется воск. След на песке или поверхности, покрытой пылью и порошкообразными веществами, можно получить при помощи стеарина [6; 8]. Поверхностные следы обуви, сформированные частицами грязи, пыли, мела, муки, извести, могут быть перенесены на следокопировальную пленку, липкую бумагу, влажную фотобумагу, зачищенную листовую резину. Для обнаружения невидимых и окрашенных слабовидимых поверхностных следов обуви криминалисты предлагают использовать магнитные дактилоскопические порошки или их смеси. Хотя, несмотря на простоту и доступность данного способа выявления статических следов обутых ног, на наш взгляд, при их копировании на специальные материалы может произойти частичная потеря признаков.

Криминалистика, как и любая наука, предполагает непрерывную работу по совершенствованию используемых методов и приемов исследования. В настоящее время создаются новые научно-технические средства, которые облегчают работу эксперта и обеспечивают надежность и сохранность следов ног и обуви человека. Так, например, для того, чтобы быстрее идентифицировать производителя, марку и модель обуви, отпечаток которой был оставлен на месте преступления, криминалисты используют бутоскопические компьютеризированные базы данных продукции, выпускаемой не только в стране, но и за рубежом. Сравнение обнаруженных следов обуви с имеющимися в базе образцами позволяет сузить круг подозреваемых, а также связать несколько преступлений с одним преступником или с преступниками.

Таким образом, оставленные на месте преступления статические следы обутых ног человека являются важным источником розыскной и доказательственной информации: с их помощью обнаруживается факт присутствия того или иного человека, определяется характер его действий и степень участия в совершенном преступлении. А для их обнаружения и изъятия разработано множество методик и правил.

Список использованной литературы

1. Аверьянова, Т. В. Эксперт. Руководство для экспертов, органов внутренних дел и юстиции / Т. В. Аверьянова. – М., 2003. – 592 с.

2. Балашов, Н. М. Криминалистическая техника / Н. М. Балашов. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 608 с.
3. Батычко, В. Т. Криминалистика в вопросах и ответах / В. Т. Батычко. – Таганрог : ТТИ ЮФУ, 2009. – 460 с.
4. Грановский, Г. Л. Основы трасологии / Г. Л. Грановский. – 2-е изд. – М., 2006. – 452 с.
5. Дмитриева, Т. Ф. Техничко-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т. Ф. Дмитриева ; под науч. ред. Е. И. Климовой. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. – 303 с.
6. Дудаев, А. Б. Работа со следами на месте происшествия : учеб. пособие / А. Б. Дудаев, М. А. Зеленский. – Белгород : БелЮи МВД России, 2005. – 188 с.
7. Корниенко, Н. А. Следы человека в криминалистике / Н. А. Корниенко. – СПб., 2001. – 352 с.
8. Коршунов, В. М. Обнаружение, фиксация и изъятие следов / В. М. Коршунов, К. Я. Куртова. – Белгород : БУПК, 2000. – 229 с.
9. Слесарева, П. А. Механогамические следы человека: определение понятия и место в классификации / П. А. Слесарева // XIII Машеровские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 18 окт. 2019 г. / редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2019. – С. 398–400.
10. Якимов, И. Я. Криминалистика / И. Я. Якимов. – М., 2003. – 496 с.

Д. В. ТКАЧЕВА

Минск, Белорусский государственный экономический университет
Научный руководитель – Т. В. Телятицкая, кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

Проблемой незаконного пересечения Государственной границы занимались такие ученые, как А. Н. Крамник, А. Ю. Чернолевский, А. В. Шидловский, А. А. Смяян и др. Однако у перечисленных ученых вопросы незаконного пересечения Государственной границы отражены не всесторонне и не в полном объеме. В 2018 г. было издано комплексное и системное исследование под редакцией Н. Н. Борейко, В. В. Тропина, И. И. Лузгина «Уголовно-процессуальные основы деятельности органов пограничной службы. Порядок производства по материалам, уголовным

делам и делам об административных правонарушениях, связанным с незаконным пересечением Государственной границы». Данное исследование основано на анализе правоприменительной практики органов пограничной службы, особенностей ведения административного процесса, учета практического опыта.

Ежедневно органы пограничной службы Республики Беларусь в пределах своей компетенции выполняют определенные задачи, такие как предупреждение, выявление и пресечение нарушений Государственной границы. Тем самым пограничные войска Республики Беларусь обеспечивают охрану Государственной границы и пограничную безопасность. Пограничная безопасность является частью национальной безопасности страны. Сотрудники органов пограничной службы осуществляют административную и уголовную деятельность, тем самым активно противодействуя незаконному пересечению Государственной границы Республики Беларусь. Административная и уголовная деятельность осуществляется на основе строгого соблюдения действующего законодательства. Это позволяет противостоять угрозам пограничной безопасности.

В настоящее время законодательством Республики Беларусь за незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь предусмотрена административная ответственность по ст. 23.29 КоАП Республики Беларусь. Следует отметить, что для незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь используются механические транспортные средства, судна внутреннего плавания, судна смешанного (река – море) плавания, маломерные моторные судна, судна с подвесным двигателем, гидроциклы, воздушные судна с двигателем. Ответственность, предусмотренная ст. 23.29 КоАП Республики Беларусь, наступает за умышленное незаконное пересечение Государственной границы. Данное деяние не влечет уголовной ответственности. В свою очередь влечет предупреждение с депортацией. Также возможно наложение штрафа в размере от десяти до ста базовых величин с депортацией или без депортации. Согласно ст. 6.11 КоАП Республики Беларусь депортация – это административное выдворение за пределы Республики Беларусь, которое применяется в отношении иностранного гражданина и лица без гражданства [1]. Выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства из Республики Беларусь, а также возмещение расходов, связанных с их депортацией, регулируются нормативно-правовым актом. Иностранец или лицо без гражданства, в отношении которых вынесено постановление, о депортации, может обратиться с заявлением в суд. Орган, вынесший данное постановление,

может предоставить ему право добровольно и за счет собственных средств покинуть пределы Республики Беларусь.

Исполнение постановления о депортации в добровольном порядке не допускается, когда существуют основания полагать, что иностранный гражданин или лицо без гражданства может уклониться от исполнения постановления о депортации. В случае уклонения иностранного гражданина или лица без гражданства от добровольного выезда в указанный срок органу, ведущему административный процесс, необходимо принять меры по задержанию иностранного гражданина или лица без гражданства с санкции прокурора. Иностранные граждане подлежат задержанию на срок, который необходим для исполнения постановления о депортации. Согласно ч. 3 ст. 20.1 ПИК о АП Республики Беларусь постановление о депортации приводится в исполнение органом, ведущим административный процесс [2].

Необходимо указать, что за совершенное в течение года после наложения административного взыскания умышленное незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь за такое же нарушение предусмотрена и уголовная ответственность по ст. 371 УК Республики Беларусь, даже если незаконное пересечение границы было совершено иным способом.

Объектом преступления является установленный порядок пересечения Государственной границы. Объективную сторону преступления составляет действие незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь. Незаконное пересечение Государственной границы – это перемещение через Государственную границу Республики Беларусь любым способом (по суше, воде, по воздуху) с территории Республики Беларусь, так и на ее территорию с нарушением действующего законодательства. Основными нарушениями Государственной границы являются факты незаконного пересечения: пересечение границы вне установленных мест ее пересечения (вне пункта пропуска), пересечение границы без прохождения пограничного контроля, предъявление для прохождения паспортного контроля заведомо подложных документов, уклонение от проверки документов, находясь в пункте пропуска, пытаюсь обойти прохождения паспортного контроля.

По конструкции объективной стороны состав преступления формальный. Преступление считается оконченным с момента незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом, так как виновный осознает, что незаконно пересекает Государственную границу Республики Беларусь. Субъект преступления общий. Ответственность наступает с 16 лет при пересечении

Государственной границы Республики Беларусь с использованием транспортного средства. Субъект преступления специальный: это лицо, которое ранее подвергалось административной ответственности за такое же нарушение.

Анализ правоприменительной практики органов пограничной службы показывает, что основными нарушениями Государственной границы являются факты незаконного пересечения: пересечение границы вне установленных мест ее пересечения (вне пункта пропуска), пересечение границы без прохождения пограничного контроля, предъявление для прохождения паспортного контроля заведомо подложных документов, уклонение от проверки документов, находясь в пункте пропуска, пытаюсь обойти прохождения паспортного контроля. В целях профилактических мер необходимо разработать памятку с разъяснением о правовых последствиях депортации иностранцу.

Список использованной литературы

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

А. Н. ЦУПРИК

Минск, Белорусский государственный университет
Научный руководитель – В. М. Хомич, доктор юридических наук,
профессор

СОСТАВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО (ДЕЛОВОГО) РИСКА

Чрезвычайно важным компонентом в имплементации экономического (делового) риска в практику правоприменительной деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, является анализ его составных признаков через призму базовых признаков состава преступного деяния, которое, как правило, является исходным анализом для обвинения

уполномоченного лица субъекта хозяйствования за принятие управленческих решений в контексте злоупотребления служебными полномочиями вопреки интересам службы. Начальным моментом в таких случаях является анализ и оценка действий руководителя в контексте возможного злоупотребления должностного лица своими служебными полномочиями. То есть совершение по службе действий вопреки интересам службы, в данном случае и экономической целесообразности, во вред экономическим интересам предприятия, государственным интересам, интересам контрагентов и т. д.

В теории уголовного права в этих целях используется научный инструментарий состава соответствующего обстоятельства, исключающего преступность деяния (состав необходимой обороны, крайней необходимости и т. д.).

В этой связи состав экономического (делового) риска – это своего рода признаки, производные и совместимые с составом преступного деяния, влекущего уголовную ответственность, но вследствие их объективной и субъективной характеристики не позволяющие рассматривать это деяние в целом как преступное, несмотря на формальные соответствия оцениваемого деяния признакам преступления, предусмотренного уголовным законом. Поэтому производство по возбужденному уголовному делу при наличии обстоятельства, исключающего преступность деяния (в данном случае – экономического (делового) риска), должно прекращаться вследствие отсутствия общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК), а не вследствие отсутствия в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК).

Состав экономического (делового) риска как правовая конструкция (понятие) – это совокупность объективных и субъективных условий, призванных устранить объективные и субъективные признаки деяния (решения) как уголовно противоправного и, следовательно, преступного, несмотря на причинение существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Рассматривая состав преступного деяния в контексте возможного наличия обстоятельства, исключающего преступность деяния, следует выделять две уголовно-правовые конструкции деяния и его признаков, первое – как преступление, второе – как деяние, формально содержащее признаки преступления, но не являющееся таковым вследствие его совершения при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Процесс установления признаков состава правомерного экономического (делового) риска будет противоположен квалификации преступления, т. е. установлению соответствия рассматриваемого деяния

составу преступления, описанному в законе. Поскольку совокупность элементов состава преступления выражает собой общественную опасность действия и его субъекта, то отпадение в конкретном случае – в силу тех или иных особых оснований – общественной опасности последовательно ведет к отпадению уголовной ответственности [1, с. 318]. Такая позиция обусловлена тем обстоятельством, что правовая природа и сущность правомерного риска являются противоположностью правовой природы и сущности преступления.

Правомерный риск, представляя собой по своим внешним чертам фактические признаки состава того или иного преступления, в действительности не является ни общественно опасным, ни противоправным и поэтому не может считаться преступным. В этих действиях лица отсутствует состав преступления [2, с. 163]. Достаточно из состава преступления исключить один из его признаков, и он утрачивает свое юридическое значение состава либо становится составом с иными юридическими признаками и иным социальным содержанием [3, с. 94–104].

В целях единообразного применения нормы об экономическом (деловом) риске предлагается следующий алгоритм определения признаков его состава на основе следующих элементов.

1. Объектом правомерного деяния, причиняющего вред в ситуации экономического (делового) риска, выступают правоохраняемые интересы имущественно-правового характера, подвергаемые риску вследствие нестандартного управленческого решения управомоченного лица субъекта хозяйствования, направленного на достижение общественно полезной экономической цели (задачи).

Объект причинения вреда в ситуации делового риска обладает рядом специфических признаков, которые необходимо учитывать при применении нормы о деловом риске:

1) круг объектов достаточно узок, поскольку ограничивается материальной сферой в виде причинения имущественного ущерба юридическому лицу в результате принятия рискованного управленческого решения;

2) защитные механизмы делового риска рассчитаны на определенную область деятельности исходя из цели, на достижение которой направлено рискованное деяние, а именно на достижение определенной экономической задачи социально полезного свойства;

3) в п. 3 ст. 39 УК прямо указаны случаи, при которых деловой риск ни при каких обстоятельствах не признается обоснованным.

2. Объективная сторона деяния, осуществляемого в условиях экономического (делового) риска, характеризуется осознанным принятием управленческого решения и его реализацией, которые направлены на

достижение позитивного экономического результата при осознании риска – неуспеха в его достижении и возможности возникновения издержек (вреда) имущественного характера.

Деловой риск может быть реализован только в форме действия в виде принятия осознанного управленческого решения. Ключевым моментом здесь, несмотря на причинение ущерба, является то, что само решение и его реализация, осуществляемые в условиях осознаваемого риска неудачи, были направлены на достижение экономической цели и были обоснованы с точки зрения предпринимательской деятельности и экономических законов, что нейтрализует при принятии таких рискованных решений объективную сторону злоупотребления властью или служебными полномочиями и других составов преступлений против интересов службы.

3. Субъективная сторона экономического (делового) риска – это исключение уголовно-правовой виновности вследствие отсутствия правонарушающего уголовный закон деяния. В итоге вред наступает не по вине субъекта делового риска, а в результате проявления рисков неопределенности действия экономических законов в обычных условиях гражданского оборота.

Основным критерием правомерности делового риска является цель рискованного управленческого решения (достижение значимого экономического результата). В контексте делового риска цель служит основным признаком субъективной стороны. Психологически деяние, совершаемое в ситуации экономического (делового) риска, всегда осознанное и волимое.

4. Субъектом правовой ситуации экономического (делового) риска как обстоятельства, исключающего преступность его рискованного деяния (решения), может быть только лицо, которое уполномочено собственником или законным владельцем субъекта хозяйствования на принятие экономически значимых управленческих решений от собственного имени в интересах субъекта хозяйствования.

Рискующее лицо, в трактовке экономического (делового) риска, это лицо, способное *профессионально* оценивать ситуацию, связанную с предпринимательским риском, профессионально заниматься организацией экономической (предпринимательской) деятельности, принимать в зависимости от возникающих ситуаций надлежащие управленческие решения.

Список использованной литературы

1. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М. : Госюриздат, 1957. – 364 с.
2. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права. Общая часть / А. А. Пионтковский. – М. : Госюриздат, 1961. – 666 с.

3. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2004. – 304 с.

Л. О. ШЕРАЙЗИНА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

**КРИТЕРИИ НАКАЗУЕМОСТИ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ ТАЙНЫ
УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ)
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В Республике Беларусь ст. 177 Уголовного кодекса установлена ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения) (далее – усыновление). Указанная норма предусматривает общий субъект. Соответственно, любое лицо, осведомленное об усыновлении, обязано хранить такую информацию в тайне.

Однако при разглашении такой тайны должностным лицом либо лицом, обязанным хранить информацию как служебную или профессиональную, субъект посягает не только на интересы несовершеннолетнего и семьи в целом, но и на установленный порядок сохранения служебной тайны и интересы службы. Именно обязанность сохранять тайну в связи со спецификой деятельности уполномоченных органов (суд, прокуратура, органы опеки и попечительства, органы ЗАГС), возможность документального подтверждения информации, а не «со слов», «из сплетен» и специальные знания об общественной опасности посягательства увеличивают общественную опасность деяния, совершенного специальным субъектом. Считаем, что ответственность таких субъектов должна быть дифференцирована по сравнению с общей ответственностью.

Большинство преступлений против интересов службы относятся к категории менее тяжких. Такая категория отражает общественную опасность деяния и степень воздействия на охраняемый объект. Разглашение тайны усыновления, совершенное лицом, обязанным хранить информацию об усыновлении как служебную или профессиональную тайну, также соответствует категории менее тяжких. Нижняя граница для наказания должна относиться к наказанию в виде лишения свободы и составлять минимум два года. Верхняя граница не должна превышать шести лет.

Признаки специального субъекта обуславливают введение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Для построения санкции необходимо учитывать предлагаемый и обоснованный ранее признак объективной стороны как тяжкие

последствия, что расширяет рамки санкции в силу своего абстрактного характера. Это позволит суду в будущем индивидуализировать наказание.

Разрабатываемая санкция схожа с конструкциями санкций ч. 2 и 3 ст. 178 (Разглашение врачебной тайны) и ч. 2 ст. 179 (Незаконные соби́рание либо распространение информации о частной жизни). Разглашение врачебной тайны, выразившееся в сообщении сведений о наличии у лица ВИЧ или заболевания СПИД, наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет со штрафом. Те же деяния, повлекшие тяжкие последствия, наказываются лишением свободы на срок до трех лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

Незаконные соби́рание либо распространение сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну другого лица, без его согласия, повлекшие причинение вреда правам, свободам и законным интересам потерпевшего, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, наказываются лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом, либо ограничением свободы на срок до трех лет со штрафом, либо лишением свободы на тот же срок со штрафом.

Большинство санкций при наличии признака должностного лица являются кумулятивными (ст. 164, 179, 210, 235, 244, 268, 281, 282, 282¹, 294, 306, 308, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 433, 455). Закон предусматривает наравне с основным наказанием дополнительные в виде штрафа или лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Считаем, что применение последнего наказания в качестве дополнительного к лишению свободы позволит индивидуализировать уголовную ответственность для виновного.

Считаем, в целях систематизации уголовно-правовых санкций для признака совершения преступления должностным лицом следует установить следующие пределы наказаний: ограничение свободы на срок до трех лет или лишение свободы на срок до трех лет.

Таким образом, соответствие категории менее тяжких преступлений и наличие специального субъекта в виде должностного лица или работника, обязанного хранить сведения об усыновлении как служебную или профессиональную тайну, определяет установление в санкции ч. 2 ст. 177 Уголовного кодекса наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничения свободы на срок до трех лет, лишения свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

СЕКЦИЯ 5
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЧАСТНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

К. Е. БОРИСЕВИЧ

Гродно, Гродненский государственный университет
имени Я. Купалы

Научный руководитель – И. Ю. Кирвель, кандидат юридических
наук, доцент

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ МЕДИАЦИИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В современном мире общество ежедневно сталкивается с конфликтными ситуациями. Они занимают значительное место в жизни каждого человека. Общение между индивидами необходимо приводить к компромиссам, к продолжению взаимовыгодных отношений. Именно приведение различных интересов отдельных индивидов и государства в целом к единому согласованному решению обеспечивает общественное развитие. Конфликтными ситуациями можно и необходимо не только управлять, но и регулировать их, пользуясь специальными методиками разрешения споров.

Конфликты и споры сегодня являются теми составляющими, на которые самые различные общественные и государственные институты стали обращать самое пристальное внимание.

В настоящее время активно распространяются и набирают популярность различные альтернативные способы урегулирования конфликтов и споров, одним из которых является институт медиации.

У каждого государства имеется собственный опыт применения процедур медиации: для одних этот институт является достаточно новым, а для кого-то уже привычным способом разрешения конфликтов и споров. Нельзя не отметить, что большую роль в развитии данного института играет международный опыт и международное законодательство в данной отрасли. Многие страны еще с начала прошлого столетия прилагают большие усилия для введения в законодательство процедуры судебной медиации и медиации в целом.

Следует обратить внимание на то, что сейчас в Республике Беларусь ведется разработка единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь. В связи с этим имеет значение, найдет ли в нем закрепление понятие «судебная медиация» и каким оно будет. В настоящее

время в Республике Беларусь судебная медиация имеет место в хозяйственном процессе, в частности, в гл. 17 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь закреплена примирительная процедура, которая, на наш взгляд, и является судебной медиацией.

На данный момент в законодательстве Республики Беларусь нет определения «судебной медиация». Закон Республики Беларусь «О медиации» в ст. 1 содержит лишь толкование понятия «медиация»: «Медиация – переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения». Предлагаем определить понятие «судебная медиация» следующим образом: *«Судебная медиация – это один из способов альтернативного урегулирования споров (конфликтов), осуществляемый по согласию обеих сторон после обращения в суд и возбуждения производства по делу, основанный на общих принципах медиации: конфиденциальности, добровольности и равноправия сторон, при участии третьей нейтральной стороны, содействующей сторонам в принятии взаимоприемлемого решения»* [3]. Считаем необходимым включить это определение в Закон Республики Беларусь «О медиации» и в будущий единый Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь.

Институт судебной медиации имеет место не только в Республике Беларусь. Каждая страна имеет свои специфические черты развития данного института. Так, в Республике Казахстан действует Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV «О медиации», в ст. 2 которого медиация определена как «процедура урегулирования спора (конфликта) между сторонами при содействии медиатора (медиаторов) в целях достижения ими взаимоприемлемого решения, реализуемая по добровольному согласию сторон». В апреле 2014 г. Верховным Судом Республики Казахстан был введен пилотный проект по внедрению в гражданское судопроизводство примирительных процедур с участием судьи (судебной медиации). Для реализации данного проекта было принято соответствующее положение, утвержденное распоряжением Председателя Верховного Суда Республики Казахстан за № 92 от 11 апреля 2014 г., в котором было закреплено понятие судебной медиации: «Судебная медиация – примирительная процедура урегулирования спора (конфликта) между сторонами судебного процесса при содействии судьи, осуществляющего примирительные процедуры».

Развитие института медиации в разных странах происходит по различным моделям. Выделяют две основные модели судебной медиации: ассоциированную и интегрированную.

Интегрированная судебная медиация предполагает проведение медиации одним из сотрудников суда, как правило, специально обученным

действующим судьей. В данном случае судебное разбирательство по делу приостанавливается, но медиация проводится в здании суда, а в случае заключения сторонами соглашения об урегулировании спора оно тут же протоколируется в качестве мирового судьей-медиатором. Данная процедура по общему правилу является для сторон бесплатной и по длительности обычно не превышает двух заседаний, по два-три часа каждое [1, с. 297].

Таким образом, данная модель медиации интегрирована непосредственно в судебную деятельность, а в качестве судебного медиатора выступает судья либо сотрудник аппарата суда.

Интегрированная модель судебной медиации в последние несколько лет стала популярна в Германии и даже была официально признана в качестве одного из видов медиации [2, с. 135].

Совершенно другой подход был положен в основу *ассоциированной* модели судебной медиации. Она построена на взаимодействии суда с внешними организациями и специалистами, предлагающими свои услуги по урегулированию споров в рамках судебной медиации и других видов альтернативного разрешения споров. В данной модели за судами остается их основная функция – проведение судебного процесса в рамках предусмотренных процессуальным законом видов производств и утверждение результатов примирительной процедуры, в то время как проведение медиации относится к компетенции сторонней организации или специалиста, напрямую не связанных с вопросами осуществления правосудия и судебной деятельности [1, с. 117].

Сегодня эта модель успешно применяется в таких странах, как Нидерланды, Франция, Англия и Уэльс, Болгария, Бельгия, Румыния, Польша, Португалия и др.

Анализируя модель судебной медиации в Республике Беларусь, применяемую в хозяйственном процессе, следует отметить, что эта модель относится к смешанной, так как, с одной стороны, примиритель может быть назначен из числа лиц, занимающих государственную должность в суде, как в интегрированной судебной медиации, а с другой – имеется возможность привлечения в качестве примирителя медиаторов или иных лиц, привлекаемых на договорной основе, обладающих квалификацией, отвечающей существу возникшего конфликта, что имеет общие черты с ассоциированной моделью судебной медиации.

Таким образом, полагаем, что институт судебной медиации имеет перспективы дальнейшего развития в нашем государстве. В связи с разработкой единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь актуальным вопросом будет закрепление норм о применении процедуры судебной медиации. Считаем необходимым во избежание

коллизии в отношении применимых процедур внедрить в единый Гражданский процессуальный кодекс главу «Судебная медиация», которая будет регулировать проведение в том числе примирительной процедуры.

Список использованной литературы

1. Аболонин, В. О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы / В. О. Аболонин. – М. : Инфотропик Медиа, 2014. – 408 с.
2. Байгулина, А. К. Судебная медиация / А. К. Байгулина // Вопросы современной юриспруденции : сб. ст. по материалам XXI междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск : СибАК, 2013. – С. 132–144.
3. Борисевич, К. Е. Понятие и сущность судебной медиации в современных условиях / К. Е. Борисевич // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов / Белорус. гос. ун-т ; ред. кол.: Н. С. Анцух [и др.]. – Минск, 2019. – С. 13–15.

Л. В. ИВАНОВА

Витебск, Витебский государственный университет

имени П. М. Машерова

Научный руководитель – С. П. Вашетькова, преподаватель

ПРОБЛЕМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Правовое регулирование хозяйственных отношений обычно связывают с хозяйственным законодательством, а исследование данного законодательства рассматривается в большей степени в науке хозяйственного права.

В современный период хозяйственное право рассматривается в зависимости от подхода как отрасль права, отрасль законодательства, наука или учебная дисциплина. Однако сам вопрос о хозяйственном праве имеет достаточно длительную историю.

В советской правовой науке сложились такие две основные концепции хозяйственного права, как хозяйственно-правовая и цивилистическая.

Хозяйственно-правовая концепция возникла в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого века, когда в СССР началась работа по кодификации гражданского законодательства: подготовке Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и гражданских кодексов союзных республик. Она была выдвинута В. В. Лаптевым

и поддержана рядом советских ученых (В. К. Макутовым, И. А. Танчуком, Т. Е. Абовой и др.).

Сторонники хозяйственно-правовой концепции видели в хозяйственном праве самостоятельную отрасль права. Но, как и любая самостоятельная отрасль, она должна иметь собственную нормативно-правовую базу и основные источники.

Источники права – это формы внешнего выражения содержания права. В целом применительно к разным системам права известны следующие основные виды источников: правовой обычай, судебный прецедент, юридическая доктрина, религиозный памятник, нормативно-правовой договор, нормативно-правовой акт, естественное право.

Хозяйственное право базируется на закрепленных в законодательстве единых основополагающих началах правового регулирования – принципах, которые распространяются на весь комплекс правовых норм, обеспечивающих регулирование хозяйственной деятельности. Значение принципов состоит в том, что: осуществление, регулирование и контроль хозяйственной деятельности должны соответствовать принципам хозяйственно-правового регулирования; при отсутствии конкретных нормативных предписаний, регулирующих данные и сходные общественные отношения, следует применять принципы хозяйственно-правового регулирования.

Но проблемы как таковые существуют, они связаны с отсутствием кодифицированного акта, который будет содержать в себе все основные положения хозяйственного права и создаст основу для всего хозяйственного законодательства, такие как, к примеру, Торговый кодекс Германии от 10 мая 1897 г., Предпринимательский кодекс Австрии. Данные нормативные акты так же, как и многие другие, содержат в себе основные положения и вопросы, связанные с хозяйственным правом.

Так, ученый, председатель Высшего Хозяйственного Суда до 2013 г., заслуженный юрист Республики Беларусь В. С. Каменков уже более 10 лет отстаивает идею введения Хозяйственного (Предпринимательского) кодекса в Республике Беларусь. Его идею поддерживают А. И. Тур, И. В. Стах, В. Г. Тихиня и другие известные ученые.

Но даже это не позволило избавиться от проблем, связанных с хозяйственным законодательством: нет системообразующего нормативного правового акта, в котором были бы закреплены предмет, методы и принципы хозяйственного права.

Так, в 1999 г. была опубликована статья А. И. Тура, В. С. Каменкова и И. В. Стаха, в которой была обоснована необходимость систематизации хозяйственного законодательства и введения Хозяйственного кодекса.

Кодифицированный акт не решит всех вопросов, связанных с проблемами хозяйственного законодательства в Республики Беларусь, но заложит основы для решения проблем в данной сфере. Была даже предложена примерная структура данного кодекса (он должен был состоять из четырех разделов).

На данный момент в хозяйственном законодательстве одним из основополагающих источников, содержащим нормы хозяйственного права, является Гражданский кодекс Республики Беларусь, а также законы Республики Беларусь.

Таким образом, одним из решений, связанных с совершенствованием хозяйственного законодательства, является его систематизация и кодификация с целью формирования единой комплексной нормативной базы в данной области. Совершенствование хозяйственного законодательства Республики Беларусь должно содействовать обеспечению его стабильности и послужит одним из важнейших условий нормального функционирования правовой системы, а значит, общества в целом.

Л. В. ИВАНОВА

Витебск, Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Т. В. Преснякова, преподаватель

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ КЛИНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОДНОЙ ИЗ ДИСЦИПЛИН ИЗУЧЕНИЯ ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Во многих странах клиническое образование применяют на уровне профессиональной подготовки юристов к работе, что является очень важным, так как помогает получить обучающимся практические навыки, необходимые для данной профессии.

Целью данной статьи является анализ научных исследований, а также внесение предложений о возможности внедрения такой учебной дисциплины, как «Юридическая клиника», в учебный процесс при подготовке будущих юристов.

На первых этапах (курсах) подготовки студенты не имеют знаний и навыков на предмет, как взять у клиентов интервью, преподнести ответ и дать совет клиенту, а также как происходит подготовка дела к судебному разбирательству и как проводится сам процесс.

Для предоставления практического опыта студентам зарубежные юридические школы начали разрабатывать юридические клиники, где и

были собраны все практические методики подготовки юристов, а также предоставлена реальная возможность оказывать малоимущим гражданам юридическую помощь на безвозмездной основе. Такой опыт давал студентам возможность видеть реальные ситуации, а также помогал получить бесплатную юридическую помощь гражданам, не имеющим другой возможности. Несмотря на несомненные плюсы данной методики, в начале его развития она не рассматривалась как часть учебной программы.

Дальнейшее развитие юридических клиник позволяло по-новому ученым взглянуть на юридическое образование, что приводило ко все большему развитию новых методик преподавания.

Таким образом, признание метода конкретных ситуаций не только позволяет обеспечить практическую подготовку, но и способствует созданию необходимой учебной программы для подготовки будущих юристов. В связи с этим было предложено то, что юридические школы должны являться неотъемлемой частью юридического образования.

Согласно такой модели получения образования студенты смогут получать не только теоретические знания, но также и практические навыки, основанные на реальной работе с клиентом по конкретным случаям под руководством преподавателей и опытных адвокатов. Опыт, полученный в юридических клиниках, будет выноситься и обсуждаться в студенческой аудитории, что поможет распознать ошибки в работе с клиентами, избежать их в дальнейшем.

Все вышеназванное стало основой для создания новых курсов и учебных планов, которые были разработаны и стали востребованы для подготовки юристов. Именно так стало развиваться клиническое юридическое образование.

В связи с развитием такого способа получения образования в научной литературе все больше стали обсуждаться новые методы образования. К концу XIX в. – началу 2000-х гг. большая часть юридических школ включила в свою систему получения образования клиническое образование в качестве важной части учебного плана.

Однако, к сожалению, на данный момент юридические клиники в Республике Беларусь носят больше не образовательный, а консультативный характер, который дает возможность оказания бесплатной юридической помощи малообеспеченным гражданам.

Признание учебной дисциплины «Юридическая клиника» одной из важнейших дисциплин в получении юридического образования в Республике Беларусь не только откроет возможность получения практических навыков абсолютно у всех студентов юридических факультетов, но и даст уверенность потенциальным работодателям в том, что их будущий работник имеет практические навыки и готов к выполнению трудовых функций.

О. А. КОЛЕДИЧ

Могилев, Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

Научный руководитель – С. Н. Ховратова, старший преподаватель

**СПОСОБЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ФИКТИВНЫХ БРАКОВ,
ЗАКЛЮЧЕННЫХ ИНОСТРАНЦАМИ С ГРАЖДАНАМИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Чтобы правильно лечить болезнь и предупредить ее появление в будущем, необходимо выявить причины ее появления. Данное утверждение работает во всех общественных аспектах. Так, деятельность правоохранительных органов заключается не только в раскрытии и расследовании правонарушений, но и в выявлении причин и условий, которые способствовали совершению конкретного правонарушения, включая заключение браков без намерения создать семью, так как данные союзы влекут за собой неблагоприятные социальные и экономические последствия как для самой страны в целом, так и для ничего не подозревающего другого супруга в частности.

Доказать фиктивность союза супругов вызывает затруднение, так как в современных реалиях сам институт брака теряет свое значение и становится нормальным, обыденным такой фактор, как отсутствие любви в союзе.

Самые распространенные факторы, являющиеся частичками одного большого звена, которые могут стать звонками, что брак был заключен не с целью создания семьи, это:

1) раздельное проживание супругов, если имеется общее жилье. Данный факт является, безусловно, признаком отсутствия у супругов цели создать семью, но сам по себе является парадоксальным, так как законодательство Республики Беларусь не запрещает супругам проживать раздельно, так как право на выбор места жительства является конституционным и содержится в ст. 30 Конституции Республики Беларусь 1994 г. с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. Данное положение закрепляет, вслед за Основным Законом, ст. 22 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июня 1999 г., № 278-З, принятого Палатой представителей 3 июня 1999 г., одобренного Советом Республики 24 июня 1999 г., где говорится, что супруги свободны в выборе занятий, профессии и места жительства.

Поэтому данный факт требует внимательного изучения правоохранительными органами Республики Беларусь;

2) показания соседей, которые могут подтвердить или опровергнуть наличие заинтересованности супругами друг другом, а также наличие совместного быта. Такие же показания могут дать родственники супругов, коллеги по работе, а также друзья и знакомые. К этому можно добавить незнание родственниками супругов друг друга и вообще сам факт заключения брака.

Эти и многие другие эпизоды становятся источниками тщательного наблюдения со стороны государства, ведь грань между действительным и недействительным браком нереально тонка, поэтому данные эпизоды должны рассматриваться в совокупности, чтобы дать истинный ответ о природе брака.

В современных реалиях иностранные граждане зачастую вступают в брак с гражданами Республики Беларусь не с целью создания семьи, а с целью получения разрешения на временное или постоянное проживание в стране. Данное обстоятельство тщательно отслеживается и пресекается правоохранительными органами Республики Беларусь.

Факторы, подтверждающие подложность брака, описываются в постановлении Совета Министров «Об утверждении Положения о порядке получения органами внутренних дел документов и (или) сведений, подтверждающих, что брак с гражданином Республики Беларусь либо иностранным гражданином или лицом без гражданства, постоянно проживающими в Республике Беларусь, заключен иностранным гражданином или лицом без гражданства исключительно в целях получения разрешения на временное или постоянное проживание в Республике Беларусь» от 10 июня 2010 г. № 891, в редакции постановления Совета Министров от 11.07.2014 г., где также указывается, что при наличии сомнений в заключении брака с целью создания семьи орган внутренних дел осуществляет проверку цели заключения брака, в том числе путем проведения опроса супругов.

Анализируя опрос, можно сделать вывод, что он проводится на понятном для супругов языке общения. Также можно прибегнуть к услугам переводчика. Заполняют опросные листы с заранее подготовленными одинаковыми вопросами супруги отдельно друг от друга, отказ от прохождения опроса считается доказательством подложности брака, что разъясняется супругам перед началом проведения опроса.

Супругам могут быть заданы житейские, обыденные вопросы насчет друг друга и совместного проживания, начиная с обстоятельств знакомства и заканчивая мелкими деталями, касающимися совместного быта, то есть вопросы, относящиеся к обстоятельствам знакомства (дата, время и место знакомства), вопросы про помолвку, свадьбу и значимые даты в жизни партнеров (когда и где произошли данные события, кто присутствовал при

них, дата дней рождений, праздновали ли совместно праздники, если да, то где, при каких обстоятельствах, что было подарено), также узнаются обстоятельства осведомленности супругов о родственниках каждого из них и знания вообще супругами друг друга (элементарные вещи насчет внешности и параметров партнеров: фамилия, имя, отчество супруга, цвет глаз, рост, размер одежды, вредные привычки, вкусовые предпочтения, хобби, знакомы ли с семьей супруга, если да, то каковы фамилия, имя, отчество родителей, где проживают, приходят ли в гости). Вопросы, касающиеся домашних обязанностей, могут быть в следующих вариациях: проживаете ли вы совместно, если нет, то почему, какой адрес в вашего совместного места жительства, этаж проживания. Также можно затронуть осведомленность о личности соседей, вопрос, касающийся оплаты коммунальных услуг, о нахождении необходимой для жизни техники в квартире, доме (стиральная машина, вытяжка, посудомоечная машина), количество комнат в жилье, вид напольного покрытия, кто из супругов отвечает за глажку, стирку и готовку в семье и т. д.

Каждая ситуация требует индивидуального подхода и тщательного анализа правоохранными органами, так как прогресс не стоит на месте и почти на все интересующие вопросы человек может найти ответ, просто набрав в поисковике интересующий запрос, а это означает, что если оба супруга имеют своей целью заключение фиктивного брака, то и к опросу они могут подготовиться, просмотрев в Интернете примерный список вопросов, который им может быть задан. Также они могут проконсультироваться с теми, кто уже имел опыт в прохождении такого опроса. Данные факты всегда должны учитываться правоохранными органами.

Одним из эффективных способов выявления подготовленности супругов следует рассматривать метод опроса, когда после определенного количества вопросов идут те же, но переформулированные, что может сбить отвечающего, так как фактор волнения, забывания никто не отменял.

Подходя к заключению, необходимо акцентировать внимание на том, что все методы выявления подложности брака направлены на отказ в выдаче разрешения на постоянное проживание, аннулирование данного разрешения. Все это делается для того, чтобы исключить социальные и экономические проблемы страны и, конечно же, укрепить институт брака.

А. Г. КУЧИНСКАЯ

Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель – И. А. Малюженец, кандидат юридических наук, доцент

**ПРИЗНАНИЕ И ПРИВЕДЕНИЕ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ
ИНОСТРАННЫХ СУДОВ И ИНОСТРАННЫХ
АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Решение иностранного суда или иностранное арбитражное решение подлежат исполнению в Республике Беларусь, если спор между сторонами был разрешен иностранным судом, исполнить вынесенное за рубежом решение не удалось, а также известно, что должник и его имущество находятся на территории Беларуси.

Для того чтобы решение иностранного суда было исполнено на территории Республики Беларусь, оно должно быть признано белорусским судом. Признание решений судов другого государства – это придание этим решениям такой же юридической силы, какую имеют решения судов Республики Беларусь.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 245 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) решения иностранных судов и иностранные арбитражные решения признаются и приводятся в исполнение судами, рассматривающими экономические дела, в Республике Беларусь, если признание и приведение в исполнение таких решений предусмотрено законодательством или международным договором Республики Беларусь либо на основе взаимности [2].

В свою очередь, решения арбитражных судов Российской Федерации не требуют дополнительного признания на территории Республики Беларусь на основании Соглашения между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о порядке взаимного исполнения судебных актов хозяйственных судов Республики Беларусь и арбитражных судов Российской Федерации.

Процессуальной формой обращения в суд для признания и приведения в соответствие решения иностранного суда является заявление.

Согласно ч. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23.12.2014 № 18 «О применении судами законодательства о признании и исполнении решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений» (далее – постановление) до возбуждения дела судья обязан проверить, соответствует ли ходатайство (заявление) по форме и содержанию требованиям процессуального

законодательства, приложены ли к нему необходимые документы, в частности о том, что решение иностранного суда вступило в законную силу и (или) подлежит исполнению, если этого не видно из текста решения; была ли сторона, против которой вынесено решение, не принявшая участия в процессе, своевременно и в надлежащей форме извещена о рассмотрении дела; документ о том, в какой части или с какого времени требуется исполнение решения, если оно ранее исполнялось; при подаче заявления в суд, рассматривающий экономические дела, документ, подтверждающий уплату государственной пошлины.

Основания для отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда или иностранного арбитражного решения закреплены в ст. 248 ХПК. Так, суд, рассматривающий экономические дела, отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда в целом или его части, если:

- решение по праву государства, на территории которого оно принято, не вступило в законную силу, если международный договор Республики Беларусь не допускает признания и приведения в исполнение решения до его вступления в законную силу;

- сторона, против которой принято решение, не была своевременно извещена надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дела или по другим причинам не могла представить в суд свои объяснения;

- рассмотрение дела в соответствии с законодательством или международным договором Республики Беларусь относится к исключительной компетенции суда в Республике Беларусь;

- имеется вступившее в законную силу решение суда в Республике Беларусь, принятое по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям;

- на рассмотрении суда в Республике Беларусь находится дело по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям, производство по которому возбуждено до возбуждения производства по делу в иностранном суде, или если суд в Республике Беларусь первым принял к своему производству заявление по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям;

- истек срок давности приведения решения иностранного суда к принудительному исполнению и этот срок не восстановлен судом, рассматривающим экономические дела;

- исполнение решения иностранного суда противоречило бы публичному порядку Республики Беларусь.

Как мы видим, перечень является закрытым, соответственно, по другим основаниям в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда отказано быть не может.

Более детально рассмотрим некоторые основания для отказа.

В соответствии с ч. 2–3 п. 12 постановления при проверке надлежащего порядка извещения применяются положения законодательства о судебной корреспонденции договаривающейся стороны, на территории которой было вынесено решение, а также положения Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам, заключенной в г. Гааге 15 ноября 1965 г., и Конвенции по вопросам гражданского процесса, заключенной в г. Гааге 1 марта 1954 г., в зависимости от того, участницей какой из названных конвенций является договаривающаяся сторона. Порядок извещения может быть определен и двусторонними международными договорами Республики Беларусь. Обсуждая вопрос о своевременности вручения должнику вызова в иностранный суд, необходимо проверять, был ли он уведомлен с таким расчетом, чтобы имел достаточно времени для подготовки к делу, а также явки в суд.

Основания для отказа, установленные абз. 4 ч. 1 ст. 248 ХПК, закреплены также в договорах с Литовской Республикой, Латвийской Республикой, Республикой Куба, Китайской Народной Республикой, Чешской Республикой, Республикой Польша, а также Киевским соглашением, Минской конвенцией и т. д. В свою очередь, договор с Венгерской Республикой содержит отличительную особенность, которая говорит не о всех новых решениях, а лишь о тех, которые противоречат предшествующим решениям, вступившим в законную силу. Причем это положение не распространяется на случаи, когда существенно изменились обстоятельства, на основании которых предшествующим решением определены содержание и время исполнения.

По результатам рассмотрения заявлений суд выносит определение о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда или иностранного арбитражного решения или об отказе в таких требованиях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что решение иностранного суда или иностранного арбитражного решения подлежит признанию и приведению в исполнение на территории Республики Беларусь, если не представляется возможным исполнить его на территории иностранного государства; должник и имущество находятся в Республике Беларусь; заявителем были соблюдены все процессуальные требования, а также отсутствуют основания для отказа в признании и приведении в исполнение такого решения.

С. В. ЛИТВИНЧУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Маслакова, старший преподаватель

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ОПЛАТЫ ТРУДА

Согласно Конституции Республики Беларусь [2] и основанному на ней законодательству всем работающим лицам гарантируется справедливая доля вознаграждения в экономических результатах труда в соответствии с его количеством, качеством и общественным значением, но не ниже уровня, обеспечивающего им и их семьям свободное и достойное существование.

Важную роль в обеспечении данной гарантии играют международные стандарты в области оплаты труда, изложенные международными организациями, на которые приоритетно опирается законодательство Республики Беларусь. Главной среди этих организаций является Международная организация труда (МОТ), которая осуществляет правовое регулирование в сфере труда посредством издания деклараций, конвенций и рекомендаций.

Регулирование стандартов в области оплаты труда опирается на Конвенцию Международной организации труда об охране заработной платы № 95, принятой в г. Женеве 1 июля 1949 г. Генеральной конвенцией МОТ [1].

Все положения данного документа являлись основой при формировании гл. 6 Трудового кодекса Республики Беларусь [3]. Прежде всего это ст. 1 данной конвенции, соответствующая ст. 57 Трудового кодекса [3], которая устанавливает понятие заработной платы как вознаграждение за труд, которое наниматель обязан выплатить работнику за выполненную работу в зависимости от ее сложности, количества, качества, условий труда и квалификации работника с учетом фактически отработанного времени, а также за периоды, включаемые в рабочее время.

Согласно ст. 5 Конвенции МОТ № 95 о защите заработной платы [1] заработная плата будет выплачиваться непосредственно заинтересованному работнику, если национальное законодательство, коллективный договор либо решение арбитражного органа не предусматривают иного и если этот работник не соглашается на другой метод. А ее ст. 6 запрещает работодателю ограничивать любым способом свободу работника распоряжаться своей заработной платой по собственному усмотрению.

В ст. 12 этой же конвенции отмечается, что заработная плата будет выплачиваться через регулярные промежутки времени, если нет иных соответствующих «рычагов», обеспечивающих выплату зарплаты через регулярные промежутки времени, то периоды ее выплаты должны быть продиктованы национальным законодательством либо определены коллективным договором или решением арбитражного органа. Данное положение нашло свое отражение в ст. 73 ТК Республики Беларусь [3], где указано, что выплата заработной платы производится регулярно в дни, определенные в коллективном договоре, соглашении или трудовом договоре, но не реже двух раз в месяц.

Также следует указать положение касательно вычетов из заработной платы. В ст. 9 той же конвенции указывается, что вычеты из заработной платы разрешаются только при соблюдении условий и в размерах, определяемых законодательством данной страны или устанавливаемых коллективными договорами или арбитражными решениями. В национальном законодательстве это нашло отражение в ст. 107–109 ТК Республики Беларусь [3]. В них установлены общие размеры вычетов, которые не могут быть превышены, а также из каких сумм такие вычеты производиться не могут.

Однако более глубокое сравнение Конвенции № 95 [1] и ст. 74 ТК Республики Беларусь [3] ставит юридическую проблему. В ст. 4 конвенции указывается, что национальное законодательство, коллективные договоры или решения арбитражных органов могут разрешать частичную выплату заработной платы в натуре в тех отраслях промышленности или профессиях, где эта форма выплаты принята в обычной практике или желательна ввиду характера отрасли промышленности или профессии, о которых идет речь. То есть согласно Конвенции № 95 [1] запрещено установление общего разрешения натуральной оплаты труда. Предусмотрена лишь выплата в отдельных отраслях или профессиях, где это обычно или желательно, однако в национальном законодательстве это нигде не закреплено. Конечно, было бы намного лучше, если бы в ТК Республики Беларусь [3] прямо были изложены отрасли, в которых возможно установление неденежной оплаты труда, причем соответствующий перечень не мог толковаться расширительно. В данном случае требования Конвенции № 95 [1] выполнялись бы в полной мере.

Еще одна проблема, связанная с правовым регулированием оплаты труда в белорусском законодательстве, заключается в том, что в законе никак не регулируется вопрос о соотношении размера должностного оклада и премиальных выплат. На практике это нередко приводит к тому, что большая часть заработной платы оформляется в качестве премии,

выплачивающейся за особые заслуги, хотя на самом деле является обычной заработной платой. Такие премии, хотя и включаются в понятие заработной платы, могут выплачиваться на существенно более жестких по отношению к работнику условиях. Работодатель получает возможность лишать такой премии работников практически по собственному усмотрению. В близкой по сути ситуации, имевшей место в Венесуэле (там премиальные выплаты и официально не включались в понятие заработной платы), комитет экспертов МОТ отметил, что «само понятие заработной платы в таком случае теряет всякий смысл» [4].

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что белорусское законодательство в области оплаты труда основывается на международных стандартах, однако содержит отдельные технические несоответствия и фундаментальные упущения, которые необходимо устранить путем изучения международных норм труда как важнейшего источника белорусского трудового права и принять специальные меры по устранению несоответствий и пробелов.

Список использованной литературы

1. Конвенция Международной организации труда относительно защиты заработной платы (принята в г. Женева 01.07.1949) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: consultant.ru. – Дата доступа: 05.05.2020.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : в ред. от 30.12.2010 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
3. Report of the Committee of Experts on Application of Conventions and Recommendations set up to examine the representation made under article 24 of the Constitution alleging non-observance by Venezuela of Convention No. 95, March 1997, GB. 268/14/9, Para. 38. – P. 20.
4. Международная организация труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ilo.org/moscow/lang-ru/index.htm>. – Дата доступа: 05.05.2020.

Е. П. ЛОСКО

Гродно, Гродненский государственный университет
имени Я. Купалы

Научный руководитель – И. Ю. Кирвель, кандидат юридических
наук, доцент

**ПРЕТЕНЗИОННЫЙ ПОРЯДОК УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ
О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ**

В Республике Беларусь вопрос о защите прав потребителей освещен достаточно широко и закреплен в различных нормативных правовых актах. Так, законодательство Республики Беларусь, регулирующее отношения с участием потребителей, базируется на Конституции Республики Беларусь, Гражданском кодексе Республики Беларусь, Законе Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З (ред. от 13.06.2018 г.) «О защите прав потребителей» (далее – Закон Республики Беларусь) и других нормативных правовых актах.

В Республике Беларусь наравне с судебной формой защиты выделяют досудебный порядок урегулирования споров, возникающих между субъектами данных правоотношений, то есть между потребителем и производителем, исполнителями, продавцами, поставщиками, представителями, ремонтными организациями (ст. 2 Закона Республики Беларусь).

Досудебная защита прав представляет собой попытку самостоятельного урегулирования спорных вопросов между сторонами в обязательстве или при исполнении норм законодательства с применением претензии до передачи дела на рассмотрение в суд [1]. К тому же п. 2 ч. 2 ст. 10 Гражданского кодекса Республики Беларусь закрепляет, что до обращения в суд с иском по спорам, возникающим между юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями, обязательным является предъявление претензии (письменного предложения о добровольном урегулировании спора), если иное не установлено Гражданским кодексом, иными законодательными актами или договором.

Однако гражданским законодательством не установлены требования к самой претензии, в связи с чем допустимо ее составление в произвольной форме. Но, поскольку стороны могут устанавливать претензионный порядок в договоре, в нем же возможно предусмотреть и обязательные реквизиты претензии [4].

Требования к содержанию, порядку и сроку рассмотрения претензии, действия при неполучении ответа на претензию достаточно четко изложены в приложении к Хозяйственному процессуальному кодексу Республики Беларусь. Так, в соответствии с п. 2 приложения к

Хозяйственному процессуальному кодексу Республики Беларусь в претензии указываются: фамилия, собственное имя, отчество (наименование) заявителя претензии и лица (лиц), которому претензия предъявляется (получателя претензии), их место жительства (место пребывания) или место нахождения; дата предъявления претензии; обстоятельства, на основании которых предъявлена претензия; доказательства, подтверждающие эти обстоятельства; требования заявителя претензии со ссылкой на законодательство; сумма претензии и ее расчет, если претензия подлежит денежной оценке; банковские реквизиты заявителя претензии (при их наличии); перечень документов, прилагаемых к претензии. Однако данное положение касается регламентации требований к содержанию, порядку и сроку рассмотрения претензии только со стороны индивидуальных предпринимателей и организаций, не касаясь физических лиц, кем непосредственно являются потребители.

Так, можно заметить явный пробел в порядке урегулирования претензионного разрешения споров: законодательство Республики Беларусь не содержит полноценного содержания требований к претензионному порядку урегулирования споров по защите прав потребителей, что, на наш взгляд не способствует популяризации данного досудебного порядка урегулирования споров среди граждан-потребителей. Полагаем, необходимо разработать универсальный претензионный порядок, который следует четко урегулировать в Гражданском кодексе Республики Беларусь.

Важно отметить и то, что предъявление требования о защите своих нарушенных прав продавцу (изготовителю, исполнителю) – право потребителя, а не обязанность (п. 2 ч. 1 ст. 15 Закона Республики Беларусь). Поэтому он по своему усмотрению может либо предъявить требование о защите нарушенного права продавцу (изготовителю, исполнителю), либо обратиться с иском в суд, предварительно не предъявляя требований продавцу (изготовителю, исполнителю). Естественно, что при этом предъявление требований продавцу (изготовителю, исполнителю) не лишает потребителя права заявить иск в суд, если продавец (изготовитель, исполнитель) откажется добровольно удовлетворить его требование полностью или частично [2, с. 86].

Однако существует исключение из данного правила, которое предусмотрено для требований потребителя о возмещении морального вреда. Так, в Республике Беларусь размер морального вреда, подлежащий возмещению в отношении потребителя за нарушенные его права, определяется судом (ст. 18 Закона Республики Беларусь).

Таким образом, чтобы разрешить конфликт, возникший между продавцом (изготовителем, исполнителем) и потребителем в Республике Беларусь, не обязательно сразу обращаться в суд, а можно прибегнуть к

претензионному порядку разрешения спора, который также, в свою очередь, не является обязательным. Как представляется, следует предусмотреть необходимость соблюдать претензионный порядок по делам о защите прав потребителей в обязательном порядке. Это поможет разгрузить суды, поскольку в судебной практике все равно случаются коллизии. Так, например, можно привести следующую ситуацию из судебной практики по делам о защите прав потребителей: «Общественное объединение потребителей обратилось в суд с иском в интересах М. к совместному предприятию о расторжении договора об оказании услуги, взыскании стоимости услуги и поврежденной вещи, компенсации морального вреда, указывая, что при проведении химчистки была повреждена дубленка, она не пригодна для дальнейшей носки.

Решением суда Фрунзенского района г. Минска, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Минского городского суда, общественному объединению потребителей в иске отказано.

Постановлением президиума Минского городского суда решение и определение отменены, поскольку суд не выяснил, каковы причины образования недостатков вещи, в частности, когда и по какой причине были разорваны обтяжки пуговиц и ткань внизу дубленки, пригодна ли дубленка для дальнейшей носки.

Вследствие того, что судом не исследованы все обстоятельства, входящие в предмет доказывания и необходимые для правильного разрешения спора, состоявшиеся по делу судебные постановления отменены в надзорном порядке, а дело направлено на новое рассмотрение» [3].

То есть еще одной проблемой является то, что при разрешении споров о защите прав потребителей суды не всегда выясняют все необходимые обстоятельства, имеющие значение по делу, не всегда факты, положенные судом в основу решения, подтверждались достаточными доказательствами по делу.

Таким образом, можно отметить, что в законодательстве Республики Беларусь при наличии большого количества нормативных правовых актов, регулирующих область правоотношений потребителя и производителя (продавца), в области досудебного урегулирования споров посредством претензионного порядка имеются явные пробелы, нуждающиеся в доработке.

Список использованной литературы

1. Байбардина, Т. Н. Поведение потребителей : учеб. пособие / Т. Н. Байбардина. – Минск : Новое знание, 2002. – 123 с.
2. Нариньяни, А. Клиент всегда прав. Все о защите прав потребителей / А. Нариньяни. – М. : РИПОЛ классик, 2014. – 256 с.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <http://www.court.gov.by/upload/OBZORY/sv3-2010.pdf>. – Дата доступа: 25.04.2020.

4. Претензионный порядок урегулирования спора [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: [http://www.court.gov.by /ru/sup_court/int_prop/vopros/answers/eb5bb460fcb34229.html](http://www.court.gov.by/ru/sup_court/int_prop/vopros/answers/eb5bb460fcb34229.html). – Дата доступа: 19.05.2020.

Е. М. НЕСТЕРОВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. З. Шалаева, кандидат юридических наук,
доцент

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЛОЖНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Целью данной работы является определение термина «ложное банкротство», а также обозначение проблемных аспектов его определения.

Важность данной проблемы обуславливается тем, что совершение действий, имеющих признаки ложного банкротства, признается уголовным преступлением в соответствии со ст. 238 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Законодательство об экономической несостоятельности и банкротстве важно как для обеспечения эффективности реального сектора экономики, так и для качества кредитов и банковских активов. Таким образом, критически важно наличие в законодательстве об экономической несостоятельности точного определения понятия ложного банкротства, равно как и его признаков.

Уголовный кодекс Республики Беларусь дает термину «преднамеренная экономическая несостоятельность (банкротство)» следующее определение: «подача индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица в суд, рассматривающий экономические дела, заявления должника о своей экономической несостоятельности (банкротстве), иных документов, содержащих заведомо недостоверные сведения о неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер, в целях признания этого должника экономически несостоятельным (банкротом)». Данное определение можно обобщить и обозначить ложное банкротство как умышленное создание или увеличение несостоятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица, совершенное этим индивидуальным предпринимателем или должностным лицом, учредителем (участником) или владельцем имущества этого юридического лица в личных интересах или в интересах других лиц.

В соответствии с п. 10 Инструкции о порядке определения наличия (отсутствия) признаков ложной экономической несостоятельности (банкротства), преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства), сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) или препятствования возмещению убытков кредитору, а также подготовки экспертных заключений по этим вопросам, утвержденной постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 04.12.2012 № 107 (далее – Инструкция № 107), к признакам преднамеренной (ложной) экономической несостоятельности (банкротства) относятся следующие: отсутствие неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер, на дату обращения должника в хозяйственный суд с заявлением о своей экономической несостоятельности (банкротстве); наличие у должника возможности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме на дату обращения должника в хозяйственный суд с заявлением о своей экономической несостоятельности (банкротстве) и представление должником в хозяйственный суд документов, содержащих недостоверные сведения о составе его имущества и (или) обязательств.

Так, в законодательных актах есть понятие ложной экономической несостоятельности, однако в Законе «Об экономической несостоятельности» от 13 июля 2012 г., который, по сути, является важнейшим регулятором института банкротства в Республике Беларусь, такого определения нет.

В свете издания нового Закона «Об экономической несостоятельности», следует указать важность включения в него понятия и признаков ложного банкротства, а также указание на законодательную ответственность за совершение таких действий.

Таким образом, в новый Закон Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности» следует внести определение ложного банкротства основанного как на определении из Уголовного кодекса Республики Беларусь, так и на признаках ложного банкротства, указанных в Инструкции № 107.

Такое определение может звучать следующим образом: умышленное создание видимости несостоятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица, совершенное этим индивидуальным предпринимателем или должностным лицом, учредителем (участником) или владельцем имущества этого юридического лица в личных интересах или в интересах других лиц, при отсутствии реальной неплатежеспособности. Что касается включения признаков ложного банкротства, данные признаки уже сформулированы в Инструкции № 107 и требуют лишь включения в новый Закон «Об экономической несостоятельности» в данном виде.

Е. С. ПАСУНЬКО

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. З. Шалаева, кандидат юридических наук,
доцент

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Действующий Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон) в значительной степени систематизировал законодательный опыт в области экономической несостоятельности (банкротства), и предметом правового регулирования Закона представляется почти весь комплекс общественных отношений, возникающих в связи с неплатежеспособностью отдельных видов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Однако в сложившейся национальной системе правового регулирования экономической несостоятельности (банкротства) имеются недостатки:

- негативное восприятие банкротства людьми и обществом в целом;
- недостаточная грамотность руководства и персонала предприятий в области экономической несостоятельности (банкротства);
- неподготовленность судебной системы к рассмотрению и эффективному решению дел по банкротству и санации;
- непопулярность специализированных компаний по банкротству, санации и антикризисному управлению, что приводит к их малому количеству;
- разное отношение со стороны государства к предприятиям.
- наличие коллизий в законодательстве Республики Беларусь. Так, ст. 60 Гражданского кодекса Республики Беларусь предусматривает четыре очереди кредиторов, в то время как в ст. 141 Закона говорится о пяти очередях;
- очередность погашения требований кредиторов не является достаточно детализированной, что на практике вызывает конфликтные ситуации в работе с кредиторами;
- возможность преднамеренного банкротства (существуют бизнес-группы, сделавшие банкротство инструментом для заработка и сформировавшие рынок специфических услуг в этой области).

На основании выявленных недостатков предлагаются следующие меры по совершенствованию отечественного института экономической несостоятельности (банкротства):

– установить жесткие условия инициирования процедур экономической несостоятельности (банкротства) должника и законодательно закрепить принцип реальной платежеспособности должника, поскольку процедура возбуждения такого дела с использованием существующих в настоящее время внешних признаков неплатежеспособности представляется достаточно рискованной, так как это может нанести непоправимый ущерб гражданскому обороту и формирующемуся институту частной собственности;

– дифференциация продолжительности реабилитационных процедур применительно к отдельным категориям должников. В отношении таких категорий должников, как градообразующие организации, обязательно срок финансового оздоровления или внешнего управления должен быть увеличен;

– расширить полномочия суда. Сегодня суд, рассматривающий экономические дела, имеет недостаточно власти в делах о банкротстве. Так, за субъектами несостоятельности закреплено право самостоятельного выбора кандидатуры управляющего, суд же только утверждает ее. В частности, суду следует более активно принимать участие в обсуждении кандидатуры управляющего при его назначении и отстранении, а также при определении порядка реализации имущества.

Также, если рассматривать очередность удовлетворения требований кредиторов в Республике Беларусь, установленную законодательством об экономической несостоятельности (банкротстве), то можно сделать вывод, что она имеет свои недостатки. В связи с этим предлагается внутри группы, установить следующую очередность:

- 1) расходы, связанные с открытием конкурсного производства;
- 2) требования кредиторов, возникшие после открытия конкурсного производства. Данные требования удовлетворяются в очередности, установленной для требований кредиторов, возникших до момента открытия конкурсного производства. Выплаты по таким требованиям, в особенности оплата труда управляющего, необходимо производить прежде всего, поскольку именно от умения и заинтересованности управляющего во многом зависит успешность проводимой процедуры. Кроме того, деньги, потраченные на проведение процедуры, должны отдаваться вначале.

Р. В. РОВИНСКИЙ, В. А. РОМАНИЮК

Брест, Брестский государственный технический университет
Научный руководитель – О. В. Ипатова, старший преподаватель

**ПАТЕНТОВАНИЕ ПОЛЕЗНЫХ МОДЕЛЕЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Полезная модель как объект правовой охраны появилась в законодательстве Республики Беларусь в 1997 г. с принятием Закона Республики Беларусь от 08.07.1997 № 54-З «О патентах на изобретения и полезные модели».

Полезная модель – это результат интеллектуальной деятельности человека, представляющий собой техническое изобретение, относящееся к устройствам и являющееся новым и промышленно применимым. Правовая охрана полезных моделей, промышленных образцов и изобретений регулируется Законом Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» (далее – Закон).

Право на получение патента имеют автор или авторы, которые совместно создали полезную модель, работодатель автора, если полезная модель создана в результате выполнения автором служебных обязанностей.

Право на получение патента работодателем ограничено по времени и обусловлено соответствующими требованиями Закона и Положением «О Служебных объектах промышленной собственности», утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 1957 от 23.19.1998 (с изменениями и дополнениями).

Кроме того, правами на патент также обладают физические или юридические лица, указанные автором в заявке на выдачу патента, поданной в НЦИС до регистрации полезной модели, правопреемники вышеуказанных лиц.

Полезная модель отвечает условиям патентоспособности, если она:

– является новой (т. е. общие признаки патента не являются частью актуального продукта);

– является применимой в промышленности.

Преимуществом получения патента на полезную модель, как отмечают авторы, является ее быстрое получение. Если на получение патента на изобретение нужно более трех лет, то патент на полезную модель можно получить за 3–4 месяца.

Исключительное право собственности на полезную модель приобретается в России путем получения патента на полезную модель, который также удостоверяет авторство и приоритет.

Срок действия патента на полезную модель составляет 10 лет с даты подачи заявки при условии вовремя оплачивать ежегодные пошлины за поддержание патента в силе.

Процедуру получения патента можно разделить на несколько важных этапов. Важно отметить, что положительное решение о выдаче патента в значительной мере зависит от правильности оформления материалов заявки на выдачу патента и сопутствующей документации, а также своевременных и квалифицированных ответов на запросы патентного ведомства.

Заявка на изобретение в Российской Федерации должна содержать:

- 1) заявление о выдаче патента с указанием автора изобретения и лица, на имя которого испрашивается патент, а также их местожительства или местонахождения;
- 2) описание изобретения;
- 3) формулу изобретения, изображающую сущность и полностью основанную на описании изобретения;
- 4) чертежи или материалы, если необходимы для понимания смысла изобретения;
- 5) реферат.

К заявке на изобретение прилагается документ, подтверждающий уплату патентной пошлины в установленном размере, или документ, подтверждающий основания для освобождения от уплаты патентной пошлины, либо уменьшения ее размера, либо отсрочки ее уплаты.

После получения патента на полезную модель патентообладатель, по сути, становится монопольным собственником запатентованного объекта и вправе распоряжаться им по своему усмотрению: продать, переуступить, запретить или разрешить кому-либо использование защищенного им объекта интеллектуальной собственности и т. п.

В соответствии со ст. 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации любое использование запатентованной полезной модели без согласия правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных в ст. 1359 Гражданского кодекса Российской Федерации, признается нарушением исключительного права патентообладателя и преследуется по закону.

Сравнительный анализ получения патента в Российской Федерации и Республике Беларусь дает нам основание констатировать, что в Республике Беларусь от подачи заявки до получения патента в среднем проходит 18 месяцев, а в России 8–12 месяцев. Из этого следует, что реализация авторских прав в Российской Федерации является более оперативной.

В. В. СЕРЕДА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Маслакова, старший преподаватель

**ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ В СФЕРЕ ТРУДА,
СФОРМУЛИРОВАННЫЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ОРГАНИЗАЦИЕЙ ТРУДА**

Международная организация труда (МОТ) является специализированным учреждением Организации Объединенных Наций, образованным в 1919 г. в условиях Версальского договора. В настоящее время МОТ осуществляет правовое регулирование труда на международном уровне и включает в себя 187 государств.

Являясь развитой страной Европы, Республика Беларусь находится в составе МОТ и является ее участником уже 65 лет. За этот период Республика Беларусь ратифицировала 51 конвенцию и продолжает построение своего национального законодательства в соответствии с ними. Это подтверждает основанная на ст. 41–43 Конституции Республики Беларусь [3] ст. 8 Трудового кодекса Республики Беларусь [4], согласно которой Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства о труде. При этом если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые содержатся в Трудовом кодексе Республики Беларусь, то применяются правила международного договора.

За 100 лет существования МОТ определила основные направления осуществления своей профессиональной деятельности, такие как занятость, развитие предприятий, гендерное равенство, международные трудовые нормы, охрана труда, социальная защита и последнее, но не по его значимости – профсоюзы и организации работодателей. Эффективность деятельности в пределах приведенных направлений обуславливается акцентом МОТ на социальной справедливости. Это подтверждает Декларация относительно целей и задач Международной организации труда [1], принятая в г. Филадельфии 10 мая 1944 г. на 26-й сессии Генеральной конференции МОТ. Указанная декларация утвердила четыре основных принципа деятельности МОТ, а именно: труд не является товаром; свобода слова и профсоюзной деятельности является необходимым условием постоянного прогресса; нищета в любом месте является угрозой для общего благосостояния; борьба с нуждой должна вестись с неослабевающей силой в каждом государстве и путем постоянных и объединенных международных усилий, при которых

представители рабочих и предпринимателей, пользующиеся равными правами с представителями правительств, присоединятся к ним в свободном обсуждении и принятии демократических решений в целях содействия общему благосостоянию.

Со временем возникла необходимость в конкретизации норм Филадельфийской декларации и так возникла Декларация Международной организации труда об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации, принятая в г. Женеве 18 июня 1998 г. на 86-й сессии Генеральной конференции МОТ [2]. В ней изложен ряд основополагающих принципов в сфере труда, а именно: свобода объединения и действительное признание права на ведение коллективных переговоров; упразднение всех форм принудительного или обязательного труда; действительное запрещение детского труда; недопущение дискриминации в области труда и занятий. Для каждого из принципов упомянутой декларации существует определенная конвенция, конкретизирующая их применение.

В настоящее время приведенные принципы являются общеобязательными для всех государств, входящих в состав МОТ, вне зависимости от ратификации тех или иных конвенций. Более того, они являются основой для формирования демократии и координации политики государств в сфере труда.

Безусловно, Республика Беларусь не является исключением: в законодательство о труде включены основополагающие принципы, но систематизации в основном источнике – Трудовом кодексе Республики Беларусь [4] – они не нашли. Так, считаем необходимым ввести отдельную статью, закрепляющую основополагающие принципы регулирования трудовых и связанных с ними отношений в соответствии с мировыми стандартами, при этом структурно поместить ее после ст. 8 Трудового кодекса Республики Беларусь [4] «Соотношение законодательства о труде и норм международного права».

Подводя итог, необходимо отметить, что МОТ является основополагающей организацией не только для отдельного государства, но и для всей системы государств мира в целом. По словам Генерального директора Международной организации труда Гая Райдера, «достойный труд способен избавить целые сообщества от бедности, он служит основой безопасности человека и социального мира... Это не просто цель – это фактор устойчивого развития» [5].

Список использованной литературы

1. Декларация относительно целей и задач Международной организации труда (принята на 26-й сессии Генеральной конференции

МОТ от 10 мая 1944 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: consultant.ru. – Дата доступа: 05.05.2020.

2. Декларация Международной организации труда об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации (принята на 86-й сессии Генеральной конференции МОТ от 18 июня 1998 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: un.org. – Дата доступа: 05.05.2020.

3. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 марта 1994 г., № 2875-ХП : принята на Респ. референдуме 24 нояб. 1996 г. : в ред. от 17.11.2004 № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г., одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Международная организация труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ilo.org. – Дата доступа: 05.05.2020.

В. В. СЕРЕДА, С. В. ЛИТВИНЧУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Г. И. Зайчук, кандидат юридических наук,
доцент

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК ИСТОЧНИКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В юридической литературе внешнюю форму выражения и закрепления норм права принято называть источниками либо формами права.

Признание за общепризнанными принципами международного права формы источников национального права является новацией для законодательства в области охраны окружающей среды и рационального (устойчивого) использования природных ресурсов. Общепризнанные принципы международного права в качестве источников экологического права можно рассматривать, опираясь на ч.1 ст. 8 Конституции Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах от 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) [1] (далее – Конституция), согласно которой Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает

соответствие им законодательства. При этом в ч. 3 этой статьи сделана оговорка, в соответствии с которой не допускается заключение международных договоров, противоречащих Конституции, что распространяется и на общепризнанные принципы международного права и ст. 104 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» [2] (далее – Закон «Об охране окружающей среды»), согласно которой Республика Беларусь осуществляет международное сотрудничество в области охраны окружающей среды в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Однако определение принципов международного права в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. И стоит ли идентифицировать все общепризнанные принципы международного права в качестве источников национального экологического права?

Принципы международного права закрепляются в различных международных актах, носящих рекомендательный характер, причем их признание обеспечивается авторитетом принявшего их межгосударственного образования, например Организации Объединенных Наций (ООН), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Содружества Независимых Государств (СНГ) и других международных организаций, как правило, учредителем и участником которых является Республика Беларусь.

Соответствие этим принципам национального законодательства достигается посредством их имплементации в отечественные нормативные правовые акты. Но не всех, лишь только тех, которые содержатся в международных актах, за которые полностью или частично голосовала Республика Беларусь и которые не противоречат Конституции и интересам Беларуси.

В частности, такие основополагающие начала экологического права сформулированы в Декларации по окружающей среде от 16 июня 1972 г., принятой конференцией ООН в Стокгольме по проблемам окружающей человека среды, в Декларации по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 г., принятой конференцией Организации Объединенных Наций в Рио-де-Жанейро, а также в модельных кодексах и законах для стран – членов ЭАС, СНГ и других актах межгосударственных организаций.

Следует отметить, что общепризнанные принципы международного права в области охраны окружающей среды и рационального (устойчивого) использования природных ресурсов нашли свое отражение в нормативных правовых актах Республики Беларусь, регламентирующих соответственные отношения. Например, 10-й принцип Декларации по окружающей среде и развитию, за принятие которой голосовала, являясь членом ООН, Республика Беларусь, о праве граждан на информацию в области окружающей среды и их участия в решении экологических

вопросов нашел закрепление в ст. 12 Закона «Об охране окружающей среды» в виде норм: о праве граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной экологической информации, а также о праве граждан на участие в общественных обсуждениях проектов экологически значимых решений и т. п.

Таким образом, общепризнанные принципы международного права могут выступать источниками национального экологического права лишь в том случае, если они содержатся в международных актах, принятых авторитетными международными организациями, учредителем и участником которых является Республика Беларусь, за которые она полностью или частично голосовала и которые не противоречат Конституции, а также национальным интересам Республики Беларусь.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах от 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХП (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

М. Р. СУПРУНЮК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, кандидат юридических наук,
доцент

СПОСОБЫ БЕЗВОЗМЕЗДНОГО ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИЗЪЯТИЯ ИМУЩЕСТВА У СОБСТВЕННИКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

С целью рассмотрения сущности вопроса относительно способов принудительного изъятия у собственника имущества необходимо определить понятие «безвозмездное принудительное изъятие имущества». Стоит отметить, что гражданское законодательство не закрепляет как указанное определение, так и такие дефиниции, как «безвозмездное изъятие имущества» и «принудительное изъятие имущества».

Установим, что под принудительным безвозмездным изъятием имущества следует понимать разновидность правопрекращающих

юридических фактов, которые помимо воли собственника прекращают право собственности на определенное имущество без выплаты ему соответствующего возмещения.

В соответствии с ч. 2 ст. 236 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) к вышеуказанным способам относятся обращение взыскания на имущество по обязательствам, конфискация, безвозмездное изъятие имущества в случаях, предусмотренных законодательными актами в сфере борьбы с коррупцией.

Рассматривая такой способ принудительного безвозмездного изъятия имущества, как обращение взыскания на имущество по обязательствам, необходимо отметить, что собственник, по общему правилу, отвечает по своим долгам всем своим имуществом, а в случае, если он не исполняет такое обязательство добровольно, применяется принудительное исполнение. По данному основанию предусмотрен как судебный, так и внесудебный порядок прекращения права собственности, причем по общему правилу установлен судебный порядок, однако определено, что обращение взыскания производится по решению суда, если иное не предусмотрено законодательством или договором. Если предусматривается внесудебный порядок обращения взыскания на имущество, тогда возможны случаи добровольного исполнения данного соглашения должником, а в случае отказа должника от исполнения производится принудительное изъятие у него имущества.

Еще в XIX в. специфичности данного способа прекращения права собственности было уделено внимание в русской цивилистике. Так, К. П. Победоносцев не признавал отчуждение имущества одного лица другому приговором суда, поскольку полагал, что суд не может ни создать, ни уничтожить право, а обязанность суда состоит в установлении субъекта этого права [4].

Конфискация как способ принудительного безвозмездного изъятия имущества у собственника по общему правилу осуществляется по решению суда в качестве санкции за совершение преступления или иного правонарушения. Предусматривается также административный порядок осуществления конфискации, однако принятое в административном порядке решение о конфискации может быть обжаловано в суде. Необходимо подчеркнуть, что в том случае, если имущество не принадлежит собственнику, такая конфискация не является гражданско-правовой. Дискуссионным вопросом является соотношение конфискации с взысканием в доход государства как последствия недействительности сделки, предусмотренное в ст. 170 и 180 ГК Республики Беларусь. Поскольку понятие «конфискация» прямо не указано в данных статьях, у ученых-цивилистов сложились противоположные точки зрения насчет

соотношения конфискации и взыскания в пользу государства как последствие недействительности сделки. Так, согласно первой позиции указанные последствия относятся к конфискации, а согласно другой позиции данные последствия схожи с конфискацией, однако не являются идентичными, в связи с чем их следует рассматривать отдельно, как самостоятельные явления.

Отметим, что одной из актуальных тем, связанных с конфискацией, является совершенствование порядка ее осуществления в соответствии со ст. 244 ГК Республики Беларусь, которая носит бланкетный характер. Так, в ней допускается конфискация в случаях, предусмотренных законодательными актами, которыми, в первую очередь, являются Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь, однако те нормы, которые регулировали вопросы, связанные с осуществлением конфискации, претерпели ряд изменений, что привело к прекращению действия ряда нормативно-правовых актов, регулирующих также вопросы, касающиеся конфискации. В связи с этим полагаем, что использование в ст. 244 термина «законодательные акты» не отвечает требованиям правовой действительности [2].

Рассматривая такой способ принудительного безвозмездного изъятия имущества, как безвозмездное изъятие имущества в случаях, предусмотренных законодательными актами в сфере борьбы с коррупцией, необходимо обозначить, что в Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» была введена новелла, которая предусматривает возможность изъятия у государственных должностных лиц, занимающих ответственное положение, имущества, стоимость которого превышает доход, полученный из законных источников. Таким образом, в данном случае мы можем рассматривать приведение в действие вышеуказанного способа прекращения права собственности.

Одним из самых сложных этапов реализации процедуры взыскания является осуществление правомерного наложения ареста на имущество должника [3]. Судебная практика свидетельствует о том, что, хотя в большинстве случаев иски об исключении имущества от ареста не удовлетворяются судебными постановлениями, однако такие случаи не носят абсолютный характер. Так, в соответствии со статистическими показателями работы судов общей юрисдикции за 2019 г. в экономические суды Республики Беларусь поступило 1537 кассационных жалоб, из которых 79 были удовлетворены.

Таким образом, существует проблема, связанная с неправильным применением норм материального и процессуального права судебными инстанциями, результатом чего является вынесение необоснованных и

незаконных судебных постановлений относительно наложения ареста на имущество собственника.

Необходимо отметить, что должник не вправе обращаться в суд и с иском об освобождении имущества от ареста, который может предъявляться только собственником, а также лицом, владеющим в силу закона или договора имуществом, не принадлежащим должнику. Рассматривая судебную практику, необходимо отметить, что, как правило, отказ в удовлетворении иска по данному основанию связан с непредоставлением истцом достоверных доказательств, подтверждающих его право собственности на арестованную вещь, и непредоставлением доказательств, подтверждающих неправильное применение судами закона, неточное определение предмета доказывания, неполное выяснение ими действительных обстоятельств дела, что влечет ошибочные заключения о собственнике имущества, подлежащего аресту [1].

Таким образом, в гражданском законодательстве нами был установлен ряд теоретических пробелов относительно способов принудительного прекращения права собственности, что, в свою очередь, порождает дискуссионные мнения ученых-цивилистов, а тем самым затрудняет однозначное и правомерное понимание установленных правовых норм. Касательно практических пробелов по данной теме, нами была рассмотрена проблема правомерности и законности наложения ареста на имущество должника. В результате изучения судебной практики мы установили, что при осуществлении указанной процедуры со стороны судебных инстанций допускаются ошибки, которые заключаются в неправильном определении собственника имущества, непривлечении к участию в деле всех ответчиков, неправильном определении предмета доказывания и др., что влечет нарушение прав как взыскателей, так и должников. Устранение и восполнение вышеизложенных пробелов обеспечит наиболее эффективное и правомерное исполнение гражданского законодательства.

Список использованной литературы

1. Абрамович, С. А. Дела по искам об освобождении имущества от ареста (исключения из описи): работа над недостатками / С. А. Абрамович // Надзор. деятельность. – 2018. – № 41. – С. 21.
2. Мусаев, М. А. Проблемы, связанные с реализацией арестованного имущества / М. А. Мусаев // Юрист-Правоведь. – 2007. – № 15. – С. 144.
3. Насонов, А. М. Реализация имущества должников в порядке принудительного исполнения судебного решения / А. М. Насонов // Журн. рос. права. – 2018. – № 10. – С. 25.

4. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права : в 3 т. / К. П. Победоносцев, В. А. Томсинова. – М., 2003. – Т. 1. – 768 с.

Д. И. ЧИКАТОВСКИЙ

Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель – Т. В. Телятицкая, кандидат юридических наук, доцент

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Развитие институтов гражданского общества и правового государства в Республике Беларусь не представляется возможным без совершенствования механизмов судебной защиты в области правоотношений, связанных с государственным управлением.

Административно-правовой спор – это юридический конфликт между государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами (с одной стороны) и иными субъектами права (с другой стороны) в связи с нарушением субъективных публичных прав физических или юридических лиц, осуществлением противозаконного административного нормотворчества [3, с. 58].

Специфика административно-правовых споров заключается в правовом неравенстве участников, один из которых наделен властными полномочиями, что предполагает наличие эффективной защиты прав граждан в сфере реализации публичной власти с помощью административной юстиции.

В научных источниках отсутствует единое мнение, что следует понимать под административной юстицией, которую определяют и как систему специальных судебных (квазисудебных) органов, рассматривающих публично-правовые споры, и как вид судопроизводства, а также в форме специализированного надзора за деятельностью органов государственной власти.

Понятие административной юстиции сформулировано Д. М. Чечотом как порядок рассмотрения и разрешения в судебной процессуальной форме споров, возникающих в сфере административного управления между гражданами и административными органами, осуществляемый юрисдикционными органами, специально созданными для разрешения правовых споров [4, с. 11].

В настоящее время административная юстиция в Республике Беларусь находится в стадии формирования, поскольку не имела длительного исторического опыта и развития. Наибольшее распространение получили два способа защиты прав граждан и юридических лиц в сфере их взаимодействия с государственными органами и должностными лицами: административный (через вышестоящий орган) и судебный механизмы обжалования. При этом в национальной правовой системе отсутствует отдельное процессуальное законодательство об административном судопроизводстве, регулирующее порядок разрешения судами публично-правовых споров, а также система специализированных административных судов.

В 2013 г. Совет по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь, действующий в рамках Указа Президента Республики Беларусь от 08.12.2011 № 573, признал целесообразным развитие в Республике Беларусь системы административной юстиции в целях обеспечения эффективной судебной защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в административных или иных публичных правоотношениях [2].

При этом Совет решил продолжить изучение следующих проблем: расширения подведомственности судов в части рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью реализации государственных или иных властных полномочий; введения административного судопроизводства для рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений; формы специализации судей по рассмотрению административно-правовых споров.

Административная юстиция как институт защиты от неправомерных действий (бездействия) органов власти (должностных лиц) реализуется судами общей юрисдикции по правилам, установленным Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь и Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь.

Несмотря на единые цели и задачи гражданского и административного судопроизводства, заключающиеся в правильном рассмотрении в разумный срок дел, содействии укреплению законности и правопорядка, предупреждению случаев нарушения закона, судебный контроль за административной деятельностью имеет существенные отличия.

В рамках гражданского правосудия рассматриваются споры между физическими и юридическими лицами, возникающие из гражданских

правоотношений. В административном судопроизводстве осуществляется разбирательство споров различных субъектов права с государством, исходящих из публичных правоотношений.

В отличие от руководящей роли суда в гражданском процессе в административном судопроизводстве также действует принцип состязательности сторон, но при активности суда, которая может заключаться в следующем.

Суд определяет способы и объем исследования обстоятельств административного дела независимо от доводов участников судебного разбирательства и ходатайств об истребовании доказательств. По своей инициативе может выявлять и истребовать доказательства, необходимые для полного и всестороннего рассмотрения дела, указывать на конкретные дополнительные доказательства, которые должны быть представлены стороной в установленный срок.

Для восстановления законности и справедливости в публичных правоотношениях суд при осуществлении административного судопроизводства не ограничен основаниями и доводами, содержащимися в иске. При этом законодательством об административном судопроизводстве может быть предусмотрено право суда вести правовую дискуссию с участниками процесса.

Например, в соответствии с ч. 2 ст. 9 (состязательность сторон, диспозитивность и официальное выяснение всех обстоятельств по делу) Кодекса административного судопроизводства Украины от 06.07.2005 № 747-IV при рассмотрении административного дела суд вправе выйти за пределы исковых требований, если это необходимо для эффективной защиты прав, свобод, интересов человека и гражданина, других субъектов в сфере публично-правовых отношений от нарушений со стороны субъектов властных полномочий.

В некоторых странах суд наделен полномочием в предусмотренных законом случаях принять административное решение. В частности, согласно ст. 255 (издание индивидуальных административных актов судебной инстанцией) Административного кодекса Республики Молдова от 19.07.2018 № 116 в случае неисполнения юридическим лицом публичного права обязанности по изданию в 15-дневный срок индивидуального административного акта апелляционная инстанция может в приемлемых случаях издать таковой сама.

В целом активная роль суда является характерной особенностью и основополагающим принципом административного судопроизводства, предусмотренным, например, п. 7 ст. 6 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ.

Учитывая изложенные и иные существенные отличия правосудия по административным делам, по нашему мнению, требуется дальнейшее развитие административной юстиции в Республике Беларусь в части совершенствования процессуального порядка разрешения публично-правовых споров.

Представляется необходимым внедрение исковой формы защиты субъективных публичных прав вместо такого недостаточно эффективного процессуального средства, как жалоба, которое в настоящее время является основанием для рассмотрения судом административно-правового спора.

Вместе с тем отдельные особенности рассмотрения административных дел являются весьма дискуссионными и нуждаются в комплексной проработке при совершенствовании законодательства об административном судопроизводстве.

В рамках формирования административной юстиции в Республике Беларусь необходимо также развитие специализации в сфере административных и иных публичных правоотношений. Законодательство Республики Беларусь не исключает возможности создания специализированных коллегий по административным делам в судах общей юрисдикции и административных судов, к компетенции которых может быть отнесено разрешение публично-правовых споров.

Вместе с тем количество разрешаемых судами административно-правовых споров в рамках контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных и иных властных полномочий незначительно, что необходимо учитывать при реформировании судебной системы.

В 2019 г. судами общей юрисдикции рассмотрено 2258 дел из административных и иных публичных правоотношений, включая возникающие в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности [1].

Таким образом, дальнейшее развитие административной юстиции в Республике Беларусь будет содействовать осуществлению прав граждан и повышению эффективности судебной защиты в сфере реализации публичной власти.

Список использованной литературы

1. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2019 год [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/. – Дата доступа: 30.05.2020.

2. Совет по судебной деятельности выступил за развитие в Беларуси электронного правосудия и административной юстиции [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство (БЕЛТА). – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/soviet-po-sudebnoj-dejatelnosti-vystupil-za-razvitie-v-belarusi-elektronnogo-pravosudija-i-administrativn-19153-2013>. – Дата доступа: 30.05.2020.

3. Старилов, Ю. Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы / Ю. Н. Старилов. – М : НОРМА, 2001. – 304 с.

4. Чечот, Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу / Д. М. Чечот. – СПб. : Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. – 614 с.

Т. И. ЧУГУНОВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ВЗЫСКАНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В ПОРЯДКЕ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Ст. 21 Конституции Республики Беларусь гарантирует каждому право на достойный уровень жизни, который включает в себя достаточное питание, необходимую одежду, жилье. Для большинства граждан средством обеспечения этих потребностей является заработная плата, выплачиваемая за работу по трудовому договору (контракту).

Работнику гарантируется регулярная (не реже двух раз в месяц) выплата заработной платы (ст. 73 Трудового кодекса). Декрет Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» позволяет нанимателю выплачивать работникам, с которыми заключен контракт, заработную плату один раз в месяц [1, п. 4].

Взыскание заработной платы, которая начислена работнику, но не выплачена, имеет свои особенности. ГПК в редакции от 11 января 1999 г. предусматривал возможность ее взыскания в порядке приказного производства. Ст. 394 ГПК к категориям дел приказного производства относил, в числе прочих, взыскание начисленной, но не выплаченной заработной платы, но не более чем за один месяц. Другие вопросы, связанные с оплатой труда, не могли разрешаться в порядке приказного производства. Так, требования работника, связанные с установлением размера заработка, начисления различных надбавок, доплат, премий, должны были разрешаться либо в КТС, либо в судах в порядке искового производства.

В юридической литературе признается, что приказное производство является упрощенным и сокращенным по сравнению с исковым [7, с. 109]. Отнесение дел о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы к делам приказного производства было обусловлено стремлением законодателя ускорить и упростить по ним судопроизводство, сделать его более эффективным, а судебную защиту нарушенных прав работника – более доступной. При этом законодатель исходил из того, что в этом случае нет спора о праве, так как наниматель не оспаривает право работника на оплату труда в соответствующем размере за определенный период времени, а работник согласен с расчетом нанимателя.

Упрощение заключалось в том, что рассмотрение дел осуществлялось на основании письменных доказательств, без проведения судебного разбирательства и вызова сторон. В качестве взыскателя выступал работник, в качестве должника – наниматель. Поскольку обязанность нанимателя носила бесспорный характер, то для обращения работника в суд в порядке приказного производства не требовалось предварительное обращение в КТС. При этом работник не лишался права на обращение в суд с названным требованием и в порядке искового производства. Работник сам определял, в рамках какого вида судопроизводства он будет защищать свои права.

Однако Указ Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 366 «О некоторых вопросах нотариальной деятельности» требования о взыскании задолженности по начисленной, но не выплаченной работнику заработной плате отнес к нотариальной компетенции и установил, что нотариусы совершают по ним исполнительные надписи [2, п. 1]. В п. 2 названного нормативного правового акта конкретизировано: требования о взыскании названной задолженности не подлежат рассмотрению в судах в порядке приказного производства.

Хотя передача требований о взыскании начисленной заработной платы в нотариальную юрисдикцию осуществлена с целью упростить и ускорить защиту прав, у работников возникают проблемы. Главная из них – сбор документов, подтверждающих сумму задолженности. Обращения работника к нанимателю о выдаче такого документа последним, как правило, игнорируются. Если наниматель не желает выдавать документы, подтверждающие задолженность по зарплате, либо оспаривает ее наличие, размер, работнику остается только обращение предварительно в КТС, а затем в суд в порядке искового производства. Вряд ли такой путь способен обеспечить оперативность защиты прав работника. Несогласие самого работника с размером задолженности, указанным в расчете нанимателя, также порождает трудовой спор, требующий своего разрешения в установленном законодательством порядке.

Постепенное расширение полномочий нотариусов в различных сферах гражданского оборота позволяет говорить о повышении доверия государства к данному институту. Исполнительная надпись, как нотариальное действие о взыскании денежных сумм и движимого имущества от должника, призвана сократить нагрузку на судебную систему. Однако, во-первых, установленный порядок совершения нотариусами исполнительных надписей по новым категориям требований далек от совершенства. Во-вторых, отнесение требований о взыскании заработной платы к нотариальной юрисдикции вряд ли стоит считать обоснованным и соответствующим интересам работника.

В связи с этим считаем возможным сделать вывод о необоснованности исключения требований о взыскании начисленной, но не выплаченной работнику заработной платы из перечня дел приказного производства. По нашему мнению, именно судебный приказ является достаточно эффективным способом защиты прав работников в случаях, когда речь идет о задержке выплаты заработной платы, а не о споре относительно ее размера.

При обращении в суд в порядке приказного производства взыскатель должен предоставить документы, на которых основано требование. Полагаем, что для подтверждения требования о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы, работнику достаточно было бы предоставить в суд:

- 1) заявление;
- 2) копию трудового договора (контракта);
- 3) расчетный листок;
- 4) расчет задолженности по заработной плате, составленный самим работником;
- 5) выписку из банковского карт-счета, подтверждающую непоступление денежных средств на расчетный счет работника.

Основным документом, подтверждающим факт начисления нанимателем заработной платы, выступал бы расчетный лист. Тем самым работник освобождался бы от необходимости обращаться к нанимателю за получением документов. Сбор названных документов для работника не представлял бы сложности.

Согласно ст. 398 ГПК в течение трех дней после вынесения определения о судебном приказе судья направляет его копию должнику с уведомлением о вручении. Должник вправе в десятидневный срок со дня получения копии направить в суд возражения против заявленного требования с использованием любых средств связи. При поступлении в установленный срок от должника возражений против заявленного требования судья отменяет определение о судебном приказе. Таким

образом, в приказном производстве права нанимателя, как должника, также были бы защищены.

Таким образом, исключение в Республике Беларусь требований о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы из перечня дел приказного производства и отнесение их к нотариальной компетенции не сделало исполнительную надпись нотариуса доступным для работника способом защиты его трудовых прав в силу наличия сложностей с получением документов, предусмотренных законодательством.

Полагаем, что обращение в суд в порядке приказного производства в гражданском процессе является более понятным для работника и оперативным способом взыскания начисленной, но не выплаченной заработной платы. В связи с этим считаем необходимым вновь отнести эту категорию дел к компетенции суда.

Список использованной литературы

1. О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 29 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 18.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О некоторых вопросах нотариальной деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2011 г., № 366 : в ред. от 8 июля 2013 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

СЕКЦИЯ 6

КУЛЬТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

И. А. ДОРОШЕНКО

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Г. И. Займист, кандидат философских наук,
доцент,

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АДВОКАТА ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

В профессиональной деятельности адвоката чаще, чем в любой другой юридической деятельности, возникают ситуации, разрешение которых зависит от соблюдения не только правовых, но и моральных, нравственных норм. Цель данной статьи – определить критерии поддержания достоинства и чести адвоката, а также виды ответственности адвоката за нарушение требований профессиональной этики.

Адвокат – это член независимого учреждения, поэтому ему необходимо придерживаться определенной этики для демонстрации достоинства и чести всего адвокатского корпуса. Это касается профессиональных обязанностей, общественной и личной жизни. Адвокат обязан соблюдать закон и нормы профессиональной морали, упрочнять достоинство и честь профессии не только как участник отправления правосудия, но и как общественный деятель. Профессиональный правозащитник должен следить за собственным достоинством, поддерживать личный престиж на высоком уровне, а также повышать уровень уважения граждан к правосудию.

Профессия адвоката признана свободной профессией, которая основывается на верховенстве законодательства, на независимости и безоговорочном доверии. Адвокат должен самостоятельно и честно, свободно и принципиально, конфиденциально и терпимо подходить к исполнению своих должностных обязанностей.

В целях поддержания чести и достоинства адвокату следует:

- проявлять тактичность, вежливость, честность, добросовестность, принципиальность и независимость;
- действовать квалифицированно, использовать все законные средства, способы и методы оказания юридической помощи;
- быть активным в отстаивании своей позиции;
- не допускать разглашения адвокатской тайны;

- своими действиями поддерживать престиж адвокатуры и личное достоинство адвоката, повышать роль и авторитет адвокатуры в обществе;
- пресекать любые посягательства на свою профессиональную независимость;
- постоянно совершенствовать свои правовые знания;
- в профессиональной деятельности соблюдать деловую манеру в общении и деловой стиль одежды [5].

Таким образом, адвокат при любых обстоятельствах должен поддерживать профессиональную честь и осознавать нравственную ответственность перед обществом.

За совершенные правонарушения законодательством установлена профессиональная ответственность адвоката – обязанность юриста претерпевать установленные меры принуждения.

Ответственность адвоката имеет следующие отличительные черты:

- ответственность адвокатов наступает только за деяния, предусмотренные законом;
- правовая ответственность адвоката наступает за совершенные поступки, но не за мысли и намерения;
- привлечение адвоката к ответственности происходит в ходе установленной процедуры компетентными органами;
- привлечение адвоката к ответственности всегда означает наступление неблагоприятных последствий для юриста [5].

В зависимости от нарушения выделяют следующие виды юридической ответственности адвоката:

- 1) уголовная (за совершенные преступления);
- 2) административная (за административные проступки);
- 3) гражданско-правовая (нарушение имущественных прав, например, вследствие неисполнения договорных обязательств);
- 4) дисциплинарная (нарушение профессиональных обязанностей);
- 5) репутационная ответственность [3].

Нарушение адвокатом Правил профессиональной этики влечет за собой дисциплинарную ответственность, а совершение проступков, не совместимых со званием адвоката, – исключение из территориальной коллегии адвокатов в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь».

Проступками, несовместимыми со званием адвоката, являются:

- совершение действий, дискредитирующих звание адвоката;
- систематическое невыполнение решений Республиканской, территориальной коллегий адвокатов, принятых в пределах их компетенции, предусмотренных Законом Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь»;

– препятствование осуществлению Министерством юстиции Республики Беларусь, другими контролирующими органами функций, возложенных на них законодательными актами;

– приобретение являющегося предметом спора имущества или имущественных прав клиентов, как на свое имя, так и на имя других лиц [3].

К адвокатам применимы следующие виды дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, исключение из территориальной коллегии адвокатов.

Поводом для возбуждения дисциплинарного производства будут сведения о дисциплинарном проступке адвоката, полученные от него и иных лиц в виде письменных объяснений, иных необходимых материалов. Дисциплинарная ответственность наступит даже в случае, если адвокат откажется от дачи письменного объяснения. Дисциплинарное взыскание аннулируется, если адвокат в течение одного года не совершит нового дисциплинарного проступка.

Исключение адвоката из территориальной коллегии адвокатов производится в случаях:

– окончания действия лицензии;

– осуществления адвокатской деятельности, а также занятия выборных должностей в органах адвокатского самоуправления в период приостановления адвокатской деятельности;

– неосуществления без уважительных причин адвокатской деятельности в течение года;

– систематического (два и более раза в течение 12 месяцев подряд) нарушения требований и условий осуществления адвокатской деятельности, установленных законодательством;

– совершения проступков, несовместимых со званием адвоката, перечень которых установлен Правилами профессиональной этики адвоката;

– нарушения порядка возмещения расходов на оплату труда адвоката в случае оказания юридической помощи по требованию органа, ведущего уголовный процесс, повлекшего незаконное расходование средств бюджета на сумму, в десять и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения нарушения;

– препятствования деятельности Министерства юстиции Республики Беларусь по проведению мероприятий по контролю за соблюдением законодательства о лицензировании;

– невозможности выполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной решением Квалификационной комиссии;

– прекращения гражданства Республики Беларусь;

- признания адвоката виновным в совершении умышленного преступления по приговору суда;
- отказа от оказания обязательной юридической помощи по основаниям, не предусмотренным нормативными правовыми актами;
- систематической (два и более раза в течение 12 месяцев подряд) невыплаты взносов в фонд территориальной коллегии адвокатов без уважительных причин [4].

Решение о вынесении дисциплинарного взыскания адвокату можно обжаловать в месячный срок со дня его принятия в дисциплинарную комиссию Белорусской республиканской коллегии адвокатов, далее – в месячный срок со дня его принятия либо отсутствия ответа в этот же срок со дня направления жалобы – в суд.

Порядок привлечения адвоката к ответственности зависит от нарушенных им норм. Так, за неисполнение своих обязанностей перед доверителем адвокат вынужден будет возместить последнему понесенные убытки, а за подкуп или принуждение к даче показаний будет наложен штраф, обязательные, исправительные работы либо арест. Также пострадавшее лицо может разместить отрицательный отзыв в отношении недобросовестного адвоката, что при современном уровне развития электронных коммуникаций, при всеобщей доступности Интернета нанесет серьезный удар репутации адвоката [3].

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Несмотря на то, что адвокат – профессиональный и опытный правовец, за нарушение законодательства и прав граждан он привлекается к ответственности. Однако, если работа выполнена добросовестно, хотя дело может быть и проиграно, гражданская ответственность перед доверителем не наступает. Гражданин подписывает с адвокатом гражданско-правовой договор на оказание юридической помощи субъекту либо иному лицу.

За совершенные преступления предусматривается ответственность адвоката уголовно-правового характера. Юристы чаще всего привлекаются за мошеннические действия, фальсификацию доказательств, за взяточничество и некоторые другие преступные деяния. При наличии доказательств возбудить соответствующее дело не составит труда. Отсюда следует, что адвокат не является неприкосновенной фигурой: против него, как и против другого физического лица, могут подаваться судебные иски и возбуждаться уголовные и административные дела.

Список использованной литературы

1. Адвокатура и адвокатская деятельность [Электронный ресурс] : учеб. для бакалавриата и специалитета / А. А. Клишин [и др.] ; под ред. А. А. Клишина, А. А. Шугаева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2019. –

492 с. – Режим доступа: <https://biblio-online.ru/book/advokatura-iadvokatskaya-deyatelnost-441984> 5.2. – Дата доступа: 18.05.2020.

2. Бондаренко, Л. К. Теоретические и практические аспекты профессиональной этики юриста [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Л. К. Бондаренко. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 280 с. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. – Дата доступа: 17.05.2020.

3. Виды ответственности адвоката [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://advokat-rating.ru/publikatsii/vidy-otvetstvennosti-advokata/>. – Дата доступа: 17.05.2020.

4. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 334-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.07.2017 г. № 42-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Правила профессиональной этики адвоката (с изм. и доп. от 16.01.2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rka.by/about/pravila-professionalnoy-etiki-advokata/>. – Дата доступа: 17.05.2020.

6. Орешин, Е. В. Социальная природа норм профессиональной этики адвоката [Электронный ресурс] / Е. В. Орешин // Адвокат. практика. – 2017. – № 1. – С. 32–37. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. – Дата доступа: 17.05.2020.

У. Д. САЦ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Г. И. Займист, кандидат философских наук,
доцент

ТРЕБОВАНИЯ К ДЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ АДВОКАТА

В данной статье ставится цель определить содержание деонтологической культуры юриста, а также основы формирования профессиональных деонтологических компетенций адвоката.

От представителей любой профессии этика требует наличия собственных моральных качеств. Но это не значит, что люди каждой профессиональной группы особенные и неповторимые. Таких качеств всего несколько десятков, в том числе добродетельных, высоконравственных и безнравственных. Поэтому можно говорить только о специфике проявления этих общих нравственных качеств личности и значимости тех или иных в деятельности представителей различных

профессий. Таким образом, решительность, честность, порядочность, эмоциональная сдержанность являются важными качествами любого юриста, но если эти свойства желательны для педагога или ученого, то по отношению к тем, кто профессионально занимается защитой прав, свобод и законных интересов граждан законными средствами объективно и по убеждению, эти свойства становятся профессионально необходимыми.

Деонтология (от др.-греч. δεον 'должное') – наука о поиске пути формирования эффективного результата общения юриста как с коллегами, так и с теми, кому он предоставляет свои услуги, кого он должен обслуживать в процессе реализации своего правового статуса специалиста-профессионала. Деонтология – это и результат обобщений о системе знаний об искусстве общения и принятии правильного решения в юридической практике [1, с. 70]. Иногда ее называют этикой долга или долженствования либо этической системой, основанной на правилах поведения, поскольку именно они лежат в основе понятия долга. Можно сказать, что для юриста долг и долженствование имплицированы в суть его профессиональной культуры.

Вопрос об актуальности деонтологической подготовки юристов, под которой понимается целенаправленное и контролируемое формирование и развитие его деонтологической компетентности, определяющей его субъективную способность и готовность успешно осуществлять юридическую деятельность на основе соблюдения всех норм профессионального поведения, не вызывает сомнений.

Профессиональная деятельность адвокатов и вообще всех юристов всегда находилась под пристальным вниманием общества, что и привело к появлению в XIX в. тезиса «полицейская деонтология». Общество оценивает профессиональную деятельность юриста прежде всего по законам морали, этики и порядочности. Из-за этого существует норма – выполнять свои профессиональные обязанности безусловно, добросовестно, неподкупно, ответственно.

Юридическая деонтология как отрасль профессиональной этики исследует проблемы профессионального долга и правильного поведения в различных системах отношений. Формирование деонтологической культуры любого юриста начинается с процесса его обучения на юридических специальностях, это связано с наличием специфической учебной среды, которая позволяет формировать профессиональные знания, нарабатывать умения и навыки, проявлять свои нравственно-этические, моральные и волевые качества как в процессе специального обучения на спецкурсах, факультативах, так и в процессе учебных и производственных практик, работы общественным помощником прокурора, следователя,

адвоката, судебного исполнителя, работы по программе учебной лаборатории «Юридическая клиника» и т. п.

Формирование деонтологической культуры будущего юриста не заканчивается с окончанием обучения. В ходе своей дальнейшей профессиональной работы юрист проявляет свои качества в деятельности, приобретает не только жизненный опыт, но и профессиональный. Повышается уровень важности и ответственности профессии юриста. Поэтому на данном этапе наиболее важную роль играет лидер и наставник. Этому могут и должны активно способствовать система контроля, индивидуальная воспитательная работа, методы убеждения. Этот факт лишь подтверждает тезис о том, что формирование культуры в целом является системным процессом, а формирование деонтологической культуры юриста также специфично, поскольку связано с выполнением общественно значимых функций.

К самым главным деонтологическим компетенциям, предъявляемым выпускникам юридических специальностей, относятся: 1) осознание социальной значимости своей будущей профессии; 2) уважительное отношение к закону; 3) нетерпимость к коррупционному поведению; 4) способность добросовестно выполнять свои профессиональные обязанности; 5) соблюдение принципов этики юриста; 6) совершенствование и развитие интеллектуального и общекультурного уровня своих знаний; 7) способствовать эффективному правовому воспитанию [2].

Деонтологические требования к адвокату определяются и конкретизируются задачами, возложенными на адвокатуру. Такими задачами выступают оказание на профессиональной основе юридической помощи клиентам в целях осуществления и защиты их прав, свобод и интересов, участие в правовом воспитании граждан.

Возложение вышеперечисленных задач на адвокатуру взаимосвязано с провозглашенным на конституционном уровне правом каждого на юридическую помощь, в том числе бесплатную (в случаях, предусмотренных законом), а также правом каждого на свободный выбор защитника своих прав. Этот принцип закреплен в ст. 62 Конституции Республики Беларусь: «Каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается за счет государственных средств...» [3].

Профессия юриста универсальна и автономна. Адвокат – это не чиновник, а человек «свободной профессии». Если судьи и прокуроры «полагаются» на власть, то адвокат – на самого себя, на свою совесть, свой талант и, конечно же, на закон, на доскональное знание его тонкостей. Адвокатская работа всегда «балансирует» на переломе человеческих проблем, страстей и конфликтов. Адвокат (в идеале) – это бескорыстный защитник справедливости. При любых обстоятельствах он не должен защищать нарушение права. Главный долг и нравственная обязанность адвоката – защищать личности, а не допущение его беззакония. Полный спектр деонтологических компетенций адвокатов Республики Беларусь закреплен в двух правовых актах. Первый нормативный правовой акт – «Закон об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» от 30 декабря 2011 г. № 334-З, в редакции от 11 июля 2017 г. № 42-З [4]. Второй акт – «Правила профессиональной этики адвоката» от 6 февраля 2012 г. [5].

В соответствии с указанными нормативными правовыми актами Республики Беларусь адвокат обязан сохранять конфиденциальность отношений между адвокатом и клиентом. Предметом адвокатской тайны являются вопросы, которые гражданин или юридическое лицо адресовали адвокату, суть консультаций, советов, разъяснений и иных сведений, полученных адвокатом при исполнении им своих профессиональных обязанностей.

Соблюдение принципа конфиденциальности является необходимой и существенной предпосылкой доверительных отношений между адвокатом и клиентом, без которых невозможно оказание надлежащей юридической помощи. Сохранение конфиденциальности такой информации является правом адвоката в отношениях со всеми юридическими лицами, которые могут потребовать ее раскрытия, а также обязанностью адвоката в отношении клиентов и лиц, к которым она относится [5].

Типичные требования к адвокату – высокий уровень профессиональной квалификации; универсальная юридическая подготовка; гуманизм, эмпатия; ответственность, честность и порядочность; высокие моральные качества; корректность по отношению к коллегам на работе и в суде; владение ораторским искусством и риторикой.

Формирование деонтологической культуры юриста, в том числе и адвоката, – это процесс, направленный на осмысление и усвоение морально-этических и служебных норм, реализацию их в ходе выполнения служебных и оперативных задач с нравственно-ценностной позиции, основанной на глубоком осознании чувства морально-служебного долга за результативность и полезность результатов труда.

В данном исследовании показано влияние образовательного процесса и практики на формирование профессиональной деонтологии адвоката. Проблематика профессиональной этики адвоката непосредственно связана с деонтологической компетентностью адвоката.

Список использованной литературы

1. Займист, Г. И. Культура профессиональной деятельности юриста : учеб.-метод. комплекс для студентов специальности 1-24 01 02 «Правоведение» / Г. И. Займист. – Брест : БрГУ, 2018. – 564 с.
2. Понятие юридической деонтологии как науки и учебной дисциплины: ее предмет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yurist-online.com/uslugi/yuristam/literatura/deont/01.php>. – Дата доступа: 22.06.2020.
3. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 марта 1994 г., № 2875-ХП : принята на респ. референдуме 24.11.1996 г. : в ред. Решения респ. референдума от 17.11.2004 № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Брест, 2020.
4. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 334-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.07.2017 г. № 42-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Брест, 2020.
5. Правила профессиональной этики адвоката (с изм. и доп. от 16.01.2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://brestjust.gov.by/pages/pravila_professionalnoy_etiki_advokata237/. – Дата доступа: 22.06.2020.

В. И. ТЕЛЬПУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
 Научный руководитель – Г. И. Займист, кандидат философских наук,
 доцент

ТРЕБОВАНИЯ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В данной статье ставится цель показать, насколько важно, чтобы следователь при проведении оперативно-розыскных мероприятий, обладал всеми необходимыми ему нравственными и психологическими качествами.

Важным структурным элементом нравственной культуры личности является культура нравственных отношений. Нравственные отношения – это особый тип социальных отношений, которые практически не существуют в чистом виде, но являются неотъемлемой частью любых человеческих отношений, которые можно оценить морально.

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что следователь, осуществляющий оперативно-розыскные мероприятия, руководствуется процессуальными, криминалистическими, нравственными и психологическими правилами [2].

При проведении оперативно-розыскных мероприятий следователь согласно п. 7 ст. 36 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь по расследуемому им уголовному делу, а также при рассмотрении заявления или сообщения о преступлении вправе знакомиться с материалами оперативно-розыскной деятельности, относящимися к расследуемому делу, рассматриваемому заявлению или сообщению, давать поручения органам, уполномоченным законом осуществлять дознание, оперативно-розыскную деятельность, о производстве следственных и других процессуальных действий, проведении оперативно-розыскных мероприятий и требовать от них содействия в производстве следственных и других процессуальных действий. Такие поручения следователя даются в письменной форме и являются для указанных органов обязательными для выполнения [1].

Нравственные основы деятельности следователя включают в себя допустимость процессуальных и оперативно-тактических действий, приемов и методов предварительного расследования с позиции морали.

Принципы и моральные требования наиболее четко проявляются в ходе следственных действий: допрос, обыск, освидетельствовании. Во время обыска следователь должен проявлять сдержанность, терпение, тактичность, противостоять провокациям, оказывать своевременную помощь в случае боли (обморока) разыскиваемого лица и т. д. Таким образом, следователь должен быть примером соблюдения законодательства и моральных норм при проведении предварительного следствия и выполнении процессуальных норм [2].

Так, изучив ст. 21–34 Закона Республики Беларусь об оперативно-розыскной деятельности, можно сказать, что все требования, предъявляемые к культуре проведения оперативно-розыскных мероприятий, требуют высоких нравственных и психологических качеств.

Неотъемлемой частью этой направленности личности следователя является глубокий интерес к своей профессии, имеющий огромное государственное значение. Только такой подход к профессии способствует

формированию высокоразвитого чувства долга и ответственности за порученную работу, что так необходимо для успешного расследования.

Важнейшим условием успешной профессиональной деятельности следователя являются его моральный облик, высокие нравственные качества, такие как честность, правдивость, стремление к истине, справедливость.

Даже с самыми поверхностными знаниями следственной профессии, удивительно, что эта деятельность в основном познавательная. Во многом это похоже на работу ученого. Нет сомнений в том, что следователь всегда исследователь. Поэтому совершенно очевидно, что для успешной реализации следственных действий требуется несколько высокоразвитых интеллектуальных качеств, наличие дискурсивного и творческого (интуитивного) мышления.

Из общих свойств мышления следователя можно отметить:

- быстроту (умение решать задачи в кратчайшее время, быстро ориентироваться);

- глубину (способность распознавать и выделять в объектах и явлениях наиболее существенную, часто скрытую способность различать видимость объекта, явления от его сущности, видеть все факты, связи, закономерности);

- широту (способность мысленно охватывать широкий круг вопросов, извлекая знания из различных областей жизни, науки и следственной практики);

- гибкость (умение подходить к явлению с разных точек зрения, дифференцировать способы действий, перестраивать план действий и менять решения в соответствии с новой ситуацией);

- продуктивность (эффективность, скорость и широта реализации планов, мобилизация и использование знаний в сложных условиях);

- самостоятельность (способность ставить цели и задачи, умение находить их решение без посторонней помощи);

- критичность (отсутствие предвзятых суждений, тщательная аргументация мысли с учетом всех возможностей);

- проницательность (способность понимать людей, разбираться в мотивах и побуждениях, движущих ими) [3].

Проницательность необходима не только для познавательной деятельности, но и для коммуникативной деятельности следователя, поскольку эффективное общение невозможно без понимания других людей. В этом отношении проницательность близка к эмпатии как способности распознавать чужие мысли и чувства, что представляет собой ее оценку и самооценку [3].

Чтобы следователь успешно справился со своей работой, одного желания, знаний, умений, даже развитых познавательных качеств недостаточно. Он также нуждается в большой настойчивости, решительности, независимости, терпении, выдержке и самообладании, одним словом, ему нужен твердый характер.

Выделяют определенную совокупность нравственных требований, характерных для всех следственных действий:

- 1) непримиримое отношение к любым нарушениям процессуального закона, регламентирующего следственные действия;
- 2) строжайшее соблюдение культуры уголовного процесса; объективность, принципиальность;
- 3) отсутствие предвзятости, недоверия, подозрительности, обвинительного уклона;
- 4) стремление не причинять вреда отдельным лицам и коллективам при производстве любых следственных действий.

На основании проведенного нами исследования можно сделать следующие выводы:

1. Нравственные и психологические качества следователя играют не менее важную роль по отношению к правовым знаниям в период осуществления им следственных действий.

2. При проведении оперативно-розыскных мероприятий следователь должен соблюдать все требования, предъявляемые к культуре проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Перечисленные нравственные и психологические качества следователя определяют успешное выполнение им оперативно-розыскных мероприятий.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 янв. 2019 г. № 171-З. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295>. – Дата доступа: 01.07.2020.

2. Нравственные качества следователя [Электронный ресурс]. – М., 2018. – Режим доступа: https://studme.org/31128/_etika_i_estetika/nravstvennyye_kachestva_sledovatelya. – Дата доступа: 30.06.2020.

3. Юридическая психология [Электронный ресурс]. – Гродно, 2012. – Режим доступа: https://ebooks.grsu.by/ur_psix/-psikhologiya-sledovately-professionalnye-kachestva-sledovatelya.htm. – Дата доступа: 01.07.2020.

Н. Л. ТЕОДОРОВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Г. И. Займист, кандидат философских наук,
доцент

**НОРМЫ МОРАЛИ И ЭТИКИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИУСА**

В профессиональной деятельности каждого юриста существуют отраслевые нормы морали и этики. Профессия нотариуса не исключение. В данной статье ставится цель показать, какие нормы морали и этики для нотариусов существуют в Республике Беларусь, кем, когда и для чего применяются.

Юристы по разным специализациям своей деятельности пользуются различными нормами и правилами поведения. Несмотря на это, юрист в принципе должен быть высоконравственным, иметь высокие нравственные идеалы. Для работы в качестве нотариуса необходимы особенные психологические характеристики и надо блюсти ряд личных ограничений как правового, так и этического характера. Конечно же, это связано с тем, что нотариус в своей профессиональной деятельности постоянно контактирует с огромным количеством людей, которые совершенно разные по своей природе. К клиентам нужен особый подход, ведь они в первую очередь приходят получить квалифицированную помощь. К коллегам другой подход, тут нужно иметь дружеские, но в то же время деловые отношения. С начальством требуется преследовать совершенно другого рода отношения. Поэтому, как любой хороший специалист, нотариус должен уметь найти индивидуальный подход к каждому, руководствуясь непосредственными нормативными правовыми актами. Все это, несомненно, требует высокого профессионализма, должного уровня правовой культуры и соответствия нравственным началам профессии.

Нормы морали и этики нотариуса закреплены в Законе Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» [1] и Правилах профессиональной этики нотариуса [2]. Также в любой организации или компании существуют различные локальные нормативные правовые акты, которые созданы для поддержания «климата» рабочей группы.

При исполнении своих обязанностей нотариус должен соблюдать Закон «О нотариате и нотариальной деятельности» [1], Устав Белорусской нотариальной палаты [3] и Правила профессиональной этики нотариуса, утвержденные постановлением Министерства юстиции [2].

Правила профессиональной этики нотариуса представляют собой не что иное как совокупность норм, определяющих требования, которые предъявляются к нотариусу при исполнении им профессиональных обязанностей, в том числе во взаимоотношениях с клиентами, коллегами, представителями государственных органов и иных организаций (п. 4 ст. 37 Закона «О нотариате и нотариальной деятельности» [2]).

Закон «О нотариате и нотариальной деятельности» содержит принципы морали и этики для всех нотариусов:

1) осуществлять самоконтроль за правильностью совершения нотариальных действий, поскольку точное исполнение законодательства является универсальным требованием к нотариальной деятельности;

2) не уклоняться от разрешения конкретного вопроса лица, обратившегося за совершением нотариального действия;

3) не допускать влияния на свою профессиональную деятельность должностных лиц, коллег по работе, родственников, друзей или знакомых. Для нотариуса не являются обязательными указания, не соответствующие закону и касающиеся содержания нотариального действия;

4) поддерживать необходимый уровень квалификации для эффективного исполнения своих профессиональных обязанностей, изучать новое законодательство, анализировать нотариальную и судебную практику, участвовать в мероприятиях по обучению и обмену опытом;

5) обеспечивать в своей деятельности высокие критерии и требования культуры общения с людьми, проявляя терпение, вежливость, тактичность, в любой ситуации стремиться сохранять выдержку и личное достоинство;

6) проявлять добросовестное отношение к исполнению профессиональных обязанностей, обязательность и пунктуальность, квалифицированно и своевременно совершать нотариальные действия, обеспечивать оптимальную организацию своего труда;

7) при исполнении профессиональных обязанностей соблюдать деловую манеру в общении и деловой стиль одежды [1; 3].

Закрепление нормативного положения об осмотрительности при выборе друзей и знакомых говорит о том, что в настоящее время становится все меньше отношений, которые не подпадают под правовое регулирование и не относятся к числу правоотношений.

Нотариус должен быть всегда компетентен в своих поступках при исполнении служебных обязанностей, также обдуманно совершать поступки в личной жизни, в отношениях с семьей и друзьями.

Правила профессиональной этики нотариуса регламентируют поведение нотариуса во взаимоотношениях с клиентами, с коллегами,

с должностными лицами и другими представителями государственных органов и иных организаций.

Таким образом, можно сделать вывод: каждый нотариус должен иметь высокие нравственные начала для исполнения своих непосредственных обязанностей, руководствоваться предоставленными ему нормативными правовыми актами, являться примером подражания для многих юристов-коллег и, конечно же, иметь огромный багаж профессиональных знаний, совершать нотариальные действия в соответствии с нормами действующего законодательства и международных договоров Республики Беларусь, соблюдать тайну совершаемого нотариального действия.

На наш взгляд, быть нотариусом – почетно, гордо. Во всех случаях нотариус должен вдумчиво относиться к любому своему поступку, предвидеть его возможные последствия, соотносить его с Конституцией Республики Беларусь, иным законодательством и нормами нравственности. Ведь именно нотариусы – те профессионалы, которые помогают людям разрешать их правовые проблемы честно, справедливо и только на основании закона.

Список использованной литературы

1. О нотариате и нотариальной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2004 г., № 305-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=N10400305>. – Дата доступа: 28.06.2020.

2. Об утверждении Правил профессиональной этики нотариуса [Электронный ресурс] : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 8 июня 2004 г., № 37 : в ред. постановления М-ва юстиции от 27.06.2014 г. № 46. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=W20411704>. – Дата доступа: 27.06.2020.

3. Устав Белорусской нотариальной палаты [Электронный ресурс] : утв. в новой ред. и собранием уполномоч. Белорус. нотар. палаты 04.04.2016 г. : с изм., внес. протоколом общ. собрания Белорус. нотар. палаты 03.04.2017 г. № 1, протоколом собрания уполномоч. Белорус. нотар. палаты 27.11.2017 г. № 2. – Режим доступа: <https://belnotary.by/o-palate/ustav/>. – Дата доступа: 28.06.2020.

Н. Ю. ШКЛЁДА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Г. И. Займист, кандидат философских наук,
доцент

ЛОГИКА И РИТОРИКА СУДЕБНОЙ РЕЧИ

В данной статье ставится цель показать, в какой степени судебная речь как разновидность аргументированного влияния имеет некоторые специфические особенности. В судебной риторике изначально принято проводить различие между несколькими адресатами судебной речи: основным адресатом является суд, а также противник разбирательства, другие участники процесса и присутствующие.

Планируя свое выступление в суде, прокурор или адвокат, по крайней мере, пытается создать его таким образом, чтобы он имел доминирующее влияние на формирование судебного решения и «нейтрализовал» своего судебного оппонента. На первый взгляд противник не является адресатом аргумента – в конце концов, его невозможно убедить, и такая цель не ставится. Как представляется, такое воздействие опровержения системы доводов другой стороны должно быть спланировано заранее, и в этом аспекте можно говорить о процессуальном противнике как об адресате аргументации. Что касается обвиняемого, адвокат вряд ли ответит на его аргументы. Но речь прокурора может также иметь целью, помимо влияния на суд, побудить подсудимого признать себя виновным.

Юристы считают, что воспитание является одной из функций судебной речи. Следовательно, невозможно полностью исключить аудиторию из числа адресатов, к которым обращена судебная аргументация. В этом случае предмет аргументации может изменить представление о справедливости, незаконности каких-либо действий, повысить степень правосознания аудитории и т. д.

Для оратора в зале суда ключевым компонентом точки зрения адресата является отношение к делу, поскольку на изменение мнения этого самого субъекта направлена аргументация. Такое отношение может быть отрицательным для обвиняемого, положительным или еще даже несформированным.

Отличительными чертами отношения к процессуальному противнику являются формирование и формальность позиции, выраженной в явном виде, профессионализм, в том числе возможность квалифицировать акт как незаконный, основывать отношения на подробном знании обстоятельств

дела, рационализированная позиция, основанная на знании и применении логики [1].

Чтобы изменить мир судебных представлений, которые являются основой судебных прений, адвокат и прокурор решают следующие задачи: создание условий, при которых суд может или не может принять образ обвиняемого; вопрос обоснованности позиции оппонента. И ясно, что эта двусторонняя задача может быть успешно решена только при одновременном использовании риторических и логических средств [1].

Примером выступлений в суде, которые умело сочетали в себе блестящую логику доказательства с яркими образными повествованиями, превращавшими судебную речь поистине в художественное произведение, можно привести речи С. А. Андриевского.

Речи Андриевского просты, доступны для понимания, ориентированы на те ценности, которые не могут не затронуть судей. Он не оправдывает самого преступления, но, воспроизводя события, переживания своего клиента, предшествовавшие его совершению, обращается к сердцам слушателей. Будучи мастером слова, он умело использовал в выступлениях метафоры, выразительные риторические вопросы и тонкую иронию, причем, не снижая пафоса речи, мог прибегнуть и к простонародным выражениям, пословицам, поговоркам, на которые откликались слушатели. Следует отметить, что активное использование литературно-художественных выразительных средств было сознательным, тактическим приемом Андриевского, направленным на «завоевание» суда [1, с. 275].

Адвокат насыщает свою речь сравнениями, метафорами, риторическими вопросами, оживляет текст и позволяет слушателю сопереживать и размышлять. Такая техника в риторике называется идентификацией. Это означает, что эмоциональное состояние и логика суждений того, кто оказывает воздействие, становятся ясными и приемлемыми для адресата этого воздействия. Использование идентификации помогает модели мира ответчика соответствовать модели мира суда, что означает, что они готовы ее принять [1, с. 277].

Для того чтобы тезис был принят, недостаточно украшать речь только литературным искусством, она должна содержать четкую и недвусмысленную цепочку причинно-следственных связей, то есть определенную логику. Именно ее присутствие приводит к тому, что речь предстает перед аудиторией как целостная композиция, в которой каждый семантический блок занимает свое место.

Судебная речь связана с поиском истины, обоснованием всех тезисов и выводов. Судебный оратор должен владеть техникой аргументации, уметь правильно оценивать факты, хорошо знать законы правильного

логического мышления: «Тщательно приходится следить за соблюдением законов логики, когда мы работаем со сложными многоаспектными юридическими документами, с большим объемом фактических данных, большим массивом зачастую противоречивого материала, сложной аргументацией» [2, с. 57–58].

Законы логики облегчают суждения, делают их более точными и знакомыми. Логика представляет всю информацию в символах, которые заменяют отдельные слова или их комбинации. Это позволяет нам упростить утверждение и проверить его истинность, точность и правильность. Все это помогает говорящему наиболее эффективно донести свою речь, ее основные моменты до аудитории, доказать свою позицию и сделать правильные выводы, что означает убедить аудиторию и достичь цели выступления.

Судебное ораторское искусство включает официальную судебную речь, обязательный элемент судебного заседания и прений сторон. Судебное красноречие сильно отличается от других публичных выступлений. Оно направлено на выяснение обстоятельств дела, анализ полученных фактов и подведение итогов заседания [3].

Судебное красноречие заключается в способности адвоката подготовить и выступить с публичной речью в ходе судебного разбирательства в соответствии со всеми правовыми требованиями, а также выстроить объективные аргументы, получить юридические заключения и повлиять на правосознание общественности в зале суда.

Искусство красноречия состоит из: построения речи в суде, применения правил эффективного красноречия; более объективного и подробного раскрытия рассматриваемого дела, тщательного анализа деталей и фактов; выяснения причины преступления или конфликта; описания психологического портрета подозреваемого, построения доказательной системы выводов, убеждения участников процесса; умения использовать техники и правила красноречия для эмоционального воздействия на участников процесса, умения применять искусство психологического воздействия [3].

Искусство речи в суде заключается в выполнении трех правил выступающего. Это разъяснение дела, доказательство вины или невиновности, а также убеждение участников процесса. Речь должна быть ясной, лаконичной, это и есть искусство красноречия.

Судебный оратор должен быть не только хорошим специалистом в области права, но и обладать высокой логической культурой, то есть уметь правильно, логично и последовательно мыслить, обосновывать выдвигаемые положения, опровергать мнение оппонента, объяснить природу явлений, событий, процессов, сделать определенные выводы. Он

должен правильно использовать весь арсенал логических средств: концепции, суждения, выводы, доказательства, опровержения и т. д.

Судебная речь является одной из самых ответственных из всех выступлений. Потому что за речью судебного оратора часто стоит не только судьба, но и жизнь человека. Поэтому основная цель выступления спикера-юриста – влиять на суд, раскрывая новые факты, расставляя акценты и, прежде всего, обращая внимание на воображение и эмоции аудитории. Успех речи судебного оратора определяется концентрированным и настойчивым стремлением совершенствоваться, научиться грамотно усваивать слово, поскольку культура речи является важнейшим элементом культуры судебного процесса.

Список использованной литературы

1. Носова, Т. В. Логика и риторика в судебной речи: когнитивные аспекты [Электронный ресурс] / Т. В. Носова // РАЦИО.ru. – 2009. – № 2. – С. 272–282. – Режим доступа: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/17d/%D0%9D%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf>. – Дата доступа: 18.06.2020.

2. Хазова, О. А. Искусство юридического письма [Электронный ресурс] / О. А. Хазова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2016. – 182 с. – Режим доступа: https://studme.org/215572/pravo/iskusstvo_yuridicheskogo_pisma. – Дата доступа: 18.06.2020.

3. Введенская, Л. А. Риторика для юристов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – Ростов н/Д : Феникс, 2007. – С. 362–371.